

Татьяна Ивановна Устименко
Звезда моей судьбы

Звезда Блентайра – 3

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3524665
«Звезда моей судьбы»: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1155-9

Аннотация

Если тебя предал родной отец, бросил любимый, а судьба совершила непредсказуемый

поворот, то не думай, что жизнь закончилась. Йоне – наследнице трех эльфийских кланов – некогда предаваться унынию. Ее главные испытания еще впереди, ведь на карту поставлено будущее всей страны. Теперь все зависит от нее. И самые опасные враги, встречающиеся на пути молодой чародейки, – это отнюдь не маги и чудовища, а судьба, смерть и любовь, с которыми Йоне тоже предстоит сразиться. Но ведь любовь всегда оправдывает ожидание. А смерть... Разве смерть не стоит того, чтобы жить?

Татьяна Устименко **Звезда моей судьбы**

В каждом человеке спит неразбуженная звезда. А в некоторых она еще и похрапывает...

Неизвестный мудрец

Пролог

В королевстве Лаганахар вряд ли найдется второе столь же прекрасное место, как Белые горы. Пушистый снег, покрывающий крутые склоны, не тает круглый год, оттого горы и получили свое поэтическое название. Не всякая птица сумеет долететь до недоступных вершин, а если и долетит, то едва ли отважится свить здесь гнездо, устранившись лютого мороза, одинолично властвующего над безжизненными снежными просторами. И даже дерзкие хищники орланы тут же торопливо поворачивают прочь, едва их зоркий глаз различит белеющие вдалеке острые пики, украшенные роскошными ледяными шапками.

Здесь нет ничего: ни дерева, ни травинки. Здесь не встретишь ни одного живого существа, а мягкое снежное покрывало никогда не пятнают цепочки следов. И только холодный северный ветер свирепо завывает в расщелинах между скал, неся с собой безразличие, одиночество и забвение. Нет такого храбреца, который рискнул бы ступить на тропу, ведущую к Белым горам, а коли такой безумец объявится, его уделом станут мучения и неизбежная лютая смерть. И если случай или обстоятельства когда-нибудь заведут тебя в Белые горы, то не шути с судьбой – выбирай другую дорогу, обходи эти опасные места стороной. Хотя ни для кого не секрет, что частенько мы выбираем дорогу, которая, казалось бы, должна увести нас от судьбы, а в итоге именно к ней и приводит.

Однако сегодня в Белых горах произошло невиданное... Замерев в величественном удивлении, высоченные каменные пики недоуменно взирали на две тощие фигуры, бесшумно скользящие по хрусткому насту. Горы даже позабыли об издевательском эхе, должном сопровождать каждый шаг наглых пришельцев, и потрясенно молчали, не издавая ни звука. Сегодня на неприступных склонах творилось нечто невероятное, полностью нарушившее порядок, остававшийся неизменным со времен Неназываемых...

Но двум темным фигурам, пробирающимся по замеченной снегом тропе, не было никакого дела ни до нарушенного ими мирового равновесия, ни до печальных воспоминаний, смутивших многовековую память Белых гор. Ловко цепляясь за камни, они, наклонив угловатые головы, упрямо продвигались вперед, ведомые первобытным инстинктом, способным побороть холод, страх и даже саму смерть.

Внезапно одна из фигур оторвала взгляд от земли и принялась всматриваться в расстилающуюся вокруг снежную пустыню. Край кожистой складки, прикрывающей голову и издавна сильно смахивающей на капюшон дорожного плаща, чуть сдвинулся, открыв узкую, вытянутую морду животного, оканчивающуюся зубастой пастью. В темных глазах клубился хаос, отражающий злобную жажду крови. Эта жажда и вела вперед двух гхалий, древних тварей, поднятых из каменных гробов, хранящихся в недрах храма Песка.

Гхалия, идущая первой, вздернула к небу уродливую морду и протяжно завывала, выводя рулады охотничьей песни. Почуяла добычу... Ноздри острого носа затрепетали. Тварь перешла на рысь, уверенно следуя выбранному пути. Вторая гхалия не отставала от товарки,

столь же неутомимо приминая твердый наст. Когтистые шестипалые лапы не скользили по льду и не проваливались в глубокий снег; поджарые тела не ведали усталости, а полумагическая сущность не испытывала потребности в отдыхе и сне. Им требовалась только пища – особенная, свежая, горячая. Тощие тела гхалий покрывала крепкая чешуя, пробить которую не способны ни дерево, ни железо. Складки естественного кожного покрова защищали охотниц Тьмы от любой непогоды. Они не нуждались в оружии, ибо огромными, изогнутыми, словно ятаганы, когтями они могли наносить противнику страшные смертельные раны. Гхалии отлично видели в темноте. Они не горели в огне и не тонули в воде. Они не знали жалости. Может, у них и были уязвимые места, но об этом не ведал никто. Никто?.. Но разве так бывает?..

Гхалии никогда не задавались вопросом, куда и зачем они идут. Они интуитивно ощущали то главное, что вело их вперед: нечто притягательное и зовущее, заставляющее делать следующий шаг. Все остальное было для них неважно. А источником этого властного зова служила тонкая прядка черных, длинных, красиво вьющихся волос, зажатых в лапе первой гхалии. Этот локон еще не утратил нежнейшего лавандового аромата и, очевидно, когда-то принадлежал молодой девушке. От прикосновения к этим волосам у гхалий еще сильнее темнели и без того черные глаза, а из клыкастых пастей начинала сочиться голодная слюна, вызванная образом желанной жертвы, который немедленно возникал в мозгу. Невысокая худенькая девушка с чуть заостренным подбородком и сиреневыми глазами в золотистую крапинку. Да, ее кровь должна быть сладкой, очень сладкой...

Охотница Тьмы собственнически погладила прядь черных волос. Кадык тяжело дернулся, и гхалия ускорила шаг, ведомая голодом. «Найди Наследницу и убей ее!» – непрерывно бились в мозгу слова змееликой богини Банрах. И гхалия понимала, что продолжит бежать вопреки всему и не сможет остановиться до тех пор, пока не достигнет добычу и не исполнит предначертанное...

Часть первая Наследница

Глава 1

– Да тебя даже послать некуда! – разочарованно сообщила Ребекка, спихивая ладонь Беонира, фривольно улегшуюся на ягодицу. – Ты и так уже везде побывал!

– Ага! – радостно подтвердил юноша, ничуть не смутившись, и начал последовательно перечислять, загибая пальцы: – На Зачарованном берегу, в Черных холмах, на Лиднейском болоте, в степи, в Пустоши... Йона! – позвал он, отвлекая меня от возни с малышкой мантикорой. – А куда мы движемся теперь?

– Куда? – Я рассеянно подняла голову, стараясь не уронить кусочки вяленого мяса, которыми кормила прожорливую, как гусеница, Мифрил. – В долину Дурбан. Куда же еще?

– Зачем? – Ниуэ неприязненно передернул плечами, опасливо косясь на воительницу, которая, ехидно ухмыляясь, делала движения пальцами, словно пересчитывала возвращенный ей долг. Правда, пока еще не супружеский...

– Искать последних драконов, – терпеливо вздохнула я. – Мне нужно пламя дракона.

– Ага! – злорадно потеряла ладони Ребекка. – И я от убитого в мою честь дракончика не откажусь. Драконьи зубки – на ожерелье, шкуру – на сапожки...

– И от убитого в твою честь жениха ты тоже не откажешься? – невинным голосом осведомился Беонир, задумчиво ковыряя щечкой в зубах. – На ожерелье, на сапожки...

– А как же обещанный подвиг? – подначивающе улыбнулась я.

Несчастный влюбленный крепко стиснул челюсти. Щечка сломалась.

– Между прочим, тебя, любимый, никто за язык не тянул! – язвительно промурлыкала вредная невеста. – Подвиг может совершить и безумец, а вот на настоящие героические поступки способен только влюбленный!

– Или дурак! – буркнул Беонир, но воительница его услышала.

– Влюбленный дурак! – метко уточнила она. – Коего и имеем в действительности.

Ниуэ сердито фыркнул, но ничего не сказал, решив не продолжать их бесконечный спор. Уж ему-то давно известно: в принципе женщина могла бы и промолчать... Да вот беда – нет у Ребекки такого принципа!

Я довольно улыбнулась, продолжая кормить кусочками вяленого мяса Мифрил, доверчиво разлегшуюся у меня на коленях. Авось эти двое то ли влюбленных врагов, то ли враждующих влюбленных однажды найдут общий язык, помирятся и обретут счастье. Ведь иногда шаг навстречу близкому человеку становится самым долгим путем в нашей жизни. А нам этих шагов, причем всяких-разных, предстоит сделать ой как немало...

Глубоко вздохнув, я подхватила на руки заметно потяжелевшую за последнюю неделю мантикору и поднялась на ноги, без слов сигнализируя: «Привал закончен, пора снова выступать в путь». С появлением Мифрил в нашем отряде прибавилось как веселья, так и хлопот. Самой насущной проблемой оказалась конечно же нехватка пищи. Запасы таяли не по дням, а по часам – отчасти благодаря нам самим, но в основном по причине растущего аппетита моей подопечной. Впрочем, в этом не было ее вины – ведь малышка росла и нуждалась в еде. Мифрил охотно поглощала все, что ей давали. Ее когтистые кошачьи лапки наливались силой, но пока еще не поспевали за размашистым шагом Беонира или ловкими прыжками Ребекки. Поэтому большую часть времени Мифрил спокойно сидела у меня на руках, забавно вертя головенкой и восторженным клекотом приветствуя каждую новую достопримечательность, встречающуюся на нашем пути. А полюбоваться и правда было на что.

Пару дней назад наша дорога пролегла через рощу с кленами и ясенями. Печально раскачивая на ветру ветвями и сбрасывая первые пожелтевшие листья, деревья предупреждали путников о приближении осени. Небо меняло цвет, нехотя сдавая позиции: фиолетовый фон выцвел до бледно-лилового, мелькали красные всполохи. Облака нависали все ниже, близился сезон дождей. Осень настойчиво стучалась в двери, требуя впустить ее в мир. «Смиритесь с моим приходом! – словно взывала она. – А иначе я войду без приглашения...» Но, поглядывая по сторонам, я ничуть не возмущалась настойчивостью природы: подобно ей, я тоже ощущала себя незваным гостем, нахально пробирающимся в чужой дом. Сегодня мы оставили за спиной желто-красные рощи и вступили в узкую, усыпанную каменными обломками долину. Интересно, нас здесь ждут?..

– Это осколки мрамора! – сообщил ниуэ, с любопытством повертев в руке подобранный с земли камень.

– Знаменитый дурбанский, – согласно кивнула воительница, наклоняясь и выбирая осколок покрасивее. – Пожалуй, возьму на память.

Я равнодушно пожала плечами. Сейчас меня мало волновали окружающие красоты: голод и страх неустанно терзали тело и душу. Надвигалось очередное полноуние¹, и вся фигура шедшего впереди Беонира выдавала его нервное состояние и плохо скрываемое беспокойство. Ребекка бодрилась, изредка подзадоривая то своего мрачного жениха, то задумчивую меня. А я еще плотнее прижимала к себе теплую, пушистую Мифрил и надеялась, что хотя бы мантикора не страдает от голода так же сильно, как мои спутники. Видят Неназываемые, я делала для них троих все что могла...

Поздним вечером этого же дня мы сидели возле весело потрескивающего костра и вполголоса спорили, решая, что делать дальше.

– Я, конечно, не охотница, но кое-что умею... – без особого воодушевления заявила Ребекка.

– Кое-что? – передразнил Беонир. – А как же твоя хваленая военная подготовка? Ты

¹ Фаза Уны, при которой она находится в противоположном от Сола направлении и видна с Земли как полный диск.

нам о ней все уши прожужжала.

– Когда у женщины точно такие же сапоги, как у ее спутника, то это не мода – это ночной дозор Блентайра, – хихикнула воительница. – И учти, там мы ловили не жратву, а преступников.

– Так ловили же, – не отставал ниуэ. – Не вижу разницы.

– Разница состоит в том, что одна дает, а другая – дразнится! – огрызнулась его любимая язва, вгоняя юношу в краску. – Плохо, что у меня в арсенале только акинаки, даже лука нет, ведь Беонир потерял его во время бегства из храма Песка...

Юноша виновато шмыгнул носом, но лайил и ухом не повела, игнорируя его робкую попытку извиниться.

– Да и леса-то настоящего уже не видать – не за тушканчиками же мне гоняться с мечом? – невозмутимо продолжила она.

– А с чем за ними гоняются? – невпопад поинтересовалась я, мысленно рисуя себе картинку жирной тушки, нанизанной на прут и аппетитно подрумянивающейся над костром. Голодная слюна произвольно наполнила рот, и я шумно сглотнула.

– С силками, сплетенными из конского волоса, – компетентно пояснила воительница. – Но поскольку коня у нас нет, а есть только блохастый мерин, – она ехидно покосилась на ниуэ, – значит, наше «есть» приравнивается к «сдохнуть от голода»! – Воительница задиристо расхохоталась, чрезвычайно довольная этим свежеиспеченным каламбуром.

– Держи, мне не жалко! – Юноша вмиг собрал в пригоршню свои длинные волосы и отхватил их ножом, а затем бросил отрезанные пряди на колени оторопевшей Ребекке. – Лови тушканчиков!

– Не получится, – смущенно промямлила девушка, растерянно перебирая светлые локоны. – Они у тебя слишком гладкие... Были... – с сожалением уточнила она. – Зря прическу испортил!

– Значит, тушканчики отменяются, – прервал ее Беонир. – Хотя еды у нас осталось от силы дня на три. К тому же завтра – полноуние...

– Может, здесь поблизости найдется какая-нибудь деревня? – неуверенно спросила я, заботливо баюкая завернутую в мой плащ сладко спящую мантикору.

– Вряд ли. Я уже просмотрел все карты, в округе ни одного населенного пункта. Да и сама посуди – ну кому охота селиться на отрогах Белых гор, в холоде, да еще рискуя быть погребенным лавиной?

– Конечно, ты прав, – грустно признала я.

– Послушайте, ваши унылые физиономии напоминают мне прокисшую брагу! – Ребекка гневно сверкнула глазами и повысила голос: – Еще немного – и вы похороните себя заживо, клянусь моими мечами! Начнем с того, что сейчас осень, а значит, полно ягод и всяких плодов. Как-нибудь перебьемся!

Мифрил, потревоженная громкими звуками, встрепенулась и беспокойно завертела головой, высунув ее из складок теплой ткани. Я с нежностью посмотрела на свою питомицу. За последние дни между нами установилась прочная ментальная связь, которая, полагаю, неразрывно соединила нас на всю оставшуюся жизнь. Я могла бы поклясться, что без слов понимаю ее мысли и просьбы, предугадываю желания и потребности, но не знала, благодаря чему это происходит. Возможно, причиной тому стал чудесный медальон «Ловец ветра» или же моя интуиция, резко обострившаяся благодаря перенесенным испытаниям. К счастью, наша с Мифрил симпатия оказалась взаимной. Вообще, мантикора обладала довольно ершистым характером и по-разному относилась к каждому члену нашего небольшого отряда. Эта крылатая кроха весьма недолюбливала язвительную лайил. Ребекка в шутку говорила, что Мифрил, находясь в яйце, услышала, как она насмешничает над ней, и теперь мстит. Мантикора так и норовила подобраться поближе к лайил и поддеть клювом. Реакция у воительницы была отменной, и поэтому мантикоре никак не удавалось застать ее врасплох. Ребекка тоже не оставалась в долгу: легонько дергала Мифрил за хвост или демонстративно щелкала ее по голове костяшками пальцев. Их игривое противостояние забавляло нас с

Беониром.

Кстати, с самим ниуэ все обстояло совсем по-другому. Мифрил прониклась уважением к юноше, и это чувство было взаимным. Беонир относился к мантикоре чрезвычайно серьезно, тем самым признавая за малышкой право на самостоятельность. Мантикора никогда не заигрывала с ниуэ, но если тот изучал карты, найденные нами в разрушенном городе Ил-Кардинен, она непременно усаживалась рядом и, устроив голову на сгибе его руки, разглядывала свитки. Ребекка иронично фыркала, а я лишь улыбалась. Беонир не прогонял прилипчивую мантикору – наоборот, всем видом давал понять, что рад ее присутствию. Они стали настоящими друзьями, безоговорочно признавшими личные достоинства друг друга. Что же касается недостатков – так у кого их нет?

Без ложной скромности могу заявить, что меня Мифрил обожала. Я охотно играла с ней во время стоянок, делилась изрядной долей своего пайка и искренне радовалась, что малышка быстро растет. Напустив на себя вид всезнайки, Беонир излагал подробности анатомического устройства мантикор, ссылаясь на книги, прочитанные в подземельях Блентайра. Он сообщил, что мантикоры достигают размеров взрослого животного, а потом растут мало и в основном вширь. Ну и век их, понятное дело, много дольше человеческого. Но в обширных знаниях ниуэ зияли пробелы: в породах мантикор юноша, к сожалению, разбирался плохо. К счастью, он знал главное: в древние времена эльфы из Полночного клана скрестили обычных мантикор с грифонами, выведя особый боевой подвид. Такие летуны отличались огромными размерами, а вместо уродливой морды, являющейся пародией на человеческое лицо, имели гордые орлиные головы с внушительными клювами.

Эти животные считались вымирающим видом. На территории Лаганахара действовал особый закон, строго-настрого запрещающий убивать мантикор. Время от времени для поиска их гнезд снаряжались специальные экспедиции. Но ни одна из экспедиций не могла похвастаться положительным результатом: никаких гнезд так и не обнаружилось. Логова мантикор называли «гнездами» только потому, что эти существа умели летать. На самом деле обитали они в горных пещерах, на труднопроходимых холмах и скальных грядах. Впрочем, все эти сведения – всего лишь наши домыслы, основывающиеся на старинных сказках и легендах. Сами мантикоры давно канули в небытие, исчезли вместе с эльфами, покинувшими Блентайр.

Я рассказала Беониру о мозаике с мантикорами, которую увидела в Немеркнушем Куполе. Ниуэ призадумался: согласно легендам, эльфы из клана Повелителей мантикор передвигались именно на черных летунах, а никак не на белых...

– Они обладали огромными размерами, были покрыты черным оперением и летали совершенно бесшумно! – мечтательно закрыв глаза, сообщил он. – Поэтому их еще называли тенями...

Да, но моя-то Мифрил белая! Ослепительно-белая, как снег в горах, как небесная посланница Неназываемых! В рассветных лучах Сола ее перышки отливают перламутром, а умные золотистые глаза блестят, словно драгоценные камни из ожерелья эльфийской королевы. Нет, названия такой породы Беонир не знал.

Я вырвалась из плена своих мыслей, улыбнулась вдохновенной речи Беонира и широко зевнула:

– Давайте сначала переживем полноуние, а затем отправимся по грибы и ягоды, хорошо? А то так спать хочется-а-а-а...

Полноуние неминуемо приближалось, и весь следующий день мы посвятили поискам подходящего дерева, способного выдержать натиск посаженного на цепь ниуэ. Эту железную привязь Ребекка умудрилась не потерять даже в храме Песка: вынесла ее в своем заплечном мешке. Определенно за сохранность наших жизней воительница переживала куда больше, чем за сытость желудка. А сей факт наводил меня на некоторые размышления, впрочем, требующие дальнейшего подтверждения. К сожалению, тонкие и редкие осины, нечасто встречающиеся в округе, решительно не устраивали Беонира, так что лайил в конце концов не преминула поддеть нашего подопытного:

– Хей, лохматый, да ты, никак, теперь в пещерного дракона превращаешься вместо пса. Не дрейфь, мы тебя пристегнем сразу к трем деревьям для надежности.

– Не смешно. – Печальный взгляд юноши вынудил болтунью прикусить язык. – Я хочу, чтобы вы чувствовали себя в безопасности.

– Ладно, не злись, – примирительно буркнула девушка и подошла к высокому, мощному островязу, затесавшемуся среди стройных молодых осин. – Вот гляди, что я для тебя нашла. В самый раз.

Несчастный ниуэ даже не пытался уговорить нас устроиться на ночлег. Он знал, что его скорбный вой разбудит всю округу, а такое пробуждение не несет ничего приятного. Мы с Ребеккой уселись на расстеленный плащ, устроившись спиной к спине. Воительница выторговала себе право сидеть, повернувшись к Беониру лицом. Ребекка по своей всегдашней привычке использовала это как очередную возможность высмеять Беонира, но я понимала, что в действительности она хочет поддержать своего возлюбленного.

Итак, неминуемое приближалось. Черное ночное небо выглядело отвратительно, обложенное плотными облаками, словно лентой – подушками. Бледная Уна нехотя выглядывала из-за туч. Было ощущение, будто сама судьба подсматривает за нами одним глазом. Наверное, ей тоже хотелось узнать, чем закончатся неприятности, преследующие нас с завидной настойчивостью. Я сердито хмыкнула, мысленно показывая своей вечной сопернице увесистую дулю, сложенную из не слишком чистых пальцев. «А вот попробуй-ка прожевать такое угощение! – мысленно предложила я. – И имей в виду, дорогая, мы и в этот раз выкрутимся назло тебе!» Как это ни парадоксально, но вопреки всем бедам и в пику здравому смыслу я опять не желала верить в плохое, а надеялась только на лучшее!..

Ближе к середине ночи вой Беонира стал таким горестным, что разбудил даже Мифрил. Крошка мантикора проснулась и возмущенно зашипела. Мы с Ребеккой удивленно наблюдали за тем, как она, уже довольно твердо держась на лапках, поднялась со своего места, протопала вперед и встала точно между нами и скрючившимся на цепи ниуэ.

– Ишь ты, фу-ты ну-ты как она выпендрилась! – недоверчиво выдохнула лайил, пока я брала Мифрил на колени и успокаивала. – Защитница, однако, растет! Поверь мне на слово, когда-нибудь она здорово тебе поможет.

– Сегодня ночью нам придется туго, и Мифрил это чувствует, – печально предположила я.

Лайил озадаченно почесала в затылке:

– Зато я – нет! Йона, ну-ка, взгляни на нашего героя.

Я подняла глаза на Беонира, прикованного к островязу, и изумленно ахнула...

Джайлз подобрал небольшую горбушку черного хлеба, заброшенную в оконце, приоткрывшееся на двери их камеры, и произнес дрожащим голосом:

– Это все, что досталось нам сегодня. А вода закончилась еще вчера. – Он провел пальцем по дну измятой жестяной миски, одной на двоих.

Узел лохмотьев в углу пошевелился, испустил громкий зев и развернулся, превратившись в высокого худого мужчину с пронзительным взором темных, умных, глубоко посаженных глаз.

– Нам не привыкать, – сказал он. – Ты, главное, спи побольше, чародей. Сон экономит силы и перебивает голод.

– Что-то незаметно, – скептически хмыкнул молодой маг, протягивая краюшку Беодару. – Мой желудок с тобой категорически несогласен.

– Управляй своими чувствами и не позволяй им управлять тобой. – Бывший воин поровну разделил горбушку. Оценивающе посмотрел на Джайлза, горестно баюкающего культию правой руки, на его серую кожу, туго обтягивающую челюсти, на ввалившиеся щеки. Разломив свою долю еще пополам, отдал другу часть порции, командным жестом пресекая слабые возражения: – Ешь! Ты молод и не привык к лишениям.

Джайлз благодарно кивнул, медленно жуя смешанный со слезами хлеб и наслаждаясь

каждой крошкой. Теперь эти грубые корки – подгорелые, испеченные из ржаной трухи, казались ему слаще самого изысканного яства. Он уже не стыдился ни своих слез, ни седых прядей, появившихся в рыжих волосах, ни однорукой неловкости. Когда-то он считал себя сильным и наслаждался магическими способностями, бравируя задором и дерзостью, упиваясь преклонением горожан. Он важничал, изображая из себя того, кем еще не стал. Сегодня же он понимал: действительно сильные мужчины не боятся проявления искренних чувств. Фальшь же отнюдь не является признаком силы. Жаль, что прозрение пришло к нему слишком поздно. Джайлз чувствовал, что умирает, ничего не достигнув в жизни. Не приласкал любимую женщину, не вырастил детей... Он проиграл и, признав свое поражение, готовился сдаться. Видят Неназываемые, пытка, придуманная сьеррой Клариссой, оказалась для молодого чародея слишком тяжелой. Он не вынес испытания забвением и впал в отчаяние.

– Не носи в себе это, – спокойно посоветовал Беодар. Все это время он внимательно наблюдал за магом. – Хуже будет. Ты скорбишь об утраченной подружке?

Джайлз утвердительно кивнул. Ниуэ назидательно изрек:

– Женщины не любят, когда мужики забиваются в угол и молча страдают. Пьют, жрут всякую дрянь, с ума сходят... Женщины не уважают страдальцев. Страдальцу можно сочувствовать, можно его жалеть, можно ему помогать – но уважать нельзя. Женщина хочет иметь счастливое потомство от счастливого мужчины. А если мужик страдает, значит, и дети его будут страдать. Страдальцы никому не нужны. Будешь страдать – твоя девушка никогда к тебе не вернется.

– А она и так не вернется! – Чародей жалобно шмыгнул носом и вытер рукавом мокрые щеки. – Ее отправили на поиски испытаний и... – Он замолчал.

– И она их не прошла, – догадался Беодар.

– Я ее потерял, – мрачно подытожил чародей.

– Глупости! – рассмеялся ниуэ, посасывая кусочек хлеба. – Пока мы живы, ничего не потеряно. Надо верить в лучшее!

– Ты предлагаешь мне тешить себя иллюзиями? – ужаснулся маг. – Пробуждаешь в моем сердце детскую веру в чудеса? Но зачем?

Беодар поднялся с пола и прошелся по камере, с удовольствием разминая затекшие от долгого лежания ноги и руки. Джайлз уважительно наблюдал за его упражнениями, в который раз пораженный телом ниуэ – сухощавым, поджарым, но крепким и жилистым. И не менее удивительным были потрясающее жизнелюбие этого загадочного узника, его стремление выстоять наперекор беде, а также уверенность в том, что спасение придет рано или поздно. «Вот только бы оно не пришло слишком поздно!» – подумал Джайлз.

– Надеяться на счастье нужно, – между тем убежденно продолжил ниуэ. – Но не вздумай его дожидаться, иначе вспугнешь. – Он задорно рассмеялся. – Просто иди к нему навстречу, и тогда оно поверит в тебя столь же сильно, насколько ты сам веришь в него!

– Глупости, – строптиво буркнул чародей, невольно повторяя реплику друга и пряча лицо в обрывки своего некогда роскошного плаща. – Зря ты меня утешаешь. Мы обречены на смерть, мир от нас отвернулся...

– Интересная позиция, – насмешливо протянул воин. – Сделай милость, объясни, отчего это происходит? Ты – молодой, сильный, умный – решил сдаться и не хочешь изменить мир?

– Я его менял, – протестующе крикнул юноша. – Менял как умел и пока мог. Каждый день. Я работал. Я учился. Я любил своих друзей и свою девушку. Если я вижу, что кто-то ведет себя неправильно, я подхожу и даю ему по шее. Это мой способ изменить мир. Я не как вы, я не сражался на поле битвы... Я не такой умный, как хотелось бы. Я не могу придумать что-то гениальное. Я не управлял народами и не восставал против зла. Зато в моем присутствии никто не может обидеть слабого. Ударить женщину. Толкнуть старика. Обмануть наивного. Растлить ребенка. Так я меняю мир.

– Знаешь, а ведь ты добился впечатляющих результатов, – серьезно произнес ниуэ, беря

Джайлза за подбородок и заставляя посмотреть себе в глаза. – Прошу, потерпи еще чуть-чуть, подожди немного – и уверяю, тебе представится шанс сделать для нашего мира гораздо больше!

– Когда? – всхлипнул чародей, просительно вцепившись в пальцы старшего товарища по несчастью. – Доживем ли мы до этого времени?

– Доживем, – уверенно ответил Беодар. – Нужно лишь подождать.

– Кажется, мы с тобой поменялись ролями, – слабо улыбнулся маг. – Нынче ты убеждаешь меня, что еще не все потеряно.

– А как иначе? – удивленно откликнулся ниуэ. – Люди на то и люди, чтобы поддержать друг друга в момент слабости, не бросить в момент радости и не добивать в час горести. Люди умеют верить, любить и ждать.

– В ожидании крепчает характер, слабеет надежда и умирает любовь, – пессимистично заявил Джайлз, но его чуточку повеселевший голос указывал на то, что Беодару все-таки удалось немного развеять отчаяние, овладевшее молодым магом. – Да и существует ли она, эта вечная истинная любовь?

– Не смей сомневаться в себе! – отчеканил ниуэ, решительно сжимая кулаки. – Запомни мои слова, мальчик. Тот, кто хоть однажды ощутил себя человеком, уже никогда не превратится в слабую, дрожащую тварь. А любовь... Как может умереть то, на чем держится мир? Чудо любви возможно в полной мере постичь лишь тогда, когда мы к нему готовы. Каждый день любовь посылает нам возможность изменить обстоятельства, что делают нас несчастными. И каждый день мы пытаемся притвориться, будто не замечаем этой возможности, будто ее не существует вовсе... Но тот, кто пристально всмотрится в свою жизнь, обязательно найдет этот волшебный миг. И такой миг настанет – день, когда сила звезд и небес проникнет в нас и позволит творить чудеса. Иногда счастье приходит как ниспосланная свыше благодать, но чаще всего это наша личная победа. Волшебный миг уверенности в себе помогает преобразиться и заставляет отправиться на поиски своей мечты. На этом пути нас ждут горести, страдания и лишения, но нужно двигаться вперед, ведь все плохое тоже когда-нибудь заканчивается. А потом мы сможем бросить взгляд назад, гордые тем, что не сломались, сохранили веру в любовь. Несчастен тот, кто боится рисковать, кто не верит в настоящую любовь. Вероятно, такие люди не познали разочарований, их иллюзии не рассыпались в прах. Такие люди не страдают и не умеют плакать в отличие от тех, кто стремится обратить мечту в реальность... Полно, да люди ли они вообще? У этих неудачников есть лишь один выход: заставить себя научиться отдавать, а не только брать. Если они это сделают, то даже капли дождя, падающие на их щеки, обретут другой вкус. Любовь – это сплошные капканы. Заманивая нас в свои сети, она показывает лишь свет, а порождаемые им тени скрывает и прячет. Но тот, кто не будет страшиться тени и не убоится расставленных на пути ловушек, обретет истинную любовь и уже никогда ее не потеряет! Верь в это, обязательно верь...

– Ой, что это с ним? – спросила я, вытаращенными от изумления глазами рассматривая Беонира.

– Ничего, – задумчиво процедила Ребекка, рукоятью меча почесывая свою взъерошенную макушку. – В том-то и дело!

Я переложила на плащ успокоившуюся Мифрил, встала и, передвигаясь мелкими шажками, осторожно приблизилась к несчастному ниуэ.

– Как себя чувствуешь? – дрожащим от волнения голосом осведомилась я, ожидая самого невероятного ответа. – Тебе плохо?

– Да хорошо ему, хорошо! – радостно гоготнула лайил у меня за спиной. – Подтверди, лохматый, не фиг нам нервы зазря мотать.

Беонир утвердительно кивнул, взирая на меня не менее вытаращенными глазами. Я растерянно прикусила нижнюю губу, силясь отыскать адекватное объяснение происходящему.

Нынешней ночью, в полноуние, с Беониром ничего не приключилось. Понимаете? Ни-че-го-шень-ки! Его не постигла трансформация. Он остался прежним, сохранив безупречно человеческий вид. А был ниуэ исключительно от испуга, панически страшись того, что снова окажется способен нас растерзать. И сейчас выяснилось, что наши опасения были напрасными.

Я присела на корточки возле неподвижно лежащего на земле Беонира, секундоchку подумала, а затем протянула руку и расстегнула прикрепленный к цепи ошейник, затянутый на шее юноши.

– Ай, а вдруг... – запоздало дернулась воительница: если бы что-то случилось, она бы все равно не успела меня защитить.

– Не вдруг, – улыбнулась я, ободряюще похлопывая ниуэ по плечу.

– Ой, а если...

– Никаких «если», – рассмеялась я. – Все закончилось. – Я указала на первые лучи Сола, трепетно окрашивающие небосклон в нежнейший розовый цвет. – Ночь миновала, а с нами не приключилось ничего плохого.

– Но почему? – Не веря себе, юноша ощупывал свои руки и ноги так бережно, словно прикасался к хрупкому хрустальному сосуду. От волнения и возбуждения Беонир покрылся легкой испариной. – Почему я не стал зверем?

– Потому, что ты стал человеком! – победно провозгласила я, накидывая плащ на его обнаженные плечи. – Полагаю, на тебя частично повлияла моя лекарская магия, усиленная благотворным воздействием целебной почвы Черных холмов. Кроме того, сказываются новые качества, выработанные тобой на протяжении нашего пути: смелость, доброта, сочувственность, умение сострадать чужой боли. Поздравляю, ты стал тем, кем и хотел быть, – человеком!

– Но это же невероятно! – Беонир всплеснул руками и спрятал лицо в ладонях, стремясь скрыть слезы, хотя я не находила ничего постыдного в подобном проявлении радости.

– Все это вполне реально. К тому же я верю в чудеса, в возможность достичь счастья, – спокойно улыбнулась я и зевнула. – А не пора ли нам отдохнуть? Клянусь Неназываемыми, сегодняшняя ночь стала менее драматичной, чем ожидалось, но от этого не менее волнительной...

– А ведь ты права, Наследница, – с чувством добавила Ребекка, растянув губы в довольной улыбке. – Кстати, превращение постигло не только нашего блохастого товарища, но и меня. До сего момента я не обращала внимания на тот факт, что давно не испытываю потребности в крови. Похоже, я навсегда избавилась от своей порочной наклонности!

– Поздравляю вас обоих! – Я улеглась рядом с Мифрил и прикрылась краем плаща. Мои веки смыкались сами собой. – Теперь у вас начинается новая жизнь, так будьте же достойны своего высокого звания.

– Человек! – мечтательно протянул Беонир, усаживаясь напротив меня и восторженно смакуя непривычное, но столь желанное для него слово. – А как полагается жить настоящему человеку, Йона?

Я вздохнула от досады, почти рассерженная его неумным любопытством. Но Ребекка пристроилась под боком у своего возлюбленного и устремила на меня столь же настойчивый, испытующий взгляд. Стало понятно, что приставания прекратятся, только когда я утолю жажду знаний, терзающую обоих моих друзей. Наконец я сдалась и заговорила:

– Как вы помните, в заброшенной эльфийской библиотеке я обнаружила Первую Книгу. Так вот, в ней содержалась одна старинная притча...

– Так расскажи нам ее немедленно! – нетерпеливым дуэтом завопили ниуэ и лайил.

– Хорошо, расскажу. Но только в том случае, если вы не станете меня перебивать, – хитро улыбнувшись, потребовала я.

Беонир тут же закрыл рот, а Ребекка еще и прижала к губам ладонь, показывая, что

будет нема как рыба.

Я иронично фыркнула и неторопливо начала:

– В давние-давние времена прекрасным Блентайром правила великая эльфийская королева, славящаяся непревзойденной мудростью. Однажды этой венценосной особе приснился удивительный сон. Ей снилось, будто по своей излюбленной привычке она пришла в лавку, торгующую диковинными вещами, но вместо знакомого торговца увидела за прилавком самого бога Шарро. «Владыка мой! Это ты!» – с радостью воскликнула королева, не осмеливаясь поверить своим глазам. «Да, это я!» – ответил пресветлый бог. «Ты решил развлечь себе торговлей? – догадалась умная женщина и задорно рассмеялась. – А что у тебя можно купить?» «У меня можно купить все, – с наигранной скромностью развел руками Шарро. – Выбирай». «В таком случае дай мне, пожалуйста, здоровья, счастья, уважения, успеха, славы и много любви!» – совсем расшалилась королева, забыв о своем высоком статусе. Но пресветлый бог ничуть не обиделся на столь легкомысленное поведение ее величества, наоборот, он поощрительно улыбнулся и ушел в подсобное помещение, чтобы собрать заказанный товар. Вскоре он вернулся, неся маленькую бумажную коробочку, которую и подал королеве. Та смотрела, ничего не понимая. «Как, и это все?!» – воскликнула удивленная и разочарованная женщина. «Да, это все! – кивнул бог и добавил: – Разве ты не знала, что в моей лавке продаются только семена?..»

После этой фразы я замолчала, решительно повернулась на другой бок, натянула на себя полу плаща и укрылась им с головой. Я полагала, что на сегодня разговор с друзьями закончен, и намеревалась с толком использовать честно заслуженный отдых. Но не тут-то было...

Тишина соблюдалась минут пять, после чего Ребекка прихлопнула отвисшую нижнюю челюсть и последовала примеру древней королевы.

– Как, и это все? – во весь голос возмущенно завопила она, ибо не обладала королевским тактом и сдержанностью.

– Ага! – иронично буркнула я.

– Но мы ничего не поняли, – пожаловался более скромный Беонир. – Видимо, мудрость бога предназначается не для нас.

– Вот все бы вам разжевали да в рот положили! – сердито буркнула я, ворочаясь под плащом. – Суть притчи такова: каждый из нас получает при рождении лишь семена своих будущих качеств, крохотные задатки, которые нам предстоит самостоятельно взращивать и развивать. А то, что из них вырастет, зависит только от нас самих.

– Но... – нерешительно встряла Ребекка, нарушая наш уговор. – Каким образом твоя притча согласуется с нашей ситуацией?

Я сердито стукнула кулаком по земле и пояснила:

– Став людьми, вы получили семена своей будущей личности. Так не дайте же этому бесценному дару превратиться в никчемные сорняки. Употребите его правильно, с пользой и по назначению. Понятно?

И уж кто меня точно понял, так это морская раковина, голосом принцессы Лорейны тихонько напевающая у меня в сумке:

Куда идешь ты, человек?
Чего ты ищешь в этом мире?
Пируешь за столом в трактире
И, душу загубив навек,
Бездумно струны рвешь на лире...

Зачем же ты приходишь в мир?
Сокровищ и чудес желаешь,
О боге часто забываешь
И, как волшебный эликсир,

Чужие жизни выпиваешь.

Готов ли ты познать любовь
Не как безделицу и шутку,
Не как забаву на минутку,
А как обмен на плоть и кровь,
Не подчиненный предрассудку?

Мечтаешь жизнь прожить не зря?
Не сгинуть, всеми позабытым,
Болезнью и вином разбитым,
А, словно яркая заря,
Уйти счастливым, знаменитым?

А ты достоин чести той?
Тогда, коль странствий не боишься,
Иди туда, куда стремишься,
И там, сроднившийся с мечтой,
Ты к новой жизни возродишься...

Друзья молчали, осмысливая мои слова. Не дождавшись их ответа, я положила ладонь под щеку и тотчас провалилась в глубокий сон без сновидений, утомленная событиями минувшей ночи. Хватит с них подсказок. Думаю, каждый должен иметь возможность самостоятельно разобраться со своими жизненными принципами, без чужих советов расставив приоритеты и ориентиры. Я вовсе не собираюсь присваивать себе роль учителя или наставника, ибо сама еще не волшебница, а только учусь. Да и вообще, чужая душа – потемки! И нечего шарить в темноте, а то так можно навернуться, что мало не покажется!..

Мы продолжили путешествие только после обеда, позволив себе хорошенько выспаться. Обещанные Ребеккой ягоды попадались крайне редко, зато ближе к вечеру хлынул дождь. Изредка поднимая голову, поправляя насквозь промокший капюшон и вытирая мокрый лоб, я пытливо всматривалась в даль, явственно различая проявившиеся впереди очертания двух огромных холмов и узкий проход между ними. Здесь начиналась долина Дурбан, преддверие Белых гор, овеянных древними легендами, в равной степени страшными и притягательными.

«Разумеется, лезть сюда жутко опасно, – размышляла я, с сомнением разглядывая крутые склоны холмов, нечетко проступающие сквозь пелену дождя. – Пожалуй, мы совершаем самую большую ошибку в жизни. Конечно, все имеют право на глупость... Вот только некоторые упертые дурочки вроде меня этим правом злоупотребляют...»

– Эти холмы даже названия имеют зловещие. – Беонир осторожно развернул карту, стараясь уберечь ее от проливного дождя, и увлеченно водил пальцем по пергаменту, разбираясь в путеводных значках, выцветших от старости. – Малый Дракон и Большой Дракон...

– Ничего себе! – присвистнула воительница. – Йона, признайся честно, мы там неприятностей на свои пятые точки не огребем?

Я украдкой вздохнула, пряча лицо. Когда к тебе обращаются с просьбой: «Скажи мне, пожалуйста, только честно», с ужасом осознаешь, что сейчас придется много и вдохновенно врать. А врать – это нехорошо! Но куда прикажете деваться?

– Ничуть! – с наигранным оптимизмом поспешила заверить я. – Впереди нас ожидают сущие мелочи: надо всего лишь найти дракона и попросить у него пламя.

– Попросить? – недоверчиво переспросила подруга. – А если он не даст?

– Даст, куда он денется, – уверенно заявила я, прекрасно понимая: иногда лучше

конкретно соврать, чем расплывчато мямлить.

– Куда? – иронично хмыкнула Ребекка. – Ты мне лучше скажи, куда денемся мы, если дракон откажется поделиться пламенем и выразит свое недовольство?

В глубине души я полностью осознавала разумность ее доводов, но отступать было некуда: пламя дракона являлось одним из трех обязательных компонентов, необходимых для спасения Ардена, моего возлюбленного. Я вспомнила слова Веершир, жрицы змееликой богини Банрах: «Если ты будешь отважна, принесешь в храм Песка пламя дракона, силу ветра и свежесть моря, если не убоишься черной богини, то, возможно, сумеешь вырвать Ардена из объятий смерти и вернуть его к жизни...» А посему я не собиралась сдаваться и намеревалась добыть пламя дракона любым способом. Пусть даже самым необычным.

Впрочем, поддержка друзей будет явно нелишней. Я решила сменить тактику и воздействовать на податливую душу Ребекки: воительница совершенно не выносила вида чьих-либо слез. Сложив губы бантиком, посмотрела на подругу снизу вверх, лстиво-умоляюще. При этом умудрилась выдавить из себя пару слезинок, исполнив это вполне достоверно, и жалобно заканючила:

– Ребекка, мне очень нужно попасть в долину Дурбан. Умоляю, пойдем туда...

– А я разве против? – беспомощно скривилась воительница. – Йона, ты только не плачь. Мы ведь обещали, что последуем за тобой всюду. Подтверди, лохматый! – Она дернула нишу за рукав рубашки, чуть не разорвав ее по шву. Юноша поспешно кивнул. А то ведь всем известно: если Ребекка вздумает сотворить что-то хорошее, то это хорошее она непременно сделает. И никакие жертвы и разрушения ее не остановят!

Я сразу повеселела и куда более бодрым шагом зашагала в глубь долины, заинтригованно поглядывая по сторонам.

Здесьшний ландшафт ничуть не напоминал мертвые земли, окружающие Блентайр. Местная растительность хоть и не отличалась особой красотой, тем не менее выглядела свежей и сочной, радуя наш взор яркими предосенними красками. Деревьев в долине не наблюдалось, но склоны обоих холмов пестрели бурными зарослями шиповника и лещины, что прикрывали отверстия многочисленных пещер, изъязвивших скосы холмов. Огромные глыбы розоватого дурбанского мрамора, беспорядочно прорезающие глинистую почву, оживляли пейзаж. Они острыми пиками вздымались ввысь, а далее за ними призывно белели снеговые шапки Белых гор, величественных и важных. Основание горного хребта терялось в дымке тумана, и поэтому казалось, будто острые пики невесомо парят в воздухе. Это захватывающее зрелище производило сильнейшее впечатление, заставляя нас беспрерывно восторгаться.

– А потом мы отправимся в Запретные горы, – заявил Беонир, убирая карту обратно в сумку. – Еще дальше на север.

– Если выживем после встречи с драконами, – насмешливо хмыкнула Ребекка. – Мне бы ваш оптимизм.

– Выживем, – улыбнулась я. И, желая разрядить повисшее напряжение, шутливо спросила, по-детски пришепывая: – Папочка, а что находится дальше: Сол или Запретные горы?

– Доченька, ты уже большая девочка, – важно пробасил Беонир, мгновенно войдя в роль моего «отца», – и тебе должно быть стыдно задавать такие глупые вопросы. Подними голову и посмотри на небо. Что ты там видишь?

– Сол!

– Правильно. А Запретные горы ты видишь?

– Нет.

– Правильно. Вот и делай соответствующие выводы...

Эхо нашего дружного смеха, раскатившееся меж холмов, показалось мне чересчур громким.

– Это не эхо! – мрачно изрекла Ребекка, предваряя мой логичный вопрос. – Это... Впрочем, оглянись – и увидишь сама.

Повинуясь приказу подруги, я медленно повернулась на каблуках и шокированно замерла, замороженная видом огромной темной тени, поднимающейся с правого холма.

Глава 2

Представшее перед нами существо обладало парой черных кожистых крыльев. Зубастую голову венчал костяной гребень, мощные лапы оканчивались острыми когтями. Размеры этого создания оказались настолько внушительными, что попросту не укладывались у меня в сознании. Спланировав с холма, крылатая тварь разинула пасть и издала гулкий звук, который минуту назад я приняла за эхо. Интонации его рева несли в себе четкий оттенок издевательства.

– Забери меня Тьма! – обалдело выдохнула я. – А это что еще за чудо-юдо?

– Чтоб тебя мантикора три раза переварила! – от всей души пожелала Ребекка, на всякий случай хватаясь за мечи: явившееся создание отнюдь не напоминало безобидного кузнечика.

Беонир по своей давешней манере сначала намеревался юркнуть за крепкую спину лайил, но потом вдруг передумал, горделиво расправил плечи и пристроился рядом с воительницей, угрожающе выставив вперед свернутые в рулончик карты. На оружие этот предмет мало походил, но за неимением лучшего... Возможно, таким нелогичным способом отважный ниуэ намеревался объяснить твари, куда ей следует пойти, и даже собирался указать кратчайший путь...

Но гигантский летун не соизволил отреагировать на эскапады моих отважных друзей. Он мягко, с легкостью, удивительной для столь массивного тела, приземлился перед нами, взметнув облачко пыли. Наклонив голову, гигант уставился на меня выпуклым серым глазом, который по величине не уступал моему кулаку. Вытянув лапу, равнодушно сгреб в горсть разом Ребекку и Беонира, игнорируя их возмущенные вопли. Против него мои друзья смотрелись парой беспомощных букашек. А затем приблизил свою ехидно ухмыляющуюся пасть к моему лицу и раскрыл мощные челюсти, усаженные чудовищными клыками. Я обреченно зажмурилась, прижав к себе плаксиво попискивающую Мифрил. Даже и представить себе не могла, что закончу свою жизнь так глупо и страшно – в желудке проголодавшегося чудовища...

Но вместо того чтобы подзакусить невезучей мной, гигант вдруг задумчиво кашлянул, повернулся, дабы рассмотреть меня вторым глазом, и поинтересовался хрипловатым, но довольно приятным басом:

– Извините, девушка, случайно не вот эта ли блошка должна меня переварить? – Он обличающе взмахнул зажатými в лапе лайил и ниуэ, указывая ими на Мифрил, скромно притаившуюся в складках моего плаща.

Я оторопела.

– Вы умеете разговаривать? – наконец-то собравшись с мыслями, спросила я с благоговейным придыханием в голосе.

– Хм-м, – самокритично усомнилось чудовище. – Когда-то умел, да вот почти разучился за отсутствием практики. А что, у меня плохо получается?

– Нет, наоборот, хорошо! – зачастила я, ужасно боясь обидеть своего невероятного собеседника. – Причем вы изъясняетесь очень культурно!

Из ноздрей польщенного моим комплиментом чудовища выплыла струйка сизого дыма.

– Пожалуйста, отпустите моих друзей, – попросила я. – Обещаю, они не причинят вам никакого вреда.

– Ладно, – проворчал гигант, нехотя опуская на землю Ребекку и Беонира. – Только скажите своей хулиганке подруге, чтобы она больше не размахивала этими своими проволоками. Чуть глаза мне не выколола.

– Ах так! Я, значит, хулиганка? – взъерепенилась воительница, грозно топая ногой. – А

ты сам-то кто вообще такой?

– Дракон. – Летун прижал лапу к груди и вежливо поклонился: – Разрешите представиться, меня зовут Железный Дракон!

– Тот самый? – потрясенно ахнула я, вспомнив загадочные намеки, услышанные мною в тронном зале короля Адсхорна. – Которого невозможно переговорить?

– Ну-у-у, – гигант комично уселся на землю, по-кошачьи обвив лапы длинным хвостом, – некоторые пробовали, но, не стану вводить вас в заблуждение, не смогли.

– И что с ними произошло в дальнейшем? – поинтересовалась Ребекка, убирая парные мечи обратно в ножны, подгибая под себя ноги и вальяжно устраиваясь напротив чудовища. Словно хотела дать понять, что кошка здесь она.

– А ничего особенного – я их просто съел! – мило признался дракон и смущенно икнул. – Обычай, знаете ли, у нас такой.

– Ничего себе обычай! – возмущенно присвистнул Беонир. – Значит, в вашем краю увлекаются традициями, политесом, философскими беседами... Кстати, а кто вообще научил вас разговаривать?

Железный Дракон ненадолго прикрыл веками выпуклые глаза, очевидно погружаясь в приятные воспоминания.

– Много лет назад, – начал откровенничать он, – в нашу долину прибыло многочисленное эльфийское войско под командованием двух харизматических личностей. Это были молодой король Арцисс и его друг чародей Лаллэдрин. Полуночные воины намеревались забрать наш мрамор, а также покушались на наши сокровищницы. – Дракон иронично хмыкнул. – Мы сражались несколько дней, но силы противостоящих сторон оказались примерно равными, и поэтому победа не торопилась склониться на чью-то сторону. Повелитель Полуночных обладал волшебным мечом, носящим имя Лед. Этот клинок успешно справлялся с пламенем драконов и унес жизни многих из нас. Но эльфам никак не удавалось разгромить нас полностью – драконов было слишком много. Наконец король Арцисс устал от этого бессмысленного истребления и предложил своему придворному магу научить меня говорить, дабы мы смогли лучше понимать друг друга. Лаллэдрин блестяще справился с возложенной на него задачей. Мы смогли побеседовать и в результате заключили договор нерушимого сотрудничества. Вдобавок эльфы пообещали, что с того самого мига долина Дурбан становится неприкосновенной собственностью драконьего народа и отныне называется краем Крылатых. В качестве ответной любезности мы подарили эльфам множество мраморных плит, необходимых для постройки города Блентайра. Но, к сожалению, с той поры мир сильно изменился. – Дракон тяжело вздохнул. – Человеческие маги оказались не столь миролюбивы и мудры, как их предшественники. Они принялись истреблять нас. Причем самым вероломным способом – используя чары богини Банрах. Нам пришлось научиться прятаться в глубоких пещерах. Теперь мы выживаем как умеем и с помощью магии оберегаем свои земли от губительного натиска Пустоши. Ни ныне, ни впредь мы не желаем иметь дела с людьми. Мы презираем вашу лживую и корыстную натуру. Уже давно здесь не было ни одного представителя вашего рода. Мы полагали, вы успели забыть о нашем существовании и забыли дорогу, ведущую в долину Дурбан. Мы не нуждаемся в подобных гостях. А поэтому открой мне правду, чародейка... – Железный Дракон мрачно покосился на видневшуюся в распахнутом ворота рубашки Звезду моей души: хрустальный артефакт, знак принадлежности к гильдии Чародеев. – Поведай, с какой целью ты пожаловала в наши земли, прибыв сюда незваной и непрошеной гостьей?

«Да... Звучит более чем серьезно», – подумала я. Мне сразу стало не до шуточек. Шутить вообще нужно так, чтобы потом не было мучительно обидно за бесцельно выбитые зубы. А уж в подобной неоднозначной ситуации подтрунивать над собеседником категорически противопоказано... Я набрала в легкие побольше воздуха, словно намеревалась с головой окунуться в ледяную полынью, а затем решительно сбросила капюшон, открыв свои остrokонечные уши.

– Скажи, разве я никого тебе не напоминаю, о великий повелитель драконов?

– Я стар, но пока еще не впал в маразм и склерозом не страдаю, – холодно ответил гигант. – Да, признаюсь: твои глаза, уши, волосы, а главное – черты лица буквально кричат о кровном родстве с самим королем Арциссом. Но, увы, даже этого недостаточно, для того чтобы я вспомнил о своих прежних обязательствах перед его кланом. Времена эльфов прошли, а я ничего им не должен. Поэтому уходи отсюда, эльфийка. – Он клацнул зубами. – И скажи спасибо, что отпускаю тебя целой и невредимой. Видят Неназываемые, мой народ достаточно настрадался от произвола человеческих магов, чтобы я стал помогать кому-то из гильдии Чародеев.

Уголки моих губ поползли вниз. Я была разочарована. Худшие предположения Ребекки подтвердились: дракон отнюдь не спешил делиться с нами силой и мудростью. Окажись на моем месте кто-то другой, он бы наверняка тут же повернул назад. Но, к счастью или несчастью, я была не такой и отнюдь не собиралась сдаваться, не исчерпав весь репертуар своих возможностей.

– Не торопись, дракон! – потребовала я. В моем голосе прорезались командные нотки. – Открою тебе секрет: я не просто скромная эльфийская девочка – я являюсь Наследницей трех кланов, призванной спасти от смерти весь Лаганахар...

Но Железный вдруг утробно расхохотался, на полуслове оборвав мою пафосную речь.

– Не держи меня за ущербного дурака, девочка! – презрительно процедил он. – Признаюсь, я не меньше тебя наслышан о пророчестве Неназываемых. Но я не настолько наивен, чтобы признать долгожданную Наследницу в первой же чумазой оборванке, которая по нелепой случайности забрела в долину Дурбан. – Он замолчал, взирая на меня со смесью любопытства и недоверия. Его речь несла в себе оттенок театральности: на самом деле дракона очень интересовали мои дальнейшие действия, которые должны были последовать за подобным заявлением.

Я сердито шмыгнула носом, вынужденная признать неоспоримую правоту его слов. Да, приходилось согласиться с доводами моего умного оппонента: выглядела я отнюдь не царственно, ибо частенько пренебрегала утренним умыванием по причине нехватки воды, а моя одежда загрязнилась и пропылилась. Наверное, Наследнице трех эльфийских кланов следовало бы преподнести себя иначе. Мне катастрофически доставало ощущения собственной значимости: видимо, в глубине души все еще жила скромная сирота из приюта, не приемлющая показухи и лицемерия... Но тогда каким образом я смогу убедить Железного Дракона, что являюсь Наследницей и не присваиваю чужой титул? И вдруг меня осенило...

– А вот этот меч ты узнаешь? – ехидно осведомилась я, вытягивая из ножен упомянутый драконом Лед, отливающий холодным белым светом. – Хочу освежить твою память: именно этот клинок сильно проредил ваше племя.

Дракон недоуменно моргнул, но секунду спустя снова обрел предельно невозмутимый вид.

– Да, это оружие невозможно спутать с каким-либо иным! – признал он. – Но одного доказательства мало. Ведь мне неизвестно, праведным или неправедным путем ты завладела легендарным мечом. Девочка, извини за откровенность, но ты больше похожа на воровку и побирушку, чем на Наследницу из древнего пророчества!

Я разочарованно прикусила губу, уязвленная его насмешками. Похоже, моя хваленая способность переговаривать Железных драконов оказалась сильно преувеличена и теперь стремилась к нулю.

– Ах ты болтливая ящерица, – разъяренно завопила Ребекка, неожиданно придя мне на помощь. – Да как ты смеешь проявлять неуважение к Наследнице и разговаривать с ней в подобном тоне? Да я тебя сейчас... – Она вскочила и принялась угрожающе размахивать акинаками, наступая на дракона.

Но, увы, отважная воительница так и не успела совершить ничего судьбоносного. Одним небрежным движением огромной лапы гигант легко прижал девушку к земле, надавив ей на плечо серповидно изогнутым когтем, а затем устремил на меня пылающий негодованием взор.

– Выбери, девочка, – лаконично приказал он, – либо я убиваю вас всех, либо вы извиняетесь передо мной, без лишних разговоров покидаете долину и навсегда забываете о ее существовании!

Я обреченно сглотнула. Подумать только, я прошла такой долгий путь, выпуталась из множества передраг – и все это ради того, чтобы мои планы потерпели крушение. Нужно набраться смелости и взглянуть жестокой правде в глаза: я не оправдала доверия, оказанного мне богом Шарро, Джайлзом, Полуденными эльфами! Надежда спасти Лаганахар рассыпалась в прах, как и мечта вернуть Ардена к жизни...

«Ни один враг не сможет победить тебя, пока ты сама не сочтешь себя побежденной!» – когда-то напутствовал мудрый охотник-полуэльф, прибывший на церемонию выбора учеников и предсказавший мне неординарную судьбу. Думаю, ему не раз удавалось воплощать в действительность эту спорную истину, а посему я тоже не собираюсь сдаваться. «Не зазорно упасть сто раз, стыдно один раз не подняться!» – когда-то сказал мой друг ниуэ Зол. Полагаю, он тоже увидел во мне нечто особенное, соответствующее высокому званию Наследницы трех великих кланов, спасительницы Лаганахара. Так имею ли я моральное право разочаровать и его? Конечно же нет! А поэтому, что бы я себе ни вообразила, мне придется встать с коленей и бороться до конца. До последнего вдоха, до последней капли крови! Осознав невозможность отступления, я гордо вскинула голову и задиристо улыбнулась.

– Скажи, ты еще не сошел с ума от скуки и ничегонеделания в этой своей укромной долине? – насмешливо спросила я дракона. Тот выжидательно замер. – Знаешь, какое будущее тебя ждет? Сначала ты разучишься говорить, потом – думать, а в итоге твои соплеменники перестанут тебя уважать! – Сарказм буквально сочился с моего языка, раня больнее самого острого меча. Судя по тому, как нервозно закашлялся уязвленный дракон, я поняла, что попала не в бровь, а в глаз.

– Ты сомневаешься в моем уме и авторитете? – уточнил он, выпуская из лап Ребекку. – Девочка, опомнись! Твоя наглость переходит допустимые границы!

– Отнюдь! – весело рассмеялась я.

Краем глаза отметила, как совершенно не пострадавшая лайил поспешно отошла в сторонку, с облегчением потирая придавленную драконом руку. Воительница витиевато ругалась, но теперь Железному Дракону стало не до нее.

– Чего ты добиваешься, нахалка? – удивился он, нехотя пригибая мощную шею и заглядывая мне в глаза. – Хочешь потягаться со мной? Но это же безрассудство!

– Не совсем так, – без лишних раздумий поправила я. – Я просто намереваюсь проверить справедливость пафосного заявления, утверждающего, что тебя невозможно переговорить.

Железный весело оскалил зубы и расхохотался так громко, что с ближайшего холма скатилось несколько внушительных валунов. Мы, едва не оглохнув, испуганно присели, зажимая ладонями уши.

– Дурочка ты наивная! – почти ласково сообщил дракон. – Хочешь совершить то, что еще никому не удавалось? Изволь, я к твоим услугам.

– Заключим сделку? – быстренько предложила я. Грех не использовать такой шанс! – Если я сумею переговорить тебя, ты исполнишь любое мое желание ипустишь нас на все четыре стороны. Идет?

– Ладно, – хмыкнул он. – Но учти. Если проиграешь ты... Если ты не сумеешь убедить меня в том, что являешься истинной Наследницей трех кланов, – вся ваша компания окажется у меня в желудке. Согласна?

– Договорились! – усмехнулась я, выразительным жестом успокаивая Ребекку и Беонира: те впали в неприкрытую панику и в отчаянии заламывали руки.

Усевшись на траву и подогнув под себя ноги, я дружелюбно улыбнулась своему потенциальному палачу:

– Начнем?

– Изволь! – любезно откликнулся дракон и улегся на живот, распластавшись таким образом, чтобы наши головы оказались на одном уровне. – Для начала поведай, зачем ты прибыла в долину Дурбан?

– Дабы достичь поставленной цели и выполнить свой долг, – не моргнув глазом, честно ответила я. – Разве не все люди стремятся к подобному?

Железный иронично фыркнул и небрежно дернул лапой, словно отмахнулся от чего-то незначительного.

– Расскажу-ка я тебе, пожалуй, поучительную историю про одного эльфийского чародея из Джалмера, – предложил он. – О том, как он стремился выполнить свой долг любой ценой и что из этого вышло...

Я согласно кивнула, безмерно заинтригованная увлекательным началом нашего опасного диспута. Железный Дракон устроился поудобнее и медленно, смакуя каждое слово, начал свой рассказ...

В стародавние времена, на которые пришелся расцвет эльфийской расы, владения трех кланов начитывали не один, а целых восемнадцать городов. Эти города змейкой растянулись вдоль течения полноводной реки Алларики. Самым слабым из них считался провинциальный городок Джалмер на окраине пустыни Маграб. Понятно, что на пограничный город, если он не защищен неприступной крепостью, можно напасть с любой стороны. Позднее там возвели надежные оборонительные сооружения, но триста лет назад вокруг Джалмера красовались лишь убогие глиняные стены – верблюдам на смех. Однако смех смехом, но никакие враги не могли подступиться к городу. Ведь охранял его великий чародей Салахи. Охранял один и без оружия, только силой своего духа. Брал он за свою работу дорого – целых пятьсот серебряных риелей в день! Впрочем, за эти деньги он обещал джалмерскому князю защищать не только город, но и его самого, причем не только от врагов, но и от богов, болезней и любых несчастий. И следует признать по справедливости, что целых двадцать четыре года Салахи все удавалось блестяще: и город был в полном порядке, и князь не чихал, не кашлял. В общем, ничем тамошний государь не болел, ничего себе не ломал и чувствовал себя молодым и здоровым, несмотря на гарем из семисот требовательных наложниц, регулярный прием опиума и выкуривание восьми кальянов в день. А что тут удивительного? Ведь Салахи пообещал, что, пока он жив, с князем не случится ничего дурного. Вот князь и благоденствовал.

Каждое утро чародей обходил вокруг холм, на котором стоял город. Не просто так, а медленно и продуманно – с заклинаниями, поклонами и прочими магическими штучками. Потом он навещал князя, забирал свои пятьсот риелей, сотню разносил по храмам, еще сотню – по школам, третью сотню отдавал больницам, полторы сотни раздавал бедным и недужным, а остальное доставалось его сестре и приемному сыну Жмуре. Чародеи не имели права жениться и иметь детей, поэтому Салахи усыновил племянника и обучал его азам магического искусства. Так проходил день, а вечером чародей снова совершал обход городского холма – ежедневно, в любую погоду, без отпусков и выходных. Жители Джалмера почитали его за святого.

И вот однажды во время вечернего обхода Салахи узрел змееликую богиню Банрах. Стремительной походкой она двигалась к городским воротам. Повелительница выглядела мрачнее тучи, а в ее руках вместо оружия блестели хирургические инструменты. С первого взгляда магу стало ясно, что это не к добру. И тогда он бесстрашно встал перед городскими воротами, преграждая богине дорогу.

– Дай мне пройти, о знаменитый чародей! – потребовала Банрах, скрежеща гнилыми зубами. – В этом городе живет мерзавец, осквернивший мою святыню! Я вне себя от гнева, и месть моя должна свершиться немедленно! Я вырежу его тупые мозги и скормлю их собакам!

– Виновный в святотатстве непременно подвергнется наказанию, – смиренно ответил Салахи, поклонившись до земли. – Но наказание должно соответствовать его вине. Расскажи

мне об обстоятельствах этого дела.

– Обстоятельства повергнут тебя в ужас, – взбешенно прорычала змееликая, скальпелем вычищая засохшую под ногтями кровь. – Этот выродок посмел плюнуть на мою статую! На мою самую древнюю статую, старше которой нет во всей округе!

– Да, это тяжкий грех, – печально согласился Салахи, – но только в том случае, если он был совершен умышленно. В противном случае виновный очищается чтением молитв в честь пресветлого Шарро, а оскверненная статуя – золой, водой и пемзой. Тебе нет нужды его убивать: сегодня я совершу все необходимые очищения.

– Он не очистится даже жертвоприношением всех своих коней! – грозно нахмурившись, возразила строптивая богиня: ее сильно разозлило упоминание имени ее старшего брата. – Моя статуя валяется у него в конюшне – уже за одно это его надо четвертовать! Он давно поплевывал на нее, сам того не замечая, но сегодня ему указали на это и предупредили, чтобы он не гневил богиню. Однако подонок ничуть не раскаялся – он расхохотался и сказал: «Плевать мне на Банрах! Мой чародей защитит меня хоть от самих Неназываемых!» И харкнул уже намеренно, пнув мою статую ногой! – Змееликая демонстративно потеряла ягодицу.

Чародей, конечно, сразу же догадался, кто является этим закоренелым грешником.

– Плевок и пинок не караются смертью ни в одном из эльфийских городов, – миролюбиво пояснил он. – Прости моего государя, о великая. Я вразумлю его, он покается и впредь станет вести себя более осмотрительно.

– Это абсолютно исключено, – с глумливым смешком отозвалась Банрах. – Я ужасно зла, и я жажду крови. Впусти меня в город! Ладно, я не стану убивать твоего князя – я всего лишь отрежу ему губы, ноги и язык. Это наказание законно, ты не имеешь права ему препятствовать!

– Давай я утолю твою жажду мести и сам накажу виновного, – подкупающим тоном предложил Салахи. – Сегодня я приду в твой храм и принесу себя в жертву тебе. Пусть моя кровь смоет его грехи, и пусть моя смерть послужит ему наказанием.

Богиня застыла в изумлении.

– В своем ли ты уме, чародей? – наконец визгливо вскричала она. – Ты, просветленный, безупречный и праведный, жертвуешь собой ради ничтожества из более низкой гильдии, которое даже не смотрит, куда плюет?

– Я жертвую собой ради себя, – спокойно объяснил мудрый чародей. – Я поклялся своей праведностью, что с моим государем ничего не случится, пока я жив. Если я не смогу защитить его, я буду уже небезупречен. Но он обидел богиню и заслужил наказание. Если я не дам свершиться правосудию, я поступлю несправедливо. В обоих случаях мне незачем дальше жить. Но пока государь жив, я могу умереть достойно, не нарушив своего обета. Так возьми же мою жизнь и прости его, если сможешь.

– Будь по-твоему, – согласилась богиня, потрясенная до самой глубины своей злобной души. – Я приму твою жертву и попытаюсь простить твоего глупого князя.

Произнеся эти слова, змееликая растворилась в вечернем воздухе. А Салахи поспешил домой. Дома он повелел приемному сыну Жмуре:

– Сегодня ты принесешь меня в жертву черной богине, дабы спасти нашего государя. Сразу после этого иди к нему в конюшню и соверши обряд очищения над черной каменной плитой, которая там лежит, – это старинное изображение Банрах, подвергшееся осквернению. В дальнейшем проследи, чтобы эту статую перенесли в отдельный храм и оказывали ей особое почтение.

Юноша пришел в ужас, но перечить не осмелился. Они отправились в храм Банрах, где молодой чародей отрубил голову своему приемному отцу и водрузил ее на алтарь. А в это же самое время его мать, родная сестра Салахи, которая осталась дома одна, привязала веревку к потолочной балке и повесилась. Когда Жмура вернулся, его мать была мертва – висела синяя, с высунутым языком, а из ее рта сочилась кровавая пена. Так юноша в одночасье лишился обоих родителей, и горю его не было предела. Не дожидаясь утра, он пошел к

князю, разбудил его и рассказал о случившемся.

От ужасных новостей у князя разлилась по телу желчь и помутился рассудок. Он выхватил кинжал, нанес себе восемнадцать ритуальных ран и лишил себя жизни – прямо на глазах у парнишки, который только что убил своего отца, чтобы эту самую жизнь сохранить! Бедняге и без того хватало тяжелых впечатлений, а тут еще эта жуткая смерть, которая и вовсе его подкосила. Тогда молодой человек побежал в храм Банрах и там перерезал себе горло...

Дракон замолчал, провокационно косясь на меня хитро прищуренным глазом. Я сидела молчком, силясь осмыслить услышанную историю и усвоить мораль, в ней заключенную. Беонир, отвесив челюсть, впал в тоску по погибшему магу. И лишь одна Ребекка не повелась на эту душещипательную сказку. Лайил цинично высморкалась и рассмеялась.

– Теперь-то я понимаю, почему у нас всех глупо померших покойников жмуриками называют! – язвительно хмыкнула она, осуждающе покачав головой. – Ибо лишать себя жизни из-за чужой смерти – самое дурное занятие в мире! И родным не поможешь, и себе хуже сделаешь. Тьфу! – сердито сплюнула она. – Глупость несусветная!

Железный философски пожал крыльями и добавил:

– Такая вот трагедия разыгралась в городе Джалмере – а все из-за чего? Все из-за того, что Салахи слишком серьезно относился к своим обязанностям – примерно как ты сейчас, девочка. Решил, что он кому-то что-то должен, взвалил на себя непосильную ношу и волок ее до потери головы. И вот результат: себя угробил, сестру угробил, сына приемного угробил – а повелителя своего все равно не спас. А теперь скажи мне, девочка: стоит ли быть таким дураком? И кому нужны бесполезные жертвы?

Я прекрасно понимала, что дракон не просто так рассказал поучительную историю. Он задал конкретный вопрос и явно ждал от меня небанального ответа. Такого, от которого могла напрямую зависеть моя дальнейшая судьба. Я молчала несколько минут, а потом произнесла следующее. Сказала не потому, что испугалась за свою голову, а потому, что очень хотела возразить Железному.

– Если богиня приняла жертву, значит, жертва была ненеправдой. Салахи умер безупречно: такая смерть учит нас верить в справедливость. А можешь ли ты, дракон, пообещать, что умрешь столь же красиво и возвышенно, умрешь во благо других? Ты считаешь, чародею следовало пожалеть свою жизнь и пренебречь высоким долгом? Но он имел то, чего нет у тебя: ответственность, обязанности, привязанность. Салахи ставил долг выше жизни и общался с богами на равных, при этом получая в день пятьсот риелей, которые тратил на благие дела. Ты намекаешь, что тем самым он убил себя и свою семью? Никто не убивает и никто не умирает. Все трое ушли в следующую жизнь наилучшим образом: они получили возможность возродиться в одном поколении и встретиться снова. А где твои возможности, дракон? Ты утверждаешь, что Салахи не спас своего государя. Но он уберег его от гнева богини, который простирается на семь жизней вперед, – а это ли не спасение? Князь покинул этот мир прощенным, и смерть его стала благородной: он покончил с собой в порыве раскаяния. Умереть не всегда означает погибнуть, пойми это, Железный. И выжить не всегда означает спастись. Ты называешь Салахи глупцом? Но как назвать тебя самого, если ты не понимаешь столь очевидных истин?

Над долиной Дурбан повисла мертвая тишина... Ребекка устыдилась своих слов и прикусила губу, признавая ошибку. Дракон смотрел на меня с изумлением, а его круглые глаза почти вылезли на лоб, что придавало могучему гиганту на редкость комичный вид. Кажется, он понял смысл моего ответа, а также принял тот факт, что я скорее умру, чем соглашусь свернуть с выбранного пути и отказаться от поставленных целей. И тогда в его зрачках зажегся слабый огонек: намек на уважение, еще только собирающийся разгореться ярким и всепоглощающим огнем дружбы. А мне следовало во что бы то ни стало поспособствовать этому процессу.

Впрочем, вскоре дракон пришел в себя, прокашлялся и заявил:

– Девочка, ты выслушала мою историю. Теперь настала твоя очередь впечатлить нас своим жизненным опытом. Мы тебя слушаем.

Под этим многозначительным «мы» он, кажется, подразумевал не только себя, но и Ребекку с Беониром. Эти двое поддерживали моего оппонента радостными энергичными кивками. Я улыбнулась и задумалась. Какую же историю им рассказать?

Следует признаться, я не обладаю большим жизненным опытом. И уж точно мой опыт во много десятков раз уступает необозримой мудрости, накопленной древним драконом. Так какие же истины я успела постичь за свою недолгую жизнь? В приюте меня учили высшей справедливости: «Чтоб твои будущие дети выросли такими же растяпами, как ты!» Меня заставляли преодолевать невозможное: «Не болтай, закрой рот и немедленно ешь суп!» Мне доходчиво объясняли причинно-следственные связи: «Если ты сейчас же не перестанешь реветь, мы тебя отшлепаем!» От меня требовали безоговорочно уважать чужой труд: «Если ты хочешь драться с мальчишками, то идите на улицу и там хоть поубивайте друг друга! А здесь только что пол вымыли!» Мне преподавали основы самолечения: «Если не перестанешь косить глазами, на всю жизнь такой останешься!» Меня приучали мыслить логически: «Потому что я так сказал, вот почему!» Мне привили веру в богов: «Молись, чтобы эта гадость отстиралась!» Меня сделали упрямой и стойкой: «Не выйдешь из мастерской, пока не дошьешь сорок шестое одеяло!» Меня настраивали смело смотреть в будущее: «Подожди, негодница, вот уедут проверяющие из попечительского совета – уж мы с тобой разберемся!» Меня заставляли думать о последствиях своих поступков: «Вот свалишься с колокольни – не пойдешь в деревню на праздник!» Меня принуждали не завидовать: «В Лаганахаре живут сотни детей, которым еще хуже, чем тебе!» Но, увы, меня почему-то не научили дискутировать с мудрыми драконами и добиваться их расположения... Вот и получается, что весь наш жизненный опыт – это масса знаний о том, как не нужно себя вести в ситуациях, которые больше никогда не повторятся!

И все-таки я просто обязана переговорить этого хитрящего дракона. Без его помощи мое дальнейшее путешествие утратит всякий смысл. По преданию, для осуществления пророчества Неназываемых требуются четверо: эльф, ниуэ, лайил и человек. Полагаю, можно не напоминать лишний раз, что четвертым исполнителем пророчества является именно Арден... И он непременно должен быть спасен. А посему я собралась с духом и, к месту припомнив забавную старинную сказку, когда-то вычитанную мною в Книге Преданий, обратилась к дракону:

– Я хочу рассказать тебе про одного упрямого молодца. Он долго бился над одной задачей, при этом чуть не убится, но в итоге добился своего. И расскажу, что из этого получилось.

– Валяй! – милостиво кивнул дракон. – Я как раз никуда не тороплюсь следующую сотню лет.

Но я не среагировала на его подначку. Придав лицу совершенно бесстрастное выражение, заговорила:

– Триста лет назад среди эльфийских городов особенно выделялся Идрис. Он славился красивыми садами и не менее красивыми девушками. И вот одна из местных красавиц по имени Рада поехала как-то в соседнюю деревню Обейн на ежегодную ярмарку, чтобы купить себе красивые наряды и украшения. А на этой самой ярмарке работал молодой парень Динас – такой красавчик, такой милашка, глаз не отвести! Рада увидела его и потеряла голову. На товары смотрела вполглаза, торговалась вполсилы, накупила дряни втридорога, но ничуть не расстроилась. Приехала домой и бросилась к матери: «Ах, мамочка! Если бы ты только знала, какого красивого парня я видела вчера в Обейне!» И целый вечер рассказывала про этого красавца. Наконец мать с отцом с трудом уложили доченьку спать и принялись совещаться. Тогда мать и говорит:

«Созрела наша девочка. Надо бы ее поскорее замуж выдать, пока не загуляла». Отец согласился. Позвали сваху и стали приданое готовить. Не прошло и двух недель, как выдали Раду замуж за богатого торговца драгоценностями. Был он уже в возрасте и не то чтобы

красавец, но мужчина видный и солидный. Жену молодую любил и баловал, и жила она с ним как за каменной стеной. Рада не особо любила супруга, но тем не менее троих сыновей ему родила. А во время исполнения супружеского долга она закрывала глаза и представляла красавчика с обейнской ярмарки. Оттого, должно быть, и сыновья у нее получились всем на зависть – один другого краше.

Так, значит, жила-поживала наша не очень счастливая красавица, и не ведала она, что Динас из Обейна тоже влюбился в нее с первого взгляда, сразу и навсегда! Был он купеческий сын, происходил из хорошего рода и перспективы имел блестящие, но после Рады ему все стало безразлично. Единственное желание у него осталось: увидеть ту девушку с ярмарки хотя бы еще разочек, хоть одним глазком.

Он не знал ни имени незнакомки, ни где она живет. Динас знал лишь, что она самая красивая девушка на свете, к тому же одежду носит городскую, а не деревенскую. Поэтому для начала он стал искать ее в другом близлежащем городе, Аджайне. Целый год юноша прочесывал улицу за улицей, квартал за кварталом, пока не убедился, что девушка его мечты в Аджайне не живет.

Родители упертого Динаса вскоре заприметили недопустимую блажь и всполошились. Попытались сыночка женить, но тот ни в какую. Попробовали было на него надавить, так парень и вовсе сбежал. Переехал в другой город, обошел его вдоль и поперек – все безуспешно. Оттуда отправился в третий, четвертый, пятый... Таким образом Динас странствовал целых двенадцать лет. Перебивался случайными заработками, попрошайничал, играл на деньги в камешки, иногда воровал, но не опустил и не испохабился от такой безобразной жизни. Всегда за собой следил и одевался с иголочки, ведь встреча с девушкой его мечты могла произойти в любой момент. В том, что эта встреча состоится, он был уверен.

И вот наконец добрался Динас и до Идриса. Для начала прошелся по улицам, намереваясь осмотреть новый город, как вдруг заметил симпатичного мальчонку, удивительно похожего на него самого! «А ведь это знак! – подумал обрадованный Динас. – Прослежу-ка я за мальцом, куда он пойдет».

И мальчик привел нашего путника к дому торговца драгоценностями. На балконе Динас увидел свою возлюбленную. Она стала еще более прекрасной, чем была двенадцать лет назад. А Рада в свою очередь узрела того самого красавца из Обейна. Она смотрела и не могла отвести глаз... Они готовы были любоваться друг другом целую вечность, если бы их идиллию не нарушил тот самый мальчик. Он выбежал на балкон, взял маму за руку и увлек за собой в дом. Динас не растерялся: обошел соседей, расспросил про Раду. Не обрадовался, но и не опечалился – ведь что-то подобное он и предполагал. Динас решил поселиться в Идрисе и сделать все, чтобы Рада и ее семья продолжали жить счастливо и спокойно. Мы ведь часто думаем, будто знаем лучше других, что для них есть добро. Не так ли?..

Дракон, сосредоточенно внимающий моему рассказу, согласно промычал нечто неразборчивое. Я, вдохновленная столь многообещающей реакцией, увлеченно продолжила:

– Но между тем прекрасная Рада весь вечер прорыдала над своей загубленной жизнью, а ночью пошла на задний двор и стала складывать костер, намереваясь сжечь свое белое тело, уж коли оно только ее мужу законному принадлежать могло. Служанка заметила ее маневры и отговорила от самосожжения. Сказала:

«Лучше разок налево сходить, чем детей сиротами оставлять!» – и пообещала хозяйке устроить тайную встречу с похитителем ее сердца.

Рада подумала-подумала и согласилась, решив: «Приласкаю любимого, а потом буду этими сладкими воспоминаниями душу подпитывать, характер закалять и силу воли тренировать. Ибо секс не единственная радость для умной женщины, у которой, помимо иных жизненно важных органов, еще и голова имеется». При этой оптимистичной мысли у Рады мгновенно высохли слезы, и с тех пор она только предстоящим свиданием и грезилась. А Динас каждый день проходил мимо ее дома и каждый раз напротив ее балкона притормаживал, но надолго не задерживался, дабы повода для сплетен не давать.

Таким манером влюбленные довольно долго улыбались друг другу через улицу – недели две или даже больше. А потом торговец драгоценностями неожиданно уехал за новым товаром. И тогда служанка отвела Раду в городской сад, где ее уже ждал Динас. Случилось это перед самым рассветом, в саду еще никто не гулял, сторожа крепко спали, и влюбленные могли позволить себе все, что угодно. Но они даже словечком перемолвиться не успели: только-только обнялись – и все! У красавицы Рады от счастья остановилось сердце, а потом и у красавца Динаса сердце разорвалось от горя! Они упали на клумбу и лежали среди цветов и трав, так и не выпустив друг друга из объятий.

В такой неприличной позе их и обнаружили поутру сторожа, а затем и многие другие достойные горожане. Через несколько минут вокруг прекрасных мертвецов собралась немалая толпа, ведь не каждый день на такую красоту можно полюбоваться. А почти рогатый торговец драгоценностями тем временем почуял недоброе и вернулся с полдороги – благо далеко уехать не успел. Въезжает в город – и ему докладывают, что его жена лежит мертвая в городском саду. Он поспешил в сад, растолкал толпу, увидел трупы – и тут же упал замертво рядом с ними. Не выдержало его сердце публичного стыда и позора...

После такого душещипательного финала я замолчала, выжидательно поглядывая на дракона. Тот основательно задумался. Беонир сидел молчком, утирая предательски повлажневшие глаза платком, вытасканным из кармана Ребекки. А сама воительница рыдала в голос, безмерно потрясенная горькой участью несчастных влюбленных. Следует заметить, моя телохранительница и раньше-то отличалась душевной мягкостью, а теперь и вовсе раскисла, найдя нечто общее между героями сказки и собой с Беониром. Неопределенное будущее их взаимного чувства весьма ее печалило, и эта печаль выразилась в слезах и бурных всхлипываниях. Что поделаешь, если в каждой женщине постоянно соперничают две противоборствующие сущности: кошачье желание стать независимой и чисто собачья потребность иметь хозяина. В общем, преподанный мною урок оказался жестоким, но полезным. Впрочем, на то он и урок!

– Вот такая драма произошла в Идрисе. А все из-за чего? – неожиданно прервала затянувшееся молчание я. – А все из-за того, что Динас оказался чересчур настырным – примерно как я сейчас. Будь юноша чуть благоразумнее, он отступился бы и прекратил свои поиски через две-три недели. А его возлюбленная дожила бы свой век в покое и достатке, да и сам он занялся бы семейным делом и со временем стал бы уважаемым торговцем. Но нет, Динас заикнулся на своей безумной идее, и вот результат: погубил свою жизнь, погубил жизнь и честь любимой женщины, фактически убил ее мужа и оставил сиротами ее детей. Ну и кто он после этого? По-моему, законченный идиот, маньяк и эгоист. А как по-твоему, Железный?..

Дракон так и замер с открытой пастью, взирая на меня настолько удрученно, словно я страдала неизлечимым слабоумием. Ребекка подавилась слезами, а Беонир и вовсе шлепнулся на бок, умело имитируя глубокий обморок.

Несомненно, мои слушатели сразу поняли: я поведала им чрезвычайно странную сказку, которая лишь подчеркнула всю бессмысленность и даже опасность моих жизненных планов. Спрашивается, зачем я совершила подобную глупость? Но этого не знал никто.

Глава 3

– Ты сошла с ума, девочка! – скорбным басом констатировал мой непоколебимый оппонент, сокрушенно вздыхая. – Вместо того чтобы попытаться сразить меня своей мудростью и богатым жизненным опытом, ты рассказала мне историю, сводящую на нет все твои жалкие потуги. Ты ничуть не подтвердила присвоенного тобой титула Наследницы трех кланов. Ты меня разочаровала.

– Йона, ты... – У Ребекки не нашлось нужных слов порицания, способных точно охарактеризовать мое скандальное поведение, и поэтому она просто покрутила пальцем у виска.

Но, к всеобщему изумлению, я победно расхохоталась, откровенно наслаждаясь произведенным эффектом. Воистину он был сногшибательным!

– Полюбуйтесь, она еще и смеется! – с негодованием всплеснул крыльями дракон, донельзя растерянный и шокированный. – Эй, воительница, скажи, – обратился он к Ребекке, – с твоей подругой уже случались подобные приступы умопомрачения?

– Нет, – сконфуженно процедила лайил. – Йона, конечно, на многое способна, но такой ерундой она занимается впервые. Может, ее лечить пора?

– Пора! – быстро согласился дракон. – И есть я ее не стану, – чуть подумав, добавил он. – А то вдруг это заразно.

Я радостно потерла руки, убеждаясь, что все идет как нужно. Мой план удался на славу!

– Ты обещал выполнить любое мое желание! – нагло напомнила я.

Железный дракон вяло перевалился на хвост, невежливо икнул и посмотрел на меня почти жалобно.

– Я обещал отпустить всех вас и выполнить твое желание только в том случае, если ты сумеешь поразить меня своими умственными способностями, тем самым доказав, что являешься настоящей Наследницей! – по слогам втолковал он, обращаясь со мной так бережно и немного брезгливо, будто я была обгадившим штанишки младенцем. – Понимаешь? А ты вместо этого поразила меня своей глупостью! Мне тебя жаль, нищенка. Я вас отпускаю и...

– Я поразила тебя твоей же глупостью, а не своей! – хамовато парировала я, не позволив ему договорить. – Признай этот факт, Железный!

– Что?! – гневно взревел дракон, оскаливая огромные клыки. – Ну все, мое терпение исчерпалось. Учти, заносчивая дурочка, ты сама напророчила на неприятности!

Ребекка скрючилась, словно зародыш в материнской утробе, и прикрыла голову руками, всей своей позой выражая обреченность приготовившейся к закланию жертвы. Беонир, едва приоткрывший правый глаз, снова бухнулся в обморок, на сей раз, похоже, настоящий. Но я не испугалась. Я поднялась на ноги и холодно отчеканила, глядя прямо на раздувшегося от ярости дракона:

– История, которую я тебе рассказала, не так проста, как это кажется на первый взгляд. А записал ее тот самый эльф Динас, которого ты посчитал никчемным дураком. В ранней юности, заглядевшись на красавицу Раду, он внезапно увидел сквозь ее черты одну из ипостасей великого и пресветлого бога Шарро, покровителя трех эльфийских кланов. Бог позвал его за собой, но Динас оробел и побоялся подойти. Именно за свою нерешительность он и расплатился впоследствии двенадцатью годами скитаний; ведь именно бога, а не красавицу с рынка искал он во всех городах. Но Шарро явился ему только в Идрисе – и на то имелась своя причина...

В Идрисе тогда жил великий чародей Сандуор, преданный слуга бога Шарро, мудрец и чудотворец. Рада была его лучшей ученицей. В детстве она получила от чародея тайное посвящение, приняла в себя одну из ипостасей бога Шарро и стала его жрицей. Идрисские чародеи поклонялись ей как живой богине. Но однажды она увидела Динаса. После встречи с красавцем ее помыслы загрязнились похотью, и Шарро покинул тело великой жрицы. Динас нашел Раду, но не нашел бога – однако он не терял надежды до тех пор, пока красавица не умерла в его объятиях. Сердце его разорвалось, когда он осознал, что утратил единственную нить, ведущую к пресветлому, – и он тогда действительно умер. Но жизнь его на этом не закончилась.

Дело в том, что чародей Сандуор не смирился со смертью своей любимой ученицы. Пока тела погибших готовили к кремации, он взывал к Шарро, умоляя его о невозможном. И бог услышал своего преданного слугу – и воскресил всех троих умерших! Торговец драгоценностями великодушно простил свою грешную жену, и она родила ему еще двоих детей. А Динас стал преданным адептом бога Шарро и преемником Сандуора. В Обеине он известен как мудрый духовный учитель, а его история служит примером того, как важно

проявлять настойчивость в стремлении к высшим целям, не боясь даже смерти. Ты, Железный, не зная подоплеку событий, воспринял эту историю однобоко, а уже взялся судить о чьих-то сокровенных помыслах и целях многих поступков. Неудивительно, что твои выводы оказались так далеки от истины...

Но я не успела завершить свою вдохновенную речь, ибо дракон вдруг прижал лапу к груди, закатил глаза, простонал что-то покаянное, тяжело свалился к подножию холма и распластался как мертвый...

– И никакой он не железный! – злорадно хихикала Ребекка, поливая драконью голову водой из своей фляжки: уморенный мною страдалец пребывал в бессознательном состоянии и ни на что не реагировал. – Сьеррина кисейная и впечатлительная барышня. О-о-о, предлагаю переименовать его в Кисейного! – Она глумливо хмыкнула.

– Не смей издеваться над животным, садистка! – с нарочитой суровостью приказал Беонир, еле сдерживая подкатывающий к горлу смех. – Это живодерство какое-то, а не первая помощь врагу, пострадавшему в интеллектуальной схватке.

– И поделом ему! – мстительно откликнулась воительница. – Сам знаешь, какая я скорая на помощь. – Она отложила опустевшую фляжку и выразительно прикоснулась к рукояти акинака: – Слушайте, а может, добить его, чтобы не мучился?

– Ни-ни! – мгновенно откликнулась я. – Не забывай, мне нужно его пламя.

– Поздно! – Воительница наклонилась и приложила ухо к плотно сомкнутым драконьим челюстям. – Он уже не копит, не сопит и не дышит. Короче, потухла печурка. Инфаркт, как пить дать инфаркт...

– Или insult! – всполошился Беонир, жалостливо обмахивая дракона своим, вернее, Ребеккиным носовым платком, уже изрядно замызганным и мокрым. – Ну нельзя же так с раритетными животными поступать! – Он посмотрел на меня осуждающе, но в глубине глаз так и прыгали задорные смешинки. – Ведь ты же Наследница! – Эта многозначительная фраза прозвучала не как укор, а скорее как комплимент.

Я рассеянно улыбалась, сидя на соседнем пригорочке и вполуха слушая шуточный разговор друзей. В голове бродили десятки разрозненных воспоминаний из прошлого. Я вспомнила и песню про дракона, услышанную в Блентайре, и пророчество пилигрима, который увидел некое зубастое чудовище у меня за плечом... Полагаю, он говорил отнюдь не о Мифрил, ведь у нее нет зубов. Нет, он точно предрекал мне дружбу с драконом! Но как, когда?.. Этого я не знала.

Откровенно говоря, я вовсе не желала зла никому из крылатых, обитающих в долине Дурбан. Я просто упорно шла к поставленной цели, стараясь использовать для этого адекватные и разумные средства. Конечно, иногда я перегибала палку, но ведь никого пока не убила, не ограбила и не сделала сиротой. Единственное, что я себе позволяла, – это здоровый цинизм, который помогает человеку жить полноценной жизнью, при этом не переступая нравственных законов. А во всем остальном... Ведь моя жизнь – мои правила. Не нравятся мои правила – не лезь в мою жизнь. Разве я неправа?

Наконец, благодаря совместным усилиям Ребекки и Беонира, Железный Дракон пришел в сознание. Он опасливо приоткрыл правый глаз и посмотрел на меня с ярко выраженным недоверием. «Не знаю, чего от тебя еще ожидать!» – без перевода и субтитров читалось на его морде. Я лукаво ухмыльнулась, понимая – пришел мой черед ставить условия и выдвигать требования.

– Еще одну притчу выслушать не желаешь? – услужливо поклонившись, предложила я, сама удивляясь своей внезапно прорезавшейся ехидности. – О недоверчивом драконе и Наследнице трех кланов? О том, как он отказался ей помогать, тем самым став косвенной причиной гибели нашего мира и...

– Смилуйся, Наследница! – повинно взвыл Железный. – Умоляю, не позорь меня на весь Лаганахар! Мне и так тяжело живется, ведь нет у меня ни папы, ни мамы, ни брата...

– Почему нет? – в один голос удивились мы с Ребеккой. – А куда они девались?

– Съел я их! – покаянно просопел Железный. – Обычай у нас, понимаете ли, такой: повелитель драконов съедает всех своих близких родственников!

– И папу? – обомлела лайил.

– Ага!

– И маму? – дотошно уточнил ниуэ.

– Ага! – с готовностью поддакнул крылатый нахал.

– Ну и кто ты после этого? – возмущенным тоном осведомилась я.

– Сиротинушка-а-а! – утробным басом прорыдал дракон, гулко бия себя лапами в грудь.

Мы с Беониром чуть не подавились хохотом, катаясь по жухлой траве. Самокритичность у нашего дракона явно пребывала в зачаточном состоянии.

– Ох как он запел, – с долей осуждения отметила Ребекка, усевшись рядом со мной и по-бабьи подперев голову ладонью. – Куда только весь гонор подевался? – Вопрос прозвучал риторически и в ответе не нуждался.

– Извините меня, – сбивчиво лепетал дракон, униженно распластавшись на пузе и не желая подниматься с земли. – В память о короле Арциссе! Когда-то он назвал меня своим другом...

– Я бы очень хотела последовать его примеру! – открыто улыбнулась я, в душе потешаясь над тем, как быстро поменялось выражение драконьей морды с обреченного на снисходительно-торжествующее. Что ж, позволим нашему оппоненту немного восстановить утраченные позиции! Я старалась не смеяться, хотя мне очень хотелось это сделать: – Разумеется, лишь в том случае, если мы договоримся.

– Ну-у, – задумчиво протянул Железный, поднимаясь из пыли и принимая вальяжную позу, более приличествующую повелителю крылатого народа. – А что ты желаешь получить взамен своей дружбы, Наследница?

– Лишь то, что причитается мне в рамках заключенного нами соглашения, – напомнила я. – Ты отпускаешь меня и моих друзей... – Тут дракон бурно захлопал крыльями, показывая: «Даже не сомневайся». – И еще выполняешь одно мое желание...

– Какое? – пытливо прищурился гигант, ожидая подвоха.

– Мне нужно твое пламя! – не стала увиливать я. – Всего чуть-чуть.

– Хм! – всерьез озадачился дракон, обескураженный моей просьбой. – А ты знаешь, что пламя неотъемлемо от самого дракона и не подлежит переноске?

– Понимаю, – поспешно согласилась я. – Я хочу стать обладательницей вашего тайного рецепта: с помощью чего и как вы создаете свое пламя?

– Нет! – возмущенно отчеканил дракон. – Я не торгую секретами своего народа! – Он гордо отвернулся, при этом с любопытством поглядывая на меня краешком глаза. Очевидно, этого хитреца безумно интересовало, как его не менее хитроумная соперница вывернется из столь щекотливой ситуации.

– Нет, вы только полюбуйтесь, какой пафос из него попер! – искренне возликовала Ребекка. – Хочешь сказать, не плюй в дракона – отскочит?

– Не плюй в дракона, он тебе еще пригодится! – с наигранным смирением поправил Железный.

Беонир тихонько ржал, прикрывшись рукавом, ибо актер из дракона получился хоть куда: любуйся – не налюбуйешься. Но я не собиралась потакать выходкам вредного чешуйчатого, сдавать с трудом завоеванные позиции и выпускать инициативу из своих загребуших рук.

– Ах какая роскошная притча у меня получится, – с деланным восторгом хихикнула я. – Про справедливую, благородную Наследницу и жадного, эгоистичного дракона, который...

– Ну хватит, хватит уже! – замотал головой дракон. – Все, ты меня достала! Слушай же, Наследница! – Он величественно склонился к моему уху. – Пламя дракона образуется из драгоценных камней, которые мы глотаем. Попав в наш желудок, они вступают в сложную магическую реакцию с нашим организмом, в результате чего... Смотри... – Он приоткрыл

пасть и выдохнул, извергая клубок оранжевого пламени. – Видела?

– Здорово! – бурно зааплодировала Ребекка. – Но полагаю, чародейка Йона не глупее какого-то дракона и сможет воспроизвести этот фокус.

– Не уверен! – Железный обиженно надулся. – Во всяком случае, она точно не сможет проглотить нужное количество камней, ибо для пламени их требуется много, очень много...

– Сколько именно? – деловито перебила я, подозревая, что дракон готовит мне какую-то новую западню, уж очень довольным он выглядел.

– Не старайся. – Дракон окинул беглым взглядом наши дорожные мешки. – Их нужно столько, сколько никогда не поместится в вашем багаже. Разрешаю вам, – он злорадно хмыкнул, – войти в мою пещеру и набрать там столько драгоценных камней, сколько войдет в твои сумки. И... желаю тебе удачи, Наследница! – Он не удержался от мстительного смешка.

– Спасибо! – не менее язвительно ответила я, поднимаясь с места и направляясь к указанной драконом пещере. Боюсь, Железного ожидает еще одно тяжелейшее нервное потрясение...

– Нет, ты видел его морду, а?! – Ребекка с наглым сипением выдохнула воздух через неплотно сжатые зубы, отерла пот со лба и снова ухватила за лямку моей сумки.

Беонир ограничился коротким кивком, ибо сил у него не хватило даже на простое «да». Он впрягся в сумку, с виду такую маленькую и легкую, крикнул, икнул, пукнул и, душераздирающе скрипя суставами, поволок ее по траве.

– Еще парочку шагов, – умоляла я, на цыпочках следуя за надрывающимися друзьями. – До следующей ложи, а уж там я вам помогу.

– Нет! – протестующе рыкнула лайл. – Не следует тебе такие жуткие тяжести таскать! И вообще, не портить нам представление.

– Тьфу! – не на шутку рассердилась я. – Помогу – в смысле не понесу сумку вместе с вами, а посредством магии во много раз уменьшу ее вес.

– Чтоб вас всех мантикора три раза переварила! – негодуя охнула воительница. – А почему ты сразу не сказала, что способна на такое?

– Тоже не хотела портить представление! – смущенно пожала плечами я. – А разве оно того не стоило?

– Разве?... – Ребекка с полузадушенным хохотом повалилась на тяжеленную, будто каменная глыба, сумку. – Стоило, еще как стоило!

Я оглянулась. На невысоком пригорке сидел Железный Дракон. Выглядел он – словами не описать. Из приоткрытой пасти вьется тонкий дымок, глаза выпучены так, что едва не вылезают из орбит, вяло обмякшие крылья нервно подрагивают... М-да, тут и в самом деле недалеко до инфаркта, диагностированного Ребеккой. От подобного зрелища мы расхохотались еще пуще, ибо посмеяться и правда было над чем. А дело обстояло так...

Милостиво решив поделиться с нами драгоценными камнями, дракон привел нас в свою пещеру и, указав на груды ослепительно сияющих сапфиров, изумрудов и алмазов, великодушно разрешил набрать столько, сколько войдет в наши сумки.

– Я ограничусь только одной сумкой! – скромно пообещала я и начала загребать разноцветные камушки.

– Ну-ну, – невежливо хмыкнул дракон, наблюдая за моими размеренными движениями. – Кажется, я здорово переоценил твои умственные способности, Наследница. В эту сумку войдет не больше двадцати камней, а такого скудного количества явно недостаточно для создания пламени.

– Уверен? – иронично спросила я, продолжая методично убавлять возвышающуюся передо мной грудой драгоценностей.

На морде дракона отобразилось первое легкое сомнение.

Опомнилась я примерно через час. Груды драконьих сокровищ уменьшились примерно

вдвое, а сам Железный пребывал в состоянии, близком к коматозному. То есть глаза – как плошки, лапы – враспырку, крылья – дыбом, чешуя – в холодном поту. Хм, я и не подозревала, что драконы умеют потеть... Надрываясь, мы с трудом вытащили сумку с камнями из пещеры и медленно поволокли ее прочь. Дракон провожал нас осоловелым взглядом, тихонько всхлипывая. Впрочем, мы простили ему и эту невежливую выходку. Ведь несчастный гигант ничего не знал о свойствах сумки великого чародея Лаллэдрина. В этой сумке не было ничего особенного... Да-да, ничего такого, кроме ее бездонности!

Благодаря моей магии сумка Лаллэдрина обрела вполне приемлемый вес, и в течение нескольких часов мы покинули волшебную долину Дурбан, дивясь контрастной смене окружающего ландшафта. Подобные чудеса казались нереальными, но факты – вещь упрямая, а посему поневоле пришлось признать очевидное. Сначала я отказывалась верить собственным глазам, но на выходе из долины мы сразу же увидели четкую границу, отделяющую ее от прочей территории края Крылатых. Мы словно перешли через незримую линию, по одну сторону которой царило вечное тепло, а по другую – буйствовала неистребимая стужа. По земле переметало струи снега, мерзлая трава хрустела под ногами. Что это, поздняя осень или ранняя зима?

– Холодрыга! – зябко клацая зубами, пожаловалась Ребекка. – Если эльфы преодолели Белые горы и отправились дальше, то спрашивается, с помощью какого волшебства они умудрились противостоять снегу, ветру и морозу? Не понимаю!

– Все просто. – Я подбадривающе хлопнула подругу по плечу. – Их вел дар любви! – Эта догадка осенила меня, когда я находилась в тронном зале короля Адсхорна Полуденного, и теперь мне не терпелось на практике убедиться в ее справедливости.

– Дар любви? – недоверчиво скривилась моя неисправимо скептическая охранница. – Это что еще за фигня?

– Как, разве тебя не согревает моя любовь? – с наигранным возмущением спросил Беонир, стараясь не дрожать и не заикаться, ибо наши дорожные плащи оказались слишком тонкими для столь холодного климата.

– Нет, не греет! – огрызнулась строптивая воительница. – Она и не светит, и не греет... – Это жесткое дополнение вырвалось после того, как лайил споткнулась в вечернем полумраке и больно ушибла ногу. Надвигались сумерки, что навело на мысль о необходимости искать место для ночлега. Но неужели нам придется спать под открытым небом, отдавшись во власть этого жуткого, сбивающего с ног ветра и мелкого снега, непрерывно сеющего нам на головы?

Я беспомощно огляделась по сторонам, не обнаружив ничего, кроме Белых гор, вырастающих из полутьмы непосредственно перед нами. Прямо на нашем пути находились два высоченных пика, называющихся согласно карте – Мрачный и Молчаливый, между которыми едва видимой тропкой вился узкий, словно шнурок, перевал. Обе вершины были одеты в белые, никогда не тающие шапки из хрусткого снега и с грозным укором смотрели на нас, незваных путников, осмелившихся бросить вызов их многовековой невозмутимости. И тогда, смущенная их абсолютно неприступным видом, я невольно начала гадать... Сумеет ли мы перебраться на другую сторону огромных гор? Сумеет ли одолеть перевал, не замерзнем ли, не сломаем свои дерзкие шеи?.. Впрочем, стоит ли заглядывать так далеко в будущее, если сейчас перед нами стоит проблема ночевки, которая грозит обернуться катастрофой. Ночью похолодает, а нам даже не из чего разжечь костер...

От безрадостных размышлений меня оторвал ликующий крик Беонира:

– Свет! Я вижу свет!

И действительно. Присмотревшись получше, сквозь толстую пелену усилившегося снегопада я тоже разглядела размытые очертания небольшого строения и оранжевое пятно света, горящего в его окнах. Не сговариваясь, мы перешли на бег. Растрясенная Мифрил сердито попискивала у меня под плащом, но сейчас я не обращала никакого внимания на ее справедливые жалобы. Нас гнали холод, голод, стекающие по лицу капли влаги от

растаявшего снега, прилипшая к телу мокрая одежда и тот приманчивый огонь, который путеводной звездой сиял неподалеку. Обессилевшие ноги подгибались, но мы упорно стремились вперед, обретая второе дыхание: настолько сильно вдохновила нас перспектива хоть какого-то ужина и безопасного ночлега под кровом близ жарко полыхающего очага. Теперь мы ясно понимали, как должен выглядеть самый желанный уголок нашего сурового мира, ведь каждый из нас вкладывает в понятие счастья именно то, чего ему не хватает в настоящий момент. Прискорбно лишь одно: не все из нас осознают, как мало нужно для счастья, если учесть, что горе – от ума...

Добежав, мы наконец-то поняли: перед нами находится небольшой двухэтажный деревянный домик, окруженный несколькими хозяйственными постройками. Сложенные из бревен стены выглядели очень старыми, источенными годами и непогодой, а оконные проемы затягивали лоскуты мутного бычьего пузыря. Снег замел все следы, ведущие к хибарке, но я тут же заметила несколько пар снегоступов, заботливо привешенных на вбитые в стену колышки. А кроме того, у дальнего сарайчика нечетко виднелся рачительно укрытый мешковиной охотничий инвентарь. Чуть поодаль, за углом домика, высился небольшой холмик, присыпанный снегом. Возможно, там хранили охотничью добычу... Очевидно, в домике кто-то жил. Ворота здесь не наблюдались и в помине, а поэтому мы просто постучали в широкую дверь, над которой слегка неровными буквами было выведено название сего странного места: «Приют странников».

Пара секунд прошли в тоскливом ожидании, но затем дверь сварливо скрипнула, нерешительно приоткрылась, и мы увидели женщину. Выступив из темноты коридора, она взирала на нас с настороженным интересом. Лицо незнакомки оставалось неразличимым: слабого огонька свечи, зажатой между пальцами, хватало лишь для освещения ее руки, морщинистой и коричневатой, словно дубовая кора. Скорее всего, обитательница «Приюта» была облачена в бесформенную, грубо пошитую меховую одежду. Не ручаюсь за это точно, ибо я с трудом смогла различить край мохнатого рукава, криво обметанный желтоватой ниткой из жил какого-то животного. Все остальные детали напрочь выпадали из поля зрения. Я открыла рот, намереваясь заговорить первой, но в этот момент женщина безмолвно отступила назад, освобождая проем и оставляя дверь открытой. Мы решили, что получили разрешение переступить порог. Едва Ребекка захлопнула за собой дверь, как негромкий шорох шагов начал удаляться. Все, что нам оставалось, – это последовать за женщиной.

Преодолев темный коридорчик, выложенный рассохшимися досками, мы очутились в небольшой комнате, довольно ярко освещенной несколькими свечами и огнем, жарко полыхающим в зеве округлого камина. Над пламенем висел закопченный котел, источающий умопомрачительный аромат тушеного мяса.

– Слава Неназываемым! – с облегчением выдохнула Ребекка, делая шаг к очагу и протягивая к огню свои сильно покрасневшие от мороза ладони. – Во всяком случае, сегодня мы не умрем.

Ее слова прервал короткий смешок, то ли протестующий, то ли ироничный. Беонир схватился за рукоять ножа, но я сделала успокаивающий жест, призывая юношу к спокойствию, и низко поклонилась:

– Да пребудет с вами Тьма! – Сама не знаю почему, я употребила официальное приветствие, всегда используемое в Блентайре, ничуть не сомневаясь в его уместности.

– Милостью Банрах и во имя ее! – немедленно раздалось в ответ. Впустившая нас в дом женщина тоже вышла на свет и приблизилась к очагу.

Я с легким недоумением рассматривала коренастую фигуру пожилой, приземистой простолюдинки, дивясь ее жестким, обветренным скулам и самопошитой одежде мужского покроя. Две полуседы косы спускались из-под головной повязки, обрамляя худое, маловыразительное, но отнюдь не глупое лицо с густыми бровями. На меня настороженно взирали глубоко посаженные глаза с цепким взглядом, не выражающим ни капли радушия. Мы явно пришли не ко двору. Женщина не торопилась поддержать начатый разговор, чем повергла меня в недоумение. Я растерянно молчала, в душе досадуя на неловко

затянувшуюся паузу.

Вдруг в противоположной стене комнаты открылась неприметная дверца, и в комнату вошла вторая женщина, почти точная копия первой. Те же черты, тот же рост, такие же седые косы. Вот только ее лицо показалось мне чуть более одухотворенным.

– Мне мерещится? – Беонир забавно потер глаза, спасая нас от неудобной тишины. – Или вы раздвоились?

– Нет, – хрипловато усмехнулась вторая женщина. – Просто мы близнецы. Меня зовут Марэна. – Она скупым жестом прикоснулась к декоративной бахrome, немного украшающей ее непритязательное одеяние. – А она, – небрежный кивок в сторону нашей проводницы, – Найли, моя младшая сестра.

– Младше на пять минут! – ворчливо уточнила Найли, чем вызвала у старшей еще одну усмешку.

– Нам очень приятно познакомиться с вами, охотницы, – с благодарностью улыбнулась я, получив в ответ еще один настороженный взгляд от Найли. – Я Йона, ученица гильдии Чародеев.

– Вижу. – Марэна посмотрела на мою хрустальную звезду, поблескивающую в вырезе рубашки. – А кто это с тобой?

– Ребекка. Я страж ночного дозора из Блентайра, – представилась воительница и вдруг непонятно с чего добавила: – И я лайил... Не бойтесь меня.

– У каждого свои недостатки, – язвительно фыркнула Марэна. – А пугливые в горах не выживают.

– Беонир! – Следуя моему примеру, юноша отвесил изящный поклон. – И я...

– Вижу! – отмахнулась охотница. – В высшей степени удивительная компания... А это кто еще с вами?

Мифрил, разбуженная нашими голосами и теплом очага, высунула голову из складок моего плаща и начала с интересом оглядываться по сторонам.

– Это... Это Мифрил! – смущенно пояснила я, пытаюсь удержать рвущуюся из рук мантикору, привлеченную запахом съестного. – Извините, она пока еще не поднатерела в хороших манерах.

– Белая мантикора? – Марэна ошеломленно заломила густую бровь. По ее лицу скользнула непонятная гримаса – смесь удивления, недоверия, брезгливости... Последнее поразило меня больше всего, но тогда я почему-то не задумалась над своими интуитивными реакциями. А жаль, будь я чуточку наблюдательнее – мы смогли бы избежать многих неприятностей. – Неслыханная редкость в наших краях! – Женщина все-таки овладела собой и даже выдавила слабое подобие восхищенной улыбки. – Но что же мы стоим? Прошу к столу!..

Повинуясь жесту горянки, мы последовали за сестрами, перейдя в следующую комнату. Это помещение оказалось намного больше предыдущего, а его центральную часть занимал массивный стол, застеленный домотканой скатертью и уставленный тарелками с разнообразными кушаньями. Я быстренько пересчитала столовые приборы и прикусила губу: количество разложенных на столе ложек и вилок в точности совпадало с количеством будущих едоков. А особенно удивила заранее приготовленная для Мифрил миска, которую я обнаружила рядом с одним из мест. Причем в посудине уже лежала большая порция жаркого.

«Как будто нас тут ждали!» – еще успела подумать я, но тотчас же отвлеклась от важной мысли, почти одурманенная аппетитными запахами, витающими в столовой. От одного вида этих кушаний у меня сразу же потекли слюнки, ибо здесь имелось все, о чем я даже мечтать не смела в последние два месяца: жаркое, тушеные овощи, ароматный бульон и, конечно, ягоды. Те самые, которые мы безуспешно пытались отыскать в предыдущие дни.

Робко рассевшись на длинной скамье, мы замерли в ожидании знака к началу трапезы. Невзирая на жуткий голод, терзающий наши желудки, мы не хотели выглядеть невежливыми провинциалами, накидывающимися на еду подобно диким зверям. Наконец Марэна подняла

свой бокал, тем самым вынудив нас последовать ее примеру. Я взяла грубый деревянный кубок, наполненный каким-то темным напитком, и выжидательно воззрилась на хозяйку.

– Дорогие гости! Я приветствую вас в нашем скромном жилище и пью за успешное окончание ваших странствий, а также за исполнение всех ваших желаний! – пафосно провозгласила горянка и пригубила свой бокал. Ее сестра-близнец, Ребекка и Беонир торопливо повторили жест охотницы. Я тоже поднесла бокал к губам и вдруг случайно бросила взгляд за спину сидящей напротив меня Найли... Да так и замерла с открытым ртом, не успев отпить ни капли...

Я полагаю, удача похожа на женщину: если за ней не бегать, она обидится и придет к тебе сама. И кажется, в настоящий момент со мной происходило нечто подобное. Удача наконец-то повернулась ко мне лицом, шепнув: «Смотри не ошибись! Но если уже наломала дров, то хотя бы сделай вид, будто готовишься к зиме!» А произошло следующее...

В столовой тоже имелся камин. В этом не было ничего удивительного, ведь какой-то иной системы отопления в домике не предусматривалось. Но мое внимание привлек отнюдь не сам очаг из серого гранита, а старое, тусклое зеркало, расположенное точно над ним. В тот миг, когда Марэна подняла руку, поднося к своим губам заздравный кубок, я неожиданно заметила отражение ее обнаженной кисти, промелькнувшее в пожелтевшем от старости стекле. С виду ничем не примечательная, в зеркале ее кисть отразилась как мохнатая звериная лапа, оканчивающаяся огромными когтями. Я моргнула от неожиданности, но страшное отражение уже исчезло, а рука женщины приняла самый обычный вид, что повергло меня в недоумение. Это истина или просто нелепый обман разыгравшегося воображения, усиленного голодом? Я закашлялась от испуга, не отпив ни глотка.

– Зря ты не пьешь вино, – с осуждением произнесла Ребекка, отставляя свой опустевший кубок. – Оно великолепно!

– Ага! – поддакнул Беонир, облизываясь. – Прелесть!

– Мы его сами делаем из ягод и трав, – пояснила Марэна, настороженно наблюдая за мной. – Выпей, Йона, окажи нам уважение!

– Выпей! – сладко причмокнула воительница. – Честное слово, оно ничем не хуже того, коим нас потчевали в Эррендире.

– Выпей! – согласно подхватил подпевала Беонир. – Не разочаруешься.

– Выпей! – хрипло каркнула Найли, и в ее глазах зажглись нехорошие огоньки. – Немедленно!

Но мой внутренний голос буквально вопил и протестовал, предостерегая – это вино непростое, и пить его не стоит. А еще мне не давало покоя это мимолетное отражение в зеркале, задевшее колокольчик чувства опасности, который громко трезвонил в моей душе.

Я закашлялась еще раз, уже намеренно, с сожалением вздохнула и отставила оставшийся нетронутым бокал.

– Извините, – виновато сказала я, – но детям пить вино нельзя. Во всяком случае, так нас учили в приюте!

– Что за бред? – подпрыгнула на скамейке Ребекка. – Разве ты ребенок?

– Глупости! – злобно бросила Марэна, сверля меня полным ненависти взглядом. – Пей, не ломайся!

– Пей! – наседали Найли.

Я мысленно взмолилась, испрашивая хоть чьей-то помощи, ибо понимала, что никогда и ни под каким принуждением не выпью это вино. И помощь пришла...

Мифрил, которая к тому моменту уже опустошила свою миску, насытилась и вознамерилась отправиться на боковую. Действуя в своей излюбленной манере, она полезла ко мне на колени, собираясь сладко вздремнуть под укрытием плаща. Мантикора с трудом вскарабкалась на высокую лавку, при этом нечаянно толкнув меня под локоть... Моя рука дернулась и задела злополучный кубок. Тот опрокинулся, и вино разлилось по всему столу. Найли разъяренно зашипела, не справившись с бушевающими ее чувствами.

– Ах, простите нас обеих, мы такие неловкие! – наигранно вскричала я, на самом деле готовая благодарно расцеловать свою избавительницу.

– Ничего, – скрипнула зубами Марэна, пытаясь усмирить желваки, гневно перекатывающиеся под кожей ее скул. – Это пустяки. Лучше отведайте нашей еды. – Она торопливо застучала тарелками, стремясь смягчить напряженность момента.

Мои друзья усиленно делали вид, будто ничего не случилось, наперебой нахваливая стряпню хозяек. За столом воцарилась самая непринужденная обстановка: смачно грыз кость Беонир, чавкала Найли, а Ребекка деликатно разрезала кусок жареного мяса. Но, почти уткнувшись носом в миску с кашей из дикого проса, я макушкой ощущала на себе тяжелый, насквозь прожигающий взгляд Марэны, полыхающий едва скрываемой ненавистью. И сейчас я четко понимала: мы находимся не в гостях, мы очутились в хитроумно расставленной ловушке, сооруженной умелыми и чрезвычайно опасными врагами, охотящимися именно на нас. Вот только бы еще понять, к кому именно мы все-таки попали...

Мы ели и ели. Еды оказалось так много, что, даже после того как мы наелись до отвала, ее все еще оставалось вдоволь. Мифрил, сытая и довольная, свернулась калачиком рядом со мной, но не спала, а изредка поднимала голову, обводила настороженным взглядом всех присутствующих и снова укладывалась. Похоже, она тоже ощущала незримую опасность, витающую под крышей скромного домика. К несчастью, Ребекка и Беонир не разделяли наших опасений, а продолжали беззаботно смеяться и болтать. Однако обильный ужин, как и все хорошее в нашей жизни, тоже подошел к неминуемому концу. Пока Найли ловко и бесшумно убирала со стола, Марэна пустилась в осторожные расспросы:

– Могу ли я поинтересоваться, с какой целью вы пришли в Белые горы? О, уверяю, мое любопытство отнюдь не праздное и я не стремлюсь выведать ваши секреты, – быстро добавила она, заметив наши вытянувшиеся лица. – Просто я знаю эту местность очень хорошо и всегда стараюсь помочь странникам в их походах.

– А что, эту местность посещает много странников? – вопросом на вопрос ответила я, ибо аргументы Марэны показались мне насквозь лживыми.

– Хм, кажется, я выразилась несколько неточно, – суетливо пояснила женщина, поняв, что сболтнула лишнее. – Путникам всегда помогали наши покойные родители, наши деды и прадеды. Они завещали нам эту благородную миссию. Поэтому наш дом и называли «Приют странников». А теперь, если вы посвятите нас в свои планы, мы непременно постараемся вам помочь.

– Звучит красиво! – согласилась Ребекка, но конец ее фразы испортил громкий зев, похоронным колоколом отозвавшийся у меня в душе. Хотелось бы мне знать, что было намешано в том треклятом вине...

– Может, расскажем охотницам о наших приключениях? – предложил Беонир, подпирая рукой свою сонно клонящуюся к столу голову. – Или потом, а то я так устал... – Тут он зевнул куда протяжнее, чем лайл.

– А вы что-нибудь слышали об эльфах из клана Полуночных, которые прошли через Белые горы двести лет тому назад? – в свою очередь осведомилась я, игнорируя предложение своих доверчивых друзей. – Ваши предки не могли пропустить столь знаменательное событие, как исход эльфов из Блентайра.

Сестры обменялись быстрыми заговорщицкими взглядами.

– Тебя ввели в заблуждение, девочка! – хитро ухмыльнулась Марэна. – Через наш перевал никогда не проходили никакие эльфы. Мы знаем лишь о паре-тройке отважных охотников, отслеживавших горных баранов и ночевавших в «Приюте». А эльфы, если они и существовали, наверное, погибли за десятки лиг отсюда, не выстояв против холода, голода и снежной пурги. Поэтому не тешь себя сказками, это не приведет ни к чему хорошему.

Я сердито нахмурилась, готовая поспорить с кем угодно на что угодно: эта женщина нагло лжет, скрывая от меня правду. Очевидно, ее истинные замыслы не имеют ничего

общего с громким заявлением о предполагаемой помощи.

– Ну а сам перевал? – упрямо продолжила я. – Имеется ли он здесь, или его тоже нужно отнести к категории сказок? – Я даже не скрывала издевательских интонаций, намекая на то, что отнюдь не являюсь доверчивой дурочкой, верящей всему и всем.

– Имеется! – недовольно поджала губы Марэна. – Но учти, есть только одна дорога, через перевал Косолапого Медведя. Подгорный проход под Мрачным пиком давно засыпан... Слишком многие путники не вернулись оттуда по причине частых обвалов и регулярно сходящих с гор лавин. Но и оставшаяся дорога через перевал не из легких, там периодически случаются оползни, а в некоторых местах тропа очень узкая. Хотя вас трое, – она иронично покосилась на моих подремывающих спутников, – возможно, вы и справитесь...

– Мы уйдем рано утром, – холодно сообщила я, понимая, что Ребекке и Беониру пора срочно отправляться в постели, ибо толку от них сейчас никакого. – Если, конечно, вы не возражаете, – добавила я, посмотрев хозяйке «Приюта» прямо в глаза.

Марэна сдержанно усмехнулась, давая понять, что сейчас мы всецело в ее власти. Впрочем, ей совершенно ни к чему знать, что у меня свои планы на ближайшее время...

– Час уже поздний, – с ироничной улыбкой вымолвила Найли и поднялась. – Если вы хотите выступить завтра, то пора отдохнуть. Покойной вам ночи.

Горянки помогли едва переступающим ногами Ребекке и Беониру добраться до двух отведенных им комнат, расположенных на первом этаже. Вернее, даже не комнат, а крохотных гостевых чуланчиков, оборудованных скромными лежанками, застеленными шкурами. Все-таки домик с натяжкой, но оправдывал звание приюта. Меня же хозяйки пристроили в угловой комнате второго этажа, где имелась хоть и топорно сработанная, но все же самая настоящая кровать с тюфяком, одеялом и двумя подушками. Я даже не сомневалась, что нас разделили намеренно, поместив меня на внушительном удалении от моих верных друзей.

Я уложила Мифрил под теплое одеяло и задула свечу, усиленно изображая мнимый отход ко сну, хотя на самом деле спать не собиралась. Не раздеваясь и держа под рукой Лед, легендарный клинок, я уселась на краешек кровати, ожидая дальнейшего развития событий. А в том, что оно последует незамедлительно, я была уверена: слишком уж меня насторожило это ехидное «покойной ночи». К тому же я давно привыкла доверять своей интуиции, а именно она подсказывала теперь: в этом месте наблюдается слишком много непонятных и загадочных явлений. Например, тот странный холмик за домом, ужасное отражение в зеркале, внезапный и слишком глубокий сон моих спутников. Во всем этом требуется немедленно разобраться. Правда, я абсолютно не понимала, с чем именно предстоит разбираться и смогу ли я выстоять против атаки двух крепких женщин, отлично владеющих оружием.

Стараясь рассуждать логично, я придумала самый надежный план, содержащий всего лишь пару самонадеянных пунктов: «По фигу! На месте разберусь!» Заодно и поглядим, кто у нас нынче в покойники угодит.

Глава 4

После полуночи мороз усилился и, бесцеремонно проникая сквозь толстые бревенчатые стены, заставлял меня зябко поеживаться. Сидя в пронзительной тишине, я обострившимся от волнения слухом отмечала малейший редкий шорох, раздающийся в уснувшем доме. Вот ветер неловко царапнул по наличнику окна, а вот стрельнуло в камине насквозь прогоревшее полено... Впрочем, вскоре погребальное безмолвие нарушилось, сменившись целой симфонией разнообразных звуков, которые заставляли меня нервно вздрагивать и напряженно таращиться в темноту, ожидая чего-то неминуемого. С нижнего этажа начали доноситься залиvistые рулады двухголосого храпа, свидетельствующего о том, что мои друзья погрузились в глубокий и продолжительный сон. Скованные царящим

снаружи холодом, сухо потрескивали стены домика: резкие щелчки отвлекли внимание, и это чуть не обернулось огромной бедой, едва не оборвавшей мое длительное путешествие...

Мысль обожгла словно вспышка, заставив меня испуганно прикрыть рукой рот, сдерживая готовый вырваться крик. «Это не скрип стен! – запоздало дошло до меня. – Это половые доски негодующе прогибаются под чьей-то тяжелой поступью, предупреждая о надвигающейся опасности!» Шаги приблизились к двери и замерли. Моего слуха достигла сбивчивая, едва слышная перебранка.

– Пора! – категорично заявил грубый бас. Я без труда опознала Найли с ее запоминающейся манерой выражаться прямолинейно и немногословно.

– Тише! – опасливо шикнула Марэна, верховодящая в семейном дуэте. – Говори тише! Вдруг она нас услышит.

– Невозможно, – равнодушно опровергла младшая. – Она же человек, всего лишь человек.

– И все же она наполовину эльф, – резонно поправила Марэна. – А я слишком хорошо помню, на что способен их проклятый род. Не забывай наших сестер, погибших от их мечей.

– Мы убили их больше! – мстительно фыркнула Найли. – И убьем еще. – Старшая промолчала, и младшая добавила еще более сердито и нетерпеливо: – Давай закончим все побыстрее, мне уже надоела эта неудобная оболочка.

– Не торопись, а то все испортишь, – мудро посоветовала сдержанная Марэна. – Давай дадим лайил и ниуэ уснуть покрепче, ведь отвар белоцвета действует верно, но медленно. Тогда они точно не смогут помочь эльфийке и помешать нам. Вернемся сюда через полчаса и покончим с девчонкой. А пока... – До меня донесся скрежет поворачиваемого в замке ключа, после чего шепот стал стихать: похоже, собеседницы отходили от моей двери, удаляясь прочь по коридору.

Я растерянно схватила за голову, терзаясь смутными догадками. О чем они говорили? Сестры, погибшие от эльфийских клинков, неудобная оболочка... Прозрение, кажется, находилось где-то совсем рядом, но все никак не торопилось снизойти на глупую меня. Кстати, если уж Марэна и Найли оказались совсем не теми, за кого успешно себя выдавали совсем недавно, то спрашивается: какие враги могли опередить меня настолько, чтобы успеть организовать искусную ловушку? Определенно я еще не встречала иных до такой же степени изворотливых и коварных существ, как эти две лжеохотницы!

Но так или иначе, у меня уже не оставалось времени для мозгового штурма проблемы. И невольно я вновь вспомнила слова своего приютского наставника, брата Флавиана. Тот рекомендовал мне не думать, а действовать. В общем, следует продуктивно использовать эти полчаса форы, отведенные мне охотницами, чтобы из преследуемой жертвы превратиться в затаившегося в засаде охотника, способного обвести вокруг пальца чрезвычайно опасных врагов. Но что бы такое спасительное придумать? Я растерянно огляделась по сторонам, сиюсь разыскать нечто пригодное для реализации моего плана.

Увы, ничего обнадеживающего не обнаружила. Сейчас я находилась в крохотной комнатухе с одним окном, кроватью и маленьким столиком, вмещающим лишь свечу в подсвечнике и какой-то пухлый сверток. Подергав дверную ручку, убедилась, что меня заперли снаружи, лишив шанса на побег. Итак, единственный путь к отступлению отрезан, а заклинаниями, с помощью которых можно переместиться за стены дома, я не владею. Придется импровизировать на ходу. Утверждают, будто в каждом из нас спит гений... М-да, похоже, мой гений в коме!

Мои размышления нарушила Мифрил. Взобравшись на прикроватный столик, она, недовольно попискивая, положила лапу на сверток. Ее крылышки слегка трепыхались, словно малышка сетовала на мою непростительную бестолковость. Следуя подсказке, я развернула сверток и обнаружила еще одно одеяло, толстое и большое. Решение пришло само собой. Я свернула второе одеяло в рулон, уложила вместо себя в кровать и прикрыла покрывалом, имитируя фигуру спящего человека. Получилось вполне достоверно: в темноте эту «куклу» и вовсе не отличишь от настоящей меня. Я благодарно расцеловала

торжествующе курлыкающую Мифрил и спрятала ее под кровать, попросив сидеть тихо и дожидаться моего возвращения. Сообразительная мантикора свернулась в клубочек, заговорщицки поблескивая круглыми бусинками глаз.

Далее я вознамерилась было взломать запертую дверь, но отказалась от этой идеи, понимая, что наделаю много шума и лишу свое появление эффекта неожиданности. Я подошла к окну и внимательно оглядела плотно прилегающие друг к другу створки открывающейся внутрь рамы. К счастью, их запирает всего лишь маленький, хиленький замочек, вставленный в деревянные ушки. Создав крохотный язычок магического огня, я выжгла нехитрое крепление. По комнате поплыл слабый запах горелого дерева. Я распахнула тяжелые оконные створки, и в спальню ворвался поток морозного воздуха, а вместе с ним – клубы мелких колючих снежинок. Ветер завывал на тысячи голосов, умоляя меня не выходить из домика и не отдавать тепло свирепому холоду, безраздельно властвующему в Белых горах. Да, нынешняя ночь явно не располагала к романтическим прогулкам.

Не послушавшись доброго совета северного ветра, я перегнулась через подоконник и глянула вниз. Наметенные за вечер сугробы поднялись вровень с окнами первого этажа, но я не рискнула спрыгнуть в снег, понимая, что отпечатавшиеся следы меня выдадут. Вместо этого я вылезла из комнаты и встала на узкий выступ, образованный торцами балок, опоясывающих дом на уровне разделения этажей. Довольно ухмыльнувшись, закрыла за собой рамы и создала иллюзию замка, висящего на створках. Правда, такой оптический фокус продержится недолго, но, думаю, мне хватит и нескольких минут. Осторожно переступая по обледеневшим бревнам и шатко балансируя, я прошла до середины стены и спрыгнула вниз, приземлившись точно на небольшой козырек над крыльцом. После этих приготовлений я ту же завернулась в свой тонкий, насквозь продуваемый ветром плащ, помолилась Неназываемым, прося о помощи, и приготовилась ждать.

Ожидание оказалось коротким. Прошло минут десять с момента побега, когда из отведенной мне спальни вдруг донеслись разочарованные вопли обманутых сестер. Очевидно, они обнаружили, что клетка опустела, а птичка каким-то образом выпорхнула на волю. По дому будто прошелся гневный ураган, сопровождающийся неистовой руганью и грохотом расшвыриваемой мебели. Впрочем, даже этот яростный шум не нарушил мерного храпа моих друзей, который был слышен даже на улице.

– Ищи эту мерзавку! – разъяренно визжала Марэна. От ее криков я содрогалась, потому что в голосе женщины уже не было ничего человеческого. – Она где-то здесь, близко, я ее чувствую!

– Посмотрю во дворе, – коротко откликнулась Найли. Входная дверь громко хлопнула, выпуская наружу младшую из сестер.

Сверху, с козырька над крыльцом, я увидела темную тень, кубарем скатившуюся со ступенек. Не раздумывая, спрыгнула прямо на нее. Мне в очередной раз повезло: всем весом своего тела я скоординированно обрушилась на плечи Найли, при этом случайно приложившись к ее затылку массивным медальоном «Ловец ветра», который теперь постоянно носила на шее. Раздался звук удара, и тело женщины мягко осело в снег, распластавшись в позе выброшенной на берег морской звезды. Похоже, моя противница лишилась сознания. Я радостно ухмыльнулась, ибо давно подозревала, что лучший способ защиты – это нападение. Увязая в глубоком сугробе, я неловко откатилась в сторону, пытаясь одновременно осуществить два трудновыполнимых действия – подняться на ноги и извлечь из ножен Лед. И мне почти уже удалось встать, но тут случилось непредвиденное... Пробив тонкую корочку наста, моя левая нога практически по колено провалилась в кучу снега, а я начала неуклюже заваливаться на бок – тяжелый меч якорем тянул вниз. Наверное, со стороны это беспомощное барахтанье выглядело нелепым, но именно оно и спасло мне жизнь, уведя с линии направленного удара...

Раздалось громкое хэканье, и в снег – именно в том месте, где еще секунду назад находился мой торс, – впилося лезвие здоровенного топора-колуна. Взвизгнув от ужаса, я

юркой змейкой вывернулась из цепких объятий сугроба и буквально отпорхнула на пару шагов влево: ужас и желание жить придали мне сил. Я обернулась... Напротив меня, по щиколотку увязнув в снегу, стояла покачивающаяся Найли, пытаюсь сфокусировать взгляд. Из уголка рта стекала тонкая струйка крови, наглядно подтверждающая действенность доставшегося лжеохотнице удара. Похоже, сама на то не надеясь, я все-таки сумела нанести Найли ощутимый урон. Мне, несомненно, повезло. Но такое чудо происходит только единожды. В дальнейшем мне придется рассчитывать не на промысел небес, а на свою реакцию, смекалку и храбрость. Намереваясь добить свою противницу, до того как она полностью придет в себя, я занесла Лед над головой, целясь в середину груди Найли. Шумно выдохнув, я обрушила смертоносное лезвие клинка на пьяно покачивающуюся женщину, придав ему все возможное ускорение. Мышцы загудели, как до предела натянутые струны, а в плече что-то противно хрупнуло, обжигая резкой вспышкой боли...

Увы, мои усилия пропали втуне! В воздухе сверкнуло что-то узкое и короткое, вскользь чиркнувшее по моей правой кисти. Порез оказался небольшим, но кровь липким ручейком побежала по предплечью, скапливаясь в рукаве. Я громко вскрикнула от неожиданности. Руки дрогнули, и меч, нарушив заданную траекторию, ушел вбок, пропахав снег и не причинив ни малейшего вреда Найли. Разочарованно выругавшись, я взглянула на крыльцо... На ступеньках стояла Марэна. Она откровенно торжествовала, а в ее руке, отведенной для повторного броска, сверкал тонкий кинжал.

– Вот и конец спектаклю! – злорадно усмехнулась она, показывая огромные желтые клыки. – Теперь ты знаешь, девочка, с кем имеешь дело!

– С кем? – все еще не понимала я.

Спрятав за спиной сжатый кулак, я поспешно творила заклинание огня. Странно, но боль в поврежденной руке почти не чувствовалась. Память услужливо воскресила в мозгу поединок с Нагом, и я тут же осознала, что действие его яда, вызывающего частичное онемение конечностей, еще не закончилось. Вот уж точно нет худа без добра! Если бы только моя врагиня поболтала еще минутку, ну хотя бы полминутки...

– Кто вы такие и что я вам сделала? – продолжила выпрашивать я, отвлекая охотницу.

– Мы? – Марэна презрительно расхохоталась, утратив бдительность. – Ты и правда не знаешь, девочка?

– Правда! – почти честно ответила я, не собираясь озвучивать свои смутные догадки. Огненный шар в моем кулаке разгорался, наливаясь мощью и жаром. – Что вам нужно от меня? Как вы меня выследили?

– Нам нужна твоя жизнь! – громовым раскатом пророкотала женщина. – Узнаешь? – Она показала черный локон. – Твои волосы. Нам дала их богиня Банрах, ибо мы гхалии... – Она так и не завершила фразу, перейдя от слов к поступкам.

Два наших действия слились воедино, став одним. Гхалия метнула кинжал, а я, полностью сформировав заклинание, выплеснула накопленный огонь, уже обжигающий мне пальцы. Гхалия была невероятно хитрой и быстрой, но я все-таки опередила ее на долю мгновения, выиграв этот поединок даже не у нее, а у самой смерти. Огненный сгусток сорвался с моей ладони, вспорол ночную тьму и врезался в грудь гхалии, отшвырнув ее назад, в призывно распахнутые двери «Приюта странников». Испустив отчаянный вопль, тварь канула в темноту, а я присела, пропустив над головой летящий в меня кинжал, срезавший пару волосинок с моей макушки.

Подчинившись собственной интуиции, уже не раз спасавшей мне жизнь, я плашмя рухнула в снег лицом вниз... Мою спину словно обдало ветром... Издав разочарованное шипение, Найли, не удержав равновесия, грузно свалилась рядом со мной, а все тот же злополучный топор, не выполнивший свое предназначение и во второй раз, вылетел у нее из рук и провалился в снег, на сей раз окончательно. Очевидно, короткая передышка, выпавшая на долю младшей гхалии, пошла ей на пользу. Теперь Найли куда лучше владела своими руками и ногами, а полубезумное выражение лица сменилось гримасой ярости. Кажется, мне снова предстоит бороться за свою жизнь!

Понимая, что вязкий снег в некоторой мере уравнивает наши возможности, я с диким визгом прыгнула на свою противницу, и мы покатались по сугробам, скручиваясь в тугой клубок. Мой меч остался где-то в стороне, а для плетения чар требовалось хотя бы несколько секунд, которых у меня, к сожалению, не было. Схватив гхалию за запястья и обвив ногами ее бедра, я пыталась отстраниться от оскаленных клыков твари, щелкающих в опасной близости от моего горла. Но она, даже не вполне оправившись от контузии, все равно была намного сильнее меня. Мои руки дрожали, по вискам струился холодный пот, и я прекрасно понимала, что жить мне осталось считанные секунды. Ну или что-то около того...

Говорят, любовь обитает в наших сердцах, голод – в желудке, страх – во встающих дыбом волосах, а злость – под языком, в виде колких слов. Но вот где живет наша душа? Лично я думаю, что в глазах. Ощувив на себе пристальный немигающий взгляд гхалии, я, словно загипнотизированная, уже не могла отвести взор от ее неестественно расширенных зрачков, напоминающих два черных бездонных колодца. И эти колодцы начали засасывать меня в свои порочные глубины, через глаза вырывая мои мысли, забирая мои воспоминания, истребляя мои желания. Не сумев уничтожить меня физически, гхалия принялась вытягивать из меня душу, обрекая на еще более мучительную и ужасную смерть. Она забирала у меня все: тепло моего тела, стремления моей души, а также мои магические способности. Мое сопротивление все слабело, а надежды на спасение уже не оставалось...

Но вдруг я заметила, как что-то светлое мелькнуло над плечом твари. А затем услышала звонкий звук одиночного, но сильного удара. Глаза гхалии потухли, словно два разбитых фонаря, руки повисли плетями, а голова бессильно свесилась ко мне на грудь. Осознав, что подобный благоприятный шанс больше не выпадет, я мгновенно перевалила на спину неподвижное тело противницы и схватилась за первое, что подвернулось под руку. Это была рукоять моего стилета. Я вытянула клинок из ножен и, недолго думая, вонзила лезвие в центр лба ненавистой врагини. Золотые песчинки, заключенные в алом рубине, венчающем рукоять стилета, завихрились внутри, будто подхваченные невидимым потоком. Гхалия испустила оглушительный предсмертный вой, полный животного ужаса. Ее тело забилося в бурных конвульсиях, а потом вытянулось на снегу и начало усыхать и съеживаться, словно медленно лишаясь своего содержимого.

Устало пошатываясь, я поднялась на ноги, с уважением рассматривая сидящую чуть поодаль Мифрил. Мантикора чистила о снег окровавленный клювик. Интересно, как это она умудрилась подоспеть вовремя, дабы клюнуть гхалию в ее многострадальный затылок и тем самым спасти мне жизнь?

– А ведь я велела тебе затаиться под кроватью и дожидаться моего возвращения! – со смесью укоризны и восхищения напомнила я. – Почему же ты меня послушалась? Разве ты забыла, что являешься единственной мантикорой нашего гибнущего мира?

Мифрил наклонила голову набок и насмешливо чирикнула, намекая: мол, ты тоже единственная! К тому же я прекрасно понимала, что если бы не Мифрил, то, вероятнее всего, наша следующая встреча состоялась бы весьма не скоро и, надо полагать, в ином мире. Но к чему думать о плохом? Мы снова победили, снова выжили, а значит, не имеем права грустить. Помнится, брат Флавиан как-то процитировал одно мудрое изречение: «Понастоящему наслаждаться жизнью умеет лишь тот, кто воспринимает каждый прожитый день как подарок!» Вот только сегодня мне жутко захотелось дополнить эту фразу словами, что эти «подарки» бывают очень и очень разными!..

Первые проблески приближающегося рассвета окрасили небо в нежнейший розовый цвет. Запрокинув голову, я любовалась слоистыми облаками, невесомо парящими над верхушками Белых гор. Сверху эти пухлые туманные подушки выглядели безупречно серебристыми, а их рыхлые брюхи отливали всеми оттенками кораллового и опалового, щедро подсвеченные лучами Сола, пробуждающегося от ночного сна. Красота утреннего пейзажа радовала взор, заставляя забыть об ужасах истекшей ночи.

Я размышляла о перевале Косолапого Медведя, пролегающем где-то впереди, и о том, сумеем ли мы пройти это опасное место. Попутно я также гадала, куда именно завело меня

сильно затянувшееся путешествие, понимая – отступать уже поздно. Теперь точно упрямо придется идти вперед, стараясь не вспоминать о преодоленных опасностях и не страшиться грядущих испытаний. Кто скажет, что ожидает меня там, за Белыми горами? Да, пожалуй, никто! Ни я, ни Ребекка с Беониром, ни сам бог Шарро. Кстати, это даже неплохо.

Все великие поступки в нашем мире совершают люди двух типов. Гениальные – они точно знают, чем рискуют, двигаясь к цели, и стоит ли цель затраченных усилий. Но чаще подобные поступки совершают самонадеянные храбрецы, которые совершенно неспособны соизмерять свои желания с возможностями. Интересно, к какому типу отношусь я сама?

Наше с Мифрил уединение нарушила донельзя заспанная Ребекка. Сладко зевая и потягиваясь, лайил буквально выползла на крылечко, неуверенно переставляя ноги и хватаясь за резные столбики, поддерживающие тот самый козырек, с коего я прыгнула на спину Найли. Воительница зачерпнула горсть снега с перил и приложила к виску, а на ее лице нарисовалось страдальческое выражение.

– Это что же такое забористое мы вчера пили, а? – хрипло простонала она. – Вот Тьма, голова болит, спасу нет!

– Отвар белоцвета, – любезно пояснила я, с интересом наблюдая за подругой. – Очень сильное снотворное.

– Зачем? – не поняла лайил, расслабленно приваливаясь к стене домика и обтирая лицо остатками растаявшего снега. – Я вроде на бессонницу не жаловалась.

Я скупно усмехнулась, решив не форсировать события и позволить своей охраннице самостоятельно разобраться в сути пропущенных ею эпизодов. Как говорится, предоставленные сами себе, события нашей жизни имеют тенденцию развиваться от плохого к хорошему. Но на сей раз я просчиталась...

Обводя дворик ленивым взглядом, Ребекка наконец узрела распростертое прямо перед крыльцом тело мертвой Найли, возле которого спокойно прохаживалась я и весело прыгала мантикора, помахивая уже заметно окрепшими крылышками. Похоже, наша веселая парочка настолько резко контрастировала с одеревенело вытянувшимся трупом, что Ребекка впала в продолжительный ступор. Ее глаза медленно расширялись до тех пор, пока не достигли немыслимого размера, грозя вывалиться из орбит. Впрочем, неудивительно: только слепой мог не заметить стилет, торчащий из лба убиенной мною гхалии. Воительница силилась что-то сказать, но из горла, пережатого нервным спазмом, вырывалось лишь неразборчивое сипение – безусловно, эффектное, но неинформативное.

– Дыши глубже, – искренне посоветовала я. – Ну и, конечно, соблюдай спокойствие, повода для паники нет.

Подруга незамедлительно последовала моей рекомендации, хотя ее выпученные глаза никак не желали принимать нормальный вид.

– Это ты ее убила? – наконец деловито осведомилась Ребекка, снова обретя дар речи. Уголки ее ярких губ осуждающе опустились вниз. – Зачем, почему? Ведь сестры-охотницы проявили такое гостеприимство.

«Да уж, гостеприимнее некуда! – мысленно усмехнулась я, невольно вспомнив страшную сказку, популярную в сиротском приюте, про кровожадную двуличную лесную ведьму. – Накормили, напоили, причем еще как напоили, спать уложили... А ночью, в лучших традициях жанра, намеревались скушать...»

– Во-первых, не я, а мы. – Я улыбнулась благодарно пискнувшей Мифрил. – А во-вторых, может, у меня привычка такая симпатичная образовалась: никогда не оставляй в живых того, кто сделал тебе добро, чтобы ни у кого не быть в долгу! – Тут я с театральным злорадством расхохоталась в лицо опешившей лайил.

– Ты это всерьез говоришь? – удивленно промямлила подруга, кажется враз позабывшая про свое плохое самочувствие. – Или издеваешься?

– Абсолютно! – солидно кивнула я, не уточняя, к которому из ее вопросов следует отнести мою реплику. – Мнимую охотницу убили мы с Мифрил, а подобного «добра» нам ни

бесплатно, ни за риели не надо.

– Да-а? – Ребекка бочком сползла с крылечка, подковыляла к мертвому телу и с неподдельным интересом уставилась на странно раскисшую оболочку, ранее являвшуюся человеком, а теперь опустошенную ударом моего стилета. – Что это? – спросила она с содроганием в голосе, пальцем указывая на омерзительные останки.

– Гхалия! – стараясь казаться равнодушной, ответила я.

– А-а-а! – непонятно отреагировала лайил, сделала шаг назад и шлепнулась на ягодицы, потрясенная до глубины души неожиданной новостью. – И ты ее убила? – уточнила она кричащим шепотом с непередаваемыми интонациями. – И ты ее убила!

– Мы с Мифрил, – терпеливо поправила я. – Пока вы с Беониром спали, опоенные снотворным питьем, гхалии договорились сначала уничтожить меня, а затем – угробить ничего не подозревающих вас. Но я оказалась проворнее...

– Чтоб их мантикора три раза переварила! – перебила воительница, не дослушав моего лаконичного доклада. – А лохматый-то ни о чем и не ведает!

В эту секунду, заглушив последние слова лайил, из домика донесся дикий, полный неконтролируемого ужаса вопль, перешедший в сбивчивый собачий лай. Такие звуки мог издавать только Беонир!.. Не сговариваясь, мы с лайил повернулись на каблуках и со всей мочи ринулись обратно в домик.

«Только бы не опоздать! – вертелось у меня в голове. – Только бы Беонир не пострадал!» И как я могла забыть про Марэну?! Возможно, мой огненный шар тяжело ранил ее, но конечно же не убил!..

Мы отыскивали Беонира в столовой. Полускрытый от нас столом со скамьями, юноша склонился над чем-то бесформенным, лежащим на полу, и шумно принахивался, пофыркивая от отвращения. Слава Неназываемым, к тому моменту ниуэ уже перестал кричать или лаять, а значит, с ним не приключилось ничего дурного. Застав своего возлюбленного в этой задумчивой позе, Ребекка облегченно вздохнула и присела на лавку, судорожно хватаясь за бурно вздымающуюся грудь.

– Когда-нибудь ты меня уворишь! – укоризненно произнесла она, обращаясь к юноше. – Вот погоди, однажды я возьмусь за твое воспитание!

– Йона, ты можешь мне объяснить, что с ней произошло? – попросил Беонир, пальцем указывая на объект, распростертый на полу. На гневную отповедь своей возмущенной невесты он не обратил ни малейшего внимания. – Почему-то она выглядит... – Он замялся. – Не совсем живой...

– Могу! – ответила я, догадавшись, что именно вызвало сначала столь бурную реакцию со стороны полусонного юноши, а затем – всплеск неумного любопытства. Я обошла вокруг стола и присела на корточки, небрежно склонившись над останками той, которая совсем недавно называлась Марэной.

– Понимаешь, я наступил на нее в утреннем полумраке и немного не сдержал эмоции, – стал оправдываться юноша. – Ах, это так невежливо!

– Ничего себе «немного»! – язвительно фыркнула Ребекка, как обычно не давая спуска своему вечному оппоненту. – Да ты орал так, будто тебя кто-то насилует! Причем этот кто-то явно не я...

Беонир терпеливо вздохнул, давая мне понять, что он прекрасно понимает: есть тысяча рецептов, как заставить женщину говорить, но не существует ни одного действенного способа заставить ее замолчать.

– Забудь о вежливости, – успокаивающе улыбнулась я. – Марэна в этом уже не нуждается, ибо она мертва.

– Мертва! – подпрыгнул Беонир. – Но кто ее убил и за что?

– Я! – монотонно пояснила я, мучаясь ощущением нудной затянутости этой сцены, состоящей из однообразных вопросов и ответов. – Кстати, там, во дворе, лежит ее сестра, такая же холодная и неживая.

Беонир изумленно охнул, отшатнулся, с размаху плюхнулся рядом с Ребеккой, предательски подбитый под колени краем лавки, и потребовал немедленных объяснений. Я красочно описала события минувшей ночи, не скупясь на комплименты в адрес своей вовремя подоспевшей крылатой спасительницы. Друзья слушали молча, затаив дыхание и восхищенно приоткрыв рты. И я их понимала, ведь никакая выдумка, даже самая замысловатая, не сравнится с обычной правдой, намного превосходящей все сказки и легенды нашего мира.

Последовательно излагая факты, я попутно проанализировала всю доступную мне информацию и пришла к интересным выводам. Оказалось, что Душа Пустоши, заключенная в стилете и подчиняющаяся отныне только мне, способна убить гхалию, в свою очередь вытянув из этой кровососки и жизнь, и силы. Интересно, что произойдет, если я ударю этим клинком кого-то другого?... Жаль, но пока я имею возможность только теоретизировать. А если сравнить останки Найли и Марэны, то можно с уверенностью заявить: первую я убила, а от второй осталась лишь лишенная плоти кожа, изуродованная огромным ожогом. Полагаю, раненная мною гхалия сумела благополучно покинуть присвоенное тело, сбежала в неизвестном направлении и вынашивает планы мести. Значит, наши с ней дела еще не закончены, мы встретимся опять, и этот поединок произойдет в самое ближайшее время. Теперь мне предстоит постоянно держать ухо востро, ожидая грядущих несчастий.

Я не постеснялась озвучить свои мрачные мысли, изрядно напугав Ребекку и Беонира. Те непонятно почему чувствовали себя виноватыми. А я всего лишь оказалась чуть более наблюдательной или удачливой, чем они: успела заметить мелькнувшее в зеркале отражение. В противном случае я бы тоже выпила вино, и тогда с нами произошло бы такое, о чем подумать страшно... Я мотнула головой, отгоняя навязчивые картинки.

Мы собрали оставшуюся от ужина еду, заботливо упаковав ее в мешок, а также, к нашей огромной радости, нашли в домике немало разнообразной теплой одежды, пришедшейся нам впору. Надежно экипировавшись, мы решили, что вполне готовы к штурму перевала Косолапого Медведя, ведущего через Белые горы. Но перед тем как навсегда покинуть «Приют странников», нам пришлось выполнить одну скорбную обязанность...

Обернув одеялами останки лжеохотниц, мы вынесли их на задний дворик, оттащив к тому самому холмику, который заинтересовал меня еще вчера вечером. Как я и ожидала, под покровом свежеевыпавшего снега мы обнаружили трофеи, но отнюдь не охотничьи. Мельком взглянув на обескровленную плоть, лохмотьями свисающую с костей, я сразу поняла: здесь покоятся тела настоящих хозяек «Приюта странников», ставших добычей голодных гхалий, впоследствии принявших образ убитых женщин. Прочитав короткую погребальную молитву, мы похоронили несчастных близняшек, ставших невольным источником наших очередных злоключений.

Без зазрения совести мы присвоили снегоступы, висевшие на задней стене домика. Разбирая крепящиеся к ним ремешки, я наклонилась и случайно наткнулась взглядом на какие-то странные значки, начертанные на нижнем звене бревен, образующих сруб охотничьего домика. Сначала я не поверила собственным глазам, а потом мое сердце восторженно забилося, наполняя душу надеждой и верой в благополучный исход нашего трудного путешествия. Да, лжеохотницы мне соврали, теперь я знала это наверняка, ибо отыскала нечто, полностью подтвердившее правильность моих догадок. Мы находимся на верном пути, и этот путь ведет туда – за перевал Косолапого Медведя...

Полностью вступившее в свои права утро встретило нас хмурым небом, сплошь затянутым серыми облаками, пронизывающим ветром и мелкой противной моросью, чередующейся со снегом. В такую погоду меньше всего хотелось покидать теплый домик, но я во что бы то ни стало хотела отправиться в путь. Когда мы выходили со двора, уверенно ступая пристегнутыми к ногам снегоступами, Ребекка и Беонир вслух поразились тому, какой нескрываемой радостью горят мои глаза. Но друзья тщетно донимали меня вопросами

– я только интригующе улыбалась и отрицательно качала головой, показывая: время раскрытия тайн еще не наступило.

– Человек может вынести все, – хихикнула я, – если его не остановить. Прошу вас, не останавливайте меня!

– Мазохистка! – беззлобно обозвала Ребекка, заботливо поправляя мой плащ. – Хроническая и внесезонная.

– Нам еще сильно повезло, что мы попали в горы ранней осенью, – с умным видом сообщил ниуэ, пристально вглядываясь в карту, найденную им в одной из книг города Ил-Кардинена. – Снега пока выпало мало, перевал открыт, а угроза схода лавин незначительная.

– Не каркай! – сердито хмыкнула лайил, предупреждая хлопая юношу по плечу. – Не забывай, беды бывают двух видов – когда не везет тебе и когда везет другим. Помни о благополучно сбежавшей от нас гхалии.

Беонир предпочел промолчать, не желая связываться с подругой и понимая, что любое его замечание приведет к очередной перебранке, никак не способствующей укреплению отношений между будущими супругами. «М-да, холостые мужчины не понимают, какое это счастье – быть женатым! – красноречиво нарисовалось у него на лице. – Женатые, впрочем, этого тоже не понимают...»

Когда «Приют странников» остался позади, Ребекка властным жестом положила руку мне на плечо, затормозив тем самым мою поступь, напоминающую полубег:

– А теперь, малышка, давай-ка выкладывай, куда ты так несешься? И глазищи у тебя горят, словно факелы!

– Они существуют! – торжественно сообщила я, не скрывая переполняющей меня радости. – Крылатые эльфы действительно существуют, и они тоже проходили через этот перевал!

– Можно подумать, ты их своими глазами увидела! – опешила воительница.

– Увидела! – кивнула я. – Наклонившись к завязкам снегоступов, я случайно заметила полустертые от старости значки, нанесенные на нижнее звено сруба...

– Да ну? – не поверил Беонир. – А почему ты не показала их нам?

– Они пропали сразу же после того, как я сумела их разглядеть, – честно призналась я, вспоминая, что нечто подобное уже происходило: с запиской, выпавшей из переплета Первой Книги. – Видимо, там не обошлось без чар. Этот путеводный знак включал в себя начальную руну имени Эврелика и стрелку, указывающую в сторону перевала Косолапого Медведя. Догадываетесь теперь, кто мог оставить значки?

– Чародей Лаллэдрин, кто же еще! – заявила Ребекка. – Причем оставил именно для тебя, и только для тебя. Возможно, никто другой эти руны просто не увидел бы. – Она ухмыльнулась, довольная своей прозорливостью. – Такие секретные штучки-дрючки как раз по части эльфийских магов.

– Я с тобой согласен, – вдумчиво кивнул Беонир. – Остается надеяться, что этот знак не заведет нас в какую-нибудь ловушку.

– Не каркай! – в очередной раз проворчала Ребекка. – Не приманивай беду. А то с тебя, дурака, станется...

Я молчала, думая о чем-то своем и предоставив друзьям возможность препираться до бесконечности, изливая накопившееся нервное возбуждение. Мой магический потенциал еще не восстановился, изрядно подточенный ментальной атакой гхалии. Впрочем, не нужно быть чародейкой, чтобы с уверенностью предсказать: самые серьезные испытания нас поджидают впереди. Каркай не каркай – а беда не спрашивает, когда ей прийти...

Глава 5

К полудню небо немного прояснилось. Снегопад прекратился, позволив нам откинуть надоевшие капюшоны, щекочущие лица, и чуть-чуть осмотреться. Видимость оставляла желать лучшего, ибо лучи Сола, отражающиеся от девственно-белого снега, слепили глаза,

вызывая обильное слезотечение. По-прежнему дул холодный северный ветер, заставляя нас ежиться и плотнее кутаться в плащи и меховые куртки, найденные в «Приюте странников». Стараясь не сбавлять темп, мы ровным шагом пересекли лежащую у подножия Белых гор долину, то и дело поглядывая на перевал, хорошо различимый в дневном свете. Надписи на карте и слова мнимой Марэны морально подготовили нас к тому, что подъем станет нелегким.

Тропа, ведущая вверх, вилась вдоль больших валунов, которые волей-неволей заставляли задуматься об обвалах, столь нередких в горах. Наши ноги постоянно ушибались о мелкие камушки, невидимые под тонким слоем снега. Пальцами рук, замерзшими даже в перчатках, приходилось цепляться за скальные выступы. Ниуэ и лайил постоянно поддерживали меня, поскольку я несла завернутую в одеяло мантикору. Двигались мы медленно и с натугой, что идеально соответствовало нашему подавленному состоянию.

– Я все время думаю о тех адептах, что проходили эти испытания до меня, – решила я подбить своих друзей на болтовню, дабы развеять мрачное молчание. – Как им это удавалось?

– А я, если честно, не представляю, каким героем нужно родиться, чтобы выдержать подобное, – пожала плечами Ребекка. – Кстати, вас, чародеев, в Блентайре не так уж много. Видимо, стать магом куда труднее, чем, к примеру, воином или охотником.

– А из чего складывается процесс обучения у воинов? – заинтересовалась я, стремясь хоть как-то отвлечься от терзающего меня холода. – Расскажи нам, пожалуйста.

– Расскажи! – тут же поддержал меня ниуэ. – А то ты вся такая загадочная.

– Загадочные женщины – это те, которые выходят замуж за гадов! – во все горло расхохоталась воительница, заставив своего нареченного обиженно надуть губы и отвернуться.

Словно извиняясь за грубую шутку, лайил снисходительно похлопала его по плечу и ударила в откровения.

– Конечно, никто не посылает нас первым делом на полосу препятствий, – усмехнулась она, польщенная пристальным вниманием к своей неотразимой персоне. – Все проходит вполне обычно: тренировки по десять часов в день, однообразная еда, наряды по казарме... Пора ученичества пролетает стремительно, как быстротечный кошмарный сон. Ну сами понимаете, бег, стрельба из лука, верховая езда, рукопашный бой, снова бег – и так по кругу... В общем, ничего особо приятного.

– Зато ты такая сильная и смелая! – поощрительно улыбнулась я.

– Ах ты подлиза! – Воительница довольно щелкнула меня по носу, за что немедленно получила ощутимый клевок от Мифрил.

– Эй, а твоя крошка-летунья становится все сильнее! – Ребекка с притворным возмущением воззрилась на задиристую мантикору. – Не успеешь оглянуться, как она совсем богатыршей станет!

– Растет, – одобрительно улыбнулся Беонир. – Спустимся с гор – и пусть она идет сама. Ладно, Йона? Ей уже пора учиться твердо стоять на ногах.

– Договорились, – кивнула я, ощущая, как оттягивает руки изрядно потяжелевшая Мифрил.

Заночевать решили у самого подножия Белых гор. Припасенная еда оказалась питательной и вместе с тем невероятно вкусной. Хотя подозреваю, что столь голодные и усталые путники, как мы, способны с аппетитом съесть даже жаркое из подошвы собственного сапога. Оставив меня обустройства лагеря, Беонир вместе с Ребеккой отправился на поиски дров, ведь ночи в горах куда холоднее, чем внизу, в долине. Они вскоре вернулись, неся в руках охапки прутьев и веток. Предусмотрительно связав хворост в вязанки, мы, наскоро поужинав, легли спать. Утром предстояло начать покорять перевал Косолапого Медведя.

Следующий день подарил нам дивное зрелище: облака, словно сделанные из розового пуха, и отсутствие снегопада. Дорога с самого начала забирала круто вверх, так что мы шли

медленно, со страхом ожидая, что еще немного – и придется карабкаться на четвереньках. К полудню все трое взмокли и тяжело дышали, но перевал не собирался сдаваться так просто и, казалось, не приблизился ни на йоту.

– Да-а-а... – Ниуэ с сочувствием смотрел, как я, захлебываясь и обливаясь водой, жадно пью из фляжки, и разочарованно качал головой. – Таким вялым темпом мы будем подниматься наверх не меньше двух дней.

– Ты куда-то спешишь? – сердито буркнула воительница, которую собственная усталость только раздражала. – Торопятся только диарейные больные, в сортир.

– Не я, а Йона, – хладнокровно парировал юноша.

– Два дня – это ничтожно мало по сравнению со всей моей жизнью, – успокоила я обоих. – Просто продолжим идти вперед, а там будь что будет.

– Мой отец всегда именно так и говорил, – уважительно кивнул Беонир. – Делай что должно – и будь что будет. Пожалуй, ничего лучшего в такой ситуации и не придумать.

– Фаталисты, – угрюмо буркнула лайил, недовольно морща обветренный нос. – Здравомыслящие люди заботятся не о том, правильно ли они живут, а о том, долго ли они проживут. Между тем жить правильно – это всем доступно, а вот жить долго – мало кому.

– Не бойся, мы не умрем, – безмятежно улыбнулся Беонир. – Я это чувствую.

– А я чувствую только жуткий холод, – отрезала несговорчивая воительница, со вздохом сожаления поднимаясь на ноги. Она засыпала во фляжку свежую порцию чистого снега и убрала посудину в нагрудный карман. – Ладно, пошли уж.

Так мы и сделали, хотя дорога с каждым часом становилась все хуже. Кажется, надвигалась буря. Сильный, пронизывающий ветер дул навстречу, что замедлило наш и без того небystрый шаг. С двух сторон над нами возвышались горные пики, и казалось – они неодобрительно следят за наглецами, осмелившимися проскочить у них под носом. Ребекка и Беонир шли медленно, согнувшись под неимоверным грузом собранных ими дров. Из-за своих хрупких крыльев я могла нести сумку только на плече, другой рукой прижимая к себе Мифрил. Я старалась не думать о том, что становится все холоднее. Мы ужасно замерзли, хотя по нашим телам струился пот, вызванный труднопроходимой каменистой тропой, доступной лишь ловким горным козам. Ноги постоянно подворачивались, скользя на неровностях. Да, теперь-то мы прекрасно понимали, почему эту узенькую тропку назвали перевалом Косолапого Медведя!

Ближе к вечеру мы начали оглядываться в поисках подходящего места для ночлега, но эти поиски обещали затянуться. Дорога все еще резко поднималась вверх, а по обе стороны от нее были разбросаны громадные валуны, темные от морозящего дождя, смешанного с крупными хлопьями липкого снега. Понимая, что через час на землю опустится непроглядная тьма и станет совсем ничего не видно, Ребекка решительно остановила нас с Беониром, все еще высматривавших свободную от камней площадку, и начала двигать валуны, расчищая пространство. Под этими камнями не росла трава, а лишь чавкала непромерзшая грязь. Но выбирать не приходилось. Мы расчистили небольшой пятачок земли и разожгли костер, используя драгоценное топливо, с таким трудом принесенное сюда.

Ночью мы по очереди вставали, дабы подбросить в огонь сучьев: темное время суток оказалось чрезвычайно холодным, и тепла наших плащей было недостаточно даже для крошки Мифрил, клубочком свернувшейся под ворохом наваленных на нее одежек. Ветер выл и свистел на все лады, выкрикивая что-то неразборчивое, сильно смахивающее на угрозы. Судя по всему, он всерьез вознамерился не пустить нас на перевал, навечно похоронив среди камней и снега. Но в ответ я лишь упрямо стискивала зубы, готовая бороться с чем угодно: с ветром, холодом, мраком. Я не собиралась сдаваться!

Утро не принесло никаких улучшений. Небо постепенно наливалось тревожным красным светом, предвещающим приближение бурана, но мы не могли судить об этом точно из-за низко висящих облаков, беспрестанно изливавших на головы невыспавшихся и продрогших путников все новые порции влаги, смешанной со снегом. Завтракали молча, ибо резкий переход из теплой ранней осени в горный холод остудил наш пыл и не способствовал

созданию хорошего настроения. Вскинув на плечи свои изрядно отощавшие мешки, мы продолжили восхождение.

Уже во второй половине дня обнаружилось, что тропа впереди завалена огромными базальтовыми обломками, а менее крутым подъем так и не становился. Тоскливо оглядев ожидавший нас путь, мы начали упрямо карабкаться на горную кручу, верхушка которой, кажется, упиралась в самые облака.

Мне все-таки пришлось пересадить Мифрил к себе за спину, дабы освободить руки и иметь возможность хвататься за обледенелые, скользкие камни. Но при этом я с затаенной гордостью ощущала, что маленькая мантикора не испытывает никакого страха, доверяя мне всецело и безоговорочно. Крепко вцепившись когтями в мою сумку и плащ, Мифрил не издавала ни одного протестующего звука, хотя тряска вряд ли пришлась ей по душе. Карабкаясь через перевал, я углубилась в свои мысли, мало обращая внимания на то, куда и как я ставлю руки и ноги, вдруг ставшие неловкими и ненадежными.

Терзаемая вполне обоснованными сомнениями относительно дальнейших намерений упущенной гхалии, я не заметила, что громадный валун, на который мы сейчас взбирались, порос старым мхом, размокшим и осклизлым от дождя и снега. Я слишком поздно осознала случившееся. Попыталась было удержать равновесие, но ноги соскользнули вниз. Меня отбросило назад, к уже преодоленным камням. Чисто инстинктивно я завалилась на бок, спасая крылья и позвоночник от удара. При этом моя левая нога неестественно выгнулась, но хруста кости я не услышала... Упав головой на самый нижний из камней, я ощутила острую вспышку боли и потеряла сознание.

Мой разум порхал на границе бытия и небытия, уподобившись легкокрылому мотыльку, летящему туда, куда подует ветер, или бестелесному духу. Не знаю, впала ли я в бред... Возможно, это был один из тех снов, опасаться которых мне настоятельно советовала эльфийская принцесса Лорейна. Она понимала, именно через сны к нам и приходит то жестокое прошлое, которое уже не изменить, и коварное будущее, требующее от нас слишком многого: жертв, уступок, подвигов, отречения от личного счастья во имя коллективного блага...

Во сне я увидела улицы прекрасного города, залитого яркими лучами дневного светила. Я узнавала и не узнавала Блентайр, утопающий в ликовании зимних праздников, окутанный пушистой снеговой шубой, украшенный сплетением заиндеветших ветвей деревьев. Да, это точно была эльфийская столица: во всей своей красе, на фоне густо-синего неба и розоватых снегов. Где еще можно найти такое бесподобное смешение архитектурных стилей и причудливых декоративных элементов? Рыже-коричневые островерхие храмы соседствуют с белотелыми дворянскими особняками; чугунные, все в завитушках, нарядные балконы – с хрустальной гладью окон строгой формы. Тут царят тишина, умиротворение и благодать. Да, этот сказочный мир чист, как его собственное отражение в замерзшем озере...

Картинка приблизилась и обрела четкость, являя мне фигурку девочки лет двенадцати. Она вприпрыжку бежала по одной из улиц столицы. Необыкновенно хорошенькая, наделенная классической эльфийской красотой. Тонкая в кости, с прямыми плечами и гибким станом; поступь одновременно легка и тверда; на смуглом лице с изящными бровями светились ярко-сиреневые глаза, а круто вьющиеся волосы, спадающие ниже пояса, имели цвет черного меда. Когда она шла по улицам города, одетая в щегольскую шубку из белого меха, все встречные юноши шеи себе сворачивали, стараясь подольше глядеть ей вслед.

Девочка росла вольно, подобно дикой траве. Уже давно все заметили, что в ней гармонично сплелись редкостная утонченность и отчаянное свободолобие, граничащее с дерзостью. Голос, чересчур выразительный для такой малышки, был звучен, как маленький серебряный колокольчик. И петь она научилась едва ли не раньше, чем говорить.

На мгновение мне показалось, будто я вижу себя в детстве, но заблуждение быстро развеялось: ну никак я не могла носить ни такие шелка и меха, ни золотую диадему, изукрашенную алмазами. Нет, та девочка явно принадлежала к королевскому роду, хоть и

похожи мы с ней как две капли воды.

Мое сердце забилося еще сильнее: из переулка вдруг вывернул высокий, закутанный в черный плащ мужчина и подошел к девчужке, старательно закрывая капюшоном лицо, словно стремился оставаться неузнанным. На секунду я заподозрила неладное. Но мужчина заговорил, и я тут же узнала его голос. Это был сьерр Никто.

– Здравствуй, принцесса! – ласково поприветствовал он. – Сегодня праздник, и я намереваюсь выполнить одно твое желание. Выбирай, чего ты хочешь: самого прекрасного воина вашего королевства или счастье для всего Лаганахара?

– Я хочу и то и другое! – с ребячливым эгоизмом захлопала в ладоши прелестная девчушка.

– Нет, милая Эврелика, это невозможно, – грустно пожурил принцессу сьерр Никто. – Ты должна выбрать что-то одно.

Девочка несколько минут стояла молча, размышляя, а приоткрыла алый ротик, чтобы сообщить свое решение...

Я изо всех сил напрягла слух, желая узнать выбор девочки. Так что же предпочтет Эврелика: любовь прекрасного воина Арцисса или счастье Блентайра? Какой-то частицей своей замирающей от любопытства души я была уверена: ее выбор повлиял на будущее всего мира, связав его судьбы в единый тугой узел, сотканный из испытаний и страданий. Но вдруг мое сознание начало отрываться от чудесной картинки и проваливаться в темный омут. Я что-то кричала и размахивала руками, умоляя судьбу подождать и даровать мне еще минутку, ведь я так и не услышала самых важных слов, сорвавшихся с губ Эврелики... Но водоворот неясных образов закружил меня, словно плывущую по волнам щепку, и бросил куда-то далеко, возвращая к свету и жизни.

Я медленно приходила в себя. Очень болела голова, особенно затылок: казалось, что кто-то без устали колотит по нему множеством маленьких молоточков, стремясь добраться до мозга. Разобравшись в своих ощущениях, я поняла, что лежу на боку, а под меня подстелено что-то мягкое и теплое. Перед глазами серело бесформенное, расплывчатое пятно: сколько я ни моргала, оно не желало исчезать. Неужели я ослепла?.. Я в ужасе дернулась, силясь подняться, и тут же чьи-то заботливые руки осторожно поддержали меня, а затем уложили обратно.

– Как ты? – Надо мной склонилось встревоженное лицо Ребекки, и я с радостью поняла, что ранее перед глазами маячил всего лишь валун и паника была напрасной.

– Голова болит! – честно призналась я. – Все мутится и плывет. Тошнит, а во рту чувствуется привкус крови.

– Так ты еще и головой ударилась?! – в отчаянии воскликнула лайил. – Лохматый, нам срочно нужен холод.

– Здесь и так нежарко! – донесся до меня ровный голос Беонира, но за его внешним спокойствием я почувствовала с трудом сдерживаемую тревогу.

А вот Ребекка ее не заметила.

– Я понимаю, что тебе плевать на наши жалобы, ведь мужчины списывают такое на обычные женские капризы! Но Йона не обычная женщина, поэтому не стой, а помоги, чурбан! – голосила излишне возбудимая воительница, драматично заламывая руки.

– В первую очередь нужно зафиксировать ее поврежденную ногу, – чуть повысил голос юноша. – Пока я делаю лубки, ты можешь смочить любую тряпку в воде и приложить к ушибу на голове.

– Что с моей ногой? – внутренне сжавшись, спросила я.

Красное от волнения лицо Ребекки исчезло, сменившись контрастно бледными щеками Беонира. Он осторожно отвел растрепавшиеся волосы, упавшие мне на глаза, и тихонько пояснил:

– Мы не уверены, что это перелом... Может быть, всего лишь трещина в кости твоей правой лодыжки...

– Я не смогу идти?

– Только не сейчас, – дипломатично уклонился от точного ответа он. А потом собрался с силами и ободряюще улыбнулся: – Не волнуйся, все будет хорошо.

Я почувствовала, как Ребекка положила мне на затылок холодную мокрую тряпицу, и невольно поежилась. Пока воительница прилаживала компресс к моей голове, я попыталась определить, не повреждены ли крылья. Но спина не болела, и мне даже удалось немного ими пошевелить. «Значит, с крыльями все в порядке! – обрадовалась я. – Но вот моя нога...»

Услышав треск ткани, я слегка приподнялась на локте и увидела, что Беонир разрывает один из плащей на полосы и связывает их между собой. В этот момент рядом со мной снова очутилась лайил. Она дрожащими от волнения руками поправила повязку на моей голове и вдруг жарко зашептала на ухо:

– Ты ведь умеешь лечить... А саму себя ты можешь вылечить?

– Кажется, нет... Извини, но у меня совершенно нет сил. – Я едва не разрыдалась от острого чувства вины, затмевающего физическую боль, но вытянутая гхалией энергия еще не восстановилась. – Я сейчас не чародейка. И глаза все время закрываются...

– Не смей засыпать! – Я вздрогнула, услышав неприкрытый страх в окрике Беонира. – Тут слишком холодно. Ты можешь потерять сознание и даже умереть во время сна. Ребекка, ни в коем случае не разрешай Йоне засыпать!

Воительница сначала протестующе вскинулась, но быстро поняла, что он прав, и принялась тихонько обсуждать со мной мои ощущения, стараясь отвлечь меня от мыслей о сне. Но тут меня словно кольнуло.

– Мифрил! Что с ней стало? Она же сидела у меня за спиной... Что с ней? Надеюсь, я ее не придавила?

– Не волнуйся, – облегченно выдохнула Ребекка, и на ее губах появилась горделивая улыбка. – Она молодец. Ты знаешь, она полетела...

– Прости, но что она сделала? – недоуменно моргнула я.

– По-ле-те-ла! – внятно, по слогам повторила подруга, для наглядности комично помахав руками. – То есть она не упала вместе с тобой, а поднялась в воздух и закричала, подзывая нас. Честное слово, у нее это так здорово получилось...

Я озадаченно нахмурилась. Странно, ведь раньше наша маленькая мантикора не летала. Она просто неловко перепархивала с места на место, как, например, во время моего поединка с Найли. Так неужели моя малышка выросла?

– Мифрил взлетела... – задумчиво повторила я и, услышав загадочный шум, подняла глаза. На валуне сидела моя белая мантикора и с важным видом расправляла крылышки, самозабвенно курлякая, словно пела победную песню.

– Она умница! – похвалил Беонир, заговорщицки подмигивая. – К тому же она не мешала нам, пока мы тебя поднимали и осматривали, а только кружила рядом в воздухе и ждала, пока ты очнешься.

– Мифрил... – Я вытянула руку вверх, и маленькая голова тут же сама наклонилась пониже, дабы мне было удобнее ее гладить. – Хорошая ты моя, взрослая ты моя...

– Ребекка, мне нужна твоя помощь, – ничего не выражающим голосом произнес Беонир, и я поняла, что своим обвинением в равнодушии воительница его обидела. – Держи ногу и прижимай к ней лубок так плотно, как сможешь. Йона, я буду бинтовать туго и, возможно, причиню тебе значительную боль. Прости меня заранее, ладно?

– Нашел за что извиняться! – Я почувствовала, как лайил крепко обхватила мою ногу и прижала в ней что-то длинное и выгнутое, кажется кусок коры. Беонир без промедления начал обматывать тканью травмированную конечность, привязывая к ней фиксирующий лубок, и я невольно закусила губу от боли, стараясь не стонать, – он действительно бинтовал туго. Закончив, юноша помог мне сесть и протянул фляжку с водой. Я же ощущала себя деревянной куклой, неповоротливой и беспомощной. На глаза навернулись слезы обиды: ничего себе Наследница трех кланов! Никчемная обуза, да и только...

– Что предпримем дальше? – будничным тоном осведомился ниуэ, тактично делая вид,

будто не замечает моих слез.

– Ты о чем? – Ребекка, судя по ее интонациям, уже жалела о неосторожно брошенных словах, но гордость не позволяла ей взять их обратно. М-да... слова – это ключи. Правильно их подобрав, можно открыть любую душу и закрыть любой рот. И когда только Ребекка это поймет?

– Мы сейчас находимся в двух днях пути от «Приюта странников», где есть очаг и кровати и где мы сумеем позаботиться о Йоне гораздо лучше, нежели тут. Да в такие жгучие холода крыша над головой уже дорогого стоит. С другой стороны, если ориентироваться по нашей карте, то от выхода с территории Белых гор нас отделяет всего лишь один дневной переход. Так что же мы предпримем: вернемся назад или пойдем вперед? Предлагаю голосовать. Я – за то, чтобы спуститься и повторить подъем после полного выздоровления Йоны.

– А что скажет наша отважная воительница? – спросила я, скрывая печаль, вызванную словами юноши.

– Вот Тьма! – в сердцах буркнула Ребекка. – Ну и выбор, чтоб его мантикора три раза переварила! Хорошо, Йона, я поддержу тебя, что бы ты ни выбрала. Но, между прочим, блохастый все правильно говорит...

– Сколько срастается сломанная кость? – Я задала этот вопрос в пустоту и сама же на него ответила: – Процесс заживления может длиться больше месяца. А затем еще несколько дней мне будет дико больно ступать на ногу, я буду хромать и передвигаться крайне медленно, словно черепаха. Но что значит боль, если у нас и так почти не осталось времени? – Я прислушалась, физически ощущая, как где-то там, уже не очень далеко от нас, затухают удары Колокола Судьбы, отмеряя последние дни жизни Лаганахара. – Нет, я не могу останавливаться и тем более поворачивать назад! У меня просто нет на это права. А значит, мы идем вперед. Ну пожалуйста! – Я жалобно посмотрела на своих друзей. – Как вы этого не понимаете? – Я почти кричала от отчаяния.

– Да все мы понимаем! – проворчала Ребекка и слезливо суксилась, то ли от жалости ко мне, то ли от жалости ко всему миру. – Но мы также понимаем, что ты жертвуешь собой ради всех нас...

– Кажется, я еще не говорил тебе, что ты очень смелая девушка? – с уважением улыбнулся Беонир. – Но помни, что обратная сторона смелости – это вовсе не трусость, как полагают некоторые, а безрассудство. Например, в той ситуации, когда человек лезет в реку в двух шагах от моста. Я верю, что ты смелая, но не безрассудная, Йона. Будем считать, ты меня уговорила: заночуем здесь и утром продолжим восхождение.

С этими словами он поднялся, высмотрел подходящее для ночлега место, относительно сухое и чистое, завернулся в плащ и лег, повернувшись к нам спиной. Через несколько секунд до нас донеслись размеренные звуки его глубокого дыхания, свидетельствующие о том, что Беонир погрузился в сон. Его самообладание просто восхищало.

Мы с Ребеккой продолжали сидеть возле слабого костерка, подбрасывая в него скудные порции топлива, достаточные для того, чтобы огонь не потух.

– Ну и чего, спрашивается, он надулся? – недоуменно вздохнула Ребекка, устраиваясь неподалеку от меня и прикорнувшей рядом Мифрил. – Я же не хотела его обидеть.

Я молчала, размышляя о женской мудрости, столь редкой в нашем мире, а потому чрезвычайно ценной. Мудрая женщина не опускается до склок, ибо понимает, что самое главное – это чувство собственного достоинства. Она избегает знакомств, ведущих к беде, и держится подальше от мужчин, которые пытаются подчинить ее себе или причинить боль. Мудрая женщина умеет отличать потенциального партнера от потенциального разрушителя своей жизни. Она понимает и чувствует разницу между проявлением мужской и женской инициативы. Знает, что любовь и страдания не одно и то же. Не упрекает слезным тоном, не стремится показать мужчине, как она несчастна из-за него. Мудрая женщина знает, что мученица непривлекательна, от нее хочется избавиться. Она не считает любимого своей собственностью. Возлюбленный, который волен уйти, когда ему захочется, всегда

возвращается. Возлюбленный, который свободен в своих чувствах, всегда остается рядом. Мудрая женщина помнит: достойного ее мужчину не придется спасать. Ему не нужно помогать найти самого себя, у него нет незаживающих сердечных ран, которые ей предстоит залечить. Такая женщина не бывает подозрительной, ведь это быстро надоедает. Она неревнива, ибо ревность возникает лишь там, где чего-то недостает. Она умеет дарить себя – и делает это бескорыстно, не навязываясь и не играя чувствами. И мне очень хотелось верить, что со временем Ребекка поймет элементарные истины и станет по-настоящему мудрой женщиной!

Вскоре непроницаемое покрывало ночи полностью укрыло Белые горы, и я очутилась в царстве сонного сопения. Доверчиво привалившаяся к моему боку мантикора грела похлеще раскаленной печки. Мое сердце буквально разрывалось от недобрых предчувствий, прогоняя прочь сон, столь необходимый мне сейчас и способный подлечить мою травмированную ногу. Замерзнуть я уже не боялась, согретая исходящим от Мифрил теплом. Над перевалом вовсю свирепствовал все-таки нагнавший нас буран. Он засыпал снегом растянутый между камнями плащ, выполняющий роль импровизированного укрытия. Зафиксированная в лубок нога мешала мне устроиться поудобнее, голова болела, а мысли путались. Эта вьюжная ночь показалась очень долгой, став еще одним незапланированным испытанием, истомившим душу и истерзавшим тело. Очень хотелось хотя бы на часик забыться, отвлечься и плюнуть на все проблемы. Да, но где бы взять столько снулы?..

Утро наступило, когда я уже совсем отчаялась пережить эту ночь. Завтракали в молчании. По окончании трапезы Беонир нагнулся, легко поднял меня на руки и зашагал в сторону каменной насыпи, преграждающей спуск с перевала, оставив растерянную Ребекку в окружении сумок, дров и Мифрил, которая, впрочем, мгновенно взмыла в воздух и на бреющем полете последовала за ниуэ.

Меня еще никто в жизни не носил на руках, причем так бережно и заботливо, а поэтому вскоре я закрыла глаза и задремала, думая, что никогда не сумею отыскать подходящих слов, дабы отблагодарить искренне пекущегося о моем благополучии юношу. Ребекка, нагруженная вещами, словно ломовая лошадь, плелась позади, терзаемая переживаниями за мое здоровье и неким подобием раскаяния перед Беониром. Но когда после торопливого обеда юноша собрался снова подхватить меня на руки, она строптиво уперла руки в бока и решительно преградила ему дорогу.

– Теперь моя очередь нести Йону, – категорично заявила лайил, коротким жестом отменяя любые возражения. – И хватит делать вид, будто меня тут нет, а вместо этого у вас появилась безмозглая тягловая ослица!

Услышав последние слова своей прямолинейной возлюбленной, ниуэ не смог сдержать улыбки.

– Никогда не думал, что ты настолько самокритична, – хмыкнул он, собирая мешки и оставшиеся после ночевки дрова. – Но в тот раз...

Лайил уже ловко подхватила меня за талию и под коленки, но обернулась и, бросив на жениха раскаивающийся взгляд, виновато потупилась.

– Я была неправа, Беонир. Прости меня. Идем! – И воительница тронулась в путь.

Юноша последовал за ней только через некоторое время, в течение которого он стоял и улыбался счастливой улыбкой, блаженно таращась ей вслед. Я же прикусила губу и постаралась ничем не выдать своего восторга и изумления. Подумать только, за все время их знакомства воительница впервые назвала его по имени!

– Как твоя голова? – поинтересовалась Ребекка.

– Почти прошла. Думаю, можно убрать эту противную мокрую тряпицу с моего затылка. Меня больше волнует нога.

– Болит?

– В том-то и дело, что нет. Я не могу понять, сломана ли она.

– Йона, послушай... – Нас нагнал торопливо бегущий вприпрыжку Беонир. – Может

быть, приготовить какое-нибудь снадобье?

– Нет, для сращивания костей даже самой себе у меня пока недостаточно опыта. Это очень сложно... Вот если бы нашелся еще один чародей, то... – Я поспешно оборвала незаконченную фразу и примолкла, понимая всю абсурдность этого желания.

– Значит, остается крепиться и верить в лучшее! – бодро кивнул ниуэ. – Если не снизим темп, то к ночи покинем перевал и...

– И прикуси свой болтливый язык, – с угрозой в голосе посоветовала лайил, перебивая увлекшегося оптимистичными прогнозами юношу. – А то ты вечно хочешь как лучше, а получается как всегда.

– Откуда знаешь? – недоверчиво покосился юноша, не склонный сразу соглашаться с резонными доводами своей подруги.

– Женская интуиция! – многозначительно хмыкнула та и выразительно пошевелила пальцами, давая ему понять: «Не болтай, а топай давай».

Я хмыкнула, забавляясь смятением, мгновенно нарисовавшимся на загорелом лице нашего проводника. Да, Беонир часто ошибается, но о чем мы будем вспоминать в старости, если не об ошибках молодости? К тому же пресловутая женская интуиция – это поразительное чутье, которое подсказывает женщине, что она права всегда, независимо от того, права ли она на самом деле.

Я испытующе взглядела в лица своих друзей. Беонир казался почти счастливым, если не считать вполне очевидного беспокойства за меня, а Ребекка выглядела сосредоточенной. Но теперь во всем ее облике присутствовала некая умиротворенность, словно потайные частицы ее души обрели гармонию и пришли к согласию друг с другом. Похоже, эти двое наконец-то сумели создать целостный мир внутри себя.

В течение этих дней окружающий пейзаж не изменился ни на йоту. Снегопад приобрел затяжной характер. Мы имели сомнительное удовольствие наблюдать все те же вздымающиеся над нашими головами горные пики и базальтовые валуны всех видов и размеров, между которыми каким-то чудом сумела прорасти редкая жухлая трава. Небо превратилось в сплошное туманное марево. Я так и не смогла найти объективное объяснение столь странному природному явлению. Грузные, уродливые облака постоянно извергались дождем со снегом. Единственное, что радовало, – отсутствие сильного ветра.

Но теперь, со сломанной ногой, я уже не могла получать от нашего путешествия хоть какое-то, даже самое минимальное удовольствие. Я постоянно думала, что еще весьма не скоро смогу ходить с прежней скоростью, а ведь где-то там, впереди, меня ждет четвертое испытание. Я напрасно мучилась догадками, пытаюсь понять, в чем оно заключается. Каждая новая идея казалась мне еще менее реальной, чем все предыдущие. А если этот завал окажется непреодолимым и нам придется карабкаться выше? Искать обходной путь высоко в горах? Я ведь понимала, что при отсутствии хотя бы мало-мальски проходимой тропы никто из друзей не сможет передвигаться по склону горы, неся на руках мое беспомощное тело. Зря мы понадеялись на сомнительный принцип разумного пофигизма, который до этого ни разу не подводил и помогал благополучно выпутываться из передряг. Как говорится, если хорошее длится слишком долго, то оно приедается и переходит в разряд обычного. Похоже, все хорошее уже закончилось, ибо Беонир и Ребекка окончательно выдохлись, растратив последние силы, оказавшиеся далеко не безграничными.

– Смотрите, вот отличное место для небольшой остановки. – Беонир, не сводивший с Ребекки озабоченного взгляда, вовремя подметил очевидные признаки усталости, проявившиеся на ее лице. – Давайте присядем, отдохнем и глотнем воды.

Мы немного передохнули и снова пустились в путь, практически на ощупь бредя в сгустившемся тумане, плотном и белом, как парное молоко. В какой-то момент лайил склонилась почти к самому моему уху и спросила едва слышным, интимным шепотом:

– Я была с ним не слишком любезна все это время, да?

– Ага, – признала я. – Но он такой милый, что спускает тебе подобное поведение.

– Это-то меня и пугает, – призналась девушка. – А если он считает меня... Считает меня просто ворчливой дурой, на придирки которой и обижаться смешно? Тогда он, наверное, передумает на мне жениться?

– Я уверена, что он не считает тебя дурой, Ребекка, – с жаром принялась доказывать я. – А вот на счет придирок... Люди зачастую одиноки лишь потому, что строят стены вместо наведения мостов.

– Я понимаю. Постараюсь поменьше язвить и огрызаться, – пообещала Ребекка скорее самой себе, чем мне.

Да... Если бы ниуэ услышал наш диалог, он бы почувствовал себя еще более счастливым.

В сумерках идти стало труднее, но, когда Беонир предложил сменить Ребекку, та покачала головой и выдавила некое подобие вымученной улыбки.

– Я попробую идти сама, – решительно заявила я и потребовала, чтобы воительница поставила меня на землю. Этот край манил меня и звал, предлагая нечто странное, пока скрытое в пелене тумана... Нога немедленно отозвалась глухой, но вполне терпимой болью. Я вытянула из вязанки дров, которую нес Беонир, тонкую, но прочную палку и неловко заковыляла, опираясь на импровизированный костыль. Затрудняюсь точно описать свои ощущения, но магия будто витала вокруг нас, подпитывая свежими силами. Мы явно приближались к чему-то чрезвычайно необычному.

– Но как такое возможно? – изумилась лайил, а ее густые брови недоуменно изогнулись, образовав забавный домик.

Я неопределенно пожала плечами, не находя нужных слов. Внутри меня словно сжалась затаенная пружина, только и ждущая подходящего момента, чтобы высвободить нечто важное и жизненно необходимое.

– Чудеса! – развел руками потрясенный Беонир, обрадованно взирая на мои шажки вприпрыжку и гримасничающее лицо. – Наша Наследница опять живет всех живых!

– Не мели чепуху, лучше ищи выход с перевала, будь он неладен. Мне надоело спать и чувствовать, как небеса все время испражняются на мое лицо, – фыркнула Ребекка, исподтишка показывая ему кулак.

Юноша свернул с тропы и принялся внимательно оглядывать скалы, ища выход из тесного горного ущелья. Мы с Ребеккой присели на небольшие камни, дожидаясь возвращения ниуэ. Мифрил, продержавшись практически весь день на лету, совершенно вымоталась. Она спустилась вниз, заползла под предложенное ей одеяло и теперь сладко посапывала у меня на коленях. Все мы уже утратили прежнее неистовое желание идти вперед, а ощущали лишь пустоту и оупляющую, безысходную усталость, граничащую с отчаянием. Кажется, мы заблудились в этом треклятом тумане, противоестественно теплом и душном, неизвестно откуда взявшемся посреди Белых гор, засыпанных снегом. Выхода отсюда мы, наверное, уже не найдем никогда...

Неожиданно до нас донесся громкий крик Беонира:

– Скорее идите сюда!

Я вскочила, подхватила сердито пискнущую Мифрил, и мы с Ребеккой побежали-поковыляли на этот зов, совершенно не ориентируясь в непроглядной мгле. Беонир продолжал выкрикивать бессвязные, лишённые смысла слова вроде «умопомрачительно» и «невероятно». В какой-то момент мы вынырнули из туманной пелены, закончившейся слишком резко, и увидели то, что заставило нас оторопело замереть на месте...

Выяснилось, что мы стоим на небольшом утесе, являющемся конечной точкой перевала Косолапого Медведя. Этот выход из Белых гор можно было обнаружить лишь в случае большого везения, ибо он надежно скрывался среди тумана и снега, оставаясь величайшей тайной ведущего к нему ущелья, узкого, со множеством ответвлений, заканчивающихся тупиками. Наверное, многие путники, побывавшие здесь до нас, тоже его искали, безуспешно блуждая в густом тумане, но в итоге возвращались ни с чем, так и не обнаружив чудесный край, что расстился сейчас перед нами. Возможно, они превосходили нас умом и

смелостью, но капризная удача улыбнулась именно нам, четверым измученным долгим походом странникам, предоставив еще один шанс выжить и совершить нечто важное, ставшее целью долгого пути. Но мы не догадывались о том, что, когда сбываются самые заветные мечты, рано или поздно судьба предъявляет счет...

Ночь неслышно спустилась на землю, принеся с собой тишину и бархатные синие сумерки. В свете неярких лучей Уны склоны Белых гор казались дивно хрупкими и серебристо-белыми, словно бесценный эльфийский шелк. Внизу, под нашими ногами, расстилалась обширная долина, по дну которой протекала небольшая речка, берущая начало между скал высокой горной гряды, виднеющейся впереди.

– Запретные горы! – уверенно произнес Беонир, даже не заглядывая в карту.

Я согласно кивнула, понимая, что ошибиться тут невозможно. Мифрил возбужденно закопошилась у меня на руках, вывернувшись из опутывающего ее одеяла и поднялась на крыло, скрывшись в туманной дымке, курящейся над долиной. Я одобрительно усмехнулась: любопытство превысило усталость и подтолкнуло мантикору к новым приключениям. Кажется, в этом наши характеры совпадают.

Русло низвергающейся с Запретных гор реки сдавливали две скалы, формируя узкую горловину, из которой вода с ревом обрушивалась вниз, образуя красивый водопад, окруженный клочьями белой пены, летающей в воздухе. А выше, над водопадом, свет Уны разбивался о камни, дробясь на поверхности скал и рассыпаясь мириадами ярких блесков: горы изобиловали вкраплениями розового кварца, придающими им облик стройных стеклянных колонн.

– Как красиво! – восторженно ахнула Ребекка, любуясь этим нереальным зрелищем. – Воистину сказочный край. Кто же здесь живет?

– Эльфы! – без малейшего сомнения определила я и начала неловко спускаться по едва заметной тропке, змеящейся между камнями. Шокированные этой версией, друзья последовали за мной, не выразив ни малейшего протеста. Да, сейчас мы явно не нуждались в словах, нас обуревали эмоции. Очень страшно и волнительно осознавать тот факт, что ты наконец-то достиг земли обетованной и вновь обрел детскую, давно утраченную сказку.

Глава 6

Ночь мы провели возле речной заводи, наслаждаясь теплым паром, поднимающимся над бурлящей водой. Мои друзья спали, а я сидела на поросшей мягким мхом кочке и купала свою больную ногу, уверенная в лечебных свойствах воды горной реки. Разные нерешенные вопросы, терзавшие меня ранее и образующие кусочки сложной разрозненной головоломки, неожиданно встали на свои места, сложившись в целостную и вполне логичную картину. Теперь я знала, как сумели выжить Полуночные эльфы, изгнанные из родного Блентайра. И следовало признать, на деле все оказалось намного проще и банальнее, чем я предполагала...

Проиграв людям битву у Аррандейского моста, остатки разбитого клана Крылатых эльфов покинули столицу и отступили к Зачарованному берегу. Они унесли с собой тело погибшего в бою короля Арцисса, а также его стилет, потеряв при отступлении два парных меча, Лед и Гром. Эльфов вели чародей Лаллэдрин, верный королевский оруженосец Овэлейн и безутешная Эврелика, на тот момент уже беременная сыном от своего скончавшегося возлюбленного. Очевидным стало и то (конечно, если мой недавний сон соответствовал реальности), что Эврелика все-таки задумалась о благе Лаганахара и поступилась собственным счастьем, еще в детстве жертвенно отказавшись от уготованной ей любви. Этот печальный выбор внушал мне искреннее восхищение, попутно наполняя душу предчувствием грядущей беды. Неужели мне предстоит повторить трагическую судьбу Эврелики, внучкой которой я являюсь?

Полуночные эльфы беспрепятственно достигли Эррендера, столицы Зачарованного побережья, но не остались в твердыне своих родичей, опасаясь навлечь на них гнев

преследователей. Они похоронили в море своего погибшего короля, а его стилет возложили на алтарь в храме бога Шарро. Мудрая Эврилика добавила к клинку еще и последнее яйцо мантикоры, трепетно ею сбереженное. Впоследствии обе эти реликвии попали к жрецу бога Шарро, переодетому в старьевщика, а позже – ко мне. Стремясь отыскать место, где можно было бы надежно защитить остатки почти истребленного клана, Полночные отправились дальше, на север. Совсем недавно я повторила их путь и могла с уверенностью сказать: эльфы преодолели Черные холмы, Лиднейское болото и негостеприимную степь. Они не погибли в Пустоши, а достигли Белых гор и прошли через перевал Косолапого Медведя, начертав тайный знак на стене «Приюта странников». Скорее всего, многие из них погибли в пути, не выдержав лишений, холода и голода. Их осталось очень мало, но они не заблудились в горах лишь потому, что некогда король Арцисс подарил своей прекрасной невесте Эврилике один пустячный и бесполезный, казалось бы, подарок, который в итоге спас его народ.

Утро безудержно расплескалось в небе, окрасив его в прекраснейший лазоревый цвет. Я выбросила в кусты совершенно размокший лубок, ставший ненужным, и требовательно пихнула похрапывающую Ребекку, совсем разомлевшую и заспавшуюся. Возле разведенного костерка исходила ароматным паром жареная рыба, подманенная в тихой речной заводи и приготовленная мною, и призывно алела сорванная с куста малина, крупная и спелая. Пробудившаяся раньше всех Мифрил жадно схватила самую крупную рыбину и принялась отрывать от нее большие куски, ловко орудуя своим изогнутым клювом.

– Даже не верится, что мы смогли сюда добраться! – воскликнула лайил. Плотно позавтракав, она нежилась в теплой воде. – Сто лет ванну не принимала! – Она терла плечи мыльным корнем и выглядела абсолютно счастливой. – Благодать!

– А как твоя нога? – осведомился Беонир. Скрючившись, он присел чуть поодаль и стыдливо прикрывал наготу огромным листом кувшинки. С его до скрипа отмытых волос стекала вода.

Свои свежевystиранные одежды мы разложили на прогретых лучами Сола камнях, дожидаясь, пока ткань просохнет. Я, завернутая в распущенные крылья, довольно улыбнулась:

– Зажила. Кстати, в этой долине сконцентрировано очень много магии, поэтому ее и не затронуло смертоносное дыхание Пустоши.

– Интересно, – задумчиво протянула фривольно разлегшаяся на мелководье лайил, – а каким образом эльфы сумели найти это дивное место? Неужели удача сама приплыла к ним в руки?

Беонир молчал, увлекшись разглядыванием округлых ягодич своей нареченной, пикантно виднеющихся в прозрачной речной воде. Я заливисто рассмеялась, наслаждаясь ничем не омраченной беззаботностью нашего нынешнего положения.

– Не выдумывай. Само к тебе в руки может приплыть лишь нечто совсем не тонущее! – грубовато пошутила я.

Ребекка согласно фыркнула и, забывшись, перевернулась на спину... Беонир охнул от неожиданности, а затем крепко зажмурился, почти ослепленный видом открывшихся ему прелестей. Воительница смущенно ругнулась и отплыла на глубину, покраснев как вареный рак.

– Дар любви! – подсказала я, отсмеявшись. – Помните, я о нем уже говорила?

Друзья синхронно замотали головами, сетуя на свой преждевременный склероз.

– Судьбоносные события нашей жизни базируются отнюдь не на подвигах и громких деяниях, – увлеченно философствовала я, зарываясь босыми ступнями в теплый речной песок, – а на обыденных мелочах и милых малозначительных пустяках. Некогда три великих короля ударились в ребячество, увлекшись резьбой по дереву. Об этом нам рассказывал король Адсхорн. Можете мне подсказать, какие конкретно безделушки они изготовили? – Я поддразнивающе усмехнулась, испытывая память своих друзей.

– Адсхорн вырезал гребень, который подарил своей возлюбленной Сильване! – блеснула знаниями Ребекка.

– А король Джоэл смастерил седло, – осуждающе нахмурился ниуэ. – Словно в насмешку доставшееся королю Арциссу.

– А что же создал сам Арцисс Искупитель? – лукаво спросила я.

– Не помним! – виновато сообщили жених и невеста.

– И зря! – мягко пожурела я. – Ибо Арцисс вырезал из дерева то, что изначально сочли бесполезной безделицей, грубой и никчемной. Он вырезал посох!..

– И что? – нетерпеливо спросила Ребекка, так до сих пор и не вникшая в ход моих мыслей.

– Не знаю почему, но Эврелика не бросила подаренный ей посох, – вслух размышляла я. – Возможно, он напоминал ей об уходе за королем, а возможно, она хотела сберечь эту вещь для своего будущего ребенка, лишённого отцовского наследства. Хотя также не исключено, что она была очень прозорлива и чувствовала скрытую в посохе силу. Ведь именно он и помог ей спасти остатки своего народа.

– Посох? – ахнула Лайил. – Обычная деревяшка?

– Ага! – плутовато подмигнула я. – Он самый!

– Шутишь? – недоверчиво округлил рот Беонир. – Палка, опора при ходьбе. И как она могла помочь эльфам дойти досюда?

– Король Адсхорн упоминал, что этот посох был необычным, – напомнила я. – Он обладал способностью указывать на теплую воду, скрытую в почве. Мягкий климат долины объясняется горячими источниками, во множестве бьющими из-под земли именно в этой огражденной горами котловине. С помощью посоха короля Эврелика нашла путь в долину и спасла свой народ от гибели, обнаружив идеальное место для создания нового дома Полночного клана.

– Значит, так они и спаслись, – удивленно протянула Ребекка, барахтаясь в воде. – Подумать только... Йона, так ты полагаешь, что этот край и ныне населен покинувшими Блентайр эльфами?

Я собиралась дать утвердительный ответ, но не успела этого сделать, потому что наших ушей вдруг достиг слабый, исполненный боли зов.

– Спасите! – умолял молодой женский голос. – Помогите, во имя Неназываемых! Я умираю...

– Вот те раз, вот те два! – Нижняя челюсть потрясенного Беонира отвисла. – Опять? А вам не кажется, что однажды мы уже слышали подобную просьбу о помощи?!

Мы растерянно переглянулись и, не сговариваясь, бросились одеваться, совершенно забыв о стыдливости и впопыхах натягивая едва просохшую одежду.

К нашему великому облегчению, бежать пришлось недалеко. Преодолев невысокие холмы, обильно поросшие молодым ивняком, мы очутились на укромной лужайке, со всех сторон окруженной густыми зарослями орешника. Мягкая трава скрадывала шаги, позволяя двигаться бесшумно. В отличие от речного берега, буквально переполненного всевозможной беззастенчиво шуршащей, пищущей и квакающей живностью, полянка пребывала во власти идеальной, какой-то обреченной тишины, пропитанной флюидами страха и отчаяния. И лишь один звук регулярно нарушал кошмарное безмолвие этого места – громкий женский голос, взывающий о помощи. Точнее, истошный вой... Крики доносились из крохотного шалашика, установленного в центре лужайки.

– Орет! – с беспокойством констатировала Ребекка, чутко замирая на границе орешника. Она рукой раздвинула развесистые ветви и боязливо выглянула на полянку. – Женщина орет, причем так, будто ее заживо на куски режут!..

– Там кого-то убивают! – нахмурился Беонир, на всякий случай удерживая невесту за плечо и не пуская дальше. – Вроде бы нужно помочь... А с другой стороны, она и вправду кричит так ужасно, что туда и соваться боязно! Пойдем или не пойдем?..

Ниуэ и лайил вопросительно уставились на меня, ожидая решения. Бойкие, склочные и хулиганистые, в любой критической ситуации они тушевались и без возражений уступали мне лидирующую позицию, полагаясь на мою уже неоднократно оправдавшую себя объективность и завидную интуицию. Впрочем, я и сама уже заметила, что стать настоящим командиром способен не тот, кто громко выступает, а тот, кто говорит тихо и редко, но всегда по делу.

– Пойду я! – категорично заявила я, безапелляционной интонацией сразу же пресекая возможные возражения. – А вы отползете в кусты, успокоитесь и не станете мне мешать.

– Еще чего! – вскинулась было Ребекка, но Беонир весомо возложил свою лопатообразную ладонь на затылок воительницы и ткнул ее лицом в траву, заставляя замолчать. Девушка удивленно дернулась и замерла, подчинившись его воле. Я восхищенно расширила глаза. Кажется, весы субординации начали склоняться на сторону Беонира. Ну или ему просто надоело потакать капризам своенравной воительницы. М-да, выходит, и дама сердца может однажды застрять в печенках!

– Молчи! – лаконично приказал юноша. – Пойми, мы вступили на территорию эльфов, а значит, нам лучше слушаться ту, которая по сути родства способна понять и предугадать их поступки.

Ребекка недовольно зашипела, но не осмелилась протестовать. Она выплюнула попавшую в рот траву и заискивающе улыбнулась, признавая правоту жениха.

– Да, я сильная, – полушутливо сообщила она, проявляя потрясающую самокритичность. – Да, я смелая. Но иногда – пришибленная на всю голову.

Ниуэ улыбнулся и ласково погладил воительницу по волосам. Возможно, он тоже знал, что мудрая женщина никогда не возводит стену, защищаясь от ветра, – она строит ветряную мельницу.

– Это кричит женщина... – заговорила я, но Ребекка вывернулась из-под руки Беонира и язвительно фыркнула:

– Слышим, что не мужчина!

– Рожаящая женщина, – невозмутимо продолжила я. Лицо лайил вытянулось. – Причем дела ее складываются самым незавидным образом. Роженице нужна помощь целительницы. Я пойду к ней одна, дабы не пугать, она и без того в панике. А от вас требуется просто не мешать...

– Поняли, не дураки! – слаженным дуэтом отозвались друзья и ловко ретировались в кусты.

Я тотчас поднялась на ноги, выпрямилась во весь рост и, уже не скрывая своего присутствия, неспешно зашагала к шалашу, сопровождаемая безмерно любопытной Мифрил.

Пригнувшись, я просунула голову под переплетение ветвей и осторожно заглянула в глубь шалаша. Сначала не разглядела ничего, постепенно привыкая к царящему внутри полумраку. Но вскоре мои глаза полностью адаптировались к неяркому зеленоватому свету, проникающему сквозь листья, и я увидела женщину, которая, тяжело дыша, свободно распростерлась на ароматной, сделанной из цветов, подстилке. Ее огромный, тугой, словно барабан, живот безошибочно подтвердил мое предположение – женщина готовилась произвести на свет ребенка, причем сам процесс родов уже минул стадию потуг и перешел в финальную фазу. Похоже, дело застопорилось: судя по багровому от напряжения лицу незнакомки и ходящему ходуном животу, ребенок шел неправильно, застряв в родовых путях. Очевидно, схватки становились все более частыми, но не приносили ожидаемого результата, подтачивая силы роженицы и причиняя ей чудовищную боль. Боюсь, все это могло закончиться очень плачевно.

Мифрил протиснулась мимо меня, пролезла в шалаш и уткнулась клювиком в судорожно сжатый кулак роженицы, всем своим видом выражая огорченное бессилие. Пребывающая в полузабытьи женщина открыла глаза и испуганно вскрикнула.

– Смилуйся надо мной, Шарро! – жалобно застонала она. – Неужели ты обрек меня на

смерть и прислал за мной белую мантикору, которая вознесет на небо мою душу? – Тут она заметила меня и приподнялась на локте, готовая бежать прочь. Но ни сил, ни возможностей для этого не имелось. – Кто ты, девушка? – спросила она дрожащим от волнения голосом, второй рукой придерживая свой тяжелый живот. – Если ты пришла, чтобы навредить мне и моему сыну...

– Я пришла, чтобы помочь вам! – успокаивающе улыбнулась я и положила ладонь на лоб страдальцы, творя чары холода. Почувствовав облегчение, связанное с уменьшением сжигающего ее жара, женщина благодарно улыбнулась, сразу проникшись расположением ко мне. – Ведь вы же сами просили о помощи? – напомнила я, умело ощупывая ее живот. В своих действиях я руководствовалась знаниями, почерпнутыми из Первой Книги, найденной мною в эльфийском Лазарете.

– Ты чародейка! – уверенно опознала роженица. – Человек? – Она нервно вздрогнула, но тут же смирив свои эмоции, показывая тем самым, что перед лицом смерти все равны. – А впрочем, какая разница...

– Никакой, – согласилась я, старясь ничем не выдать своего восхищения этой смелой женщиной, любой ценой старающейся спасти свое еще не рожденное дитя. – Ибо милосердие не имеет расовой или клановой принадлежности, а распространяется на всех.

– Ты права, – обрадовалась женщина. – Значит, пресветлый бог Шарро услышал мои мольбы и прислал тебя. К несчастью, у нас в Дархэме нет целительниц, а мужчинам-магам запрещено присутствовать при родах венценосных особ!

– Глупый закон, – сердито буркнула я, решив отложить на более подходящий момент вопросы относительно упомянутого Дархэма. – Впрочем, поговорим об этом позже. – Я внимательно оглядела потный лоб роженицы, ее расширенные, полные муки глаза, услышала дико частящий пульс и мгновенно поставила диагноз: – Ваш ребенок застрял на выходе из чрева и сейчас задыхается. Если вы будете послушной и беспрекословно выполните все мои рекомендации, мы еще сможем спасти и его, и вас. А если нет... – Я красноречиво развела руками.

– Сделаю все, что скажешь, – послушно ответила роженица. – Приказывай, целительница.

– Я возьму на себя вашу боль, – пообещала я, крепко ухватив женщину за запястье, – чтобы вы смогли собраться с духом и вытолкнуть из себя дитя. Но лишь в тот миг, когда я вам прикажу, не раньше и не позже. Если вы нарушите это условие, то умрете... Умрете не только вы, но и ваше дитя – от недостатка воздуха, и я – получив откатный удар моей магии. Готовы ли вы рискнуть?

– Ты жертвуешь ради меня своей жизнью? – не поверила женщина, вцепившись в мои пальцы. – Но почему? Зачем?

– Я чувствую, что этот ребенок чрезвычайно важен для вашего народа! – призналась я. – Вернее, – я откинула капюшон плаща, прикрывающий мою голову, и показала роженице свои остроконечные уши, точно такие же, как у нее самой, – для нашего народа!

– О, так ты эльфийка! – Слезы облегчения заструились по щекам моей пациентки. – Но откуда ты появилась? Ах, неужели... – Она прикусила губу, не осмеливаясь озвучить пришедшую на ум догадку. – Так, значит, ты и есть та самая Наследница, которую все мы ждали так долго?..

– Об этом мы тоже поговорим позже, – вздохнула я, требовательно сжимая ее руку. – А теперь приготовьтесь... – И я мысленно слилась с сознанием роженицы, принимая на себя терзающую ее муку.

Сначала перед моим ментальным взором предстала удивительная картина. Я узрела покои замка, отстроенного с невероятным, поистине нечеловеческим размахом...

Потолок комнаты шатром сходится в необозримой вышине, и там, под стрехой и на стропилах, висят пучки полевых трав. Густой теплый запах лета идет оттуда волной, раскачивая широченную, повернутую к стене изголовьем кровать, где можно сладко дремать, теряя и снова находя себя. От окна с опущенными шторами из деревянных реек по

стенам расползаются причудливо изогнутые радужные полосы. Пахнет чем-то нестерпимо вкусным, и этот запах перебивает даже сладкий аромат восковых свечей и мускусных духов. А на кровати лежат двое, мужчина и женщина, слитые в экстазе плотской любви. В женщине я сразу узнаю свою пациентку. Мужчина поворачивает голову, и мне становятся видны его сиреневые глаза и черные длинные локоны. Ах, это же мои глаза, мои волосы... И я понимаю, что случайно стала свидетельницей зачатия того самого ребенка, рождению коего помогаю сейчас... Но картинка исчезает так же внезапно, как и появилась, а все мое тело будто окатывает кипятком, швыряя в круговорот неистового, всепоглощающего страдания.

Невиданная боль... Она стала огненной пучиной, погружающей в безвременье; пламенем, где растворяются кости, сердце, мозг, разум... Черные шарики трусости и сомнений, из которых состоит низменная часть моего существа, барахтаются в кипящей лаве, тянут темные отростки через оранжевое зарево самопожертвования. Хватит! Прикажи себе остановиться, ибо терпеть такое невозможно! Я вижу, как черные шарики сбиваются в клубки, растягиваются лентой, и эти нити накрывают, отдаляют от меня пламя целеустремленности. Они выстраиваются во что-то мерзкое и отделяют меня от спасаемой женщины... Цепь. Решетка. Стена. Скорее! Красно-оранжевое зарево жизни притухло, гаснет совсем. Это смерть, наползающая на меня с неотвратимостью лавины, и я принимаю ее со смирением, ведь головка ребенка уже показалась между ног роженицы, устремляясь вперед, к жизни и свету... И тут из черного выплескивается нечто зеленое, словно весенняя трава. Мою боль обволакивают поющие струны надежды. Не касаться, только не касаться черноты! Темная пустота – это больше не я. Я вовне, это мой юный голос, это голос Ардена поет вокруг меня о любви, прекрасной и бессмертной. Черная дыра втягивает зеленый мир, но это уже неважно: в ней рождаются иные цвета...

И вдруг точно хлопок, и вселенные снова меняются местами, выбрасывая меня на пол шалаша. Боль ушла, испарилась, будто ее и не было. На руках у меня заливается первым победным криком прехорошенький, здоровенький мальчик, а я смеюсь и рыдаю одновременно, прижимая к своей груди его крепкое тельце. Понимаю, что и на сей раз успешно справилась с подкравшейся бедой, а смерть снова отступила, не выдержав победоносного напора жизни!

Роженица устало вздохнула и откинулась на травяную подстилку, предоставив мне приятную возможность поухаживать за ее сынишкой. Стараясь не обращать внимания на дрожь и слабость в руках, я распотрошила найденную в шалаше сумку и обнаружила в ней приданое для новорожденного ребенка, пришедшееся очень кстати. Малыш невозмутимо посасывал собственный пальчик, наблюдая за мной ярко-сиреневыми глазенками. На его круглой, словно наливное яблочко, головке вились длинные, черные, как смоль, волосики. Почти не соображая, что делаю, будто по наитию, я приложила к его лобик у свою хрустальную звезду и прошептала:

– Милостью покровительствующего мне бога Шарро я, Йохана, Наследница трех кланов, нарекаю тебя Арциссом Вторым!

Его мать удивленно вскрикнула, но не осмелилась протестовать, взирая на меня с благоговейным испугом.

Я запеленала малыша Арцисса в мягкое полотно и обвязала найденным в сумке свивальником. Мальчик сердито кряхтел, приобщаясь к реалиям нашей непростой жизни. Неожиданно снаружи донесся шум, образованный из торопливой мужской перебранки, конского ржания и мелодичного бряцания воинской амуниции. Я снова прикрыла голову капюшоном плаща и, прижимая к себе новорожденного, поднялась, раздвинула ветвистый полог шалаша и вышла на поляну, шурясь от лучей Сола.

Приставив ко лбу сложенную козырьком ладонь, я пытливо всматривалась в гарцующих передо мной всадников, восседающих на высоких, тонконогих скакунах. Рельефные торсы мужественных воинов облекали серебряные кольчуги филигранной работы, а их спины прикрывали какие-то черные складки, изначально принятые мной за откинутые плащи. Лишь приглядевшись повнимательнее, я поняла, что это крылья! Мощные

и черные, как покров ночи. Самые настоящие крылья! Итак, невозможное стало возможным, вмиг обретя форму и плоть. Передо мной предстали крылатые эльфы Полночного клана, некогда изгнанные из Блентайра! Трудно передать словами, какой шквал из противоречивых эмоций бушевал сейчас в моей душе. В нем смешалось все: восторг, недоверие, испуг... Я потерянно молчала, не в силах вымолвить ни слова. Маленький крикливый мальчишка, только что испытавший первую в жизни крупную неприятность, сердито ворочался у меня на руках, пытаясь выкрутиться из меховых пеленок. Его обнаженная головка щекотала мне ладонь, которой я пыталась прикрыть малыша от палящих лучей Сола. Расплавленное золото жаркого полудня лилось с небес, очерчивая мою фигуру четким ореолом. Наверное, вот такая, с нимбом во весь рост и с ребенком на руках, я кого-то напредила прибывшим на поляну мужчинам. Они дружно спрыгнули с коней и опустились на одно колено, склонив гордые головы. На волосах того, кто возглавлял пышную кавалькаду, я увидела тонкую золотую диадему и мгновенно поняла – передо мной находится сам король.

– Ваш сын, сир! – Я почтительно протянула королю младенца, испытывая чувство забавной неловкости за мокрые пеленки своего подопечного.

Мужчина с диадемой вздрогнул всем телом и поднял на меня глаза, восхищенно расширенные и бездонно-сиреневые. Да, вне всякого сомнения, это его я видела в своем странном сне.

– Спасибо вам, вечные небеса, у меня есть сын! – Король вихрем поднялся с колена, выхватил у меня малыша, расцеловал его личико и радостно закружился по поляне. – Теперь наш род не прервется, род Эвриелиев продолжится! – счастливо восклицал он, поднося малютку сопровождающим его дворянам, торжественно салютовавшим новорожденному принцу обнаженными клинками. – Мы должны как можно скорее доставить моего сына в Дархэм, в ее храм! – Он голосом выделил «ее».

Внезапно король остановился, словно опомнившись, и повернулся ко мне. Его прекрасное лицо приобрело отчужденное выражение.

– Кто ты такая и как осмелилась ты, девушка, вторгнуться в наши владения? – с угрозой спросил он, передавая младенца стоящему за ним юноше-оруженосцу, а клинки его свиты немедленно обратились в мою сторону.

Но я не спешила с ответом, любясь статным обликом короля, в существование которого верила все безрадостные годы сурового детства. Да, меня называли безродной сиротой, то какой-то частицей души я не переставала надеяться на возможность этой встречи, состоявшейся ныне, на поляне, скрытой за отрогами Белых гор. И тогда, сама не зная почему, я неожиданно запела старинную балладу, некогда услышанную на площади Блентайра. Что уж хвастаться – певицей я всегда была никакой, но, думаю, сами Неназываемые вложили сегодня в мой слабый голос эти проникновенные интонации, призванные достучаться до сердца венценосного мужчины, растерянно замершего напротив меня.

Так не ропщи в плену оков,
Себя судьбе своей вручи,
Мы много взяли у богов,
От счастья выбросив ключи...

Я замолчала, закончив последний куплет.

Лик короля, искаженный от невыплаканной, не имеющей выхода муки, омылся чистыми слезами раскаяния, принесшими ему успокоение. Он пошатнулся и, дабы не упасть, тяжело оперся на мое плечо.

– Где ты слышала эту песню, девочка? – горестным шепотом осведомился он. – Наши законы суровы и предписывают казнить каждого незнакомца, пришедшего с той стороны Белых гор, ибо такой пришелец может быть только шпионом и лазутчиком, посланным чародеями Блентайра. Но если ты поведаешь, откуда знаешь эту песню, то обещаю, что

дарованная тебе смерть станет быстрой и безболезненной!

– С чем же таким значительным связана эта песня? – вопросом на вопрос ответила я, снедаемая волнением, сходным с теми эмоциями, что обуревали того, чье прикосновение буквально до кости прожигало мое плечо. Ведь я уже догадалась, кем именно доводится мне этот величественный мужчина...

– Ты бередишь старые раны, которые я ошибочно считал почти затянувшимися! – скорбно улыбнулся король. – Но разве пристало мне таиться от приговоренной к казни девочки? – Он сердито ругнулся, недобрый словом помянув Тьму, и заговорил: – Около восемнадцати лет тому назад, повинаясь непреодолимому зову души, я покинул наш тайный край и отправился в сторону Блентайра, дабы посетить осеннюю ярмарку. Подробности того путешествия сохраняются в моей памяти до самой смерти! – Король положил руку на грудь и глубоко вздохнул, предаваясь дорогим воспоминаниям. – Но меня покорили отнюдь не увиденные забавы и торговые ряды, не лакомства и танцы, а встреченная на ярмарке девушка – человек по происхождению, но эльф по чистоте и благородству. Наверное, нас с Аньерд свела судьба, ибо с самого первого взгляда я влюбился в нее, а она – в меня!

Я судорожно проглотила застрявший в горле комок, понимая, что король рассказывает о моей матери, которую мне так и не довелось увидеть.

– Мы, эльфы, любим не так, как люди, – продолжал король изливать душу. – Мы влюбляемся лишь однажды, раз и навсегда. И никакие испытания, даже гибель одного из влюбленных, не может освободить нас от этого чувства, потому что наша любовь вечна и умирает только вместе с нами! – торжественно признался он, всецело подтвердив мои наихудшие опасения.

Да, теперь я понимала, что все обстоит именно так. Бессмертная любовь связывала Эврилику и ее трагически погибшего жениха, короля Арцисса. Роковая любовь соединила также и моих родителей, обрекая их на муку... И вот теперь точно такая же непобедимая страсть влекла меня к Ардену, отказаться от которой я не смогу уже никогда.

– Увы, – шепотом рассказывал король, адресуя свою исповедь только мне одной, – я должен был вернуться домой. В соответствии с обычаями, дабы продолжить род Эврилиев, задолго до встречи с Аньерд я женился на девушке из знатной семьи. А Аньерд была человеком, и поэтому я не имел возможности узаконить наши отношения. Ведь люди – наши злейшие враги. Аньерд подарила мне три волшебные ночи, а затем мы расстались, клятвенно пообещав друг другу сохранить в тайне нашу встречу. С тех пор я ничего не слышал о моей дорогой Аньерд!.. Но перед разлукой я сочинил для нее песню, ту самую, которую ты, чужеземка, спела мне сейчас.

Я безрадостно усмехнулась, поймав себя на мысли, что совершенно случайно исполнила данное себе обещание: раскрыла загадку трагической судьбы своей матери и расшифровала скрытый смысл однажды услышанной песни, как я и предполагала, связанную с моим прошлым и будущим. А возможно, все это произошло неслучайно.

– Я знаю, какая участь постигла Аньерд после вашего расставания, – спокойно сообщила я.

– Так расскажи! – потребовал король, немилосердно тряс меня за плечо. – И тогда ты сможешь просить у меня чего пожелаешь: золото, алмазы, дворцы! – Похоже, он уже позабыл об уготованной для меня казни. – Клянусь, я не пожалею ничего, только бы узнать о судьбе моей любимой!

– Аньерд оказалась не обычной девушкой из простонародья – с беспощадной прямолинейностью сообщила я. – Она носила титул принцессы Блентайра и приходилась сводной сестрой самому королю Вильяму!

– Так, значит, она прямой потомок Джоэла Гордого! – потрясенно ахнул король. – Потомок нашего злейшего врага...

– Но ведь вы, наверное, тоже не открыли ей тайну своего происхождения? – предположила я, ничуть не сомневаясь в справедливости своего утверждения.

– Да, – виновато кивнул король. – Я не осмелился раскрыть Аньерд свое инкогнито.

Для нее я так и остался бедным эльфийским бардом, тайно прибывшим на ярмарку. Меня тоже обременяло страшное наследие моих предков...

– Разве дети ответственны за грехи своих родителей? – искренне удивилась я. – Разве они должны быть наказаны за ошибки отцов и матерей?

– К сожалению, в нашем мире все обстоит именно так, – горько вздохнул король. – Но умоляю, продолжи свой рассказ!

Все кусочки разрозненной головоломки, что так долго не давала мне покоя, встали на свои места, а поэтому я заговорила, уверенная в правильности своей версии:

– Ваша встреча не прошла бесследно. Вернувшись домой, принцесса Аньерд поняла, что зачала ребенка, но, верная клятве, так и не открыла родственникам имя отца своего ребенка. Измученная нападками своей семьи, несчастная женщина родила дочку – недоношенного уродца, горбатого, болезненного и безобразного. Не сумев оправиться от родильной горячки, принцесса Аньерд скончалась, оставив сиротой свою незаконнорожденную дочку!

– О-о, – слабо простонал король, пряча в ладони заплаканное лицо, – если бы я только знал об этом... Я бы голыми руками разломал разделяющие нас горы, повернул вспять реки и нашел своего ребенка. Дочка, где бы ты ни находилась сейчас, умоляю – прости своего несчастного отца!

Мое сердце разрывалось от сострадания к нему, но я поборолла эмоции и продолжила с деланой невозмутимостью:

– Кларисса, королева и глава гильдии Чародеев, решила известить новорожденного бастарда, позорившего честь королевской семьи. Но милостью бога Шарро девочка избежала смерти и попала в сиротский приют, где и воспитывалась. Впоследствии...

– Опять чародеи! – возмущенно перебил меня король. – А ведь это они стали причиной гибели короля Арцисса и изгнали эльфов из Блентайра. Но откуда ты, девочка, знаешь так много о происках коварных чародеев? – вкрадчивым голосом осведомился он.

Я вдохнула побольше воздуха, набираясь смелости, рванула завязки своего плаща, открывая Звезду моей души, спрятанную на груди, и отважно провозгласила:

– Потому что я и сама чародейка!

И тут же десять острозаточенных клинков уткнулись мне в грудь, не давая пошевелиться.

– Чародейка! Враг! Смерть ей! – обличающе выкрикнул король, пальцем указывая на меня. – Убейте ее немедленно!

Я печально усмехнулась, ничуть не удивляясь этим словам. Трудно сосчитать, сколько раз я слышала этот жестокий призыв. Это мой дар и моя ноша. Тьма, ну почему все так хотят меня убить?! Кончики эльфийских мечей уже проткнули мою одежду, впиваясь в кожу, а я даже глазом не моргнула, продолжая оставаться абсолютно невозмутимой. А что еще, спрашивается, оставалось делать, если пройденные испытания научили меня главному правилу: улыбайся всегда и везде! Улыбайся назло всем и наперекор всему! Улыбайся так, чтобы все видели: у тебя на лице остался след от поцелуя фортуны, а отнюдь не от ее колеса!

– Остановитесь! – Требовательный оклик, донесшийся слева, нарушил гнетущую тишину. Я повернула голову.

К нам торопливо приближались еще двое всадников. Один из вновь прибывших властно вытянул руку, призывая воинов к повиновению. Приставленные ко мне клинки немедленно опустились.

– Но, учитель, как же так!.. – возмутился король, гневно сжимая кулаки. – Ты сам постоянно напоминаешь о том, что каждый человеческий чародей является нашим врагом!

– Напоминаю, – покладисто согласился названный учителем мужчина, ловко спрыгивая на землю. Он был худощав, длинные каштановые волосы, обильно присыпанные сединой, серебрились на свету. Я с растущим удивлением рассматривала его синий, расшитый звездами плащ, красноречиво свидетельствующий о выбранной стезе: этот эльф был магом. Лицо чародея, старое и молодое одновременно, хранило печать затаенной силы,

подчиненной и любовно взлелеянной. Да, уж этого мага точно не назовешь «диким»!

Словно угадав мои мысли, чародей ободряюще кивнул мне.

– Каждый, за исключением ее! – лукаво улыбнулся он. – Скажи, дорогая, раз ты пришла в нашу долину, значит, все-таки сумела найти мой знак на стене охотничьего домика?

– Да, учитель! – коротко ответила я, понимая, что речь идет о путеводной руне, оставленной им на нижнем бревне «Приюта странников». – А еще я владею вашей сумкой, жемчужными слезами и последним яйцом, сохраненным для меня принцессой!

– Отлично! – счастливо рассмеялся маг, потирая ладони. – Признаюсь откровенно, ты превзошла все мои ожидания, девочка. Твой отец должен тобой гордиться! – Он подмигнул мне с заговорщицким видом, откровенно забавляясь комичностью создавшейся ситуации. Я ответила понимающей улыбкой, отдавая должное его мальчишескому пристрастию к сценическим эффектам.

– Прекратите это немедленно! – негодуя затопал ногами король, вконец запутавшийся в происходящем. – Я требую объяснений!

– Изволь! – Чародей с наигранным равнодушием пожал плечами. Он щелкнул пальцами, творя самую простейшую волшбу. Повинуясь чарам, мой плащ красиво спланировал на траву, открывая взорам присутствующих мои острые уши и подогнанный по фигуре костюм короля Арцисса, а также стилет и меч, привешенные к поясу.

– Забери меня Тьма! – ругнулся король. – Так она эльфийка?

– Не только! – довольно хохотнул чародей. – Она девушка из пророчества Неназываемых. И пришла в наш край для того, чтобы спасти Лаганахар от надвигающейся гибели.

– Наследница трех кланов! – ахнул прозревший король.

– Не только! – Маг расхохотался еще задорнее. – Она...

Но договорить он не успел. Из шалаша вдруг вылетела изрядно припозднившаяся Мифрил и картинно приземлилась мне на плечо, чуть не придавив меня своим уже довольно солидным весом.

– Белая мантикора! Посланница пресветлого бога Шарро! – воскликнул кто-то с благоговейным трепетом. Все эльфы снова упали на одно колено.

– Так кто же ты на самом деле, девочка? – дрожащим от волнения голосом спросил король, испытующе вглядываясь в мое лицо. – Твои сиреневые глаза, черные локоны... – Кажется, он только теперь увидел то явное внешнее сходство между нами, которое я заметила в первую минуту общения.

– А еще это! – Чародей снова сплел заклинание, и надетый на меня камзол лопнул по спинному шву, выпуская на волю мои крылья, блестящие, как хрусталь, серебристые, трепещущие.

– Ты... Так ты... – охнул король, хватаясь за сердце.

– Она твоя дочь! – со вздохом глубочайшего удовлетворения уточнил чародей, изрядно утомленный его нерешительностью. – Рожденная принцессой Аньерд и наконец-то отыскавшая своего ветреного папочку! – Маг решительно схватил нас за руки, подталкивая друг к другу. – Поцелуйтесь же скорее, бесценные мои!

Этот категоричный жест лишил меня пути к отступлению. Ощувив мощный толчок жилистой длани мага, я невольно качнулась вперед и, дабы не упасть, выставила ладони перед собой, непреднамеренно упершись в грудь короля. Совсем рядом со своим лицом я увидела предобморочно расширенные зрачки, подрагивающие губы, гладкую щеку, искаженную судорогой нервного тика. Король в свою очередь испуганно и жалобно взирал на меня с высоты своего немалого роста, взглядом спрашивая любви и прощения.

– Отец! – робко вымолвила я, привставая на цыпочки и несмело обнимая его за шею. – Отец, я так долго тебя искала. Я много лет ждала нашей встречи, чтобы сказать, как сильно тебя люблю! – Я смутилась и замолчала, мысленно умоляя: ну помоги же мне, поддержи, прими меня...

И тут я буквально взлетела в воздух, подхваченная сильными руками. Король крепко прижал меня к себе, осыпая поцелуями и заливая слезами мое доверчиво прильнувшее к нему лицо.

– Доченька! – нежно шептал он, баюкая меня в своих объятиях так бережно, будто я была малолетним ребенком. – Девочка моя долгожданная!

А я плакала вместе с ним, не стыдясь своих счастливых слез, и попутно отвечала на десятки сбивчивых вопросов, касающихся моей необычной судьбы. Отец восхищенно улыбался; чародей (оказавшийся тем, кем он и должен был оказаться, – великим Лаллэдрином) выпытывал подробности, а его друг скромно держался чуть в стороне, как и подобает оруженосцу короля, носящему легендарное имя Овэлейн. В общем, вокруг меня образовалась настоящая неразбериха, совершенно естественная при встрече заново обретших друг друга родственников: отца и дочери.

И вдруг среди всей этой суеты я неожиданно заметила, скорее даже подсознательно засекала какую-то полупрозрачную тень, мелькнувшую за задней стенкой шалаша... Сразу стало нехорошо и душно, словно я на короткий миг разучилась дышать, столкнувшись со смертоносным смерчем, поглощающим все живое... Огорошенная, я мотнула головой, усомнившись в своих ощущениях. Смутное видение исчезло, но осадок в душе остался. Что это было? Возможно, сказывается утомление или я грежу наяву, истратив слишком много жизненной энергии. Убедившись, что мелькнувшую тень не увидели ни король, ни Лаллэдрин, ни бдительный Овэлейн, я решила выбросить из головы непонятный феномен, дабы подумать о нем позже, когда вновь обрету четкость мышления и избавлюсь от нудного головокружения...

А потом я отвлеклась от странного видения, переключившись на куда более приятные вещи. И лишь много дней спустя узнала, какую страшную ошибку совершила в тот судьбоносный момент, легкомысленно отмахнувшись от голоса интуиции. В тот миг меня переполняли доселе непознанные чувства: счастье обретения, откровенное поклонение окружающих и гордость за новую себя. Тьма, какой же я была глупой! Впрочем, таких, как я, близоруких глупцов и зазнаек непременно нужно наказывать и учить уму-разуму. Вполне закономерные беды не заставили себя долго ждать, обрушившись на меня внезапно и не предупредив о своем приближении.

Глава 7

Из кустов появились Ребекка и Беонир, намереваясь присоединиться к нашему отряду, готовившемуся к отъезду. Первую встретили весьма холодно, и это закономерно, а второго – вполне радушно. Эльфов и лайил разделяла давняя вражда, но поскольку Полночные помнили об условиях пророчества, требующего наличия лайил, то вынужденно смирившись с ее пребыванием в отряде, изредка бросая на воительницу настороженные взгляды. Ребекка напустила на себя невозмутимо величественный вид, игнорируя эти очевидные знаки недоверия. «Со мной вам будет не так плохо, как будет плохо без меня!» – красноречиво говорило холодное выражение ее лица, украшенного гримасой снисходительности. И гордым эльфам не осталось ничего другого, кроме как терпеть ее присутствие, смиряя ропот недовольства. Я мысленно посмеивалась, всецело одобряя самоуверенное поведение подруги.

Воины вывели из шалаша королеву, показавшуюся мне здоровой и оправившейся после родов. Мое сиюминутное недоумение исчезло, сменившись резонными размышлениями о железном здоровье бессмертных эльфов, воспетом в балладах. Каменно-равнодушный лик ее величества не выражал ничего. Скользнув по мне мимолетным взглядом, владычица чуть заметно кивнула, демонстрируя благосклонность. Она жестом отстранила склонившегося перед ней Лаллэдрина, едва ответила на благодарственный поцелуй супруга и села в поднесенный ей паланкин. Краем глаза я заметила недоумение верховного чародея, аналогичное моему, но не придавала этому значения. Тьма, я ведь так долго училась доверять

своей интуиции! Почему же я не прислушалась к ней тогда?..

Предусмотрительные Полуночные привели с собой несколько сменных лошадей, поэтому проблем с передвижением не возникло. Каждому из нашей неразлучной троицы достался великолепный скакун, а Мифрил уверенно парила в небе, иногда напоминая о себе громким клекотом, звучащим грозно и воинственно. Похоже, время ее тихого посапывания в складках плаща безвозвратно кануло в прошлое. Моя крылатая воспитанница уверенно вступала в период ускоренного взросления, наслаждаясь сопутствующими ему привилегиями и правами.

Кавалькада всадников пересекала долину, приближаясь к Запретным горам. С любопытством вертя головой, я любовалась открывающимися красотами, мучаясь от множества накопившихся вопросов. Наконец не выдержала.

– Куда мы едем? – напрямую спросила я отца, восседающего на изящно гарцующем белом жеребце. – Неужели мы собираемся штурмовать эти высоченные пики? – Я указала на крутые горные отроги, возвышающиеся прямо по курсу.

– Нет, маленькая моя! – ласково улыбнулся мой державный родитель. – Мы нашли великолепный туннель, вырубленный в толще скал и проложенный непосредственно под основанием хребта. Думаю, его создали сами Неназываемые, открывая проход во вторую долину, куда более обширную, чем эта, и расположенную за Запретными горами.

– Неназываемые? – переспросила я. – А вы в этом уверены?

– Абсолютно! – безмятежно подтвердил отец. – Исследуя новые владения, мы наткнулись на чудесную хрустальную пещеру, еще хранящую следы их пребывания. С тех пор она играет огромную роль в нашей жизни, которую тебе еще предстоит постичь. Впрочем, в вопросах магии Лаллэдрин разбирается намного лучше меня. Он точно не упустит возможность просветить тебя относительно волшебных свойств некоторых местных достопримечательностей.

– Но ведь изначально туннелей, проделанных Неназываемыми, было два, – догадливо уточнила я. – Первый пролегал под перевалом Косолапого Медведя, но вы его разрушили, дабы обезопасить себя от возможного преследования людей.

– Ты очень умна! – Отец просиял. – Ты изрядно уступаешь нам в росте, маленькая моя, но отнюдь не в сообразительности и храбрости. За Запретными горами мы построили новый город Дархэм, что по-эльфийски означает «дар судьбы». А дорогу к теплым долинам нашла моя мать Эврелика, используя свойства волшебного посоха, чувствующего горячую воду. Увы, трудный переход через горы подорвал здоровье спасительницы нашего народа. Она скончалась при родах, производя меня на свет. В честь отважной принцессы новый род назвали Эврелиями, хотя по эльфийским законам во главе династии стоит прародитель-мужчина, дающий начало генеалогическому дереву. Но вопреки всем правилам королевский род дархэмских правителей начинается с меня, Кантора Эврелия. И, признаться, я безмерно горжусь своим необычным происхождением!

Мы оба почтительно склонили головы, поминая безвременно почившую принцессу.

– В центре Дархэма расположен храм Эврелики. Она почитается у нас на правах богини, – продолжил король Кантор. – Сердце храма – ее статуя! – важно пояснил он. – Она представляет собой женщину, держащую на руках новорожденного младенца. Узрев тебя, выходящую из шалаша и несущую своего сводного братика, мы поразились твоему сходству с изображением нашей богини. Но, к сожалению, не сумели сразу постичь смысл явления. Прости нас за это.

– Я так сильно похожа на бабушку? – не поверила я.

– Ваше сходство просто поразительно! – кивнул король. – Впрочем, ты вскоре все увидишь сама!

Обещание отца исполнилось. Мы переночевали у подножия Запретных гор, а едва рассвело, спустились в широкий каменный коридор гигантских размеров, на целую лигу тянувшийся под горным массивом. Высота туннеля была такой, что всадник на лошади мог ехать по нему свободно, без каких-либо неудобств, даже не склоняя головы. А сам

подземный коридор превосходно освещался многочисленными факелами, укрепленными на стенах, выложенных отполированными каменными плитками. Сразу становилось понятно: строительство такого туннеля стало воистину титаническим деянием. Подобное могли сотворить только боги или их загадочные предтечи.

Проезжая под идеально округлыми сводами, дышащими торжественным, многовековым величием и покоем, я почти физически ощущала присутствие демиургов, когда-то сошедших в это место. Стены туннеля еще хранили прикосновение их рук. Суждено ли мне когда-нибудь создать нечто столь же прекрасное и чудесное?.. Тут я с сомнением помотала головой, смущенная заносчивостью своих мечтаний. Зачем заглядывать в будущее так далеко, до заикания пугая свою удачу? Задуманное нами еще не определено и всецело зависит от нашей целеустремленности. Не замахивайся на то, что не сумеешь осуществить. Не жадничай и не гоняйся за славой, ибо почести и регалии разрушают нашу душу, превращая ее в надменное чудовище. Не желай золота, ведь оно может обойтись слишком дорого. Разве смысл жизни заключается в этом? Полагаю, мы созданы для чего-то большего: светлого, чистого, грандиозного. Но вот для чего именно?.. Счастлив тот, кто ничего не ожидает от жизни, ведь ему неведомо разочарование.

К полудню мы покинули подземный туннель и въехали в долину. Стоя на небольшом уступе, нависающем над расстилающимися невдалеке обжитыми землями, прикрытыми туманной дымкой, тянущейся от теплых источников, отец гостеприимно вытянул руку.

– Смотри! – требовательно призвал он. – Смотри внимательно!

Направляемая его жестом, я глянула вниз и замерла, сраженная и очарованная, будучи не в силах подобрать слова, чтобы описать всю прелесть открывшегося зрелища. Король неторопливо заговорил, описывая каждое здание и каждый уголок прекрасного Дархэма, похожего на хрупкое хрустальное сокровище, обернутое в полупрозрачную вуаль из легчайшего тумана.

Внизу, собранные в ласковую пригоршню мохнатых горных склонов, громоздились дома, островерхие башенки и крытые синей черепицей купола, зеленые платки садов, мосты и виадуки с легкими арками. Чуть левее темнел четырехугольный двор сторожевой цитадели Кремник с колокольной... Я жадно вбирала в себя эти образы, смотрела и не могла насмотреться. Дархэм во многом превосходил Блентайр, который стал всего лишь его бледной копией, черно-белым сном, наброском будущего художественного полотна, не воплощенным в реальность.

Вдруг туман развеялся, показался Сол, и из щели между горными вершинами хлынуло золотисто-алое сияние. Подобное финальному аккорду музыкальной симфонии, оно расплавляло формы домов и превращало их в сказку и мираж. Все смешивалось, дрожало тенями, одевалось сияющей зыбью, бросало искры, подобные мечам и копьям. Со стороны Кремника донесся гулкий, переливчатый звон колоколов. Когда их звуки почти затихли, с главной дворцовой башни раздался певучий голос мага:

– Славься, благословенный город Дархэм, и помни, что бог Шарро превелик! Вставайте на молитву, на молитву, молитва лучше сна...

Расширив глаза от удивления, я всеми фибрами своего ждущего чуда естества впитывала открывающуюся картину. Склоны гор, поросшие диким фенхелем и тимьяном, розовый снег на вершине перевала, кроны каштанов и платанов на городских улицах, маленький пруд на площади, затянутый круглыми листьями фацелии. А в самом центре Дархэма стояла нереально высокая и острая, как игла, башня, подпирающая облака. И веяло от нее чем-то невыразимо печальным, прекрасным и опасным... Я растерянно моргнула, усилием воли отгоняя приступ нехорошего, судьбоносного предчувствия.

– Как вы смогли сотворить подобное? Откуда такая сила?.. – чуть слышно шептала я, обессилив от переполняющих душу эмоций.

Подъехавший к нам Лаллэдрин низко наклонился с седла, заглядывая мне в глаза. По его лицу блуждала несмелая улыбка узнавания, будто он видел отнюдь не меня, а ту героиню

древней сказки, которую ждал много лет и почти отчаялся дожидаться.

– Спроси лучше, как можно удержать в себе эту силу, когда нечто неуправляемое прорастает из человека и завладевает им? Назови ее как угодно: предначертание, рок, фатум... Скажи, ты тоже ощущаешь ее в себе?

Я задумчиво кивнула, осмысливая его слова и по-прежнему не отводя взора от панорамы города, который должен стать моей судьбой.

И, словно отвечая моим чаяниям, мираж дрогнул, обрел форму, объем и воплотился в действительность. Светлый, омытый горным воздухом, открылся передо мной город Дархэм. Я поняла, что с первого взгляда, раз и навсегда безоглядно влюбилась в него и душой, и сердцем. Влюбилась в этот неповторимый «дар судьбы», права обладать которым я еще не заслужила!..

Меня чрезвычайно утомила долгая церемония триумфального шествия по городским улицам, сопровождаемая замысловатыми магическими ритуалами, совершаемыми учениками Лаллэдрина. Наклонившись к моему уху, верховный чародей растолковал смысл волшебного действия, призванного обеспечить счастливое будущее новорожденного принца. Король Кантор Эврелий и его супруга Эвника произвели на свет восемь дочерей – старшая из них, инфанта Эвридика, до сего момента считалась наследницей трона, – но при этом они продолжали надеяться на рождение сына. И вот теперь, благодаря моей помощи, долгожданное событие наконец-то свершилось...

– И вот фигурки смешались, нарушив законы шахматной доски, – вполголоса, будто разговаривая сам с собой, проворчал маг. – А крохотная, слабая пешка самостоятельно дошагала до границы неведомого и вышла из повиновения воле игроков.

– О чем вы сейчас говорите, учитель? – не поняла я, вполуха прислушиваясь к его витиеватым рассуждениям.

– О шахматах, любимой игре богов, – невесело рассмеялся Лаллэдрин. – Они придумали правила и разделили мир на две армии, черную и белую, ввязав их в бесконечное противостояние. Много столетий мы послушными фигурками передвигались по предназначенным для нас клеткам, разыгрывая задуманную богами партию. Но вот появилась ты, и правила нарушились, утратив свою актуальность. Кто знает, чем закончится древняя война.

Я задумчиво хмыкнула, припоминая странные признания богини Банрах. Кажется, я стала отнюдь не первой, кто возжелал самостоятельности и заплатил за нее безмерно высокую цену. Заплатил своей свободой! Вот и выходит, что ты не сможешь стать абсолютно независимым, если от тебя что-то зависит.

– Я обязательно научу тебя играть в шахматы, – пообещал чародей, добродушно поглаживая меня по волосам. – Обещаю, тебе понравится эта игра.

Боюсь, я не очень внимательно слушала пространную речь Лаллэдрина, занятая борьбой со сном, которую в итоге проиграла целиком и полностью, сдавшись на милость навалившейся дремы. Видят Неназываемые, минувший день выдался слишком богатым на приключения, а посему в таком поражении нет ничего постыдного.

К королевскому дворцу мы прибыли уже затемно. Смутно помню мраморные стены, изукрашенные изображениями белых мантикор, и вымуштрованных стражников, склонившихся в почтительном поклоне. Я кивнула в ответ, чуть не сверзившись со своего резвого скакуна: мои натертые седлом ягодицы успели превратиться в одну сплошную мозоль, а непривычные к поводьям пальцы онемели и затекли. Следующей яркой картинкой, навечно врезавшейся в память, стали сильные отцовские руки, бережно снявшие меня с седла. Каблуки королевских сапог звонко стучали по каменным плитам длинного коридора, когда отец нес меня в спальню.

– Спи, маленькая моя! – шепнул он, уложив меня на роскошную кровать и нежно целуя в лоб. – Набирайся сил. Завтра нас ожидает торжественный бал и всеобщий праздник в честь моего новорожденного сына. Держись, Йона, ибо все дворяне Дархэма хотят лично

лицезреть Наследницу трех кланов, а быть героиней пророчества слишком трудная миссия. Особенно для такой маленькой и хрупкой девочки, как ты...

– Хорошо, батюшка! – покладисто улыбнулась я и провалилась в сон, едва успев вспомнить исцеляющее заклинание для моих болезненных натертостей. Еще ни разу в жизни и нигде в мире мне не спалось так сладко и спокойно, как в этом чудесном городе, ставшем отныне моим домом...

Я проснулась так же легко, как и уснула. В недоумении села на кровати, прислушиваясь к своим ощущениям. Нет, он мне не померещился, этот слабый зов, идущий откуда-то извне, со двора замка.

– Иди ко мне, Наследница! – звал мелодичный женский голос, притягивая меня к себе подобно огоньку свечи, влекущего слабого мотылька, который бездумно летит на свет смертельной приманки и погибает, опалив хрупкие крылышки.

Я пробовала сопротивляться странному голосу, но не смогла. Встала, с удивлением обнаружила себя облаченной в кисейную ночную рубашку, подняла с кресла роскошный шелковый халат и с удовольствием вдела руки в его широкие рукава. Потуже запахла полы непривычного домашнего одеяния, заплела свои многочисленные тонкие косички в одну толстую косу. Еще пытаюсь сопротивляться зову, выворачивающему наизнанку все мое естество, я обошла отведенную мне спальню, пощупала ковры, потрогала обивку стен, постучала ногтем по стеклу шкафчика с посудой – знакомый звук, голубовато-металлический, – и очарованно вздохнула. Никогда не видела подобной красоты!

В комнате располагалась низкая широкая кровать с подголовным валиком вместо подушек – подлинно королевское ложе. Окнами спальня выходила в парк, и защиты на рамах не было никакой, кроме двойных штор: прозрачных кремовых – нижних и плотных, из коричневого узорного шелка – наружных. За оконными стеклами холодно улыбалась далекая и недоступная Уна. Стены обтянуты старым гобеленом, под потолком резной фонарь из желтоватой кости. Фигурная дубовая мебель собирала на себя всю пыль из окружающей атмосферы. Я толкнула незапертую дверь и осторожно выглянула в коридор.

Стражник возле лестницы сладко храпел, тяжело навалившись на громоздкую, явно неподъемную алебарду. Я на цыпочках прошмыгнула мимо него, с проказливой усмешкой подумав: «То-то шуму он наделает, уронив свою архаичную церемониальную штукуну, мало на что пригодную». Обширный коридор оказался разделен поперечными выступами, разбивающими его на части разного цвета. На гладких фризах, проходящих вдоль стен, стояли букеты в плоских вазах. Пол выстилал черный кафель с рисунком из зеленых и желтых кленовых листьев.

На одном из подоконников сидела вездесущая кошка и от нечего делать мыла себе подхвостье, задрав ногу вверх так грациозно, словно она родилась не хвостатой тварью, а знаменитой танцовщицей. Ее желтые глаза смотрели на меня с неодобрением. «Ты потише себя веди, Наследница, а то весь дом ненароком перебудуешь!» – красноречиво говорил ее взгляд.

– Не перебуду! – вполголоса пообещала я и тут же налетела на крохотный столик с кем-то позабытым здесь чайным сервизом. Серебряная посуда с певучим звоном посыпалась на пол. Я испуганно присела, ожидая вполне закономерного переполоха, но, к счастью, никто из проживающих во дворце эльфов и не подумал проснуться.

Однако на эти звуки пришла огромная собака с кроткими глазами и, сохраняя достоинство, улеглась у миски на полу. Зевнула, показав два ряда клыков, похожих на белые скалы. «С такими сторожами хозяевам легко быть храбрыми», – подумалось мне. Я благодарно почесала покладистую псину за ухом и пошла дальше.

На веранде, увитой плющом и дикими розами, было почти пусто: красовался лишь буфет во всю стену, что примыкала к дворцу, а середину занимал огромный стол в форме дубового листа.

Парк перед замком выглядел куда более ухоженным, чем сам дворец: купы сиреневых кустов вокруг цветущих газонов, дерновые скамьи и дорожки, мощенные кирпичом, забитым

торцом вниз. Дальше шел сад, запущенный, но прелестный: яблони стояли по колено в траве, плоский водоем подернулся ряской и мелкими белыми цветочками, ягодные кусты росли на грядках, рыжие и розоватые лилии с отогнутыми лепестками – в междурядьях. Уже ничего не боясь и не прячась, я добежала до массивных кованых ворот и с трудом отодвинула тяжелую створку. Проскользнула в образовавшуюся щель и очутилась на мостовой, залитой тусклым светом фонаря, укрепленного на высокой бронзовой опоре.

Я брела наугад, покорно подчиняясь неведомому зову. Теплый, ночной, упругий ветер заворачивал листья изнанкой вверх, ерошил траву, играл подолом моего халата. Будто в полусне, я оставила позади пару жилых кварталов и остановилась на обширной круглой площади, практически пустой, если не считать стройного храма, возведенного точно в центре. Бездумно преодолела пять ступеней и постучалась в двустворчатую дверь, украшенную золотыми гвоздиками. Двое стражников – в отличие от дворцовых, вооруженные обнаженными мечами и бодрствующие, – удивленно посмотрели на мой халат, но не стали препятствовать моему дальнейшему продвижению. Они учтиво поклонились и расступились, освобождая проход в святилище.

Признаюсь, мне очень не хотелось переступить порог храма. Какой-то частицей своего сознания я понимала: эта дверь навечно изменит мою жизнь, разделив ее на две половинки, называемые «до» и «после»... Но дверь скрипнула, приоткрываясь... И тогда я решительно шагнула внутрь, словно принося себя в жертву тому предопределенному будущему, которое все время шло рядом со мной, деспотично подталкивая меня в спину...

Как я и ожидала, это оказался храм Эвреики! Вечерняя литургия давно закончилась, но привратник – старенький, седой, согбенный эльф – взглянул мне в лицо и тут же впустил, едва я постучалась. Главная святыня храма, несмотря на отсутствие прихожан, была подсвечена снизу целым костром из свечей, наклепленных на поднос, установленный перед невысоким алтарем. На алтаре возвышалась статуя женщины, выполненная в натуральную величину и казавшаяся живой. В трепете пламени лицо Эвреики, высеченной из знаменитого дурбанского мрамора, смотрелось невероятно юным и кротким. Но ее фигура, которую обтекали складки одежды, струящиеся мягкими, целомудренными волнами, выглядела по-женски зрелой. В том, как нимбом раскинулись вокруг лица темные волосы, как разлетелся синий плащ за плечами, ощущался ураганный, поистине неземной ветер. Это от него сын-младенец спрятал личико у нее на плече, так что на мальчика падала тень рока, уготованного потомку великого короля. Но в матери ощущались лишь божественные сила и покой. Ее босые ноги плотно прижимали храм к земле, устанавливая нужный порядок вещей и событий.

Да, именно она вершила судьбы своего народа, в этом я не сомневалась. Вынутый из ножен меч лежал рядом – знак поверженной войны и преодоленного страха. Я глубоко вздохнула, проникаясь исходящим от статуи светом, и благоговейно опустилась на колени, беззвучно умоляя Эвреику поделиться со мной силой и мудростью, столь необходимыми мне в будущем. Но фигура женщины из розоватого камня выражала абсолютный покой, оставаясь глухой к моим молитвам. Бездонные глаза, нежный рот, легкий поворот головы – все было исполнено детской чистоты, лучезарности и в то же время истинно женского лукавства...

– Иди ко мне, Наследница! – звал мелодичный женский голос, способный принадлежать только статуе.

И тогда, не выдержав, я шагнула ближе, протянула руку и кончиками пальцев коснулась края ее мраморного одеяния. Острая вспышка боли пронзила мозг, голова закружилась, и, издав пронзительный крик, я повалилась на пол, со всего маху ударившись виском о ребро алтарного постамента...

Ничто в этой жизни не дается просто так. За каждую улыбку мы рано или поздно платим слезами, за радость – грустью, за веру – отчаянием, за любовь – одиночеством. И не

рассчитывайте, что сможете получить даром какие-то блага или удачу. Нет, за это придется платить. Причем у жизни на все свои расценки.

Мне чудилось, будто я плаваю в мерцающем полумраке, наполненном яркими шариками, пролетающими мимо. Заинтересовавшись, я протянула руки и выхватила из пустоты один из разноцветных сгустков, заманчиво порхающих вокруг. Шар тут же развернулся, превратившись в объемную картинку. Я всмотрелась в панораму и вскрикнула от неожиданности: я наблюдала за самой собой, стоящей на кромке высоченного обрыва... И вдруг меня толкает в спину кто-то невидимый. Я ухитряюсь заметить лишь рукав его одеяния – багряный, расшитый узорной золотой тесьмой, а затем срываюсь со своей ненадежной опоры и начинаю безудержно падать вниз, в разверзшуюся пустоту... Я испуганно отшатываюсь от ужасного видения, и картинка снова сворачивается в шар, уплывающий вдаль.

Едва оправившись от пережитого шока, я, все еще гадая, что же такое мне сейчас открылось: возможное будущее или просто навязчивый морок, не имеющий ничего общего с действительностью, снова рискую спокойствием и протягиваю пальцы к следующему шару. Вторая картинка радуется праздничностью: по улицам Блентайра перемещается свадебный кортеж. В сияющих от счастья женихе и невесте я мгновенно узнаю Ребекку и Беонира, восседающих на белых лошадях. Я обрадованно смеюсь, а картинка отдаляется от меня, закрываясь, будто цветочный бутон, отдавший душистый аромат. Преисполнившись жадности, я тянусь за следующим шаром.

На сей раз я увидела Ардена. Он поддерживает под локоток девушку, облаченную в роскошный парчовый наряд. Подол ее платья подметает ступени дворца, по которым поднимается эта счастливая пара. Вот только на стройную спину девушки, презрительно отвернувшейся от меня, спускаются отнюдь не черные, а золотые, будто лучи Сола, локоны. Голову горделивой красавицы венчает изящная корона. Арден нежно прижимается к своей спутнице, ловя ее благосклонный взгляд... Но как же так?! Я недоуменно хмурюсь, раздосадованная представшей передо мной нелепицей. Кто она, эта девушка в короне? Разве рядом с моим любимым Арденом не должна находиться я, его избранница и невеста?.. Картинка отдаляется, посеяв в моей душе семена отчаяния и горького разочарования.

– Кто она, эта златовласка? – вслух восклицаю я, гневно сжимая кулаки так сильно, что костяшки суставов белеют от напряжения. – Нет, я не желаю такого будущего! Я его не приемлю!

– Иди в пещеру Неназываемых! – Повелительный голос статуи снова врывается в мое сознание. – Пройди испытание вещим сном, получи дар творцов и шагни с утеса Судьбы. Найди Колокол Судьбы. Измени свое будущее...

– Шагнуть с утеса? – настороженно переспрашиваю я. – И упасть вниз! А это больно? Ой, больно... – Я пытаюсь отмахнуться от чего-то жесткого, причиняющего мне боль, всплескиваю руками и – прихожу в сознание.

– Больно! – Я сердито отмахиваюсь и случайно попадаю по чьей-то сухой морщинистой длани, бесцеремонно похлопывающей меня по щеке. – Ох, извините! – Открыв глаза, понимаю, что ударила старика привратника, пытающегося привести меня в чувство. – Извините, я не хотела!

– Пустяки! – Вокруг его выцветших глаз разбегается рябь добрых морщинок. – Моя вина больше твоей, ведь я уже забыл о том, какими корявыми стали мои руки... – Он бережно подхватывает меня и, с кряхтением приподняв, прислоняет к надежной опоре. – Вот так тебе будет лучше, – хлопчет он надо мной. Достает из кармана фляжку, отвинчивает крышку и вливает мне в рот несколько глотков вкусной, восхитительно холодной воды. – Тебе ведь лучше? – с волнением спрашивает привратник.

Я киваю и понимаю, что сижу на полу храма, спиной прижавшись к постаменту алтаря. Надо мной возвышается статуя Эврелики, все такая же безмолвная и умиротворенная. Ее инкрустированные драгоценными камнями глаза излучают то самое спокойствие, которого

несколько мгновений назад лишилась я, узрев насланные богиней видения. За что же меня наказали так сурово? Разве непонятно, что легкомысленная неосведомленность куда милосерднее мудрой прозорливости? А жить под гнетом надвигающегося на тебя несчастья... Хочется надеяться, что со временем я смогу забыть эти страшные картины и обрету утраченное спокойствие. Впрочем, я давно пришла к осознанию того, что время не лечит. Оно тихо наблюдает за нами со стороны, безразлично подмечая, как затягиваются наши сердечные раны и рушатся мечты. Оно равнодушно улыбается, ибо ему все равно.

– И часто здесь происходит подобное? – Я с трудом шевелила онемевшими губами, мой голос звучал хрипло и глухо. – Обмороки, видения...

– Бывает иногда, – догадливо усмехнулся старик, обтирая мое лицо смоченным из фляжки носовым платком. – Наша богиня воздает каждому по заслугам. Кому-то – благое предсказание, а кому-то – кару за грехи.

– Хм... – задумалась я, все больше запутываясь. – Или предупреждение?

– Случалось и такое чудо, – поддакнул старик. – Один после сего события напугается и глупости творить начнет, а другой, кто поумнее да посметливее, сумеет и плохое знамение обратить себе на пользу. Ведь от того, как и куда мы смотрим, зависит то, что и когда мы увидим.

– Дедушка, а ты не мог бы выражаться поточнее? – взмолилась я, осторожно прикасаясь к своему виску, на котором наливалась здоровенная шишка. – Без иносказаний и загадок.

– Нельзя, девонька, ведь боги не признают конкретики, – проказливо хихикнул мой благодетель, помогая мне подняться и медленно ведя к выходу из храма. – Ступай-ка ты домой, милая, досыпать. А истина сама о себе напомнит, когда придет ее время.

– А когда именно оно придет? – уперлась я, хватаясь за тонкие колонны, поддерживающие кровлю святилища. – А если оно принесет с собой зло и горе?

– А ты, милая, злом на зло не отвечай! – посоветовал старик. Я внутренне содрогнулась: его слова в точности повторили указание, данное мне призраком серого мага, освобожденным из подземелья храма Песка. – А горя не страшись и не чурайся, ибо оно очищает душу и испытывает нас на прочность.

– А откуда ты это знаешь? – недоверчиво выпрашивала я, замерев возле самой двери храма, ибо упорно изгоняющий меня из святилища старик проявил недюжинную силу, неожиданную для столь изношенной оболочки. – Или ты придумываешь красивые байки, пытаясь меня успокоить?

– Если бы! – Лоб старика пересекла скорбная морщина. – Много лет назад я тоже был самонадеян и полон сил, пока в битве у Аррандейского моста кровожадные лайил не оборвали мои крылья, лишив меня красоты и молодости. Я выжил, но состарился и утратил способность летать. Однако, приняв уготованные испытания, я не ропщу, а с достоинством несу свою ношу, ибо и она не лишена высшего смысла. Каждый из нас когда-то шагает с утеса Судьбы – кто реально, а кто символично.

– И ты не мечтаешь о возмездии? – невольно ужаснулась я, проникшись состраданием к его злосчастной судьбе. – Об отмщении этим злобным лайил?

– В мире не существует злобных или хороших лайил, – поправил привратник, наставительно грозя пальцем. – Как нет плохих или хороших людей. Есть глупцы, пытающиеся решить свои проблемы за счет других. А от расы, возраста и пола эти качества не зависят.

– А плохих эльфов ты встречал? – напоследок спросила я, замерев в проеме распахнутой двери.

– А ты? – лукаво усмехнулся привратник, вежливо выставив меня за порог.

Резные створки шумно захлопнулись за моей спиной, отгораживая меня от возможности получить ответы на свои вопросы. Я соляным столбом застыла на крыльце храма, мучаясь отнюдь не странной философией, заключенной в последней реплике старика. Больше всего меня беспокоила полупрозрачная тень, мелькнувшая возле алтаря. Тень,

оставшаяся там, в храме, вместе с ничего не подозревающим старым эльфом... Я растерянно терла опухшие от недосыпания веки, терзаясь сомнениями и недобрыми предчувствиями. Уж не эту ли самую тень я видела возле родильного шалаша королевы? Или там просто тучка на Сол набежала? Или мне все это почудилось?

Провожаемая недоуменными взглядами храмовых стражников, я спустилась по ступеням и отправилась обратно, во дворец своего отца. Небо постепенно светлело, предвещая наступление нового дня. Я надеялась, что уж он-то точно принесет мне хорошее, забыв избитую истину: каждый прожитый день делает любого из нас чуточку старше, а кого-то – значительно умнее.

Беззвучно, словно скромная мышка, я прокралась в свои покои, затворила дверь и облегченно вздохнула. Сделала шаг к кровати, намереваясь провалиться в ее мягкую глубину, дабы выспаться всласть, и вдруг замерла как вкопанная, обнаружив неожиданного гостя, самовольно проникшего в мою комнату...

Круглый десертный столик, ранее занимавший угол комнаты, оказался перемещен в самый ее центр, а возле столика стояло массивное кресло, похожее на трон. Выполненное из натуральной кожи и перетянутое вдоль и поперек позолоченными ремнями, оно отличалось необъятными размерами и вычурной формой. Девушка, которая свернулась в кожаном чреве кресла, подобрав под себя ноги, обутые в золотистые туфельки, казалась хрупкой и романтической, ибо была стройной, светловолосой и белокожей. Но странное дело, жалкой на фоне этого кожаного гиганта она отнюдь не выглядела.

В длинных, ухоженных пальчиках девушка держала крохотную чашечку, из коей прихлебывала с непередаваемо величественным видом. Она встретила меня высокомерной улыбкой и произнесла грудным, волшебным-мелодичным голоском:

– Ночные прогулки – это привычка, вполне достойная простолюдинки. Впрочем, иного я от тебя и не ожидала. Садись, сестра, я уже устала тебя ждать!

– Ждать? – Я ногой пододвинула к себе пуфик и уселась. Мои глаза оказались на уровне шеи этой великолепной красавицы. Хотя дело не в пуфике – девушка отличалась завидным ростом, присущим всем Полночным. – Кто ты такая и как попала в мою комнату?

– Я не ослышалась? Ты сказала: «В мою комнату»? Вообще-то я нахожусь у себя во дворце! – высокомерно сообщила девушка. – Не забывай об этом, голодранка. И, к несчастью, имею сомнительную честь доводиться тебе сводной сестрой, ибо меня зовут Эвридика и я старшая дочь и наследница нашего отца-короля.

– Уже нет, – холодно поправила я, радуясь возможности хоть немного задеть эту невозможную гордынку. – У короля родился сын, и поэтому ты утратила титул инфанты.

– Во всем виновата только ты, и никто другой, – ехидно парировала принцесса. – И этого я тоже никогда тебе не прощу!..

– Но я же не могла поступить иначе! – искренне возмутилась я, сердито теребя пояс своего халата. – Твоя мать находилась при смерти, я просто спасла ей жизнь!

– Неразумный поступок, – заявила моя сестра, жеманно прихлебывая из чашечки. – Женщин у нас много, и мой отец мог запросто найти себе другую жену. А вот трон Дархэма всего один, и ты уже ничем не сможешь возместить причиненный мне ущерб.

– А я и не собираюсь этого делать, – рассерженно фыркнула я, до глубины души потрясенная ее эгоизмом. – Если ты хочешь стать королевой, придется тебе поискать какой-нибудь другой, свободный трон. Но учти, это произойдет без моей помощи!

– Посмотрим. Возможно, и поищу, – язвительно усмехнулась Эвридика, разглядывая меня так брезгливо, будто перед ней находилась не ее родственница, а противное насекомое. – Запомни, сестрица, – это обращение было словно плевок в лицо, настолько унижительно оно прозвучало, – я прошла обучение у Лаллэдрина и была отнюдь не самой бездарной ученицей.

– Так ты чародейка? – поразила я, ожидая встретить в лице своей сестры кого угодно: хоть соратника, хоть недруга, но только не коллегу по гильдии.

Вместо ответа Эвридика чуть отогнула ворот своего платья, многозначительно показывая мне хрустальную звезду: два луча из шести полыхали мрачным багровым пламенем. А мне не осталось ничего другого, кроме как признать: передо мной и в самом деле молодая чародейка, которая, подобно мне самой, едва вступила на длинный путь самостоятельного постижения магии, способный завести неизвестно куда. Впрочем, в магии, как и в любом другом безумии, всегда есть своя логика, недоступная пониманию большинства стандартно мыслящих людей. И вот тогда, заинтересовавшись личностью своей сводной сестры Эвридики, я впервые взглянула на нее оценивающе, даже не подозревая, через какие страшные испытания нам суждено пройти вместе, не став в итоге ни заклятыми друзьями, ни верными врагами.

Золотистые волосы принцессы, в которых утренние лучи Сола зажгли рыжую искру, были слишком легкими, чтобы уложить их в прическу, а посему локоны свободно струились по плечам, пленяя воображение. Носик – целеустремленный и остренький, губы – пухлые, хорошей формы; лицо с маленьким подбородком и широкими скулами напоминает арбузную косточку. А глаза – словно хамелеоны, то ли темно-серые, то ли синие, цвет меняют ежеминутно. В ее чертах чудится то отблеск небесной красоты, то тень всех пороков, какие только возможны на нашей многострадальной земле. Но при всем этом Эвридика была так хороша собой, что ее прелесть сражала наповал, вызывая любовь у мужчин и зависть у женщин.

– Если тебе говорят, что ты умница и красавица, то не спорь! – самоуверенно повела плечами принцесса. – Людей не переубедить.

Я вяло улыбнулась, потрясенная ее безграничным себялюбием. Вот уж точно, чем более недалек человек, тем дальше простираются его претензии.

Наслаждаясь эффектом, произведенным на меня ее удивительной красотой и не менее удивительной нахрапистостью, принцесса подняла стоящий на столике чайничек, налила во вторую чашечку немного темного благоухающего напитка и подала мне.

– Это горячий шоколад, – пояснила она, удовлетворяя мое молчаливое любопытство. – Ну что, поговорим?

Я глянула исподлобья, соображая, стоит ли иметь дело с этой беспринципной особой. Потом неуверенно кивнула, решив, что все-таки стоит:

– Поговорим!

Свою чашечку я демонстративно приняла обеими руками. Фарфор казался еще более нежным в моих пальцах, изящных и загрубелых одновременно. Эвридика довольно закинула ногу на ногу и позволила себе покровительственную улыбку, заморозившую меня, словно ритмичные раскачивания ядовитой змеи, усыпляющей бдительность доверчивой птички. Время от времени сестра прислушивалась к негромкому шуму пробуждающегося ото сна замка, доносившемуся снизу. А ее хитрые глаза, испытующе поблескивающие сквозь полуопущенные веки, неотступно изучали мое лицо, и это не было для меня неприятно, скорее наоборот – лестно.

А затем Эвридика заговорила, тщательно взвешивая каждое слово...

Меня поразило, что в нашей беседе не было ни малейшего проявления негативных эмоций, ни повышенных тонов, ни выплесков гнева. Кажется, мы обе склонялись к заключению полубовного сговора. Тьма, разве все это взаправду?

Взаправду!

Глава 8

– Итак, пророчество Неназываемых начинает сбываться, – сделала закономерный вывод Эвридика, не отводя от меня изучающего взгляда. – В детстве мы с сестрами каждый день играли в приключения принцессы Эврилики, и я, признаюсь откровенно, воображала себя той самой ее внучкой, которой однажды суждено стать Наследницей трех кланов. И вот теперь мои мечты обратились в прах.

– Но я даже не помышляла о подобной чести... – сбивчиво начала я, грея пальцы о чашку с шоколадом.

Однако эльфийка коротким жестом пресекла поток моих неловких оправданий и язвительно рассмеялась:

– Не выставляй меня дуручкой! Возможно, я излишне амбициозна, но при этом отнюдь не глупа и не наивна. Я отлично понимаю: все, что есть у тебя сейчас, когда-то тоже являлось мечтой, ничуть не уступающей моей.

– Ничего подобного! – бурно запротестовала я, заливаясь предательским румянцем. – В отличие от тебя я никогда не желала вреда другим людям.

– Да неужели? – переспросила моя сестрица, отставляя опустевшую чашечку. – Ах ты маленькая врунья! – Она саркастично вздернула четко очерченные, словно две арки, брови. – Позволь тебе не поверить. Мы все неидеальны и все изначально ранены: одни – чьими-то чувствами, другие – чьим-то безразличием.

– Думай что хочешь, – сердито буркнула я, понимая: она права. В приюте я иногда не слишком хорошо думала о некоторых из своих сверстников и мысленно желала им всяческих неприятностей. Зато сейчас мне стало мучительно стыдно за свои детские грешки, в коих я бы никогда не призналась этой заносчивой красотке. И все-таки...

– И все-таки я права! – уверенно констатировала она, ритмично покачивая ногой, словно задавая темп своей неторопливой речи. – Выходит, ты ничем не лучше меня. Просто смелости у тебя меньше, а совести – чуть больше.

– Разве плохо быть совестью? – осипшим от возмущения голосом спросила я, ошеломленная ее извращенной логикой, запросто меняющей местами понятия добра и зла. – На что ты все время намекаешь? На то, что я спасла твою мать, создав тебе проблему? Нет, так рассуждать нельзя, и ты, пожалуйста, постарайся понять меня правильно...

– Если кто-то вдруг сказал: «Постарайся понять меня правильно», – пискляво передразнила меня Эвридика, поигрывая серебряной ложечкой, – то приготовься услышать ложь. Значит, человек сделал тебе пакость и сейчас начнет оправдываться! – Откровенно смеясь над моей растерянностью, она получала огромное удовольствие, унижая меня. Подозреваю, подобным образом она вела себя не только со мной. В таком поведении нет ничего удивительного: эгоист всегда уверен в своей правоте. Увы, добро всегда побеждает зло. Ведь если побеждает зло, оно тут же провозглашает себя добром!

Я оторопело молчала, не находя достойных аргументов. Манеры этой девицы вызывали у меня стойкое отвращение, но опускаться до ее уровня и отвечать гадостями на гадости я не собиралась. К тому же чем человек умнее, тем проще объяснить ему, что он дурак. Объяснить же сей прискорбный факт дураку совершенно невозможно. Да я и не собиралась поучать сестру, прекрасно понимая бессмысленность этого занятия. Эвридика никогда не снизойдет до дружеского общения со мной. Она, вне всякого сомнения, чувствует, какая огромная пропасть нас разделяет, ведь на грядке с капустой и роза сорняк!.. Пребывая в легкой растерянности от всего происходящего, я вспомнила свое излюбленное правило: улыбайся всегда и везде. Ибо друзья, бесспорно, заслуживают наших улыбок, а враги тут же лопнут от зависти! Приняв предельно беззаботный вид, я одарила Эвридику широкой лучезарной улыбкой. Лучше быть предметом зависти, чем объектом сострадания.

– Мотивы моих прошлых поступков тебя не касаются, – снисходительно отчеканила я. – А будущих – тем более!

Эвридика гневно сжала кулаки и заскрежетала зубами. Перламутровые пластинки ее блестящих ногтей впились в ладони, оставляя на них красные следы. Все ее наносное спокойствие как ветром сдуло.

– Ты заявила к нам без приглашения! – заорала она. – Нарушила размеренный ход нашей жизни, внесла смятение в умы, украла внимание отца, взбудоражила Лаллэдрину, разрушила мое будущее!..

– Не много ли достижений ты приписываешь одной скромной голодранке? – насмешливо улыбнулась я. – Да ты, никак, меня боишься? – Я лукаво подмигнула

набычившейся принцессе. – Да?

– Не дожدهшься, слишком много чести! – скривилась сестрица. Но выражение ее глаз, дерзкое и вместе с тем затравленное, красноречиво подтверждало правильность моей догадки. – А кроме того, тебе все равно не справиться с проклятием Сильваны и не вернуть нас в небо.

– Что-о? – растерянно протянула я, сразу же вспомнив просьбу старьевщика, убитого жрецами богини Банрах. «Верни их в небо...» – так сказал он, и тогда я совершенно не поняла смысла этой фразы. Хотя теперь... Да, кажется, ситуация начала потихоньку проясняться. – О каком проклятии ты говоришь? – уже конкретнее сформулировала я вопрос, намереваясь сложить воедино разрозненные кусочки очередной судьбоносной головоломки.

– Не лезла бы ты в серьезные дела, не предназначенные для твоего скудного умишки! – свысока посоветовала Эвридика, выразительно барабая пальцами по подлокотнику кресла. – Не детское это дело – бороться с проклятиями.

Я наблюдала за своей сестрицей молча, с легкой жалостью во взгляде. И зачем, спрашивается, она так пыжится и из кожи вон лезет, пытаюсь подчеркнуть свою значимость? Считает, будто непомерные амбиции и есть признак блестящего ума? Но значимость человека измеряется отнюдь не произносимыми им словами. Слова ранят, но не убивают; пленяют, но не удерживают; обманывают, но не оправдывают. Так зачем же попусту сотрясать воздух, если без реальных поступков ничего не изменится? Полагаю, со мной согласится каждый здравомыслящий человек, но поди докажи это самоуверенным болтунам, неистово рвущимся к власти, богатству и славе. И боюсь, что пока такие скудоумные личности носят титулы «сильных мира сего», в мире ничто не сдвинется с мертвой точки, а жизнь простых людей так и останется тяжелой, унылой и горькой. А я так хотела ее изменить!

Впрочем, если я намереваюсь поразить свою заносчивую сестрицу, придется подбирать доводы повесомее, ибо на таких наглецов обычные увещевания не действуют. Как говорится, мало, чтобы добро было с кулаками, – нужно еще, чтобы зло было с синяками! А посему, предупрежденная своей неизменной союзницей интуицией, я начала мысленного готовиться к хорошей драке, способной привести нас ко временному худому миру.

Невзирая на бушующие внутри меня эмоции, я продолжала чутко следить за каменным лицом сестрицы, не выражающим ничего. Как известно, мысль – это интеллектуальный экстаз мозга. Тот, кто способен его испытывать, получает удовольствие; а тот, кто неспособен, – вынужден имитировать. Похоже, с имитацией удовольствия у Эвридики дело обстоит крайне плохо.

– Полагаю, проклятие Сильваны как раз меня и касается, – с мягкой настойчивостью заявила я, запуская руку за ворот своего халата и предъявляя принцессе ожерелье из двух оставшихся слез Эвридики. – Вот почему!

Глаза эльфийки недоверчиво расширились. Она нервно облизала языком пересохшие от волнения губы и вдруг кошкой прыгнула на меня, нацелив на мою шею жадно растопыренные пальцы.

– Отдай! – истерично визжала она. – Оно принадлежит не тебе!

Но я, уже готовая к такому повороту событий, быстренько сплела заклинание воздушного щита, отшвыривая от себя сумасшедшую карьеристку. Принцессу легковесной пушинкой отбросило прочь, унося в угол спальни. Там она весомо приложила спиной о стену и потрясенно замерла, осознав, что столкнулась отнюдь не со слабой дилетанткой, а с весьма достойной противницей. На пол с жалобным звоном упала серебряная ложка, почти завязанная в узел моими боевыми чарами. Принцесса проводила ее осоловелым взглядом... Глаза эльфийки смотрели на меня с такой ненавистью, что если бы они были углями, то прожгли бы во мне две дыры приличного размера. К счастью, я давно уже избавилась от своей прежней робости, а поэтому ответила сестрице спокойным, чуть ироничным прищуром, исполненным чувства собственного достоинства. Всем известно, для хорошего настроения нужно обнять восемь симпатичных тебе людей. Ну или дать в морду одному

несимпатичному...

Эвридика не выдержала моего ментального отпора и обреченно сникла.

Тогда я приблизилась и протянула руку, помогая ей подняться на ноги.

– Так о каком все-таки проклятии идет речь? – хладнокровно напомнила я, снова усаживаясь на пуфик.

Шипя от боли, эльфийка потерла отбитый бок и вернулась обратно в кресло, избегая смотреть на меня в упор.

– Когда остатки нашего разбитого войска покидали поле битвы у Аррандейского моста, проклятая чародейка Сильвана наслала на Полуночных свое последнее проклятие, предательски ударив нам в спину. Именем богини Банрах она лишила нас способности летать. С тех пор стоит нам только подняться в воздух и расправить крылья, тут же взвизывает невесть откуда взявшийся ветер и сбрасывает нас вниз. У нас есть крылья, но летать мы не можем. Нас лишили неба.

– Ясно, – кивнула я, задумчиво прикусив губу. – А как же магия Лаллэдрина?

– Он бессилен перед наложенными чарами, – печально вздохнула Эвридика. – Он говорит, это потому, что Сильваны уже нет в живых, а снять мертвое проклятие значительно труднее, чем живое.

– Ясно, – повторила я, поймав себя на странной мысли, пока еще не сформировавшейся окончательно, а едва забрезжившей в голове. А что, если...

Но додумать я не успела: Эвридика вдруг неуверенно дернула меня за рукав халата, привлекая мое внимание.

– Не знаю, каких еще артефактов ты сумела нахапать, – обиженно сообщила она, – но признаю, что изначально я тебя недооценила. Предлагаю заключить поллюбовное соглашение.

– Поллюбовное? – саркастично усмехнулась я. Неуместность использованного ею определения забавляла. – От слова «любить»?

– Деловое! – Сестрица мгновенно исправила допущенный промах. – Давай договоримся так: ты не мешаешь мне, а я не мешаю тебе. Идет?

– Да, – покладисто согласилась я, радуясь столь удобному правилу, удовлетворяющему нас обеих.

– Скрепим наше соглашение рукопожатием? – напирала принцесса, протягивая раскрытую ладонь.

– Легко! – миролюбиво хмыкнула я и первой дотронулась до ее ладони. В ту секунду я намеревалась в точности исполнить свое обещание, но в следующий миг все добрые начинания пошли прахом, ибо с нами произошло нечто ужасное, кардинально изменившее всю мою последующую жизнь. Впрочем, не только мою...

Я едва успела кончиками пальцев коснуться ладони Эвридики, как из глубин моей памяти всплыли странные видения, явившиеся мне в храме. И тут меня озарило: да ведь это ее, Эвридику, увидела я на ступенях дворца, идущую под руку с Арденом! Это ее рука, виднеющаяся сейчас из бордового рукава с золотой каймой, сталкивала меня с высокого обрыва... Не сдержав крик ужаса, я отшатнулась и прохрипела:

– Нет, никогда! Я никогда не заключу с тобой перемирия!

Эвридика злорадно расхохоталась, наслаждаясь овладевшей мною паникой.

– Какая же ты все-таки дрянь! – пафосно заявила она, поднимаясь из кресла и шагая к двери. – Маленькая, гнусная, лживая тварь! – Она взялась за дверную ручку. – С этого дня я объявляю тебе войну не на жизнь, а на смерть! – Не дав мне опомниться, сестрица выскочила в коридор, с грохотом захлопнув за собой тяжелую деревянную створку... Куда она так торопилась? Впрочем, какая разница. Многие начинают мстить своим предполагаемым обидчикам до того, как те их обидят...

А я продолжала сидеть на пуфике, недоуменно уставившись ей вслед. Водоворот противоречивых мыслей кружился в голове, ввергая меня в пучину растерянности. Может быть, я поступила правильно, отказавшись от сделки с собственной совестью? А возможно, я

только что совершила страшнейшую ошибку своей жизни, обрекая себя на участь бессильной жертвы? Тьма, ну почему же я такая непутевая?! Ведь знаю, что в мире существуют удача, везение и счастье, а на мою долю всегда почему-то выпадают только беды, горести и испытания.

Я покинула свое неудобное сиденье и задумчиво побрела к кровати, пошатываясь от усталости. Единственное, чего мне сейчас хотелось, – немного поспать, чтобы набраться сил для предстоящего торжества, устраиваемого моим отцом. При этом я также размышляла о власти великого фактора «почему-то», оказывающего судьбоносное влияние на мою жизнь:

- почему-то слова глупых и ничего не значащих для меня людей запоминаются намного лучше, чем слова тех, кто что-то для меня значит;

- почему-то в хорошие мгновения время летит, как стрела, а в плохие – тянется медленно, как сопля из носа;

- почему-то закон подлости всегда работает безотказно;

- почему-то друзей найти трудно, а врагов – пара пустяков;

- почему-то тот, кто мне действительно необходим, – недостижим или вообще обо мне не думает;

- почему-то я учусь только на своих ошибках;

- почему-то смеяться легче, чем плакать, но долго грустить легче, чем долго радоваться;

- почему-то недовольство собой называется объективной самооценкой, а уверенность в себе – завышенным самомнением;

- почему-то все случайное происходит гораздо чаще, чем специальное;

- почему-то быть не такой, как все, значит быть непонятой и отвергнутой;

- почему-то одиночество острее всего чувствуется в толпе;

- почему-то самые искренние чувства получаются наигранными;

- почему-то увидеть достоинства гораздо труднее, чем недостатки;

- почему-то я часто создаю себе ненужные проблемы, а потом пытаюсь их разрешить;

- почему-то сказать «ненавижу» очень легко, а «люблю» – очень трудно.

Уже погружаясь в сон, я вдруг пришла к забавному выводу: все эти «почему-то» происходят со мной, да и со всеми нами, отнюдь не случайно, ибо они и называются жизнью.

Да, это дураки повторяют чужие ошибки, зато умные – придумывают свои. Да, это мудрецы умирают в своих постелях, зато чародеи – остаются жить в легендах. Да, это реалисты строят города, зато романтики – возводят прекрасные замки из песка. Возможно, я не очень умная романтическая магичка, но разве я изначально не собиралась избрать именно стезю чародейства, а не какую-то иную? А если все случившееся со мной произошло сообразно моим желаниям и чаяниям, то имею ли я право жаловаться на невезение, расписываясь в собственном бессилии? Конечно же нет! А раз так, то клянусь, что отныне не стану бояться совершить что-то не то, выходящее за общепринятые рамки. Я буду поступать так, как велит мне совесть, сердце и разум. У человека всегда есть два объяснения своим поступкам: пристойное и настоящее. Клянусь, что отныне я не стану оправдываться перед самой собой, а смело взгляну правде в глаза. Да, я не такая, как все! Да, мои действия так же необычны, как и моя судьба! Да, мне не избежать бед, проблем и разочарований! Но теперь я спокойно принимаю свою долю. Я не стану искать легкого пути к счастью и не побоюсь показаться кому-то сумасбродной, нелепой или странной. Ведь жить как все – это так скучно. Жить как все – это слишком просто! Ведь для того чтобы твоя жизнь стала не совсем скучной и бессмысленной, нужно хоть иногда позволять себе быть немного сумасшедшей. Поспори́м?

Ни разу в жизни мне не доводилось бывать на королевском балу или пиршестве подобного масштаба, но признаюсь откровенно: торжественный прием, посвященный рождению принца Арцисса Второго, на котором я вынужденно присутствовала сейчас, не произвел на меня ни малейшего впечатления. Возможно, причиной тому стало мое плохое

настроение.

Впрочем, оценивая мероприятие объективно (если не принимать во внимание мои придирки), можно было с уверенностью заявить: бал удался! Что, кстати, не преминули заметить и все приглашенные на торжество особы, включая даже Ребекку, в равной степени сиявшую ослепительной улыбкой, шелковым камзолом и новыми, украшенными серебряными пряжками сапогами. Беонир, сидевший по правую руку от своей нареченной, разрывался надвое, деля внимание между жарким из оленины, сочным и тающим во рту, и молодыми эльфийскими дворянами, проявляющими повышенный интерес к сиятельной персоне нашей воительницы. К чести лайил следует упомянуть, что она являла собой разительный контраст с эльфийскими девами: те были как на подбор бледны, томны и трепетны. Правда, они заметно взбодрились, обнаружив в Ребекке достойную соперницу, способную отбить их кавалеров. Ветреные ухажеры, чрезвычайно падкие на любую новинку, как и положено мужчинам, сами дали девушкам повод для ревности, отхлынув от них подобно морскому отливу. Увы, правда жизни жестока: когда женщина привыкает к мужчине – она начинает его желать. Когда мужчина привыкает к женщине, он начинает желать другую. Стол ломился от яств, но молодые дворяне ели мало и плохо, ибо возжелали непривычного для этих мест лакомства, называемого «языкастая и язвительная лайил». Они осыпали Ребекку шуточками и граничащими с колкостями комплиментами, поминутно приходя в восторг от ее остроумных ответов. Эльфийские барышни надулись, пожирая нашу воительницу ненавидящими взглядами. Похоже, они давно забыли, что кратчайший путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Не исключено, что именно поэтому все настоящие женщины такие язвы.

Улучив удобный момент, Ребекка, безумно гордая успехом у особ противоположного пола, подвинулась поближе к жениху и игриво шепнула:

– Любимый, ведь правда, что я тебе послана богами?

Беонир чуть не подавился недожеванным куском оленины, но судорожным движением кадыка все-таки сумел проглотить изысканный деликатес и печально ответил:

– Правда, любимая! Вот только не знаю, за какие грехи.

Я мысленно рассмеялась, став случайной свидетельницей этого забавного диалога, но даже их обычные пикировки не смогли улучшить мое отвратительное настроение. На душе лежала непонятная тяжесть, а смутное предчувствие надвигающейся беды наложило на мое чело видимую печать пасмурности, избородив его морщинами. Наверное, поэтому никто из присутствующих на празднестве эльфов не торопился завести со мной разговор, ограничиваясь вежливыми поклонами или любезными кивками, что зависело от их социального статуса.

Танцы продолжались недолго, после чего гости шумно расселись за длинным столом и ударились в оголтелое пьянство, благо король поднимал бокал за бокалом, провозглашая тосты за здоровье своего многочисленного потомства. Каюсь, я так и не сумела запомнить имена всех своих сестер, отвечающих мне взаимным безразличием. Кажется, их звали Эвита, Эврата, Эврибида, Эвлоя и как-то еще. Все имена начинались со слога «эв», который обозначал у женщин Полуночного клана принадлежность к королевскому роду Эврелиев. Сама я носила совсем иное имя, что обличало меня как внебрачную дочь. Я стала для этих девушек досадной помехой, пришлой чужачкой, незаконнорожденной полукровкой, смутившей покой Дархэма и укравшей внимание отца. Боюсь, они никогда не признают меня равной себе, не назовут родной и не примут в свой пышно разодетый, хихикающий кружок, благоухающий духами и занятый охотой за женихами. Хотя почему же боюсь? Будучи предельно искренней с самой собой, я в глубине души даже радовалась их отчужденности, ибо никогда не замечала за собой пристрастия к пустой болтовне, флирту и кокетству.

Меня опечалило другое. Еще совсем недавно я наивно полагала, что обрету в Дархэме дом и новую родину, и это заполнит мое внутреннее одиночество, неотступно терзавшее меня с той самой минуты, когда я начала осознавать себя как личность. Увы, но ожидаемого чуда не произошло.

Да, признаю, город Дархэм великолепен и его красота кружит мне голову сильнее любого вина. Но эта красота не моя! Она для меня чужая. К сожалению, я не приложила руку к созданию беломраморного чуда, а пришла на все готовое, намереваясь воспользоваться трудами других. Скажите, разве это справедливо? Нет, ведь меня сюда не звали. Отец одарил меня лаской, но по его растерянному лицу я сразу же поняла: он не знает, как вести себя со мной, свалившейся на него столь неожиданно. А еще я стала болезненным напоминанием об оставленной возлюбленной, погибшей по его вине. Сможет ли король жить с этой сердечной раной, с этой бесконечной пыткой: ежедневно видеть мои глаза, волосы, губы – живое свидетельство постигшей его утраты, необратимой и невосполнимой? А смогу ли я превратиться в безмолвный укор его совести, став палачом любимого отца? Нет, конечно же не смогу...

Мое сердце разрывалось от страшной муки, подсказывая вполне закономерное решение: я должна как можно быстрее покинуть прекрасный Дархэм, устремившись навстречу своей судьбе... Ведь где-то там, впереди, меня ждет мое четвертое испытание, очередное и, надеюсь, не последнее.

Итак, на сегодняшнем празднике жизни я оказалась единственным откровенно скучающим гостем, не принимающим участия во всеобщем веселье. Я испытующим, медленным взором обвела пиршественную залу и замерла от удивления. Сдается мне, что мой скоропалительный вывод совершенно неверный. В королевском дворце нашлись еще две персоны, добровольно устранившиеся от разгула пьяной вакханалии, охватившей титулованных эльфов.

Одной из таких особ была королева Эвника, молча сидевшая рядом с королем, опустив на лицо густую вуаль и почти не притрагиваясь к еде. Казалось, будто королева укрылась за железным щитом, предпочитая ничего не видеть и не слышать. Но ведь там, в шалаше, она вела себя совсем по-другому, проявляя живость, участие и благоразумие... Я удивленно хлопала ресницами, не находя логичного объяснения столь странному поведению своей мачехи. Возможно, королева еще не вполне оправилась от недавних родов?

А вторым нерадивым участником пиршества, к моему глубочайшему изумлению, был верховный чародей Лаллэдрин, подобно мне самой пристально наблюдающий за Эвникой, намеренно отгородившейся от окружающих ее дворян. Во мне разгорелось жгучее любопытство, вызванное загадочными манерами придворного мага. В чем и почему Лаллэдрин подозревал Эвнику, не сводя с нее напряженного взора охотника, загоняющего желанную добычу? Мне казалось, будто чародей ждет какого-нибудь неосторожного жеста или слова королевы, способного выдать ее истинные намерения, и тогда он непременно сделает что-то страшное, заранее вызывающее во мне ужас и содрогание... Но что именно он намеревается совершить, я не понимала. К несчастью, я сидела слишком далеко от мага, а поэтому не имела возможности вступить с ним в разговор и вывести интересующие меня подробности.

Но все-таки главным лицом, вызывающим раздражение, а не равнодушие, стала моя сестра Эвридика, вольготно расположившаяся в кресле напротив и периодически посылавшая мне делано приветливые взгляды. На протяжении всего торжества я обменялась с ней едва ли парой-тройкой фраз, поддельно умильных и ласковых. Они прозвучали насквозь фальшиво, но выполнили свое предназначение. Мы успешно обманули отца, притворившись пришедшими к согласию подругами, но притом отнюдь не обольщались насчет истинной природы нашей наигранной любезности. Если женщине нравится другая женщина, то она ведет себя с ней сердечно. Если же не нравится – то вдвойне сердечнее. И с этим ничего не поделаешь, ибо в нашем мире не существует стихии, способной превзойти женскую ненависть.

В целом же я пыталась сознательно абстрагироваться от сестрицы, отлично понимая: не стоит тратить время на того, кто не готов тратить его на тебя. Я подозревала, что мнимая безмятежность Эвридики является всего лишь деталью специально разработанного плана, призванного дискредитировать меня в глазах эльфийского общества, сильно понизив мой

статус и авторитет. Ведь не зря же принцесса обещала мне войну, а при ведении боевых действий не следует слишком затягивать с атакой, дабы противник не успел опомниться или собраться с силами. Нет, в терпение Эвридики верить не приходилось, а поэтому следовало ожидать от нее какой-нибудь подлой выходки.

Вскоре мои худшие подозрения подтвердились целиком и полностью. Произошла не просто неприятность, случилось настоящее несчастье, изменившее всю мою последующую судьбу.

Изрядно выпивший Беонир неосторожно передвинул скрытую столом ногу, непредумышленно наступив на щегольской башмачок принцессы Эвридики. Красавица капризно вскрикнула, намеренно привлекая всеобщее внимание.

– Сьерр, вы так неловки! Настоящий дворовый пес! – преувеличенно громко заявила она, заставив юношу покраснеть от смущения.

– Извините! – буркнул он, простосердечно считая неловкий инцидент исчерпанным. Но эльфийка и не думала отступать.

– Вы, видно, выросли в какой-то провинциальной глуши, если умеете только хамить! – усмехнулась она, вставая из-за стола.

Шум, царящий в зале, стих, а головы всех присутствующих повернулись к принцессе.

– Что там произошло? – сердито осведомился весьма пьяный король, не имеющий сил выбраться из мягких объятий плотно придвинутого к столу кресла. – Дочка, сядь обратно и не мешай нам веселиться!

– Не сяду! – Эвридика строптиво надула губы. – Меня оскорбили!

– Кто? – требовательно повысил голос Кантор.

– Да вот этот нахал из провинции! – Пальчик принцессы обвинительным жестом указал на Беонира, который только теперь начал понимать, в какую серьезную переделку он вляпался.

– Я не нахал и родился в Блентайре! – гордо оповестил юноша, вскакивая на ноги.

Его заявление было встречено гулом возмущенных голосов, ибо даже малейшее упоминание о злополучном городе, некогда покинутом эльфами, считалось в Дархэме дурным тоном и вызывало негодование.

– И я умею говорить дамам комплименты! – упрямо продолжил юноша, лишь усугубляя свое и без того щекотливое положение.

– Ну-ну... – подначили несколько невнятных мужских голосов. – Докажи!

– Принцесса, у вас такие огромные глаза, что в них можно утонуть! – Беонир галантно поклонился Эвридике, красиво приложив руку к груди.

Принцесса сердито прикусила губу, не найдя повода для выражения недовольства, а юношу поддержало несколько хлопков, правда вялых и тихих. Похоже, при дворе Эвридику не любили.

Я облегченно вздохнула, разжимая судорожно сжатые кулаки. Я искренне переживала за своих друзей, но, к счастью, все обошлось и беда миновала. Вернее, почти миновала, но тут вмешалась Ребекка, просто обожающая право последней реплики.

– А на носу – повеситься! – вдруг вполголоса добавила ревнивая воительница, гармонично дополняя комплимент своего жениха.

По залу прокатилась шквальная волна хохота. Смеялись все: дамы и их кавалеры, лакеи в ливреях и разносящие блюда слуги, маги и стражники. Кажется, даже пламя свечей иронично колыхалось в такт всеобщему веселью, радуясь публичному унижению вредной принцессы.

Эвридика побагровела от негодования.

– Папочка, прикажи немедленно казнить этих чужаков! – взбешенно заорала она. – Ибо в моем лице они унизили весь Дархэм!

– Но... – озадаченно начал король, – они же пошутили. Они сейчас извинятся!

– Не дождетесь! – упрямо взвилась пьяная Ребекка, напористо стуча по столу

кулаком. – За правду не извиняются!

Хохот возобновился с новой силой, ведь, что греха таить, нос у Эвридики и впрямь был чуть длинноват.

– Казнить чужаков! – верещали в унисон принцессе многие эльфийские девушки, которых очень уж задели красота и смелые манеры Ребекки.

Король растерянно молчал, нерешительно ерзая в кресле...

И тут поднялась королева. Она откинула вуаль, открывая свое бледное, искаженное от гнева лицо.

– Приказываю казнить наглых пришельцев! – холодно возвестила Эвника, взмахом руки подзывая стоящую возле дверей стражу. – Немедленно казнить обоих!

В пиршественном зале воцарилась гробовая тишина.

– Но как же так? – испуганно вякнула мгновенно протрезвевшая Ребекка. – Вот Тьма!..

– Это несправедливо! – возроптал Беонир, побледневший до синевы. – Надеюсь, это все не всерьез?

– Конечно всерьез! – непреклонно хмыкнула Эвника, снова усаживаясь на место. – Приговор королевы окончательный и обжалованию не подлежит!

– Чтоб вас всех мантикора три раза переварила! – с ненавистью рычала лайил, но стражники уже заломили ей руки за спину и вывели из-за стола. Ниуэ, не оказав никакого сопротивления, безмолвно последовал за невестой. С его бледного лица не сходила гримаса недоуменного отчуждения.

«Ну вот они и начались, мои ожидаемые неприятности!» – с каким-то противоестественным безразличием подумала я, намеренно шумно отодвигая свое кресло. Как известно, гнев – плохой советчик. Поэтому если вас задели, то успокойтесь, выровняйте дыхание, досчитайте до десяти, а потом... спокойно бейте точно в челюсть!

– Эти воины являются моими друзьями и личными телохранителями, а посему не могут быть наказаны без моего согласия! – во весь голос возвестила я.

Прошелестел всеобщий вздох изумления, подобный шороху набегающей на гальку волны, заглушивший все остальные звуки.

– Тогда казните их вместе с хозяйкой! – ультимативно заорала Эвридика, радостно сверкая глазами.

– Я не ослышалась? Казнить вместе с Наследницей трех кланов, рожденной ради спасения Лаганахара? – с великолепным сарказмом уточнила я, подмигивая своей не в меру ретивой сестрице. – А не много ли ты на себя берешь, милая моя?

Лаллэдрин издал короткий едкий смешок, поддерживая мою здравую реплику. Какая-то особо чувствительная девица хлопнулась в обморок, эффектно свалившись под стол. Король невразумительно кряхтел, прикрывая платком страдальчески перекошенный рот и демонстрируя, насколько беспомощной фигурой он оказался в нынешней запутанной партии, разыгрываемой самой судьбой. Да, кстати Лаллэдрин успел-таки выполнить свое обещание и немного научил меня игре в шахматы, которая сразу же очаровала мой ум, склонный к логическим изысканиям. И теперь следовало признать, что в пиршественном зале складывалась идеально патовая ситуация!..

– Да, казнить их всех! – внезапно поддержала королева, встав на сторону обиженной дочки. – Вместе с Наследницей!

Количество отдыхающих под столом дам многократно умножилось.

Лаллэдрин смотрел на Эвнику холодным взглядом палача, выбирающего наиболее подходящий способ казни.

Овэлейн, в парадном карауле стоящий подле двери, многозначительно положил ладонь на рукоять меча, подарив мне красноречивый прищур: «Я на твоей стороне, Наследница!»

Я хладнокровно рассматривала пиршественный зал, мысленно прикидывая наши шансы на спасение. Мужчин здесь много, но основная их часть вооружена не боевыми, а церемониальными клинками, не представляющими реальной угрозы. А если мы сумеем укрыться за правильно перевернутым столом... В общем, неплохо, неплохо...

– Хватит! – вдруг раненым вопрем взревел отец, могучим рывком в щепки разнося свое кресло. – Я пока еще король, а значит, мне и решать, кто и чего тут заслуживает!

Лаллэдрин одобрительно кивнул, всецело поддерживая статус своего венценосного воспитанника. Я с облегчением вздохнула, понимая, что мы, возможно, и умрем, но точно не здесь и не сегодня.

Ребекка показала принцессе увесистый кукиш, намекая: «На-кася выкуси!»

Эвридика покраснела, словно перезрелый помидор, грозящий вот-вот лопнуть.

– Но, папа... – скороговоркой завела непокорная капризница. – Как же так?

– А вот так! – Кантор шумно перевел дух, немного успокаиваясь и вальяжно опускаясь в другое, услужливо пододвинутое ему кресло. – Йохана, ты принимаешь на себя ответственность за поведение своих воинов?

– Всецело, ваше величество! – дисциплинированно поклонилась я.

– Значит, тебе за них и отвечать! – милостиво улыбнулся отец. – Отныне этот инцидент переходит в категорию личных и касается лишь двух моих дочерей, Йоны и Эвридики! Как вы намерены его разрешить?

– Поединком! – опережая сестрицу, торопливо предложила я. – Магическим или с помощью оружия!

В глазах моей противницы зажглись насмешливые огоньки.

«Что она задумала? – с тоскливой опаской подумала я. От Эвридики можно ожидать любого подвоха. – Она меня не боится? Даже после нашего утреннего столкновения? Хм...»

– Магия, оружие! – язвительно рассмеялась принцесса. – Фу, как это вульгарно! Я предлагаю поединок иного рода.

– Какого? – вслух озадачилась я.

В напряженно расширенных глазах Лаллэдрина, ставших для меня индикатором накаленности окружающей обстановки, мелькнула откровенная паника, наполняя мое сердце растерянностью.

– Негоже нам проливать кровь в королевском дворце, да еще в столь праздничный день! – томным голосом мурлыкнула принцесса. – Предлагаю устроить музыкальный поединок, столь любимый в Дархэме и способный доставить истинное удовольствие всем присутствующим!

– А-а-а! Требуем музыкального поединка! – дружным хором взревела толпа пьющих эльфов, поддержав свое мнение громом оваций. – Требуем!

– Быть по сему! – согласно улыбнулся король, взмахивая белым платком. – Музыканты, несите свои инструменты. Начнем, с помощью Шарро! Если поединок выиграет моя дочь Йохана, то ее друзья останутся живы. А вот если его выиграет принцесса Эвридика, то они умрут!

Сестрица смотрела на меня свысока, чуть жалостливо и очень злорадно.

Лаллэдрин так сильно прикусил нижнюю губу, что на подбородок сбежала тонкая струйка алой крови. «Ты пропала, Наследница!» – прочитала я в его глазах.

«Тьма, что же задумала эта стерва?» – тщетно гадала я, так и не сумев расшифровать причину преждевременного откровенного ликования своей сестры, что читалось на ее лице. Кажется, я сильно погорячилась, убеждая себя, что мы умрем не сегодня и не здесь... Кажется, я ошиблась!

Тем временем в зале появились несколько музыкантов, несущих скрипки, флейты, арфы и обязательную мелодику. Они выстроились полукругом, сгруппировавшись возле Эвридики, вставшей в красивую позу готовящейся к выступлению певицы. И тут меня осенило... Я поняла, какого именно рода испытание мне предстоит пройти. А попутно я вспомнила и свое первое впечатление от удивительно благозвучного голоса Эвридики, поразившего меня в момент нашего знакомства. Принцесса наверняка прекрасно поет!.. Прервав мои траурные размышления, музыканты заиграли, а эльфийка открыла свой хорошенький ротик, из которого полились куплеты страстной баллады, сразу же

замерзавшей всех собравшихся в зале гостей, включая меня, Ребекку и Беонира...

Видно, так пожелали боги,
Чьи сердца холодны, как камень,
Разделили судьбы дороги
Белый Лед и багровый Пламень.
Проложив между ними время,
Их разбили на две частицы.
Им не скинуть разлуки бремя.
Не приблизить друг к другу лица.

Кто Богов призовет к ответу?
Кто наложит на них повинность?
Бродят Пламень и Лед по свету,
Проклиная свою невинность.
Он – студеной ночного мрака,
В горький лед превращает воду,
Овдовевший до мига брака
И в любви не нашедший броду.

А она, вся пылая страстно,
Словно щепки сердца сжигала
И сгорела дотла напрасно
В буйной пляске ночного бала.
Им бы радугой яркой слиться
Да снежинок зажечь созвездье,
Только снова богам не спится
И готовят они возмездье.

За любовь, что разрушил Пламень,
За тоску, что со Льдом осталась,
Доля тяжкая, будто камень,
Тем влюбленным навек досталась.
Осудили их злые боги
И предали сердечной муке,
Не сольются в одну дороги,
И придется им жить в разлуке.

Наши души по чьей-то воле
Беспрестанно по миру бродят,
Ищут в счастье себя и в горе,
Ищут всюду – и не находят.
Но надеюсь, любви обеты
Раздробят тот холодный камень,
Чтобы встретились снова где-то —
Белый Лед и багровый Пламень.

Принцесса замолчала...

Еще несколько томительно долгих минут в зале сохранялась звенящая тишина, а затем она взорвалась шквалом оглушительных рукоплесканий и криков «браво», издаваемых благодарными слушателями. Следовало признать, что Эвридика и правда пела просто сказочно! Я уныло повесила голову, ожидая своего неминуемого провала и поражения, ибо

помочь мне могло только чудо... Спаси меня всемилостивый бог Шарро, ведь я совершенно не умею петь!..

Глава 9

Я уверена, что Эвридика неслучайно запела о наших великих предках: короле Арциссе и принцессе Эврелике, изначально обреченных на разлуку и разведенных судьбой по разные стороны жизни и смерти. Ведь в нашем мире не существовало иного более захватывающего сюжета, способного так же сильно впечатлить благодарных слушателей. Но скажите, разве моих родителей, принцессу Аньерд и короля Кантора, не постигла такая же печальная участь, когда они безуспешно попытались обрести счастье, в итоге ускользнувшее и от них? Разве вторая пара роковых влюбленных, появление коей также предсказано в пророчестве Неназываемых, не достойна быть воспетой в прекрасной балладе? А мы с Арденом, неужели нас тоже ждет не только разлука, но и смерть?

От подобной страшной мысли у меня замерло сердце. Нет, я решительно отказываюсь верить в подобный исход своей любви... И все-таки если мне придется повторить путь Эврелики и выбирать между Арденом и Лаганахаром, то каков будет мой выбор?.. Смогу ли я отказаться от своей заветной мечты? Ведь этот поступок станет первым шагом к моей собственной смерти! А впрочем, неужели я собираюсь жить вечно? Мы все когда-нибудь умрем. Главное – как и во имя чего мы умрем...

Не знаю, откуда пришли слова той песни, которую я так хотела спеть. Да это и неважно. Подобно ребенку, мелодия баллады рождалась внутри меня, заставляя сердце и разум вибрировать в такт тем невидимым струнам души, которые творили совсем новую музыку, доселе никем не слыханную и не виданную. Повинуясь неосознанному импульсу, я достала из сумки свою заветную морскую раковину и положила на стол перед собой. А затем легонько прикоснулась к ней пальцами, делясь теплом своего тела. И музыка полилась!

Сначала по залу прошелся легкий шум предвкушения чего-то волшебного... Замигали огоньки свечей, мягко зашуршали шелковые оконные драпировки, забряцали развешанные по стенам щиты, многоголосо зазвенели хрустальные бокалы на столах. А затем к ирреальному оркестру присоединился главный охотничий рог, установленный на дубовой подставке. Он внес бравурную ноту в эту невероятную музыку, казалось создаваемую самим временем и пространством. Присутствующие в зале эльфы молчали, загипнотизированные очарованием текущего момента. И тогда я запела, как не пела еще никогда в жизни!

Наверное, слова песни мне подсказала Лорейна. И пела я ее не одна. Мне подпевали все мои друзья: в сплетении прекрасных строк моей песни, буквально впивающихся в душу, я различала и грудной тембр Ульвина, и насмешливые интонации Джайлза, и звонкий смех Ардена, и глухой бас брата Флавиана. Возможно, каждый по отдельности мы не были выдающимися певцами, но, объединившись, сумели создать то неповторимое торжество дружбы и любви, которое управляет людскими судьбами, пересиливает власть богов и движет миром!

Мы все когда-нибудь умрем,
Кто в горе, кто познав успех,
Но только мы с тобой вдвоем
Подарим смерти дерзкий смех.
Пусть явится злобный рок —
Ему живыми нас не взять,
Послав судьбе в лицо плевков,
Мы обращаем время вспять.
Сверкнув, в живот вошел металл,
Его за это не кори!
Ты умер, но зато познал

Томленье страсти, вкус любви.
Ты не дожил до седины,
Не увидел своих морщин,
Вот так мгновения войны
Из мальчиков куют мужчин!
Над полем брани, словно дух,
Взлети, о прошлом не грусти
И песню о влюбленных двух
В душе своей цветком взрасти!
Они вдвоем по жизни шли,
В одно сливая плоть и кровь,
И в миг единый смерть нашли,
Не потеряв свою любовь.
И вот лежат они вдвоем
Во тьме заброшенных могил...
Мы все когда-нибудь умрем,
Но тот бессмертен, кто любил!

Последняя строка моей песни птицей взлетела к потолку, после чего на какой-то миг наступила тишина. Устало понурив голову, я молчала, опустошенная до самого дальнего уголка своей души. Эта песня исчерпала меня до дна, вобрав в себя все мысли, чаяния, надежды и страхи. Я отдала ей все, не оставив себе ничего...

А в пиршественном зале творилось что-то невообразимое. Эльфы повскакивали с мест и все как один преклонили передо мной колена, плененные красотой и смыслом услышанной ими песни. В глазах многих я заметила слезы гордости и горя, вызванные осознанием сопричастности к торжественности текущего момента. Подозреваю, именно сейчас они и поняли, чем именно человек отличается от животного: не только тем, как он живет, но и тем, как и во имя чего он умирает...

Наконец, нарушая излишне затянувшуюся паузу, король вытер мокрые от слез глаза, встал и подошел ко мне.

– Спасибо тебе, маленькая моя! – без малейшей тени чопорности поблагодарил он, с признательностью целуя меня в щеку. – В нашем городе сложено немало славных песен, но сегодня нам не стыдно признаться в том, что балладу, подобную твоей, мы услышали впервые. И уже никогда не сможем ее забыть... Она сильно изменила всех нас, сделав чище, добрее и благороднее. Извини, что мы на минуту усомнились в тебе, Наследница трех кланов. Извини, что мы усомнились в твоих друзьях... – И отец поднял мою руку, намереваясь объявить победителя музыкального поединка.

Эвридика тем временем незаметно отошла к дверям, дабы уклониться от всеобщего восторженного преклонения передо мной. Она кусала губы, давась черной завистью. По красноречивому выражению ее лица, перекошенного от ненависти, я поняла: сестрица никогда не простит мне своего сегодняшнего поражения и отомстит при первой же возможности. И такая возможность представилась ей буквально через пару секунд...

Дверные створки внезапно распахнулись, издав неприятный гулкий звук, почему-то напомнивший мне стук ржавых гвоздей, вбиваемых в крышку гроба... В зал чопорно вступил высокий мужчина в доспехах, в котором я сразу опознала одного из стражников, минувшей ночью встреченных мною на крыльце храма Эврилики. Мрачно чеканя шаг, он целеустремленно проследовал в центр пиршественных покоев, направляясь точно к королю и игнорируя всех прочих вельмож. Но, как ни странно это выглядело, стражнику не позволили завершить свой путь. Его остановили на полдороге...

Наверное, в тот момент Эвридикой руководил отнюдь не разум, а ненависть, во многих случаях оказывающаяся куда сильнее, чем интуиция или прозорливость. Наверное, она не

имела права требовать от стражника отчета в его деяниях. Но все же, действуя по наитию или обдуманно, она вопиющим образом нарушила придворный этикет и первой подскочила ко вновь прибывшему, опередив короля и не убоившись его гневного взгляда. Принцесса схватила стражника за плечо, дав знак, чтобы он говорил. И видимо, столько отнюдь не девичьей силы было в этом ультимативном жесте, столько настойчивой дерзости читалось в ее взоре, что воин не выдержал и сдался...

Он раздраженно нахмурился, но тем не менее наклонился к уху принцессы и прошептал несколько слов, услышанных только ею. Прелестное личико Эвридики исказила гримаса мстительного ликования... Она царственно выпрямилась и холодно, будто зачитывала смертный приговор, произнесла:

– Отец, Йону нельзя объявлять победительницей. Она гнусная обманщица и предательница, заслуживающая немедленной казни! Знай, ты пригрел на груди не дочь, а ядовитую змею, жаждущую нашей гибели!

По залу прокатился многоголосый вопль ужаса.

– Дочь моя, как смеешь ты бросаться столь жуткими обвинениями? – потрясенно охнул король и схватился за грудь, словно пытался удержать рвущееся из нее сердце. – Ты готова представить нам доказательства этих страшных слов?

– Конечно, готова! – уверенно усмехнулась принцесса. Она вытянула палец, обличающим жестом указывая на меня, и почти закричала: – Знайте же, жители Дархэма, прошлой ночью эта дрянь обманом проникла в наш главный храм и подло убила привратника, который являлся самым старым из ныне живущих эльфов!

– Это правда? – предобморочно прошептал король, еле шевеля вмиг посиневшими губами.

– Увы, прискорбные факты говорят сами за себя! – почтительно поклонившись королю, засвидетельствовал стражник. – Подтверждаю, это мы с напарником впустили Наследницу внутрь святилища, а затем видели ее повторно, выходящей из храма. Привратник встретил ее у самых дверей, а утром мы обнаружили его возле алтаря, уже мертвого, окоченевшего, с перерезанным горлом...

Толпа недавних почитателей, восторженно окружавших меня еще минуту назад, испуганно отхлынула прочь, стремясь как можно дальше оказаться от той, которая очаровала их колдовской песней, а на деле являлась кровожадным чудовищем, увлекающим доверчивых слушателей в паутину лжи и обмана. В меня немедленно полетели плевки и грязные оскорбления, ранящие куда сильнее, чем любой, даже самый тяжеловесный удар.

– Маленькая моя, – придушенно хрипел отец, категорически отказывающийся поверить в происходящее, – скажи, как могла ты совершить подобное?

– Я его не убивала! – звонко отчеканила я, помня о темной тени, мелькнувшей за алтарем. И о темной тени, мелькнувшей за родильным шалашом королевы. Я хотела рассказать об этом странном видении, но, взглядевшись в пустые глаза и отчужденные лица своих недругов, сразу поняла – мне не поверят. И только Лаллэдрин сосредоточенно прикрылся рукавом и тяжело задумался, словно взвешивал какие-то загадочные, лишь ему одному известные «за» и «против».

– Казнить ее! – требовательно кричала Эвридика, не пряча злорадной усмешки.

– Казнить ее! – равнодушно поддержала королева Эвника, даже не взглянув в мою сторону, словно я была для нее неодушевленным предметом.

– Казнить ее! – вразнобой голосила алчущая моей крови толпа.

А между тем Ребекка и Беонир бессильно бились в руках схватившей их стражи и не могли помочь мне ни словом, ни делом. Посаженная на цепь Мифрил рвалась мне на выручку, но стальные звенья выдержали, чуть не придушив мою отважную защитницу, глухо клекочущую от горя.

– Я ничего не понимаю! – рыдал отец, отрешенно отвернувшись. – Как ты могла совершить подобное преступление? – Он не пытался найти слов оправдания и не желал слушать никаких доводов. И тогда я уразумела, что он тоже меня предал, как и все

остальные. Я испытала острое чувство жалости к своему бесхарактерному отцу и замолчала, оставляя его наедине с совестью. Образ великого героя померк, сменившись сгорбленной фигурой слабого, склонного к панике мужчины, больше всего на свете боящегося груза ответственности, возложенного на его поникшие плечи. Теперь я понимала, что точно так же он предал когда-то и мою мать, испугавшись неминуемой расплаты за свои грехи. Нет, любовь к нему не ушла из моего сердца, она просто изменилась, приобретя оттенок жалости. Это ведь неправда, что от любви до ненависти всего один шаг. Есть куда более близкие вещи: равнодушие, горечь, пустота...

И тогда я гордо выпрямилась и бесстрастно в упор посмотрела на свору своих будущих палачей. Нет, это не я их боюсь! Это они меня боятся! Какими же жалкими они сейчас выглядели! Клянусь Неназываемыми, я не собиралась причинять им вреда. Мне их жаль! Против злости у нас есть оружие – зубы и когти. Доброта же окутывает нас словно кокон, обволакивает будто вязкий туман, связывает по рукам и ногам – и уже никуда не деться от осознания собственной вины.

– Я его не убивала! – спокойно повторила я, отдавая себя на суд этих боящихся жизни трусов, уже переставших быть воинами и героями, а превратившихся в ленивых отшельников, добровольно заточивших себя в пределах своей тайной долины. Теперь они казались мне всего лишь живыми трупами, которые душой погибли еще там, в битве у Аррандейского моста...

– Позовите палача! – мучительно простонал отец, окончательно отрекаясь от меня. – Давайте покончим со всем этим побыстрее... Увы, моя дочь наполовину человек, а люди не заслуживают нашего прощения, ибо навсегда останутся лжецами, предателями и врагами!

Услышав страшную отповедь, я не смогла сдержать горестного вздоха. Так вот оно что! Эльфами движет давняя ненависть к людям, так и не нашедшая выхода... Мстить! Неплохой смысл существования за неимением иного другого...

– Нет! – вдруг властно запротестовал Лаллэдрин, подходя ближе и бережно обнимая меня своей сильной дружеской рукой. – Негоже палачу прикасаться к нашей Наследнице и проливать кровь Эврелиев. Йохану нужно отдать на суд неба!

– Делай что считаешь нужным, учитель! – с облегчением согласился король, с головой укрываясь плащом и снимая с себя ответственность за мою дальнейшую судьбу.

– А в чем заключается этот ваш суд неба? – любопытствовала я, выходя из зала вслед за Лаллэдрином, увлекающим меня за собой мягко, но настойчиво.

Зрители сегодняшнего праздника, переросшего в казнь, бежали за нами, осыпая меня проклятиями. Происходящее казалось настолько ирреальным, что все мы стали немного неадекватными и не отдавали отчета в своих поступках. На город опустились вечерние сумерки, затенив улицы занавесом из густого серого тумана... Извиваясь в плотном тумане, по Дархэму двигалась наша странная процессия, напоминающая цепочку призраков, которые под аккомпанемент громких криков направляются неизвестно куда навстречу своей гибели. Только маг, возглавляющий траурный хоровод, знал, куда и зачем мы идем.

– Увидишь! – улыбнулся Лаллэдрин, ободряюще подмигивая. – Доверься мне! Неназываемые сами рассудят, виновна ли ты в приписываемых тебе злодеяниях или нет. Сейчас мы отведем тебя в Око Небес и оставим наедине с небом.

– Око небес? – не поняла я, тщетно напрягая память.

– Так называется самая высокая башня в Дархэме, ставшая усыпальницей принцессы Эврелики! – пояснил Овэлейн. Он шел по другую сторону от нас с чародеем и решительно расталкивал зевак, пытающихся схватить меня за край одежды.

– Эй, дурочка, не обольщайся насчет своего будущего! – злобно хохотнула Эвридика, больно пихая меня в спину. – Знай, тебя просто столкнут с самой высокой башни Дархэма. Ты упадешь на камни, разобьешься и умрешь в мучениях. Да по сравнению с такой смертью банальное отрубание головы выглядит просто безболезненной мелочью!

– Это правда? – похолодев от ужаса, спросила я у Лаллэдрина.

– Не слушай ее, – небрежно отмахнулся он. – Надейся на лучшее. Ты сможешь выжить,

если сама этого захочешь.

– Захочу? – удивленно переспросила я и вдруг замерла как вкопанная, остановившись на месте и чувствуя себя неспособной сделать хотя бы шаг вперед.

Выяснилось, что, увлеченная разговором с магом, я не заметила, как мы покинули территорию дворца и пересекли прилегающую к нему площадь. А теперь мы внезапно приблизились к основанию стройной беломраморной башни, вершина которой терялась где-то очень далеко, в вышине над нашими головами, полностью скрытая плывущими по небу облаками... Я попыталась измерить ее взглядом и не смогла – такой высокой она была. А потом я нервно вздрогнула всем телом, узнав в этой башне то самое сооружение, что невольно привлекло мое внимание еще при въезде в Дархэм, наполнив сердце неосознанным страхом. Нет, теперь я понимала, что все произошедшее отнюдь не случайность, а происки злодейки судьбы, что привела меня к месту моей гибели. Привела меня к Оку Небес!

Подъем на башню длился так долго, что число зевак, желающих понаблюдать за процессом моей казни, уменьшалось с каждым витком лестницы и в итоге сократилось до минимума. До верхней, обзорной площадки Ока Небес добрались лишь пятеро: я, Лаллэдрин, верный Овэлейн и два королевских советника, обязанных проследить за тем, чтобы осужденная не сбежала, а вынесенный приговор был приведен в действие. Ах да, за нами также увязалась и настырная Эвридика, готовая на все, лишь бы не пропустить свой звездный час и восторжествовать над ненавистной соперницей, лишившей ее вожаемого права на престол Дархэма. Мстительность придавала моей сестрице необходимые силы. Карабкаясь по крутой винтовой лестнице, я неотвязно слышала за собой ее запыхавшееся дыхание, чуть не прожигающее мне спину.

Наконец, насчитав сто тридцать ярусов, мы выбрались на смотровую площадку Ока Небес и заморенно распростерлись на холодном камне, пытаясь хоть немного перевести дух. Подъем дался нелегко и, пожалуй, сам изрядно смахивал на казнь. Стерев пот со лба, я иронично подумала: «Эта башня – весьма удобный способ выяснить, есть ли жизнь перед смертью...» Не знаю, что хотели сказать своим потомкам ее строители, тяготеющие к гигантизму, но, наращивая этаж за этажом, они явно перестарались как с цинизмом, так и с мазохизмом.

Но мои философские размышления никого не интересовали.

– Приступайте к казни, уважаемый Лаллэдрин! – свирепо буркнул первый советник, угрюмый и низкорослый, производящий на редкость отталкивающее впечатление.

– Помните, нам еще предстоит спускаться вниз! – поддержал его второй. Одутловатое лицо этого мужчины казалось еще более невзрачным из-за огромной бородавки, уродующей длинный нос. Хваленой эльфийской красотой здесь даже не пахло.

– Предстоит, но не всем! – гадко рассмеялась принцесса, пихая меня кулаком в бок. – Кто-то сейчас будет учиться летать! – Последнее слово прозвучало откровенно издевательски.

– Прекратите унижать самих себя! – холодно приказал Лаллэдрин, отталкивая от меня зловредную девицу. – Я ношу звание хранителя традиций Полуночного клана, а посему не потерплю ни малейшего отклонения от установленного ритуала! – Он высокомерно покосился на королевских советников, и те ответили ему подобострастными кивками. Принцесса обиженно надула губы и чуть отодвинулась, опасливо держась за каменный парапет, ибо бушующий над башней ветер отличался невероятной порывистостью и чуть не сбивал нас с ног.

Я с любопытством перегнулаась через край площадки, вглядываясь вниз, и тут же отшатнулась обратно, испугавшись чуть не до заикания. Едва видимая отсюда земля находилась так далеко, что зрители, столпившиеся у подножия башни, казались крохотными букашками, еле освещенными точечными огоньками зажженных факелов. Последнее мое сомнение рассеялось... Если я упаду с вершины башни, то неминуемо разобьюсь о каменную мостовую или, что вероятнее всего, еще в полете умру от разрыва сердца. Так о какой же

надежде говорил Лаллэдрин? Наверное, он просто бредил.

– Эта башня стала первым зданием Дархэма и хранит в себе останки принцессы Эврелики, – будничным тоном рассказывал маг, приступая к скорбному ритуалу казни. – Мы построили ее ради того, чтобы снять с себя проклятие чародейки Сильваны, лишившей нас возможности летать. С момента исхода из Блентайра в нашем клане рождаются как крылатые, так и бескрылые эльфы, потомки практически истребленных Повелителей мантикор! – Он взмахнул рукой, указывая на бескрылую Эвридику. – Но ни один из нас так и не смог подняться в небо. Стоит нам только попробовать взлететь, как страшный ветер сбрасывает нас вниз, ломая крылья. Мы построили эту башню, надеясь искупить свои грехи и стать ближе к небу, ибо здесь мы смотрим на него, а оно – на нас...

Только сейчас я заметила, что практически всю поверхность смотровой площадки занимает изображение широко раскрытого человеческого глаза, выложенного голубой мозаикой и устремленного к небесам. Но небо так и не откликнулось на мольбу своих опальных детей и не проявило к ним благосклонность. Тут я недобро усмехнулась, придя к осознанию того, что Полночный клан настигло отнюдь не проклятие мстительной чародейки, а расплата за гордыню, подрезавшую их крылья. Ведь способность к полету рождается прежде всего в нашей душе, а что способна породить душа, отягощенная злобой, завистью и многолетней жаждой мести? Нет, это не ветер, а тяжесть души, не раскаявшейся в грехах, сбрасывала эльфов на землю, мешая им летать... Покинув Блентайр, они искали свободы, но разве можно освободиться от самого себя? А когда в душе нет любви к ближнему, нет прощения к врагам, в ней образуется пустота, которую нечем заполнить. И ты начинаешь заполнять ее чем попало... Тот, кто слишком часто оглядывается назад, сожалея о потерянном прошлом и не желая расставаться с былыми обидами, рискует споткнуться и упасть. Именно так они и упали – те, кто раньше умел летать...

– А если кто-то из нас совершает особо страшный проступок, – невозмутимо продолжал чародей, – мы приводим его на Око Небес и сбрасываем вниз, отдавая на суд неба!

– И многие ли из тех, кого предали подобному суду, сумели выжить?.. – спросила я, предвидя закономерный ответ.

– Ни одного! – злобно каркнула принцесса, наслаждаясь своим триумфом. – Так что не надейся, ты тоже не полетишь!

Я мягко улыбнулась, не вступая с ней в спор. Я вспомнила, как еще тогда, в Немеркнушем Куполе, интуитивно выбрала путь вниз, даже не понимая, о чем говорю. Я вспомнила, как обещала не отвечать злом на зло. А еще я вспомнила о предсмертной просьбе последнего жреца бога Шарро, притворившегося старьевщиком и сберегшего для меня яйцо мантикоры.

Нет, я не стала ждать прикосновения руки принцессы Эвридики, хотя той просто не терпелось столкнуть меня с площадки, которую в недавнем видении я ошибочно приняла за край обрыва. Сегодня я намеревалась обыграть судьбу, навязав ей свои правила игры! Неуловимо быстрым движением я скинула камзол и шагнула с башни, отдаваясь во власть неба, так и манящего меня к себе...

Я еще успела расслышать отчаянный вскрик Лаллэдрины, явно не успевшего сообщить мне что-то важное, но не придавала этому никакого значения. Я просто шагнула вниз, вперед, туда, в ничто, навстречу небу и ветру, предлагая им свою дружбу, доверие и любовь. Шагнула с незамутненным сознанием и чистой совестью. Шагнула с той легкомысленной хмельной бесшабашностью, при которой вся жизнь воспринимается как увлекательное приключение, море становится по колено, а воздух кажется таким же надежным, как земная твердь. Я всей душой верила в чудо – и чудо произошло!

«Если очень захочу, значит, смогу! – подумала я и услышала шелест своих распахнувшихся крыльев, прорвавших тонкую шелковую рубашку. – А если не смогла, значит, не очень-то и хотела! Разве не об этом говорил мне мудрый Лаллэдрин?»

Поначалу ветер пробовал бороться со мной, не желая принимать навязанную ему

дружбу. Но, камнем падая вниз и ощущая приближающуюся землю, я сорвала с шеи нить с двумя оставшимися жемчужинами, наугад выбрала одну и предложила ее ветру, протягивая на раскрытой ладони... И ветер принял мой дар! Он мягким языком дотронулся до моей руки, забирая у меня слезу Эврелики, а затем сыто заурчал, словно прирученный хищник. Тонкой струйкой втянувшись в кулон «Ловец ветра», он замер там, свернувшись в тихий сонный клубок. Затянутое облаками небо немедленно прояснилось, осветившись мириадами золотистых звездочек, закружившихся вокруг меня веселым, шепотным хороводом. А я, забыв все свои страхи, еще недавно мешавшие мне летать, упоенно парила над Дархэмом, подчинившись опьянению бескрайних просторов, раскинувшихся подо мной во всем великолепии.

Я пока еще не понимала, что именно обрела, поднявшись в небо: одиночество, свободу или новую обязанность? Не знала, зачем и почему распахнулись мои доселе слабые крылья. Наверное, моя крылатая ипостась тоже несет в себе какой-то особый смысл, который мне когда-то придется постичь. Ну а пока я просто летела, прислушиваясь к напевам раковины, тихонько журчащей у меня в кармане:

Опять одна! Во благо, несомненно...
Я здесь подобна чистоте холста,
Ни мыслей, ни эмоций – пустота,
Меня приемлет неба чистота,
Вверх вознося и гордо, и смиренно.

Смеяться или плакать – не пойму...
Меж двух миров стираются границы...
Отточен слог, исписаны страницы,
В моей груди забилося сердце птицы...
Зачем? То неизвестно никому.

Лети, дыши, не будь такой печальной,
Танцуй в потоке жизни без границ,
Вокруг тебя так много мертвых лиц,
Зачахших от бесплодных небылиц,
Однако ты бессмертна изначально.

Ты плоть от плоти света и любви,
Разорваны тобой оковы тела,
Осознанностью мысли, слова, дела
Ты соверши все то, что так хотела, —
И в жизни смысл небесный прояви...

А потом я опустилась вниз, к основанию башни, и ласково расцеловала ожидающих меня эльфов, тех, кто отважился расправить крылья и смело подняться в небо, сменившее гнев на милость. В небо, наконец-то принявшее своих отвергнутых детей.

«Верни их в небо!» – просил меня умирающий жрец бога Шарро, и вот теперь я выполнила его просьбу. Несчастные озлобленные эльфы из клана Полуночных все-таки поняли: когда перед нами закрывается одна дверь, ведущая к счастью, то в тот же миг открывается другая. А мы часто ее не замечаем, уставившись горестным взглядом в крепко запертую дверь... В очередной раз я убедилась, что люди готовы (и более того – страстно хотят) отвечать добром на добро... Просто поначалу все немного робеют, поэтому терпеливо ждут того, кто начнет делать это первым.

– Посмотри на свою звезду! – ахнула Ребекка, принимая меня в свои крепкие объятия.

– Что с ней? – запоздало испугалась я, принимаясь ощупывать амулет. Не разбила ли?..

– Посмотри! – потребовал Беонир, подпирая меня надежным плечом.

Лаллэдрин чуть приподнял привешенный к цепочке амулет, и я с восторгом увидела, что еще один луч моего хрустального сокровища налился чистым небесным сиянием! И тогда я поняла, что это может означать только одно: мое четвертое испытание уже пройдено!

А вслед за этим пришла жуткая усталость: навалилась могильным камнем, беспощадно подминая меня под себя, выкручивая не привыкшие к полетам суставы и корежа крылья, налитые дикой болью. Помню Лаллэдрину, несшего меня на руках и вполголоса бормочущего что-то успокаивающее... Еще помню всех своих сестриц (конечно, кроме куда-то запропастившейся Эвридики), затащивших мое почти бесчувственное тело к себе в покои, приготовивших тазы с нагретой воды. Помню мыло в яркой фольге и мягкие, пушистые полотенца. Меня бережно погрузили в теплую ванну, сбоку положили серебряную коробочку с душистой мазью и футляр с ножницами, пилочками, щеточками для волос, бровей и ресниц. На шагрени футляра был вытиснен узор, а на каждой стальной вещице виднелась золотая инкрустация. А я почему-то все не позволяла им расплести свои многочисленные косички, скрепленные медными наконечниками. Наверное, я просто боялась вступать в новый этап жизни... И ведь не разрешила, так и осталась при своих косичках!

Горячая вода навела сон, и вот меня уже завернули в одеяло, я вяло улыбнулась и поблагодарила, не понимая смысла окружающей меня суеты. А девичьи голоса щебетали наперебой, уплывая вдаль, проваливаясь за грань сна... В голове осталась только одна фраза: «Завтра день принесения клятвы!»

«Какой клятвы?» – недоуменно подумала я и вдруг провалилась в сон.

– Каждый взрослый эльф, вступающий в ряды клана Полночных, обязан принести клятву верности Дархэму, нарушить которую он не сможет даже под угрозой смерти! – пафосно вещал Лаллэдрин, ведя меня по длинному коридору, примыкающему к залу заседаний королевского совета. – Интересы клана мы ставим выше всего, гораздо выше собственных забот и хлопот. Помни это, девочка моя! Сегодня мы официально принимаем тебя в нашей столице как Наследницу трех кланов и дочь рода Эвриелиев, вернувшуюся к нам по милости богов! Ты понимаешь значительность сего момента, Йона?

Я растерянно кивнула, одновременно смущенная, обрадованная и раздосадованная. Их противоречивое мышление так и осталось для меня непостижимой загадкой... Вчера они хотели меня казнить, сегодня – приводят к присяге на верность этому городу. А завтра? Что они придумают завтра?

Зал заседаний встретил меня траурными стенами, затянутыми в черный погребальный бархат. «Это в память о загадочно погибшем привратнике из храма Эвриелики!» – сумрачно пояснил мой проводник, отводя взгляд от печальных атрибутов нашей потери. Свечи оплывали белыми неровными горками, чуть дымились ароматические курильницы, в покоях было неуютно и душно... Брови Лаллэдрина хмурились, а глаза намеренно избегали смотреть на королеву, вновь спрятавшуюся под густой вуалью. Он не снизошел и до того, чтобы замечать жмущуюся к матери принцессу, бледную и непримиримую. Сегодня он видел только меня одну...

Церемонию принесения клятвы я запомнила смутно. В памяти сохранился преображенный в алтарь стол, на который водрузили мой меч Лед, прикрытый черным знаменем клана Полночных, – главные реликвии, доставшиеся нам от короля Арцисса.

– Обещаешь ли ты, Наследница трех кланов, оберегать и защищать город Дархэм, не щадя живота своего? – с нажимом спросили у меня.

– Да! – искренне ответила я, мысленно удивляясь, а разве может быть иначе?

– Обещаешь ли ты оберегать жизнь, счастье и здоровье жителей Дархэма выше своего собственного? – спросили меня.

– Да! – снова дала зарок я, вынимая из себя душу, ощущая себя пойманной в ловушку чести, стыда и совести. Наверное, я не хотела становиться частью Дархэма, но тем не менее

ею стала. Наверное, я хотела сказать что-то другое, но, странное дело, сказала именно это! Вышло нечто если не красивое, то вполне своеобразное и не лишенное внутренней логики.

Вот пусть таким и остается!

Все девять членов королевского совета восседали на высоких стульях и казались нереально отстраненными в своих черно-белых одеждах и плащах. У мужчин имелись мечи в ножнах на поясе; у женщин, королевы Эвники и принцессы Эвридики, – кинжалы на груди. Одна я была безоружна. Сидела нарядной куклой в светлой парче, с лицом, которое умелые здешние женщины накрашили слишком ярко и броско: золоченые веки, брови соединены на переносице в одну темную линию, губы почти белые.

Лаллэдрин, стоя в их круге, раскрыл толстенный фолиант, взял мои пальцы в правую руку, вытянул из ножен меч и прикоснулся обнаженным клинком к моему плечу. Всего произносимого им я не слышала, будто волнами пропадало сознание, моя память запечатлела только бессвязные обрывки фраз:

– Вяжу тебя словом и окружаю клятвой... Я, верховный чародей Лаллэдрин, принимая в равной мере власть и ответственность за нее... мое прошлое и будущее... если же на мне обнаружится вина или я не в силах буду совершать должное – да обернут против меня мое оружие.

– Да будет так! – дружно подхватили все присутствующие.

И я снова то слышала некие реплики, а то у меня начисто пропадал слух...

А потом, когда церемония закончилась и мы с учителем вышли из зала, намереваясь вдохнуть свежего воздуха, я, жалко трясая распавшейся высокой прической и кусая губы, бросилась к нему на шею и разрыдалась так горестно, как, наверное, не плакала никогда в жизни.

– Какая ты красавица, – с нежностью сказал Лаллэдрин, отечески похлопывая меня по плечу. – Ну что же ты? Ты ведь всех отважней. Успокойся.

– Я боюсь! – панически всхлипывала я, своей расплывшейся косметикой марая парадное одеяние мага. – Я не верю в свою способность вернуть Ардена, найти Колокол Судьбы, остановить змееликую Банрах... Я не спасу мир. Вы ждете от меня слишком многого! Я не справлюсь... Что же мне делать?!

Он терпеливо переждал этот смешной приступ сугубо девчоночьей слабости, умиротворенно глядя на меня по волосам.

– Успокойся, Наследница. Никто ничего не знает, а прошлое уже не переделать. Остается одно – по-своему переиграть будущее!

– Как в шахматах? – робко и вопросительно улыбнулась я, шумно сморкаясь в поданный им платок.

– Именно! – довольно подмигнул чародей. – Превратившись из пешки в королеву! Полагаю, в подобных партиях мы с тобой всегда думали заодно. Помни, боги создали вас с Арденом друг для друга и в каждом из вас воплотили судьбу другого. Вы пришли в наш мир не просто так и просто так из него уже не уйдете. Вы пара! Прими это как данность, Йона, ибо полюбить кого-то другого ты уже не сможешь...

– Даже если захочу? – строптиво вскричала я, протестуя сжимая кулаки.

– Даже если захочешь, – философски кивнул маг. – Не стремись обмануть себя, девочка моя. Это глупо и бессмысленно... Ведь великая любовь требует от нас великих жертв...

– Откуда ты знаешь? – Я недоверчиво распахнула мокрые ресницы, не решаясь подумать, что этот мудрый мужчина мог пасть жертвой обычной земной любви.

– Знаю! – слабо, с отблеском давно отболевшей душевной муки усмехнулся он. – Но Эврелика любила Арцисса...

Я тихонько охнула и невольно сделала шаг назад, уклоняясь от его взгляда, полного черного отчаяния, не имеющего срока давности. Да, эльфы влюбляются лишь однажды, раз и навсегда...

– Прими любовь, – повторно посоветовал он. – Смирись. Тогда ее легче отдавать.

– Не утешай, – прервала я напряженным от внутреннего волнения голосом. – Твои

решения и пожелания ровным счетом ничего для меня не значат. Ни твоя, ни их указка! – Я намекала на остальных членов совета, ждущих нашего возвращения, для того чтобы скрепить свершившуюся церемонию обязательным бокалом вина. – Я уже многократно напоминала себе, что боги наложил на меня зарок: не делать того, к чему меня понуждают другие! Ни ты, ни отец, ни судьба, ни с некоторого времени и сама смерть. Все предопределено изнутри меня самой. Мной. Нет, нами самими: моей любовью и разумом. Предопределено тем выбором, который мне однажды предстоит сделать. Я это чувствую, я это знаю! Да, судьба завязала со мной игру, любовную и роковую. Но я не изменю самой себе и не изменю своему долгу... Не изменю только что данной клятве. Ведь мы с Арденом оба такие, какие есть. И мы очень похожи: не умеем ни прощать, ни просить прощения у кого-либо, помимо своей совести. И никакая, даже самая сильная любовь этого уже не переменит. Не переменит и того, что не могу я взывать о пощаде для нас ради счастья и ради самой жизни своей. И если предстоит выбирать, то я не пойду на поводу у любви или эгоизма. Я выберу мир. Выберу смерть, а не жизнь!..

– Не жизнь? – Лаллэдрин бережно провел рукой по моему лицу, стирая слезы. – Ты уверена в правильности своего выбора, девочка?

– Уверена! – без малейшей тени сомнения ответила я, ибо уже знала, какой именно выбор совершила когда-то Эврелика. Она отдала предпочтение не Арциссу, а Лаганахару. И кажется, я уже предчувствовала, какой выбор вскоре предстоит совершить мне самой...

Лаллэдрин прищепил мой подбородок пальцами, приподняв лицо.

«Смотри-ка, а расту в ней не так уж много, как мне только что почудилось! – прочитала я в его глазах. – Откуда же ты черпаешь силу, девочка? И такая пигалица еще свою судьбу подстрекает?.. Ну дела-а!»

– Пойдем в зал, – предложил он, справившись с обуревающими его эмоциями. – Пока клятва верности не скреплена чашей вина, она считается недействительной.

– Сейчас, – уже намного спокойнее откликнулась я. – Дай мне пару минут, я хочу привести себя в порядок.

– Хорошо, – улыбнулся он, снисходительно принимая мои чисто женские капризы. – Жду тебя в зале! – Дверь за ним захлопнулась.

Я огляделась, укрылась в оконной нише, затемненной тяжелыми бархатными драпировками и, смотря в стекло, попыталась стереть некрасиво расплывшуюся позолоту, нанесенную на мое лицо. Забери ее Тьма, эту придворную моду! Платок непослушно скользил по помаде, не стирая, а еще больше размазывая...

– Отдайте бокалы мне! – Громкий голос королевы Эвники отвлек меня от нудного занятия. Я осторожно заглянула в просвет между портьерами и увидела саму королеву, забирающую поднос с бокалами у благоговейно склонившегося перед ней слуги. – Вы свободны, любезный! – Она милостивым жестом отпустила радостно заспешившего прочь мальчишку, а затем, вместо того чтобы пройти в зал, почему-то поставила поднос на подоконник, совсем рядом со мной.

Я замерла, преисполненная нехорошего предчувствия, не смея даже дышать. «Что она задумала?» – крутилось в голове.

В это время королева простерла над подносом руку, неожиданно приобретшую вид страшной серой лапы, и уронила в каждый бокал по капле темной жидкости, выкатившейся из-под ее когтей и мгновенно растворившейся в вине. А потом как ни в чем не бывало королева снова подхватила поднос и уверенной походкой отправилась в зал...

Я до крови закусила губу, боясь выдать себя неосторожным вскриком. Мысли путались, наслаивались одна на другую, но постепенно выстраивались в четкую линию, обретая ясность и завершенность. Вопросы ушли, сменившись ответами! Сбежавшая гхалия, темная тень за шалашом королевы, странное поведение Эвники, точно такая же темная тень в храме, убийство привратника, приписанное мне... Да, теперь я уже не сомневалась...

Я успела вихрем ворваться в церемониальный зал и коротким, злобным жестом выбила бокал из руки отца, уже готовившегося отпить отравленное вино.

– Это яд! – обличающе закричала я, повергая в шок всех собравшихся. – Не пейте принесенное королевой вино!

– Ты возводишь поклеп на мою мать? – взбешенно взвизгнула Эвридика, обнажая кинжал и направляя его на меня. – Дрянь! Как ты смеешь? Недолго же ты соблюдала только что принесенную клятву верности!..

– Она не твоя мать и не королева... – начала я, но вдруг стоящий за моей спиной Лаллэдрин разразился ликующим понимающим смехом. Он ловко отпрыгнул назад и сдернул огромный черный чехол, прикрывающий одну из стен зала.

Поминальное полотнище с шорохом упало на пол, открывая светлую плоскость хрустального зеркала, в которой мелькали и дробились наши перекошенные от ужаса лица...

Королева отчаянно завывала, пытаясь прикрыться руками, но прятаться стало уже поздно, ибо в стекле неожиданно отразилась отнюдь не прежняя прелестная женщина, а ужасное чешуйчатое чудовище, в чьих темных глазах клубился хаос, наполненный неумной жаждой крови.

Глава 10

Эльфы испуганно замерли, уподобившись прекрасным беломраморным статуям. Рыча от ярости, я прыгнула вперед, рукой привычно нашаривая рукоять Льда, должную находиться на моем правом бедре. Но пальцы встретили только складки скользкой холодной парчи, и ничего более... Тьма, я и забыла, что, согласно традиции, пришла в этот зал без оружия! Как говорится, стоит только примириться со временными неприятностями, как они тут же становятся постоянными! Тогда, гневно помянув безалаберных эльфов, я резко мотнула головой – и моя тяжелая прическа распалась на десятки тонких косичек (каждая из которых оканчивалась медным наконечником), хлестнувших точно по лицу противостоящей мне твари.

Видимо, удар получился весьма болезненным, ибо чудовище, укравшее внешность королевы, не устояв на ногах, шатнулось и завалилось назад. Гхалия всем корпусом ударилась о предательски выдавшее ее зеркало, и на пол хлынул водопад из мелких стеклянных осколков. Понимая, что ее притворство раскрыто, тварь стремительно меняла облик, являя нам свою истинную суть, отвратительную до омерзения.

Тощее тело гхалии покрывала крепкая чешуя, пробить которую вряд ли смогли бы дерево или железо. Угловатую фигуру маскировали складки естественного кожного покрова, защищающего плоть лучше любой кольчуги. Она не нуждалась в оружии, ибо огромные изогнутые, словно ятаганы, когти заменяли мечи и копья, наделив чудовище способностью наносить противнику страшные и, подозреваю, смертельные раны. Я также догадывалась, что гхалия отлично видела в темноте, не горела в огне и не тонула в воде. Она не знала ни любви, ни жалости. А если и были у нее уязвимые места, то о них не ведал никто... Никто? Но разве так бывает?..

– Кто ты такая? – не удержалась от вопроса я, неуютно поеживаясь под взглядом хищных глаз. – Чего ты хочешь от меня?

– Я Лаэгра! – сухо проскрежетала тварь, и я сразу же вспомнила – именно это имя значилось на одном из надгробий в храме Песка. – Первая охотница змееликой, пожирательница душ!

– Так это богиня Банрах натравила тебя на Наследницу! – истерично заорала Эвридика, видимо ранее всех эльфов пришедшая в себя. – Тогда забирай эту наводчицу и убирайся из нашего дома!..

– Крылатые! – язвительно хохотнула Лаэгра, с презрением выплевывая из себя слово, прозвучавшее гаже самого грязного ругательства. – Заносчивые и высокомерные... Вы хуже людей или умертвий, ибо сознательно отвергли то, чего мы были лишены изначально...

– Чего же? – пылко выкрикнул Лаллэдрин, мелкими шажками продвигаясь к возложенному на алтарь мечу. Я почувствовала, как в воздухе сгущается аура сплетаемых им

чар...

– Любви! – рывкнула Лаэгра, взмахом когтистой лапы отбрасывая чародея в самый дальний угол зала. – Твоя магия бессильна против меня! – Маг со всего маху ударился о кресло и неловко растянулся на полу, видимо потеряв сознание.

– Чего хочет богиня? – спросила я, точно так же продвигаясь к мечу и пытаюсь разговором отвлечь внимание гхалии. А вдруг мне удастся то, что не удалось Лаллэдрину?

– Ничего! – предельно ясно ответила Лаэгра. – Ведь смерть и есть ничто. Умри! – Она метнула мне под ноги прядь черных волос, в коих я с первого взгляда опознала свой собственный локон. – Ты сумела обмануть меня там, в «Приюте странников», ибо отличаешься невероятным везением. Но все когда-нибудь заканчивается, в том числе и удача. Ты убила мою сестру Аргату, прогневала богиню и слишком близко подобралась к разгадке величайшей тайны нашего мира... – сообщила тварь. – Поэтому тебе не жить! Я так мечтаю попробовать твою кровь! – Она предвкушающе облизнулась по-змеиному раздвоенным языком.

«О какой тайне она говорит?» – удивилась я, впрочем тут же отвлекаясь от этой важнейшей детали, ведь времени на раздумья у меня практически не осталось. Да, гхалия права: удача обычно приходит и уходит невпопад, а вот неприятности всегда посещают нас вовремя!

Я не успела добраться до Льда, потом что Лаэгра проделала это вперед меня. С гортанным вскриком она отшвырнула прикрывающее меч знамя и схватила волшебный клинок... Ее лапа немедленно пошла белыми пятнами обморожения, морда исказилась от испытываемой боли, но гхалия не оставила в покое волшебное оружие, проявив завидную силу воли.

– Кусается! – уважительно усмехнулась она, намекая на противодействие моего меча, попавшего в чужие лапы. – Наверное, ты не собиралась умирать от своего клинка? – съехидничала она.

– Лови, дочка! – вдруг тоненько взвизгнул король, по-мальчишески дав петуха.

Я вскинула руку и на лету поймала королевский меч.

«Не Лед, конечно, но тоже великолепен!» – объективно оценила я, сжимая рукоять тяжелого полуторного меча.

– Ну что же, начнем, пожалуй! – предложила Лаэгра, кончиком Льда прочерчивая в воздухе свистящую линию и подступая ко мне.

Ударила прежде гхалия. Йона отбила. Движения все убыстрялись, так что мечи образовали вокруг поединщиц сверкающий свод. Лаэгра стояла почти неподвижно, только ее рука летала в невероятном темпе, а Наследница будто и в самом деле танцевала вокруг, без малейшей натуги. Танец нападения и защиты: было в нем что-то и от старинной пляски стерхов – священных журавлей, а еще – от брачного дархэмского хоровода, венчающего сейчас обеих фехтовальщиц не с жизнью, а со смертью.

«Клинок для нее вроде бы тяжел и привычки нет, но в каждом движении Йоны чувствуется мастерство, и оно все возрастает», – думал король Кантор, внимательно наблюдая за поединком своей дочери и гхалии и терзаясь от бессильной ярости.

Сражающихся окутывал плотный кокон магической энергии, не позволяющий никому из эльфов приблизиться к двум гибким фигурами, перемещающимся неуловимо быстро и напоминающим парные всполохи грозových молний: черную и белую. Сначала Йона только отбивала атаки Лаэгры, да и та нападала как-то нехотя, словно прощупывала возможности девочки. Потом обе разошлись... Кантор Эврелий сам был опытным бойцом и знал, чего стоят эти малозаметные обманные движения, прыжки, повороты, выпады, мимолетные касания стали о сталь. Он видел, что меч Лаэгры все чаще как бы проваливался в пустоту, теряя другой клинок. А Наследница вдруг начала наступать, легко, как в пляске, будто обрела второе дыхание! Король уже почти перестал волноваться за дочь. И тут она ударила по клинку гхалии сбоку, потянув свой вперед, так что Лед пролетел над ее головой и

хлопнулся оземь сзади. Наследница отпрыгнула, держа острие на уровне глаз противницы, и пропустила ее, чтобы та взяла оружие.

– Убей ее! – взмолился король, но Йона упрямо мотнула головой, отменяя такой исход сражения.

– Что за тайна? – спросила она у гхалии сбивающимся от напряжения голосом. – Открой мне тайну, и я подарю тебе жизнь!

– Нет! – игриво рассмеялась Лаэгра и подняла меч.

А дальше стало происходить нечто уже совсем непонятное для короля. Гхалия явно начала уставать, покрываться испариной, однако Наследница щадила ее жизнь, все еще пытаясь склонить противницу к переговорам. Ее клинок мельницей кружился в руке, точно притягивая лезвие Льда. Девочка разгорячилась – до Кантора донесся ее запах, вроде того, каким тянет весной от тополиной почки и клейкой молодой листвы.

Гхалия что-то вполголоса произнесла на чужом языке, будто про себя. И еще раз, порезче... В ее голосе звучала горечь поражения... И тут Йона, вместо того чтобы отбить очередной выпад Лаэгры, нацеленный ей в правое предплечье, как бы подбила ее меч кверху. Лед взлетел к потолку зала и стремительно рухнул вниз, прямо на тварь. Лаэгру спасло то, что она, хотя уже почти выдохлась, все-таки успела откаться назад всем туловищем. Однако царапина на горле, у самой подключной ямки, была глубокая: кровь залила темную чешую твари. А Йона стояла неподвижно, полузакрыв глаза и опустив к полу руку с клинком. Она ждала...

– Признание! – потребовала Наследница.

Эльфы оцепенели, пожирая глазами это заворачивающее, разворачивающееся перед ними зрелище, абсолютно не укладывающееся в сознании.

– Признание! – настаивала Наследница, медля с последним ударом.

– Нет! – нехорошо усмехнулась Лаэгра. – Ты получишь мою смерть, но и тайна умрет вместе со мной. Ты стала невероятно сильной, Наследница!..

И тут звенящую тишину зала прорезал дикий, полный неконтролируемой ненависти крик:

– Умри, дрянь! – Эвридика, все это время копившая силы для создания нужного заклинания, сумела прорвать энергетический щит сражающихся и метнула кинжал. Ее клинок падающей звездой пронесся через зал и вонзился в правый бок Йоны. Эльфы издали громкий панический стон...

Наследница покачнулась, роняя свой меч...

Воспользовавшись удобным моментом, гхалия гибкой змеей метнулась назад, подобрала Лед и остервенело вонзила его в спину Йоны, угодив между лопаток. По залу пронеслось ледяное дуновение смерти, ибо меч насквозь пробил стройное тело девушки: острие клинка вышло наружу, на целых три ладони высунувшись из ее груди.

Я никак не ожидала, что Эвридика решится на подобную подлость – нанесет этот вероломный удар, отвлекший мое внимание. Да, я должна была предвидеть все возможные неожиданности, но утратила бдительность, сосредоточившись на собственных мыслях и чувствах. Я отдалась во власть эмоций, изменив главному правилу бойца: руководствоваться во время боя лишь холодным рассудком. А ведь поначалу все шло просто замечательно: поединок с гхалией дался мне непросто, но я чувствовала, что перевес на моей стороне. Уже не раз я могла запросто убить Лаэгру, но тайна, упомянутая хитроумной тварью, целиком завладела моими помыслами, вызвав жгучее желание проникнуть в ее суть. И тут случилось непредвиденное: подлая принцесса метнула кинжал, неглубоко вонзившийся в мышцы в моем правом боку. Я вздрогнула скорее от неожиданности, чем от физического дискомфорта, и выронила меч... А в следующий же миг все тело пронзила вспышка жуткой боли, и я с удивлением увидела острие Льда, выступающее из моей груди! Перед глазами поплыл белесый туман, во рту возник солоноватый привкус крови, а ноги вдруг начали непроизвольно подгибаться, перестав меня слушаться...

– Ты, глупая девчонка! – Лицо гхалии приблизилось, сверкая победно оскаленными клыками. – Неужели ты поверила, что сможешь меня победить?

– Нет, – как бы оправдываясь, прошептала я, сосредоточившись на том, чтобы не потерять сознание. – Но у меня тоже есть секрет, который умрет вместе со мной. И ты его уже не узнаешь!

– Секрет? – Лаэгра придвинулась ко мне еще теснее, ее глаза заинтригованно прищурились. – Какой секрет?

– Ближе... – всхлипывающим голосом просила я, ощущая на губах теплое дрожание покидающей меня жизни. – Подойди еще ближе...

– Хм... – Лаэгра вытянула лапу и приподняла мой безвольно клонящийся к груди подбородок. – Говори, ведь еще миг – и ты умрешь!

– И заберу тебя с собой! – неожиданно прорычала я и, собрав воедино все оставшиеся силы, внезапно схватила гхалию за плечи, притягивая к себе и буквально нанизывая на торчащий из меня клинок.

– Как?.. – Тварь подавилась собственным изумлением, а из ее приоткрытой пасти выплеснулся фонтанчик черной крови. – Ты... – Ее глаза медленно тускнели, словно два затухающих светильника. Плоть охотницы постепенно утрачивала четкие очертания и обвисала, будто стремительно пустеющий бурдюк.

Мы продолжали стоять в центре зала королевского совета, обнявшись, словно верные соратники, опираясь друг на друга и уподобившись двум бабочкам, сколотым одной булавкой. Наша кровь, текущая из ран, смешивалась, дыхание сливалось. Интуитивно я догадалась, что у гхалии все-таки имелась одна уязвимая точка, ранение в которую становилось смертельным даже для такой выносливой твари. И этой точкой было ее сердце, в эту минуту пронзенное острием Льда.

И вдруг в почти остекленевших глазах гхалии вновь возродилось осмысленное выражение. Она глянула на меня с мучительной тоской существа, осознавшего близость своего смертного часа, и вскрикнула, жалобно и просительно:

– Это ты помогла родить мне сына, чародейка! Я тебя узнала!

– Королева Эвника? – растерянно пробормотала я, не смея поверить в свершившееся чудо. Не подлежало сомнению, что перед своей кончиной Лаэгра утратила контроль над душой королевы и та сумела вырваться на свободу!

– Обещай мне! – шептала Эвника, судорожно хрипя и хватая ртом воздух. – Обещай...

– Все, что угодно, ваше величество! – согласилась я, придавленная чувством вины за отнятую жизнь.

– Моя дочь Эвридика! – Голос умирающей королевы становился все тише. – Обещай мне, чародейка, что ты никогда ей не навредишь и не станешь мешать ее счастью.

«Мать всегда остается матерью! – уныло подумала я. – И даже перед смертью она в первую очередь заботится о благе своего чада...»

Я намеревалась малодушно промолчать, понимая, что клятва, данная умирающему, является нерушимой и ляжет на мои плечи неподъемным грузом, но королева не отступала. Она вцепилась в мои плечи и стонала так душераздирающе, что я не выдержала.

– Да! – нехотя пообещала я, заранее предчувствуя, в какую страшную ловушку себя загоняю. – Да, клянусь! Я никогда не помешаю счастью Эвридики!

– Накладываю на тебя зарок, – шептала королева, и ее затихающий голос впитывался в мою кровь точно так же, как совсем недавно влился в мои вены яд змея Нага. – Зарок последнего желания умирающей. Ты никогда не сможешь нарушить данное мне обещание. Обрекаю тебя на эту ношу!

«Заberi ее Тьма! – сердито думала я. – Ну я и влипла...» Сейчас я была готова убить уже саму Эвнику, но, увы, своих врагов принято прощать. Причем так, чтобы они плакали. А от счастья или от горя, это уже неважно...

Эвника издала вздох удовлетворения и вяло обвисла на клинке. Ее глаза потухли, веки смежились. Отягощенная весом скончавшейся королевы, я не удержалась на ногах и грузно

упала на пол, ощутив, как меч неловко повернулся в моей ране, ударившись рукоятью о мраморные плиты... Боль стала нестерпимой и поглотила меня целиком. Я еще пыталась как-то контролировать свое уплывающее в небытие сознание, но не смогла и с головой погрузилась в глухую страшную черноту...

– Нехорошая рана! – Ворчливый голос Лаллэдрина ворвался в мое сознание, разрывая тенета смертного сна. – Очень нехорошая...

Я сглотнула, с трудом проталкивая вниз комок горькой слюны, застрявший в гортани. Веки никак не желали подниматься, словно каждое из них весило никак не меньше самих Запретных гор. Наконец я через силу приоткрыла сначала правый глаз, потом левый – и обнаружила чародея, озабоченно склонившегося над постелью, где в настоящий момент и распростерлось мое полумертвое тело. Выяснилось, что я опять нахожусь в той комнате, которую уже привыкла мысленно называть «своей спальней», что бы там ни утверждала злобная Эвридика. Время, судя по всему, сильно перевалило за обеденное неизвестно какого дня, потому что в окно беспрепятственно вливался целый поток золотистых лучей Сола, образуя сияющий столб света с танцующими в нем пылинками. На столе стояла ваза, наполненная разноцветными орхидеями, чьи полностью раскрывшиеся бутоны источали упоительный аромат. Я попыталась вдохнуть поглубже, дабы в полной мере насладиться чарующим благоуханием, но тут же сморщилась от боли и мешающего давления еще чего-то непривычного... Мою грудь охватывала тугая повязка из намотанного в несколько слоев полотняного бинта.

– А что, бывают и хорошие раны? – невнятно спросила я, еле вспомнив нужные слова, почему-то ускользающие из рассудка.

– С возвращением, Наследница! – церемонно поприветствовал маг, радостно пожимая мою расслабленную ладонь. Совсем близко я увидела его пронизательные глаза, окруженные сеткой мелких морщинок, и шикарные каштановые локоны, обильно присыпанные серебристой сединой. Сзади их перехватывала широкая муаровая лента в тон синему плащу, расшитому звездами. Лицо у него было смуглое, остроносое; а глаза – желтые, рысьи. – Я так боялся, что клинок заденет твои крылья, но, к счастью, все обошлось.

– Мои крылья! – испуганно вскрикнула я, осознав, что лежу на спине. Но нет, ничего страшного не произошло, просто мои лопатки опирались на специальную полукруглую подушку, позволяющую принимать любую позу. От сердца тут же отлегло, и я облегченно улыбнулась.

– А нехорошая потому, что нанесена Льдом, – доходчиво разъяснил маг, присаживаясь на край кровати и поправляя мое распахнутое крыло, раскинувшееся на простыне. – В нашем мире нет другого, более смертоносного оружия, чем выкованные из небесного металла мечи и стилеты короля Арцисса, способный поглощать или трансформировать разум жертвы. Именно этими клинками Арцисс Искупитель уничтожил восемь гхалий из десяти, что были выставлены против нас в битве у Аррандейского моста. Увы, сам он тоже не сумел отправиться от нанесенных ими ран... Такой ценой куплено спасение нашего народа.

– Я убила девятую гхалию возле перевала Косолапого Медведя, вонзив стилет в ее лоб, – доверительным тоном поведала я.

– Ты истинная наследница своего великого деда! – восторженно похвалил чародей, внимательно слушая мои откровения. – Гхалий только так и можно убить: разрушив их мозг или сердце. Обычное оружие против них бессильно. Они считали себя неуязвимыми и почти не ошиблись, ибо лишь волшебные клинки способны пробить их плоть.

– Да, против Льда не устоишь, – с улыбкой подтвердила я, пальцем прикасаясь к своей груди. – Не хотела бы я драться с тем, в руках у кого очутится второй меч короля.

– Эти мечи отковал мужчина, – с некоторым раздражением напомнил чародей. – И предназначены они для мужчины. Они слишком тяжелы для тебя, Наследница!

– Отнюдь, – строптиво кашлянула я. – Как раз по руке, ибо и характер у меня ничуть не легче.

– Тебе нужен верный спутник! Помощник, соратник, готовый в любой миг защитить и поддержать, – продолжал гнуть свое маг, возможно, даже не понимая, сколько душевной боли, во много раз превосходящей физическую, причиняют мне его намеки.

– Не знаю, насколько сильным должно быть мужское плечо, чтобы выдержать мой характер, – криво усмехнулась я. – И плевать мне на ранения, ибо мужчины оставляют куда худшие отметины. На женских телах и душах.

– Шрам останется, – сообщил Лаллэдрин, заботливо поправляя мою повязку. Кажется, он намеренно ушел от поднятой мною темы, слишком спорной и неоднозначной. – Но ведь судьба Грома тебе неизвестна?

Я чуть помедлила, а затем кивнула с сомнением, не намереваясь посвящать мага в приключения Джайлза. Человеческий чародей лишился кисти руки, отрубив ее неким, подозреваю, отнюдь не простым мечом. Возможно, этим клинком стал Гром, ведь я и сама утверждала: такое оружие не теряется, а если и теряется, то после всегда находится нужным лицом в нужное время. Но зачем я буду загружать Лаллэдрина лишними проблемами?..

– А что до всего прочего, то у тебя мускулы пантеры, акулье пищеварение и психическая уравновешенность гремучей змеи: уж извини за некоторый анимализм... – с усмешкой добавил Лаллэдрин, безмерно довольный столь двусмысленным комплиментом.

Я рассмеялась и сразу же закашлялась. Чародей неодобрительно покачал головой, но из его глаз уже ушло то озабоченное выражение, которое испугало меня пару минут назад.

– А гхалия?.. – Я намеренно не закончила вопрос, не решившись спросить о королеве. Но Лаллэдрин и так прекрасно меня понял.

– Умерли обе. – Он сокрушенно вздохнул. – Теперь у нас в долине много чего противоречивого о тебе говорят.

Я насмешливо приподняла брови, намекая: «И что именно?»

– Ты вернула эльфов в небо, убила нашу королеву, дала имя сыну короля. Дескать, в тебе много всего разного намешано – и темного, и светлого. И способна ты как погубить наш мир, так и спасти его от гибели. Что же из всего этого правда, Наследница? – Чародей смотрел на меня выжидательно, ничуть не скрывая овладевшего им любопытства.

– Ровно половина! – проказливо усмехнулась я. Затем медленно приподнялась и села, запахивая на коленях полы уже такого знакомого халата. Поймала взгляд Лаллэдрина: – Старый чародей Альсигир обещал, что ты сумеешь должным образом ограничить мои магические способности и сделаешь из меня настоящую чародейку. Так?

– Как будто ты сейчас поддельная чародейка! – ехидно рассмеялся он, ласково, но непреклонно укладывая меня обратно на подушку. – Вернемся к этому разговору дня через два, а пока спи... – Он поднес к моим губам чашку с маковым отваром, и я послушно выпила, не в силах бороться со своей слабостью. И сразу же снова провалилась в сон, на сей раз светлый и легкий, словно ветерок, поигрывающий прикрывающим окна тюлем. В эту ночь мне снился Арден, здоровый и невредимый, одетый в белый шелк, сидящий на спине огромной черной мантикоры и увенчанный королевской короной... Но сон прошел, оставив после себя сладкую грусть, похожую на вкус меда... Порой нам снится то, что в жизни невозможно, а жизнь, в противовес видениям, преподносит то, что и не снилось.

Миновало три бесконечно долгих и скучных дня... На рассвете четвертого я решительно отказалась от услуг лекарей, учеников Лаллэдрина, сбежала из-под их надзора и теперь тихонько сидела в саду, наслаждаясь свободой и одиночеством. Моя рана зажила, как и предсказывал Лаллэдрин, оставив после себя двойной шрам, симметрично расположившийся на груди и спине, прямо между крыльями. Еще одна отметина в моей приличной коллекции шрамов, начиная от тоненького рубца на правой скуле, нанесенного змееликой Банрах. Впрочем, я не заикливалась на своих боевых отметинах, относясь к ним со стоическим здравомыслием. Как говорится, было бы только терпение, а что терпеть – всегда найдется.

Аккуратно раздвигая кусты сирени, Лаллэдрин бесшумно подошел к приютившей меня

скамье, но, даже не услышав, я интуитивно почувствовала его неслышную поступь и дружелюбно улыбнулась.

– И сколько столетий вы намереваетесь прятаться в этой укромной долине? – вместо того чтобы поприветствовать мага, напрямую спросила я. – Блентайр не сможет выжить без эльфов. Это вы понимаете?

Чародей тяжело вздохнул, присаживаясь рядом со мной.

– На все воля Неназываемых! – уклончиво ответил он, отводя взор.

В моей душе словно лопнул какой-то давно созревший нарыв, и я заговорила горячо и сбивчиво, выплескивая наболевшее:

– Разве вы еще не убедились в том, что нельзя строить блаженную землю в одиночку и только для самих себя? Даже как образец...

Маг кивнул, нервно обрывая листья с ни в чем не повинной ветки сирени:

– Много лет прошло с тех пор, когда мы, беглые и немногочисленные, оторвались от преследователей, нашли эту долину и возвели город Дархэм, окруженный тремя вольными деревнями: Атраной, Иденной и Селетой. Отныне у нас все стало общее и все свое. Лес изобилует растительной пищей, охота давала мясо и шкуры. Расчищая поляны, чтобы селиться на них, мы вырубали только те деревья, которые шли на постройку. На лесных луговинах мы сеяли просо, удобряя землю золой из сушняка, который горел зимой в наших печах. Белую бересту мы испещряли знаками нашего священного письма, чтобы учить детей. Мы приноровились отличать съедобные корни от ядовитых и находить применение и тем и другим. Научились прясть сосновую хвою, расплюснутую между камнями, длинную болотную траву, шерсть наших лохматых псов. Добывать дикий мед, не губя пчел, и варить болотную руду. А стоит нам захотеть – и через границу, которой мы себя обвели, нам будут тайно, воровски, в обмен на лисьи, бобровые и куньи меха, передавать все, чем славен внешний мир: и сладкий сахар, и черную сталь, и белое серебро, и книги на коже и травяном волокне. Только мы не хотим лжи. Понимаешь, Наследница? Подло быть счастливыми в стороне других и горько – несчастными вдаль от всех. Я прожил достаточно, чтобы понимать: вместе с благами, не очень-то и желанными, извне придут и болезни, и войны, и неравенство людей, и чужая вера. Нам опять потребуется вся наша сила, чтобы сохранить себя и не нажить новых врагов. Пойми, мы устали от войн и больны жаждой мести. И все-таки дороги должны быть открыты! А это значит, нам нужен тот, кто сумеет открыть эти дороги и вернет нас во внешний мир. Вернет нам весь прочий мир Лаганахара... – Он замолчал, тревожно вглядываясь в мое лицо. – Сейчас мы живем хорошо, но мы вымираем, ибо оторваны от своих корней. Мы неспособны забыть то, что потеряли, ведь оно манит нас, словно волшебный сон. Наши женщины рожают все меньше, а тоска по покинутому Блентайру медленно вытягивает из нас все соки...

Закрыв глаза, я улыбалась, преисполненная внутреннего света. Да, гордиться счастливым прошлым обычно призывают для того, чтобы отвлечься от унылого настоящего. Пророчество Неназываемых гласит: Лаганахар будет спасен лишь тогда, когда все его народы научатся жить в мире и согласии, когда люди объединятся с эльфами, а лайил – с ниуэ. И кажется, теперь я знала, какая великая цель ожидает меня впереди.

– Только серый маг способен соединить добро и зло, не нарушив их природы. Ибо миру нужна гармония! – произнесла я. – Подскажи же мне, учитель, что это значит – быть серым магом, и клянусь, тогда я верну вас миру и приведу Полуночный клан обратно в Блентайр!

– Тогда идем! – почти закричал Лаллэдрин, поспешно вскакивая со скамьи. – Отправимся в глубь леса, на священную поляну, где ты сможешь обрести свое истинное имя и пройдешь ритуал посвящения в чародеи!

Лаллэдрин развил бешеную деятельность. Он призвал своего неизменного спутника Овэлейна, молчаливого воина с невозмутимым лицом, приказал оседлать трех скакунов, а теперь почем зря гонял своих учеников, посылая их за различными предметами, назначение

коих оставалось для меня неразрешимой загадкой. Вскоре два безусых юнца притащили увесистый, плотно набитый мешок, и маг приторочил его к своему седлу. Я никогда еще не видела чародея таким воодушевленным и с безмолвной улыбкой наблюдала за его хлопотами, предпочитая не вмешиваться, а просто безропотно выполняя его указания, которых набралось немало. Но вот подготовительные процедуры подошли к закономерному концу и мы вскочили на коней, готовясь выехать за пределы Дархэма. По заверениям Лаллэдрина, путь предстоял долгий.

Сол жарил немилосердно, заставив меня прикрыть голову капюшоном легкого шелкового плаща, впрочем ничуть не затеняющим окружающих красот. Я не стала мучить расспросами своих благородных спутников, а только смотрела во все глаза, с трудом сдерживая восхищенные вскрики. Наверное, я попала в сказку: простирающаяся за городом долина на каждом шагу преподносила все новые и новые сюрпризы, безмерно поразившие мое воображение...

Сбегая с отрогов Запретных гор, маленькая речка Зейда в верхнем своем течении прыгает с одной гранитной ступени на другую, забирая в себя все, что выкрошилось из жил и прожилок земли. Затем она проворно бежит мимо деревни Атраны, весело лепеча и играя сама с собой в камушки, а через половину лиги чуть умеряет свою резвость, оставляя на отмелях и плоском берегу то, что принесла с собой. Как раз тут жители Атраны – оружейники, а значит, немного рудознатцы – промывают песок и берут шлихи², чтобы понять, что делается внутри гор.

Жилые помещения в Идене врезаны прямо в стену горного хребта, располагаясь в два этажа. Вдоль верхнего тянется бесконечная галерея из мореного дуба, настолько древняя, что в щелях ее пола укоренились деревца со скрученной веками и почти железной древесиной, мелкими листьями и стволами, подернутыми мхом. Сквозь крышу, прохудившуюся в позапрошлом столетии, дождь льет прямо на деревья, образуя вокруг них лужи и лужицы. Отовсюду веет миром, теплом и спокойствием, ничем не обремененным и не замутненным никакими бедами. Но запустение и забвение уже оставили свой след на домах Идены, ведь число ее жителей сократилось до трех сотен и продолжает уменьшаться. Об этом мне рассказал Лаллэдрин. Я его выслушала, но воздержалась от ответных реплик, тайком смагивая слезы сочувствия, набежавшие на глаза...

А мы все ехали и ехали, углубляясь в долину. Раздольно зеленели горы: их шкура, периодически облезая, как у медведя, вновь отросла и стала густой. Тропы подернулись травой, скользкой и яркой. Земля то громоздилась мощными складками, то обрывалась, уходя в глубь, трудно постижимую для взора; а там, на дне, перебирала камни резвая речка. Вдали, в центре мироздания, еле видимые отсюда Белые горы вспарывали вершинами грозное, не по-зимнему яркое небо.

Малая крепостица Селета наклонно выступала из горного склона, вращаясь в него, точно коренной зуб. Скат перед ней был таким крутым, что и летом копыта лошадей порой срывались с каменной россыпи, высекая подковами яркие искры. Сейчас по нему двигалась вверх маленькая женская фигурка, балансируя охапкой сушняка за плечами. Она приветливо помахала нам рукой. Больше мы никого не встретили. А вскоре свернули налево, во впадину, затененную раскидистой сенью высоченных платанов и островязов. Полагаю, они росли здесь не одну сотню лет, кронами почти касаясь плывущих по небу облаков.

– Приехали! – констатировал Лаллэдрин, останавливая своего коня.

Повинуясь жесту мага, я спрыгнула на землю и привязала уздечку к толстой ветви древнего дуба, сплошь обвитого плетями ядовитой омелы.

– Это и есть наша священная роща, последнее прибежище усопших чародеев. – Маг указал на непроходимую стену из деревьев, виднеющуюся впереди. – В Блентайре мы инициировали чародеев в стенах Немеркнувшего Купола, но здесь, за неимением лучшего...

² **Шлих** – концентрат минералов, получаемый в результате промывки горных пород.

Не дослушав Лаллэдрина, я сделала шаг и тут же остановилась, ощутив противодействие странной силы, не позволяющей двигаться дальше. Меня словно сковали по рукам и ногам, не желая пропустить туда, куда так стремилась моя душа. Я растерянно воззрилась на печально улыбающегося мага, не понимая смысла происходящей со мной метаморфозы. Неужели меня приняли за чужую?

– Именно так! – горестно уточнил он, прочитав гнетущие меня мысли. – Ты полукровка, наполовину человек, и поэтому священная роща воспринимает тебя как врага и не намерена посвящать в свои секреты.

– Но... – сердито начала я, возмущенная подобной унижительной избирательностью. – Как же я сумею...

– Молчи и слушай нас! – торжественно провозгласил чародей, а деревья зашумели, подхватывая его голос и разнося вокруг. – Роща примет тебя лишь в том случае, если один из эльфов Полночного клана добровольно отдаст тебе свою жизнь, принеся искупительную жертву.

– Но... – вновь глуповато завела я, пораженная столь страшным условием. – Кто же захочет...

– Я! – решительно оборвал меня Овэлейн, верноподданнически опускаясь на колено и поднося к губам край моего плаща тем возвышенным жестом, коим приветствуют только королей и королев. – Разрешите мне отдать за тебя свою жизнь, моя госпожа!

– Нет! – отчаянно закричала я, отшатываясь от этого безумца. – Ты был верным другом моего деда и его любимым оруженосцем! Я никогда не позволю тебе стать добровольной жертвой! Я ее не принимаю!

– Тебе придется это сделать, Наследница! – без каких либо эмоций изрек Лаллэдрин, властно удерживая меня, порывающуюся развернуться и бежать куда глаза глядят. – Иначе пройденные тобой испытания утрачивают всяческий смысл. Знай, ты не имеешь права останавливаться на достигнутом, ты должна идти вперед любой ценой и любым способом! А еще учти: зачастую поиски правильного решения обходятся нам дороже ошибки.

Я беспомощно хлопала ресницами, не находя что сказать.

– Не останавливайся, пока есть силы, хорошо? – попросил Овэлейн, участливо сжимая мою ладонь. – Помни, жизнь похожа на болото. Только сбавишь напор – засасывает сразу. Обещай мне никогда не отступать и не сдаваться!

У меня голова шла кругом от нереальности всего происходящего... Мне было страшно, по-настоящему страшно! Они что, уговаривают меня убить Овэлейна? Они что, утратили рассудок, если смеют предлагать такое?

Однако и маг, и оруженосец вели себя предельно спокойно, а их ясные и рассудительные взоры подсказывали: они оба в своем уме, я не сплю и у меня нет иного выхода, кроме как принять их предложение. А еще – оба они завещают мне это страшное «никогда», ставшее отныне моим вечным ярмом, проклятием и благословением.

Я устало вздохнула, уже убежденная, согласная на все и частично смирившаяся с неизбежным. Да, как же я забыла: в жизни все мы следуем своему личному пути, состоящему из взлетов и падений, побед и поражений; а самая большая победа человека – это победа над своими слабостями и страхами. Наверное, такие победы и называют счастьем. Как мало нужно нам для счастья и как много времени уходит на то, чтобы это понять. А ведь я уже осознала эту непростую закономерность. Да, все так, но как же тогда быть с ужасным, так сильно пугающим меня «никогда»?.. Хватит ли у меня сил и смелости, чтобы вступить в бесконечную борьбу за мир, счастье и любовь? Да еще никогда не отступать и не сдаваться!

«Никогда» – какое беспредельное слово. Под стать вечности...

Часть вторая

Неугасимая звезда

Глава 1

Погода портилась буквально на глазах. Ветер гонял по небу темные вечерние тучи, несущие с собой первые признаки надвигающейся ночной свежести. Я тыльной стороной ладони разогнала палые листья, ковром устилающие черную лужу, и обрызгала себя холодной водой, стремясь прогнать лихорадочный жар, снедающий меня изнутри. Вокруг стелились густые пряди тумана, цепляясь за пожелтевшие папоротники. Резкие порывы ветра шевелили высокие макушки деревьев, но подлесок стоял тихий и сонный, далекий от небесного волнения. Ночь обещала выдаться пасмурной и прохладной, но дождь, скорее всего, не пойдет. Хотелось бы надеяться...

Я кое-как продралась сквозь колючие заросли дикого шиповника, осторожно приподняла ветви бузины, пригнулась и неожиданно вышла на поляну идеально круглой формы. В шелковистой траве виднелись белые звездочки ромашек и крупные, налитые сладким соком ягоды земляники, грузно свисающие с хрупких стебельков. Нет сомнений, это место – творение рук человеческих, а вернее эльфийских. С десятков беломраморных плит, вкопанных в зеленый дерн, подсказали мне, что я попала на местное кладбище, и поэтому я поспешно отошла в сторону, опасаясь наступить на могилы и нарушить покой усопших. В центре поляны возвышалась грубо обтесанная глыба черного гранита, по поверхности которой змеилось несколько строк. Я напрягла зрение и прочитала:

«Неназываемые подняли головы, посмотрели на эльфов, и молчание снизошло на них. И тогда творцы сказали: «Когда любовь поманит, следуйте ей. Хотя ее пути неисповедимы. А когда ее крылья обнимут вас, не сопротивляйтесь ей, хотя меч, спрятанный в крыльях, может поразить вас. А когда она говорит с вами, верьте ей, хотя ее голос может уничтожить ваши мечты, как северный ветер уничтожает сады, превращая их в пустыню. Все это сделает с вами любовь, чтобы вы могли узнать секреты своего сердца и в этом знании стать частицей самого сердца жизни. Но помните, любовь не дает ничего, кроме самой себя. Любовь не обладает ничем, но и ею нельзя обладать, ведь любовь самодостаточна...»

Я задумчиво стояла по колено в траве, потрясенная этими простыми словами, открывшими мне смысл нашей жизни. Теперь я точно знала то, о чем ранее лишь интуитивно догадывалась: мы живем ради любви и посредством любви, без нее наше существование утрачивает цель, превращаясь в примитивное, бесполезное прозябание. Но эльфы забыли заветы Неназываемых, они отторгли любовь и поэтому обрекли себя на вымирание...

Неожиданно от одного из окружающих поляну деревьев отделилась фигура Лаллэдрина, прежде совершенно незаметная из-за зеленовато-бурого плаща, по цвету идеально сливающегося со стволом могучего платана. Учтиво обходя могилы, маг подошел ко мне и протянул небольшую серебряную фляжку на тонкой цепочке. Подчинившись его жесту, я приняла странное подношение и повесила себе на плечо:

– Что это?

– Жизнь Овэлейна, – почти беззвучно пояснил маг, и, лишь проследив за его губами, я распознала произнесенную им фразу. Первым моим желанием, интуитивным и неосознанным, стала острая потребность скинуть этот страшный дар, неожиданно обжегший плечо. Но чародей сердито взмахнул рукой, порицая мою импульсивность.

– Это жизнь Овэлейна, – уже намного громче повторил он. – Прими ее. Когда-нибудь она тебе пригодится. Прошу – прими, ибо оруженосец твоего деда очень этого хотел.

– И что я должна с ней делать? – беспокойно поеживаясь, поинтересовалась я.

– Поймешь, когда придет час! – убеждающим тоном заверил Лаллэдрин. – Иногда людям, совершившим нечто полезное во благо других, выпадает возможность продлить или вообще спасти свою жизнь в том случае, если кто-то очень их любящий пожертвует собой ради них. И это ты тоже поймешь. Со временем...

Я плаксиво сморщилась, уже не осмеливаясь протестовать. М-да, время и правда нас не лечит, а учит. Учит мириться с неизбежным.

– Значит, ты выполнила мои указания! – почти радостно констатировал маг, довольный проявленным смирением. – Роща впустила тебя, и ты вышла на эту поляну.

– Да, вскоре после того как вы с Овэлейном углубились в чащобу, – подтвердила я. – Теперь я понимаю почему... – В моем голосе прозвучала мрачная скорбь. – Не предполагала, что стану чародейкой столь несоизмеримо высокой ценой.

– Мы всегда платим за свои достижения, – безрадостно усмехнулся Лаллэдрин, развязывая принесенный мешок. – Так или иначе. Ту или иную цену. Все ушедшие и похороненные здесь маги заплатили свою цену и умерли, истощенные долгой дорогой из Блентайра...

– А Эврелика, Арцисс, Адсхорн? – удивленно спросила я, наблюдая за его малопонятными манипуляциями.

– А разве они стали исключением? – протестующе приподнял брови маг. – Даже твои родители были вынуждены заплатить за свой выбор. И чем ценнее приз, за который мы бьемся, тем дороже он стоит.

– Вы все верите в закон расплаты? – предположила я, поудобнее перехватывая увесистую связку свечей, переданную мне чародеем.

– А как появляется вера? – спросил Лаллэдрин так серьезно, словно экзаменовал меня.

Но поскольку я молчала, он наставительно улыбнулся и продолжил:

– Вера и расплата связаны. Верят те, кто умеет сомневаться и чьи сомнения неразрешимы. Не умеющие разрешать свои сомнения начинают верить. Звери не умеют сомневаться, поэтому и верить им незачем. А мы частенько возводим свои сомнения в абсолют, веру превращаем в фанатизм и поэтому утрачиваем непосредственность. Мы слепы, примитивны и консервативны. Мы разучились мечтать и летать. За это и платим.

– Ерунда все это! – скептически рассмеялась я, не соглашаясь с его доводами. – Ересь какая-то. Мы возводим в абсолют не свои страхи и сомнения, а свою любовь. Любовь с большой буквы, всеобъемлющую и неизъяснимую. Но наша любовь предельна, а любовь творцов не имеет границ и вмещает в себя всю любовь мира. И сама их сущность – это любовь. А за любовь нельзя заплатить, ибо она всегда бескорыстна.

– И творцы велели нам возлюбить любовь? – не поверил Лаллэдрин, прекращая свою возню, настолько его поразили мои слова. – Не платить, а просто любить?

– Да! – убежденно кивнула я. – Возлюбить ближнего и дальнего своего, возлюбить даже врагов, ибо только на этом пути мы обретем истину и поймем самих себя. Так написано на камне.

– Ерунда! – возмутился маг, невольно повторив мое недавнее восклицание. – Там ничего не сказано о любви к врагам!

– «...А когда ее крылья обнимут вас, не сопротивляйтесь ей, хотя меч, спрятанный в крыльях, может поразить вас...» – дословно процитировала я. – Любовь несет нам не только радость, но и боль, любовь и есть плата за все! А вы погрязли в жажде мести, а значит, подменили любовь самолюбием. Но я покажу вам путь к спасению!

– Какой? – Глаза Лаллэдрина, обращенные ко мне, сияли светом надежды.

– Я научу эльфов любить людей, а людей – любить эльфов! – пообещала я. – Научу ниуэ любить лайил, а лайил – ниуэ. И тогда мы обретем спокойствие, а наш мир возродится в новом облике, где уже не останется места вражде, мести, обидам и насилию. Этим новым миром будет править любовь! Лишь научившись любить, вы сможете вернуться в Блентайр.

– Люди полюбят эльфов? Окстись, девочка. Да скорее Сол соединится с Уной, чем в Лаганахаре произойдет нечто подобное, – печально вздохнул чародей. – Для этого ты должна сотворить чудо!

– Значит, сотворю! – лукаво подмигнула я.

– Благие цели ты ставишь перед собой, Наследница, – с оттенком благоговения признал чародей. – Полагаю, вскоре ты сможешь стать величайшим магом нашего мира.

– Так помогите же мне, учитель! – просительно улыбнулась я, вкладывая свои руки в его дрожащие от волнения ладони.

– Да будет так! – патетично провозгласил он, начиная ритуал моего посвящения в чародеи. – Откройся миру, Наследница. Пусть то, что должно прийти, придет в твою жизнь, а то, что должно исчезнуть из нее, исчезнет. Да будет так!

Лаллэдрин повелительно взмахнул рукой, и в воздухе над травой возникло святающееся изображение шестиконечной звезды, своим сиянием слегка разогнавшее изрядно сгустившуюся ночную тьму. Чародей зажег шесть свечей и установил их на лучах звезды, каким-то неведомым способом укрепив прямо в пустоте.

– Тебе понадобится нож, – сообщил он. – Свой, особенный! – И понимающе улыбнулся, когда я вынула из ножен стилет, вобравший в себя Душу Пустоши.

– Вот вода из нашей реки. – Он вручил мне фляжку. – Умойся, и пусть все плохое, что произошло с тобой в прошлом, не повторится в твоей последующей жизни.

Я выполнила его указание, позволив свободно стечь на землю той воде, которая омыла мое лицо. Скорее всего мне это только померещилось, но вода имела какой-то подозрительно темный цвет, возможно вобрав в себя мои давнишние беды и печали. Во всяком случае, на душе сразу стало легче и настроение улучшилось.

– Вот хлеб из наших печей. – Маг передал мне ломоть белого хлеба. – Вкуси его, разделив сообразно своим жизненным принципам.

Я приняла предложенный кусок и разломала на три равных доли: первую положила в траву, отдав духам здешних мест, второй угостила Лаллэдрина, а третью съела сама.

– Делюсь всем тем, что имею, со своим миром и друзьями, – пояснила я.

– Прекрасный поступок! – похвалил учитель. – Ведь воздается лишь дающему, везет щедрому, а прощается милосердному.

– Теперь я готова стать чародейкой? – с замиранием сердца спросила я, заметив, что принесенный магом мешок уже опустел.

– Да! – Маг степенно поклонился на все четыре стороны света и заговорил: – Запомни, ученица. Магия – это не чудо и не сказка. Магия – это искусство, позволяющее нам взаимодействовать с силами природы и воздействовать с их помощью на окружающий мир, добиваясь нужных результатов при существующих обстоятельствах. Магия не только дает нам возможность выбрать свой жизненный путь, она также накладывает на нас огромную ответственность за совершенные деяния. Стать чародеем – это значит четко сформулировать свое отношение к себе и к другим, изменить привычную картину мира, обыденную точку зрения на вещи и людей, пересмотреть личную материальную и духовную реальность. Отныне тебе придется вести себя адекватно, а при совершении того или иного действия руководствоваться не личными желаниями, а законом целесообразности. Готова ли ты к этому, ученица?

– Да! – не колеблясь ни секунды, ответила я.

– Ты обещаешь рассуждать справедливо, а не пристрастно?

– Да! – поклялась я.

– Теперь ты должна придумать себе магическое имя, способное выполнять функцию проводника между тобой и твоей накопленной энергией. Это имя нельзя произносить вслух или как-то иначе открывать миру или людям. Оно незримо наслоится на твой ментальный облик и обернется твоим щитом, способным защитить от любой беды. Придумала?

– Придумала! – заговорщицки подмигнула я, удивляясь, и как это я раньше не додумалась до того, как именно хочу зваться? Зато теперь я это знала!

– А сейчас произнеси клятву, слова которой тебе должны подсказать сердце и душа! – продолжал командовать учитель, подталкивая меня к сияющей в ночи звезде. И я не стала сопротивляться. Я вступила в центр магического рисунка, правой рукой сжала Звезду своей души, висящую у меня на шее, и заговорила, озвучивая то, что подсказала моя судьба:

– Я, Йохана, встаю сегодня на путь духовного самосовершенствования и постижения истин. Я в полной мере осознаю всю ответственность, которая ложится на мои плечи, но я твердо решила осуществить задуманное, и мое желание непреклонно. Я посвящаю себя

великому делу спасения нашего мира и заявляю о своей готовности встретиться с силами природы лицом к лицу. Я открываюсь добру и выхожу навстречу справедливости и милосердию. Клянусь быть достойной полученных знаний и целесообразно использовать дающиеся мне возможности. А если я когда-нибудь отступлю от клятвы, пусть покарают меня Неназываемые, наказав одиночеством, гибелью и забвением!

– Прекрасные слова, – уважительно поклонился мне Лаллэдрин, – лучше и не скажешь! Вонзи свой нож в землю и вкуси соки природы, принимая в себя ее силу!

«Вонзить нож в землю? – Я не верила собственным ушам, безмерно возмущенная таким нелогичным завершением ритуала. – И это станет символом единения с природой? Нет, я поступлю по-своему...» Я взмахнула стилетом, но, вместо того чтобы совершить предложенное Лаллэдрином, внезапно провела кончиком лезвия по руке, нанеся себе небольшой порез. Чародей протестующе вскрикнул, но что-либо менять было уже поздно... Несколько капель крови вытекли из ранки, упали на траву и мгновенно впитались в землю, благосклонно принявшую такую жертву.

Внезапно я ощутила, как земля подо мной всколыхнулась от едва заметной дрожи. Деревья качнули кронами и снова выпрямились, замерев строго и величественно. Ветер спиралью обвился вокруг меня и затих, укрывшись в складках моего плаща. Порез на руке затянулся мгновенно и бесследно, будто его и не было. А святящаяся магическая звезда мигнула и погасла, погрузив нас в темноту...

Но нет, эта темнота уже не казалась абсолютной, ибо мое зрение вдруг обострилось самым удивительным образом, позволяя видеть то, что прежде оставалось для меня незаметным. Я также улавливала малейшие звуки и шорохи, издаваемые священной рощей, подмечала каждый цветовой нюанс и даже подслушала робкие вздохи полусонного жаворонка, затаившегося под кустом в паре шагов от меня. Мир неожиданно обрел новые запахи, очертания и формы, явившись мне во всем своем многообразии. Мир принял меня как равную себе и спешил поделиться своими потаенными секретами. Я же тихонько всхлипнула от избытка переполняющих душу чувств, восхищенная и очарованная.

– Чудесно! – радостно вскричал Лаллэдрин, обнимая меня и отечески поглаживая по голове. – Сегодня тебя приняли в гильдию Чароделов, но принял не глава или совет магов, а сам мир Лаганахара, услышавший твою клятву и поверивший тебе, Наследница! Так иди же вперед, не боясь жизни! Будь осторожна и продуманна в своих желаниях, контролируй свои эмоции и мысли, но в то же время старайся оставаться сама собой, не ломая и не насилуя себя духовно!

– Так и сделаю! – искренне пообещала я, чувствуя себя безмерно счастливой. Я понимала, что впереди меня ожидают многочисленные беды и проблемы, потери и испытания, но от этого мне вовсе не становилось хуже или печальнее. Отныне меня не пугало ничто, ведь теперь я знала: моя жизнь будет такой, какой я захочу ее построить. Несчастья могут ходить вокруг нас, подкарауливая и выжидая подходящего момента, чтобы напасть, но все эти ухищрения напрасны: если счастье находится внутри тебя, то его уже не убить, не уменьшить и не отобрать!

Через день я покинула Дархэм и двинулась дальше, намереваясь посетить пещеру Неназываемых. Меня сопровождали Ребекка с Беониром и Лаллэдрин, пожелавший лично познакомить нас с волшебным местом. Над нашими головами свободно парила Мифрил: она то взмывала ввысь, скрываясь за облаками, то опускалась совсем низко, напоминая о себе громким счастливым клекотом. За неделю, проведенную в столице Полуночного клана, мантикора заметно выросла и окрепла. Ее голос обогатился доселе несвойственными ему солидностью и басовитостью, когти обрели твердость стали, а в выражении синих глаз появилось нечто такое, что заставляло остановиться тех поклонников, кто рвался почесать шейку Мифрил, размером уже достигшую уровня плеча взрослого мужчины. Я неохотно признала, что те времена, когда она беззаботно спала у меня на руках, безвозвратно канули в прошлое, оставив после себя легкую грусть и нежную привязанность, переросшую в

прочную дружбу. Теперь я прекрасно понимала то чувство доверия и взаимопонимания, которое связывало эльфов из клана Повелителей мантикор и их огромных летунов, делая пару неразделимой на всю оставшуюся жизнь. К сожалению, Мифрил пока еще была слишком мала, для того чтобы я могла надеть на нее седло, но совместные полеты сплотили нас намного сильнее, чем могли бы соединить узы кровного родства, превратив не в летуна и наездницу, а скорее в двух побратимов, идущих общим жизненным путем. Забегая вперед, нужно упомянуть, что в недалеком будущем Мифрил будет суждено сыграть значительную роль в моей судьбе и спасти меня от неминуемой гибели. Но тогда мы еще не догадывались о поджидающих нас испытаниях, о предстоящих ошибках, а просто наслаждались своим безоблачным настоящим. А впрочем, чтобы разжечь огонь, нужно предварительно наломать немало дров. Разве это не так?

Однако, положив руку на сердце, следует признать, что надвигающиеся проблемы обозначились уже тогда, приняв облик принцессы Эвридики, категорично потребовавшей включить ее сиятельную персону в состав экспедиции, направляющейся к пещере.

— А я целилась вовсе не в тебя! — спокойно улыбнулась лицемерная сестрица, не дрогнув и выдержав мой обличительный взгляд в упор. При этом я ничуть не сомневалась, что она врет. — Я метнула кинжал в гхалию, но концентрация магического поля оказалась непредсказуемой, трагически изменив траекторию его полета. Ты еще должна сказать мне спасибо... — с потрясающей наглостью заявила она, даже не пытаясь скрыть саркастические интонации своего медового голосочка. — Ведь я помогала тебе, рискуя жизнью и намеренно обратив на себя гнев гхалии. Но ты как была неблагодарной, так и осталась. И к тому же ты убила мою мать, а значит, твой долг передо мной возрос многократно. Поэтому не надейся — ты от меня не отделаешься. Я поеду с тобой и увижу много удивительного. Уверена, в поездке я найду любовь и счастье. Я предчувствую, что встречу там своего принца. А здесь мне совершенно нечего ловить!

Я задумчиво смотрела на эту бесподобную лицемерку, в глубине души немало восхищенная ее невероятным талантом приспосабливаться к любой ситуации и обращать себе на пользу все, что происходит вокруг. А ведь если вдуматься в смысл произнесенной ею фразы, то придется согласиться, что принцесса не так уж далека от истины. Она лишилась права на престол и потеряла мать. Не без моего участия, кстати. Это раз. Отношения с отцом у нее испортились вконец, ибо Кантор обвинил Эвридику в покушении на мою жизнь, видимо стремясь таким парадоксальным образом отвлечь мое внимание от его вины в случившемся. Это уже два. Немало, так ведь? Кстати, я не испытывала ненависти ни к отцу, ни к сестре. Ведь ненависть — это нечто мертвое. А кто из вас хотел бы стать склепом?

Но так или иначе, в Дархэме принцессу действительно ничто не удерживало. Я не очень-то обрадовалась, выслушав ее амбициозное заявление, но все-таки не стала запрещать ей участвовать в походе, ибо слишком хорошо помнила обещание, данное умирающей королеве Эвнике. Так что пусть себе борется за теплое место под Солом, гоняется за удачей и личным счастьем — я не стану ей препятствовать. Не стану даже в том случае, если, как подсказывала мне интуиция, сестрица окажется неисчерпаемым источником бед и проблем. В общем, я дам ей шанс... Хотя, честно говоря, непонятно, о какой такой любви она мечтает? С первого взгляда на Эвридику становится понятно: она влюблена исключительно в себя, в полном согласии с собой и в своем эгоизме не имеет ни врагов, ни соперников. Но, по большому счету, меня это не касается, это личные проблемы самой Эвридики. А в ее «блестящем» будущем я уверена на все сто, ибо летящий в пропасть с пути не собьется...

Итак, мы выступили в путь. Я равнодушно попрощалась с отцом, притворно всхлипывающим и непритворно прячущим глаза. Сцена расставания вышла скомканной и тягостной. Я чувствовала себя неуютно под взглядами десятков безмолвных зрителей, вззирающих на меня кто с испуганным отвращением, а кто — с восторженным обожанием. Поэтому я поторопилась поскорее произнести все обязательные в таком случае фразы и вскочила на подведенного коня, каблуками своих сапог понуждая его взять с места в галоп. Плащ взвихрился за плечами, закрывая от моих глаз Дархэм, столь же прекрасный, сколь и

негостеприимный. Каюсь, кажется, на сей раз я не очень удачно справилась с ролью Наследницы, призванной нести миру успокоение и всеобщую гармонию, а вместо этого взбудоражившую целый город. На душе осталось какое-то гадостное послевкусие – не то разочарование в самой себе, не то обида на свою коварную судьбу. Тьма, как же трудно играть роль живого воплощения древнего пророчества! Да, но разве мне обещали, что будет легко?

Соскучившиеся друзья старательно занимали меня беседой, спеша поделиться своими новостями и войти в курс моих приключений. Я же исподтишка рассматривала Эвридику, с беззаботным видом гарцующую на своем коне чуть в стороне от нас. Собираясь в дорогу, сестрица надела «верховое» платье из тяжелого янтарного шелка с разрезами спереди и по бокам, из ткани здешней выделки – наверное, самое свое роскошное; такие же шаровары и простой дорожный плащ с башлыком. Туго закрутила косу вокруг головы, проткнув ее насквозь костяными шпильками. Как говорится, готова и на людей посмотреть, и себя во всей красе показать. И ведь не поспоришь с ее очевидным самолюбованием, опять она была безупречно хороша: внешне – идеально-лучистый свет, а вот внутри... Но чему тут удивляться? На фоне общей серости ярче других выделяются именно темные личности!

Я же, как обычно, проявила великолепное презрение к моде, облачившись в бессменный мужской костюм, доставшийся мне от великого деда. Все мое имущество уместилось в одном ковровом мешке, включая сумку Лаллэдрина, тяжелую от наполняющих ее драгоценных камней, и фляжку с жизнью Овэлейна. Никаких иных ценностей я не приобрела, что несколько меня не волновало. Не беда, если в кармане пусто, зато я обогатилась духовно. А из-за мелочей плакать не стану, и так проживу...

Через час пути мы свернули с наезженной дороги и углубились в лесную чащу, следуя по едва заметной тропке. Нагретая Солом почва парила, нагоняя на нас лень и дремоту. И вот, чтобы не уснуть в седле, мы начали придумывать себе развлечения, наперебой изгаляясь в выдумках и фантазиях...

– А что такого замечательного содержится в этой пещере? – расспрашивала по-кошачьи любопытная Ребекка, едущая рядом с Лаллэдрином. Лайил выглядела превосходно, буквально излучая буйное жизнелюбие и здравую уверенность в себе, разительно контрастирующую с гипертрофированным эгоизмом принцессы. При этом воительница тоже не упускала возможности блеснуть своей внешностью, производя на окружающих неизгладимое впечатление, называемое ею «все на меня глаза так и пялят». Впрочем, сама Ребекка принимала это как должное, безоговорочно уверенная в том, что не бывает женщин с завышенной самооценкой. Просто бывают мужчины, которым такие женщины не по карману, не по силам и не по терпению...

– О, вы сами вскоре все увидите, – с благосклонной улыбкой ответил чародей, грациозно наклоняясь к своей обворожительной собеседнице и бравируя выправкой заправского наездника. – Все маги, желающие заглянуть в будущее, обязаны провести ночь в этой пещере, дабы увидеть вещее сновидение, навеянное Неназываемыми.

– И Йоне тоже придется там спать? Одной? – встрял нерешительный Беонир, недоверчиво морща нос. – Что-то мне становится нехорошо на душе при одной мысли о такой странной ночевке!

– Конечно, одной, а с кем же еще! – возмутилась Ребекка, раздраженно пихая его кулаком в бок. – Эй, ты на что это намекаешь?

– Мы останемся поблизости и дождемся ее возвращения, – пообещал Лаллэдрин, стремясь успокоить вечных спорщиков. – Если Наследнице угрожает какая-то опасность, мы разделим ее с нею. Все образуется. Ведь друг – это не тот, кто приходит, когда ему плохо, а тот, кто не уходит, когда плохо тебе.

– Альтруисты! – иронично хмыкнула Эвридика, неприязненно косясь на мага. – Запомните, глупцы: бескорыстно творить добрые дела вредно для здоровья! И утверждаю я это вовсе не потому, что такая алчная и злобная. Просто по личному опыту знаю – бесплатные услуги люди не ценят.

Я печально вздохнула, в чем-то безмолвно соглашаясь со второй частью ее фразы. Нет, мне, разумеется, ничего не нужно лично для себя... Точнее, почти ничего... Но вот интересно, почему, делая что-то для других, я взамен чаще всего получаю лишь новые тревоги и заботы?

– Дорогой, я тоже обещаю делить с тобой все твои тревоги и заботы, когда мы поженимся, – вкрадчиво промурлыкала Ребекка, прижимаясь к Беониру и умильно заглядывая ему в глаза.

– Но у меня нет сейчас никаких тревог и забот! – недоуменно пожал плечами наивный ниуэ.

– Она же говорит: когда вы поженитесь... – грубо хохотнула Эвридика, от нечего делать прислушивающаяся к их разговору. – Тогда они у тебя и появятся, дурень!

– Заткнись, неврастеничка остроухая! – сразу же взвилась вспыльчивая лайил. – Еще раз обзовешь моего жениха дураком – я тебе уши на ходу обрежу!

– Ты изъясняешься, как деревенщина! – чопорно улыбнулась эльфийка. – И что, спрашивается, он в тебе нашел?.. Я бы еще поняла, если бы он влюбился в какую-нибудь принцессу, но в неумытую девку с мечами... Точно дурак! – Она многозначительно усмехнулась прямо в лицо онемевшей от подобной наглости Ребекки и величественно отъехала в сторону, элегично обрывая листочки с ветвей деревьев, нависающих над нашей путевой тропинкой.

Источник их перепалки растерянно хлопал ресницами и благоразумно молчал, боясь попасть впросак.

– Много вас, принцесс, – пренебрежительно хмыкнула я. – На каждую оборачиваться – голова отвалится.

– А так навязчиво липнут к мужчинам только дурочки! – не оборачиваясь, парировала Эвридика.

– Тьма, ну почему, общаясь с этой заносчивой особой, я всегда ощущаю себя плевком, налипшим на скамейку? – мученически простонала лайил, левой рукой хватая себя за правую, так и тянущуюся к мечу.

– Потому, что ты грубая, драчливая деревенщина! – свысока уточнила эльфийка, ехидно посмеиваясь. – Что и требовалось доказать.

– А ты, значит, у нас само миролюбие? – начала язвительно допытываться Ребекка, тоже не собирающаяся сдавать позиции. Кажется, нас ожидала безрадостная перспектива очутиться свидетелями затяжной войны за титул «первой стервы».

– Да, я против насилия! – соизволила кивнуть принцесса. – Я за мгновенное тотальное уничтожение.

– Никогда не бойся сказать о своих чувствах, – вполголоса произнесла я, углубившись в собственные мысли и воспоминания. – Упустишь один раз такой момент – и жизнь, возможно, больше не даст тебе повторного шанса... – Я думала о том, что сначала из скромности не говорила Ардену о своих чувствах, а потом оказалось слишком поздно.

– Вот именно! – Ребекка одобрительно прищелкнула пальцами, сложила их в увесистый кукиш и торжествующе воззрилась на свою оппонентку. – А вот тебе, зазнайка, на-кася выкуси!

– Ну не знаю, не знаю, – с сомнением бормотала Эвридика, заметно впечатленная моими доводами. – Возможно... В будущем...

– Поживем – увидим! – усмехнулась я. – Доживем – узнаем, выживем – учтем!

– Ты опять права, Йона. Зуб даю! – Лайил издала характерный цыкающий звук.

– Можно подумать, твои гнилые зубы кому-то нужны, – презрительно рассмеялась принцесса.

Ребекка зашипела как рассерженная змея, а ее глаза злобно сузились.

Образовалась нехорошая пауза...

– Дети, не ссорьтесь! – Совсем позабытый нами чародей неожиданно вмешался в спор, тем самым положив ему безоговорочный и бесповоротный конец. – Ибо мы прибыли к

пещере Неназываемых!..

Мы восторженно взирали на высоченную серую скалу, преградившую нам путь. Оказалось, что, увлеченные изрядно затянувшейся перебранкой, мы совершенно ее не заметили, даже почти уткнувшись в скалу носами. Путеводная тропинка практически упиралась в шершавую стену, оканчиваясь площадкой, словно созданной для привала. Здесь имелось все необходимое для отдыха: и сложенный из камней очаг, и бьющий из скалы ключик, напоивший нас вкусной, но жутко холодной водой, от которой немел язык и нестерпимо ныли зубы.

– Вам это полезно, – иронично усмехнулся Лаллэдрин, потешаясь над нашими красноречивыми гримасами. – Болтать не будете!

А затем он объявил, что вскоре отправит нас на поиски пещеры Неназываемых, пообещав назвать нашедшего ее победителя самым везучим и остроглазым. В ответ на его слова Эвридика лишь презрительно фыркнула, демонстративно разлеглась на мягкой траве и смежила веки, наотрез отказавшись заниматься подобными глупостями.

– Удачи вам! – буркнула она, намекая на то, что ее помощь нам не грозит.

– Ага, так мы и поверили в твою искренность! – не менее мило отозвалась воительница, из-под ладони, сложенной козырьком, пытливно разглядывая горный объект, который нам предстояло исследовать. – Врунья.

– Я всегда вру, – не открывая глаз, спокойно парировала принцесса. – И это чистая правда.

Я равнодушно пожала плечами, ибо чего-то подобного и ожидала от сестрицы. Судьба нередко посылает нам людей, которые хороши лишь для получения жизненного опыта, но не для самой жизни. Впрочем, вступать в препирательства с принцессой я не собиралась. Бесполезно. И потом, самый лучший способ не испортить отношения – это вовсе обойтись без них.

– И не стыдно тебе так себя вести? – укорил принцессу чародей, споро распаковывающий наши походные сумки.

– И это говорит девушка с благородной кровью? – непритворно ужаснулся старательно помогающий ему Беонир.

– Голос разума, голос совести, голос крови... – небрежно отмахнулась закоренелая эгоистка. – Поди разбери что-нибудь в этом хоре!

Возмущенный хор из голосов Ребекки, Беонира и Лаллэдрина не заставил себя ждать, ничуть не смутив, впрочем, Эвридику.

– Это же какой надо быть сволочью, чтобы меня не любить? – громко расхохоталась она, после чего от нее отстали, попросту перестав замечать. Как говорится, все мы хорошие люди. Но не во всем, не всегда и не со всеми...

Измотанная жарой Мифрил погрузилась в образованное ручейком озерцо и комично прикрыла крыльями голову, имитируя беспробудный сон. Кажется, ее интересовали только естественные и здоровые сны, а отнюдь не насылаемые творцами вещи сновидения. Таким образом, компания поисковиков убавилась еще на одного участника.

Я нерешительно обшарила взглядом покатый скальный склон, производящий впечатление безупречно целостного и монолитного. На его поверхности не обнаруживалось ни единого отверстия или даже щели, хоть отдаленно смахивающей на вход в пещеру. Увы, тут не помогало даже мое магическое зрение...

Победителем в нашем необычном состязании стал Беонир, не поленившийся вскарабкаться по практически отвесной стене и с радостным улюлюканьем спустившийся вниз.

– Вы когда-нибудь видели, чтобы звезды находились так близко, что до них можно дотянуться рукой? – Юноша возник перед нами совершенно бесшумно, словно из ниоткуда, и с таинственным видом поманил за собой. – Идемте, я вам покажу.

Уподобившись горным козам, мы с Ребеккой перепрыгивали с камня на камень,

цеплялись за выбоины и обломки известняка, повисали на пальцах, ежеминутно рискуя сорваться и разбиться, но все-таки достигли указанного ниуэ места, обнаружив небольшую нору, почти незаметную, искусно замаскированную пластинами серого мха. Мы вошли внутрь пещеры и замерли на пороге – завороченные, почти околдованные красотой этого удивительного места...

Наша неразлучная троица изумленно оглядывала своды полукруглой пещеры, сияющие и искрящиеся так, словно их поверхность кто-то преднамеренно усыпал сотнями драгоценных камней. Ощущение было такое, будто небо внезапно спустилось прямо к нам на головы и окружило нас со всех сторон. Присмотревшись, мы поняли – потолок пещеры Неназываемых украшала замысловатая мозаика, повторяющая очертания небесных созвездий и созданная из множества кристаллов горного хрусталя, образующих сложный геометрический рисунок.

– Как прекрасно! – зачарованно прошептала я, пока мои друзья бродили по небольшой пещере, осторожно прикасаясь к непонятным вещцам, разложенным на прикрепленных к стенам полках. – Теперь я действительно верю в то, что мой сон станет самым чудесным на свете!

Рассудок подсказывал, что даже такое кратковременное пребывание в пещере Неназываемых вполне способно принести мне очередные проблемы, но отступить я не собиралась. Я поделилась с друзьями легкий ужин, приготовленный Лаллэдрином, а затем с благодарностью приняла поданное мне одеяло и вернулась в пещеру. Одиночество меня не страшило. Улегшись прямо на пол, я удобно завернулась в теплую толстую ткань. Устроилась с комфортом. Я мысленно рассмеялась, пеняя себе за такое сибаритство. Глупо это все, смешно, но в то же время и практично. А впрочем, почему бы и нет? Все, что делаешь, нужно делать хорошо, даже в том случае, если ты совершаешь явное безумство!

С такими мыслями я закрыла глаза и тут же погрузилась в крепкий сон, изрядно пугающий, но при этом и настолько же желанный.

Глава 2

Знаете, а ведь это очень странное ощущение – когда ты спишь и вместе с тем вполне осознаешь, что спишь. Я отчетливо понимала, что вижу сон, но в то же время я находилась на плывущей по небу глыбе льда, а напротив меня стояла высокая стройная женщина с длинными, почти до пят, черными волосами и пронзительными огненными глазами. Плечи красавицы прикрывал синий плащ чародейки, на ногах красовались золотые башмачки, а прическу венчала небольшая диадема.

– Сильвана? – неуверенно, одними губами произнесла я. – Сестра Джоэла Гордого?

– Да, меня звали так очень и очень давно, – дружелюбно кивнула женщина. – Что ты еще знаешь обо мне, девочка?

– Вы были главой гильдии Чародеев. И... – тут я замаялась, – любили короля Адсхорна Полуденного.

– Да... – В глазах волшебницы появилось мечтательное выражение. – Мой дорогой Ади проявил себя удивительным мужчиной, очень мягким и необычайно верным. Да, я любила его, а он любил меня. Столетия назад... Мы прошли через множество бед, но все-таки сумели остаться самими собой, хотя это оказалось весьма непросто. Тебе известно, почему ты очутилась здесь?

– Во сне я должна узнать, в чем заключается мое пятое испытание, и заглянуть в собственное будущее.

– Нет! – мягко качнула головой Сильвана, вернее, ее призрак. – Этот сон и есть твое испытание, Йохана. Просто досмотри его до конца, даже если устроишься или тебе станет неприятно. Помни, все, что ты видишь, – иллюзия, рожденная в твоей голове, а поэтому приходящие к тебе образы примут знакомые очертания. Но это только тени, миражи... Или не только! – Она хитро улыбнулась. – Сумей не спутать истину и обман. Сумей остаться

верной себе... Сумей...

Образ чародейки начал растворяться в воздухе.

– А как же будущее? – вскричала я. – Мое будущее! Я его узнаю?

– Его нет! – печально развела руками магичка.

Я невольно вздрогнула, безмерно удивленная ее признанием. Как это у меня нет будущего? Я что, умру?..

Сильвана растаяла в воздухе, а я обнаружила себя на главной площади Эррендера – столицы клана Полуденных эльфов, залитой яркими лучами полуденного Сола и украшенной клумбами с пионами. Почти все кусты почему-то потеряли свои лепестки, и земля вокруг была усыпана треугольными малиновыми лоскутками.

Посреди площади прямо на каменных плитах сидела принцесса Лорейна, вяло перебирающая струны мелодики, своей неизменной спутницы. Она выглядела совсем не такой, как раньше, и производила впечатление увядшего, поблекшего цветка. Сломленного и отцветшего. Я радостно поспешила к ней, но, не пробежав и пары шагов, замерла, осознав, что белые пряди в прическе эльфийки – это не какая-то новомодная декоративная краска. Это седые волосы! Принцесса даже не подняла головы, но обратилась ко мне с прежней открытой улыбкой, хотя и невыразимо грустной сейчас.

– Я так рада тебя видеть, Йона! – Голос Лорейны сорвался от некой внутренней слабости, но она все же договорила свое приветствие до конца.

– Что случилось, дорогая сестра? Ты такая печальная...

– Отец совсем одряхлел. Никого не узнает, только ругается. Скоро он уже не сможет сидеть на троне прямо. Вот почему я так тебе рада, – откровенно призналась эльфийка.

– Чем я могу ему помочь? – Меня безмерно потрясло известие о плохом самочувствии короля Адсхорна. Мои ноги подкосились, и я неловко шлепнулась рядом с принцессой.

– Это я во всем виновата! – мрачно сказала Лорейна. – Я всегда действовала ему на нервы, измывалась над ним. И теперь он уходит. А я не смогу его заменить... Йона, пойми, я не могу сесть на трон. Это не мое призвание, я этого недостойна.

– Но ты же принцесса... – растерянно пробормотала я.

– Ну и что? Я ведь не настоящая принцесса, а просто ветреная, своенравная девчонка. Я всю жизнь плевала на придворный этикет, мне на самом деле ничего, кроме Ульвина, не нужно в жизни. Меня интересует только он, а еще песни... Умоляю, помоги мне! – Лорейна просительно ухватила меня за рукав, а в ее серебристых глазах зажглись робкие огоньки надежды.

– Как? – не понимала я, успокаивающе поглаживая сестру по плечу.

– Стань нашей королевой! – пылко вскричала Лорейна. – Ты сильная и умная, ты единственная достойна трона. Ты такая добрая, честная, великодушная, и у тебя есть крылья. Ты ведь изначально являешься символом возрождения моего... нет, нашего общего народа. Прошу тебя, Йона, стань королевой Эррендера!

– Лорейна, я не могу! – твердо отказалась я. – Я не хочу и не могу. К тому же я не умею править.

– Можешь! Это твоя вечная неуверенность в себе мешает тебе признать очевидное. Глубоко вдохни, соберись с силами – и у тебя все получится, – продолжала убеждать принцесса.

– Прости, Лорейна, милая, но я не могу принять твое предложение. И дело тут вовсе не в неуверенности, поверь. На самом деле я просто девочка, мечтающая дать счастье не одному отдельному народу, а всему Лаганахару. Я не могу бросить на произвол судьбы других людей, тоже нуждающихся в помощи. Я могу быть символом, но никак не правителем. Мне еще нужно многому научиться! Твои подданные знают и любят тебя, они помогут тебе. И Ульвин поможет, ведь он такой умный. У тебя все получится, Лорейна, я в это верю. А я еще столько должна узнать в этой жизни, меня ждут непроеденные испытания! Прости, родная, если можешь. Но власть и почести мне не нужны, как не нужна и корона...

– Хорошо сказано, чародейка! – внезапно воскликнула Лорейна голосом Сильваны и

растворилась в воздухе.

Я не успела и глазом моргнуть, как вдруг очутилась в самом центре Пустоши у засыпанного песком фонтана, на бортике которого сидела Атта – хайдари, жрица богини Банрах. Ее запущенный вид сильно меня поразил – она сильно похудела, одеяние мешком болталось на костлявом теле, но даже сквозь покрывало, закрывающее лицо девушки, я заметила, что ее глаза полыхают пламенем негодования.

– Ты пришла вовремя. Час расплаты близок! – Голос Атты напоминал карканье вороны: громкий и хриплый, он разносился по всему двору.

– Час? Какой час?

– Час нашей свободы! Пришла пора освободиться! Мы не хотим больше влечить жалкое существование песчаных червей!

– Очень рада за вас... – осторожно отозвалась я, не спеша выражать более конкретную реакцию.

– Идем со мной! – Схватив меня за руку, несостоявшаяся чародейка почти побежала к потайной лестнице, ведущей вниз. Я вынужденно последовала за ней, немного испугавшись полоумного блеска ее глаз.

В мгновение ока мы оказались в уже знакомом мне месте – в том самом коридоре, в который не так давно угодили я и Ребекка, провалившись туда из наполненного песком фонтана. В отличие от прошлого раза сегодня тишину помещения нарушал шум множества торопливых шагов, но никого не было видно. Почто бегом мы преодолели коридор и попали в зал с колоннами – зал Раздумий. В ближайшем к нам кресле сидела неподвижная, словно статуя, жрица Сатари, прежде носившая имя Шалкааш. Сделав шаг вперед, я тут же поняла причину ее неподвижности: женщину крепко привязали к спинке, а кроме того, руки и ноги жрицы тоже обвивала прочная бечевка.

– Она единственное, что не дает нам сделать последний шаг вверх! – эмоционально выкрикнула Атта, и меня испугала ярость, прозвучавшая в ее красивом голосе. – Она причина и источник всех наших бед. Она заманивала нас сюда, обманывала, издевалась над нами, принуждая служить ненавистному песку. Она лишила нас свободы. Помогите нам избавиться от нее!

– Избавиться? – едва не отшатнулась я. – Но каким же образом?

– Самым беспощадным! – кровожадно расхохоталась Атта. – Она никому не должна рассказать о нас. Сделай ее немой и слепой! Выжги ей глаза и вырви язык! Твои магические возможности сильнее ее власти. Так надо! Освободи нас и уничтожь Шалкааш, дабы она не предала и не поработила нас снова.

– И как у тебя только язык поворачивается говорить такое, Атта? – В моей душе всколыхнулось жгучее возмущение. – Жизнь – это самое дорогое, что у нас есть. Сатари была вашей сестрой столько лет, делила с вами пищу и кров, беды и радости. Если она не хочет идти с вами, то просто дайте ей шанс найти свой путь. Каждый, даже самый закоренелый и нераскаявшийся злодей, заслуживает того, чтобы ему подарили шанс обрести собственное счастье!

– Хорошо сказано, чародейка! – благодарно произнесла Сатари голосом Сильваны. С легкостью разорвав стягивающие ее путы, она поднялась из кресла и начала медленно исчезать, тая, как туман поутру...

Внезапно я обнаружила себя в комнате Ребекки и увидела, что в ее любимом кресле-качалке тихонько раскачивается совершенно незнакомый мне очень красивый мужчина. Я воспитанно присела на краешек кровати и пристально всмотрелась в его лицо. В этот момент мужчина открыл глаза, и я тут же вспомнила эти черты, так часто мною виденные: огненно-рыжие волосы, миндалевидные зеленые глаза, точеный нос и изящный подбородок... Вспомнила даже легкую, чуть ироничную улыбку, появившуюся на губах. Ведь все это было таким привычным, таким родным...

– Узнала? – спросил мужчина молодо и задорно.

– Финн? Ой, извините. Вы лэрд Финдельберг Законник?

– Да, – лукаво подмигнул он. – А ты Йохана, верно? Вот только почему ты такая маленькая? Сколько тебе лет? Тринадцать? – Его добрая улыбка внезапно превратилась в издевательскую ухмылку, обнажая острые клыки лайил.

– Думаю, что семнадцать! – уверенно, с чувством собственного достоинства заявила я.

– Всего лишь? Ах ты недомерок ушастый! – грубо расхохотался он, сразу утрачивая сходство с человеком. Сейчас он открыто явил мне свою звериную натуру, выставя напоказ худшие черты своего племени: язвительность, жестокость, коварство. – Теперь понятно, почему моя внучка вынуждена постоянно с тобой нянчиться.

– Ребекка со мной не нянчится! – горячо и искренне запротестовала я. – Она моя ближайшая подруга!

– Ха, ну конечно, тебя вполне устраивает такая дружба! – Финн презрительно скривил губы. – Ты ведь абсолютно бесплатно получила ее защиту и покровительство. Благородная воительница опекает хилую девчонку-урода, паразитирующую на ее великодушии. Кто подобрал тебя, когда ты подыхала с голоду? Кто накормил тебя, успокоил и сопроводил в подземелье? Кто позаботился о еде, картах и привязи для этого вашего блохастого спутника? Кто?..

– Прекратите! – крикнула я, глотая слезы обиды. – Как вы можете судить обо мне вот так однобоко?

– Однобоко? Но ведь все, что я сказал, – правда, – вкрадчиво шепнул хитроумный лайил. – Разве нет?

– Да... – Я смутилась и виновато опустила голову.

«Конечно, – с раскаянием думала я, – Финдельберг все перечислил верно, упустив еще очень много значимых моментов. Но неужели я для Ребекки только обуза? Тогда почему отважная воительница вообще отправилась со мной в это путешествие? Почему не выставила за порог, как только я пришла в себя? Нет, ее дед не прав. Нельзя судить вот так, это несправедливо. Да, я готова признать, что физически изрядно уступаю своей подруге, не умею обращаться с оружием и ростом тоже не вышла. Но это же не все... Есть что-то большее!...»

– Моя внучка из кожи вон лезет, заботясь о тебе, а что ты можешь дать ей взамен? – Финн унижал меня целенаправленно и размеренно, будто вбивал последние гвозди в крышку заранее приготовленного гроба.

И все же он не учел моего настырного характера.

– Свою любовь! – Я отважно подняла глаза и встретила с ним взглядом, честным и открытым. – Ребекка – моя подруга, и я никогда не сумею отблагодарить ее за все то добро, которое она для меня сделала. Но я всегда буду ее любить. Я буду рядом, если ей понадобится моя помощь. Да если придется, я жизнь за нее отдам! Это и называется дружбой, чтобы вы знали!

– Хорошо сказано, чародейка! – одобрительно рассмеялся призрак Финна голосом Сильваны и начал таять вместе со своим креслом.

Я со всхлипом вздохнула, ощущая струящийся по вискам пот. Эти странные испытания довели меня почти до смерти, выматывая нервы и вынимая из меня душу. Я понимала, все это происходит во сне, а не наяву, но вместе с тем устала сильнее, чем после поединка с крысокошками, и испереживалась больше, чем убивая гхалию, завладевшую обликом королевы Эвники. Я так хотела проснуться, но, к сожалению, не могла этого сделать... Я боялась, что призраки сведут меня с ума, ведь я недостаточно добра, справедлива и умна, для того чтобы суметь правильно ответить на их вопросы. Тогда я еще не знала главного: если у человека достаточно ума, то ему довольно часто приходит в голову мысль, что ума-то у него как раз и маловато!

Комната закружилась в серебристом вихре и тоже стала неуловимо меняться. Вскоре выяснилось, что теперь я сижу отнюдь не в скромном домике Ребекки, а удобно расположилась в мягком кресле, установленном в центре богато убранного зала. Ярko пылал

огонь в зеве мраморного камина, на столе, покрытом бархатной скатертью, стояли зажженные свечи в подсвечниках и лежала толстая книга, открытая ровно посередине. Кажется, ее читали еще минуту назад... Но кому же принадлежат эти покои? Оглядевшись, я нашла и самого хозяина комнаты. Он находился в дальнем углу – рылся в сундуке, вынимая из него какие-то туго свернутые свитки. Его плечи стали шире, лицо посерьезнело, а ранее непослушные локоны лежали красивой волной. Но все-таки я без труда опознала в нем прежнего Джайлза, правда заметно остепенившегося и повзрослевшего. Когда он выпрямился и посмотрел на меня, его взгляд был полон немого укора.

– С кем же ты связалась, мой любознательный эльф?! Кто бы мог подумать! Якшаешься с оборотнями из подземелий... С оборотнями, которые воют на Уну, крадут наших детей и высасывают из них жизнь! И как в твою светлую головку взбрела подобная глупость?

– Это лишь сказки, мой милый друг! – озорно захихикала я. – Ниуэ совсем не такие – они не крадут детей.

– Ничего-то ты не знаешь, несмышленная девица! – мягко пожурил меня Джайлз, усаживаясь в кресло рядом. – Мне скоро стукнет девяносто, я немного отяжелел, потерял два зуба и мое зрение начинает ослабевать, но я пока еще не выжил из ума. Память у меня и сейчас остается хорошей... Ясно вижу перед собой лицо своей первой наставницы, сьерры Шианас. Она говорила мне: «Проклятый оборотень Беовульф сумел втереться в доверие к королю Арциссу и уговорил привести подлых ниуэ в Блентайр, но это отнюдь не изменило сути их проклятого племени. Ты будешь расти, Джайлз, но и власть ниуэ будет крепнуть с каждым днем. Ох в недобрый день высший эльфийский совет разрешил им жить в нашем городе! Но запомни, воспитанник: Белые псы так и остались оборотнями, они ненасытны и жестоки, им нет дела до человеческой жизни. А еще они способны заражать людей неведомой болезнью, от которой мы превращаемся в существ, подобных им. Когда-то в молодости у меня была сестра-близнец – красивая, как первые весенние цветы, и нежная, как дуновение ветра. Мы собирались не расставаться всю жизнь, но однажды утром она не вышла из дома мне навстречу. Ее спальня оказалась пуста... Многие недели мы искали ее, а потом... Потом она вернулась, но глаза ее горели незнакомым красным огнем, платье оказалось порвано, а меж ярко-алых губ блестели два клыка. Она хохотала как безумная и говорила, что только теперь стала счастливой...»

Чародей немного помолчал, дожидаясь, пока его рассказ уложится в моем потрясенном сознании, и продолжил:

– Шианас еще добавила: «Наш отец собственноручно всадил кол в ее сердце и отрубил ей голову. Мы пытались найти того, кто сотворил такое зло с моей сестрой, но не сумели. Мы лишь знаем, что это совершил ниуэ»... Девочка моя! – воскликнул Джайлз. – Беги от своего спутника, спасайся, пока не поздно!

– Нет, теперь я тем более никуда не уйду от Беонира! – выпалила я, вспомнив, как юноша собирался умереть, только бы не укусить меня, и украдкой вытерла рукавом выступившие на глазах слезы. – Изгнание делает всех жестокими и отчаянными. Разве ты сам этого не помнишь? Белых псов боялись, на них охотились, вынуждая скрываться в холодных подземельях. Может ли в таких условиях появиться дружба и сострадание? Нет. Ты говоришь, что они остались прежними. Тогда мы должны навечно встать рядом с ними, чтобы они смогли увидеть разницу между злостью и радушием. Если же мы отвернемся, то тем самым нанесем ниуэ подлый удар в спину. Поэтому нужно протянуть им руку помощи и прощения. Чтобы показать, что в мире существует доброта. И никогда не отвечать злом на зло!

– Хорошо сказано, чародейка! – вскричал Джайлз голосом Сильваны, и пламя из очага взметнулось ввысь, поглотив фигуру чародея.

Запах свежей травы и луговых цветов так резко взбудоражил мое обоняние, что у меня на секунду закружилась голова. Я провела рукой по глазам и увидела, что сижу на берегу

реки Алларики, а подле меня суетливо возится моя приютская подруга Пиолина, перебирая пучки сушеных кореньев.

Я оглядела подругу тем заботливым взглядом, каким оглядывала меня в прошлые годы сама Пиолина. Светлые волосы подруги, связанные в хвост, уже не сияли прежним золотом, они потускнели и посекелись на концах, одежда болталась, точно не подходила ей по размеру, а руки были покрыты синяками и мозолями. Но карие глаза горели прежним горячим огнем ее безгрешной души, а доброта так и лилась сквозь них на меня, замершую от радостной встречи. Только сейчас я поняла, как сильно скучала по своей подруге, когда-то ласково называвшей меня «солнышком».

– Я очень рада тебя снова видеть! – воскликнула я и раскрыла объятия, но Пиолина, грустно улыбнувшись, поспешно отстранилась от них.

– И я тебя рада видеть, эльфиечка. Только не нужно меня обнимать...

– Но почему? – огорчилась я, совсем не понимая причины отчуждения. – Ведь раньше мы частенько делили на двоих одну краюшку хлеба и спали в общей постели. А сейчас я стала тебе неприятной?

– Ну что ты такое говоришь! – с неподдельным возмущением откликнулась ученица гильдии Целителей. – Как ты можешь быть мне неприятна? Ты же моя подруга.

– Но тогда почему? – недоумевала я.

– Потому, что теперь мы уже не те, кем считались и назывались раньше. Мы уже не воспитанницы одного приюта. Ты настоящая чародейка, а Звезда твоей души уже почти наполнилась знаниями и энергией. А кто такая я? Полунищая лекарка, живущая в дырявом домишке, продуваемом всеми ветрами, мои руки в мозолях, а одежда покрыта слоем пыли. Униженная и бесправная. Я никто, даже меньше, чем никто...

– Но это же не повод! – возмутилась я.

– Ты так думаешь? – беззлобно усмехнулась Пиолина. – Разве ты не испытываешь при виде меня жалость и отвращение? Разве ты не чувствуешь себя неизмеримо выше меня?

– Нет! – протестующе выкрикнула я и, не обращая внимания на произнесенные подругой слова, бросилась ей на шею. – Когда-то я считала, что сама недостойна стать даже метельщиком. Мы обе еще дети, и нам предстоит многое познать, ведь жизнь только начинается. Но, даже став сильнейшей из чародеек, я буду продолжать обнимать тебя при встрече! И знаешь, почему? Потому что я горжусь тем, что ты моя подруга!

– Хорошо сказано, чародейка! – звонко рассмеялась Пиолина голосом Сильваны и, благодарно коснувшись губами моей щеки, начала медленно исчезать.

Однако Алларика продолжала все так же величаво катить свои бурные воды, даже и не думая сменяться чем-то другим. Заслышав шаги за спиной, я торопливо вскочила и неожиданно оказалась лицом к лицу с Арденом...

В приюте я нередко сталкивалась с ним точно таким же образом: случайно, мимоходом, в коридорах, и каждый раз при встрече мною овладевала странная робость... А он смотрел на меня загадочно, словно ожидал чего-то, но потом, разочарованно усмехнувшись, бросал колкое слово, неизменно ввергающее меня в ступор. Признаюсь, за истекшие годы я ни разу не сумела достойно ответить на его насмешки. И вовсе не потому, что язык проглатывала. Стыдно сознаться, но мой влюбленный мозг реагировал на его нападки непростительно вяло, очень замедленно, и, пока Арден следил за мной своими бездонными темными глазами, я молчала... Просто потому, что нужные слова никак не приходили на ум.

Сначала я искренне верила, что ненавижу Ардена за его вечные издевки, придирки и грубые шутки. Он был... Ну да, он был таким необычным, так сильно выделялся из общей толпы наших неотесанных, примитивно мыслящих мальчишек... Я невольно концентрировала на нем внимание, одновременно и восхищаясь им, и негодуя на его выходки. Не помню точно, когда моя ненависть ушла в небытие, сменившись сладкой истомой, охватывающей меня при виде его высокой стройной фигуры, гордо шествующей по полутемным дворовым переходам. А он, чего ждал от меня сам Арден? Теперь я уже не

сомневаюсь, что он не решился первым открыть мне свои чувства, маскируя их банальным юношеским нахальством. Но его глаза, его вечно готовые к улыбке губы, его слишком частые взгляды в мою сторону выдавали юношу с головой. Нет, он никогда меня не ненавидел, он меня... Как жаль, что в те времена мы еще не знали: ненависть намного слабее любви, но настоящая любовь встречается в тысячи раз реже, чем настоящая ненависть. Поэтому, встретив свою настоящую любовь, мы не всегда способны вовремя ее рассмотреть, понять и удержать...

Вот и теперь ничего не изменилось – молча мы рассматривали друг друга, и я отметила про себя, что Арден весьма изменился за эти несколько месяцев. Его глаза светились какой-то новой, грустной мудростью, а прежняя детская мягкость черт совершенно исчезла с лица, что делало Ардена совсем взрослым. Теперь передо мной стоял не мальчик, но мужчина – спокойный, уравновешенный, полностью уверенный в себе. И давнишней показной бравады в нем тоже не осталось, она стала ему не нужна. Внутренним чутьем я осознала, что и в душе молодого человека произошли столь же сильные перемены, вот только не могла догадаться, какие именно.

Когда любимый заговорил, я чуть рот не раскрыла от неожиданности его слов.

– Почему ты молчишь? Я тебе противен? – глуховато спросил Арден, пристально вглядываясь мне в глаза.

Но я безмолвствовала, онемев от пережитого потрясения.

– Ты меня забыла? – допытывался он.

«Не так-то просто забыть мужчину, с которым у тебя ничего не было!» – промелькнуло у меня в голове.

– Понимаю, я всегда вызывал у тебя лишь отвращение! – печально подытожил мой любимый.

– Нет, что ты... – неуверенно и абсолютно невпопад пролепетала я просто потому, что ничего более конкретного не пришло мне в голову. – Я... Ты иногда вел себя так агрессивно...

– Так ты меня боишься? – виновато нахмурился Арден.

– Не знаю... – Способность логически мыслить и связно выражать мысли возвращалась ко мне до обидного медленно. – А должна?

– Нет! – Он отрицательно покачал головой. – Ты скоро станешь сильнейшей чародейкой нашего мира. А чародеи не боятся никого. И еще они очень одиноки, ты знаешь об этом, Йона?

– Одиноки? – Я изумленно расширила глаза.

– Да. Они никогда не заводят семью, это запрещено, дабы не отвлекаться от занятий магией. А если ты станешь главой гильдии...

– Ну... – Я вновь смутилась, ибо с трудом припоминала, чтобы Арден обсуждал со мной раньше что-либо подобное. Вернее, он вообще почти не разговаривал со мной все эти годы, проведенные нами в сиротском приюте. – Я и не намереваюсь становиться главой...

– Будешь сидеть плести интриги и заговоры, как паучиха Кларисса? – перебил меня Арден, проигнорировав мою последнюю фразу. – Одна, прекрасная и холодная, в высокой башне? – Он неожиданно очутился у меня за спиной и положил руки мне на плечи.

Мне показалось, будто в меня ударила молния. Его руки, такие тяжелые и легкие одновременно... Его горячее дыхание, благоухающее сандалом, шевелит волоски на моем затылке... Я в экстазе закрыла глаза и представила: вот сейчас он наклонится с высоты своего роста и поцелует меня в шею! Сейчас я почувствую тепло его губ, плотно прижимающихся к моей пылающей, как в пожаре, коже... А между тем вкрадчивый голос Ардена, чем-то напоминающий мурлыканье, лился в мое левое ухо со странной силой, от которой у меня начали подгибаться колени:

– Разве это жизнь? Не слишком ли велика цена за обладание магией? Ведь твое сердце никогда не познает любви...

От последних слов меня резко бросило в озноб. Я мгновенно протрезвела,

освобождаясь от липких тенет гибельного наваждения. Я почти с сожалением выскользнула из его рук и снова встретилась с юношей взглядом. Меня поразило, с какой болью и страхом он ждал моего ответа.

– И это говоришь ты? – неподдельно ужаснулась я. – Мужчина, играющий девичьими сердцами так же увлеченно, как кошка играет клубком ниток? Размотал, запутал один клубок – и тут же принялся за другой...

– Ты все поняла неверно! – мучительно застонал он, хватаясь за грудь так стремительно, словно пытался удержать разрывающееся от боли сердце. – Я делал это назло тебе, стремясь привлечь твое внимание, заставить тебя ревновать... Я так тебя желал! Но ты... Ты всегда ускользала от меня, как вода сквозь пальцы!

– Да ну? – не поверила я. – Может, для разнообразия мне стоит поискать человека, который хочет не только меня иметь, но и сохранить?

– Тогда испытай меня! – пылко вскричал Арден, открывая мне свои объятия, от которых я уклонилась с лукавой улыбкой. – Проверь силу и искренность моих чувств к тебе, любимая! Я сделаю тебя счастливой, клянусь!

– Если счастье до сих пор не пришло, значит, оно огромное и идет маленькими шажками! – поддразнивающе смеялась я.

– И как заставить его двигаться быстрее? – наивно спросил он.

– Я скоро вернусь! – пообещала я. – И тогда я буду готова ответить на твой вопрос. Дождись меня, хорошо? Любовь можно проверить лишь правдой, как мечом: быстро, но больно!

– Хорошо сказано, чародейка! – печально промолвил Арден голосом Сильваны и пропал из виду.

Я разочарованно моргнула, а когда открыла глаза, то обнаружила, что нахожусь в «Приюте странников», в той самой крохотной спаленке, где меня не так давно заперли две поддельные охотницы. Только на сей раз я оказалась здесь не одна: у окна, спиной ко мне, стояла Лаэгра, никак не замаскировавшая свой истинный омерзительный облик. Я негодуяюще вскрикнула и попыталась схватиться за рукоять Льда, но меч опять отсутствовал. Я сердито скрипнула зубами, досадуя на собственную незащищенность.

Гхалия помедлила еще мгновение и только потом повернулась ко мне лицом.

– Бог Шарро многое скрыл от тебя, девочка! – сочувственно сообщила она.

– Что именно? Почему? – оторопела я, ожидающая от ненавистной врагини чего угодно, только не таких невинных слов и благосклонной, располагающей к доверительной беседе интонации.

– По многим причинам. Чтобы не расстраивать. Чтобы не пугать. И... – тварь выдержала эффектную паузу, – чтобы не лишать тебя надежды.

– Какой надежды? – совсем запуталась я.

– Надежды на понимание. Надежды на будущее. Ты ведь никому не нужна ни в Блентайре, ни в Эррендире, ни в Дархэме. Тебя там не ждут и не ценят. Ты не нужна и гильдии Чародеев. Ты отверженная, безродная полукровка, не сумевшая найти себе дом. Иди к богине Банрах, Йона, ибо там твой единственный приют и прибежище! Не возвращайся в Блентайр, девочка, не ищи себе новых несчастий.

На краткий миг этой хитрой твари все-таки удалось смутить мое душевное спокойствие. Я подумала: «А ведь Лаэгра права!» Но вдруг в моей памяти всплыло предупреждение Сильваны: «Сумей не спутать истину и обман», – и моя решимость идти до конца только окрепла. Это мое испытание, и я пройду его полностью.

– Спасибо за заботу, Лаэгра, – поблагодарила я. – Я учту твоё предостережение.

– Так ты не пойдешь туда? – пытливо настаивала гхалия.

– Я должна попытаться. – Как ни странно, мне очень сильно захотелось улыбнуться, и я сделала это. – Это мой единственный шанс завершить давно начатые события и найти ответы на все вопросы. А посему я непременно вернусь в Блентайр и встречу с верховной

чародейкой.

– Она тебя убьет, – безразличным тоном предупредила Лаэгра.

– За что? – Мне не хотелось верить гхалии, хотя в глубине души я понимала, что сейчас она меня не обманывает.

– Дабы выжить самой, – предельно откровенно пояснила кровопийца. – В мире не существует повода веселее.

– Зато я буду знать, что хотя бы попыталась вдохнуть благоразумие в ее очерствевшее сердце. Но я почему-то не верю в безнадежность сьерры Клариссы. Я еще надеюсь на победу доброты и света! И я еще поборюсь за их победу.

– Хорошо сказано, чародейка! – провозгласила Лаэгра голосом Сильваны, взмахнула рукой, и меня накрыла темнота...

Поняв, что тьма не собирается рассеиваться, я попыталась разглядеть, что находится вокруг... И впервые за все время испытания по-настоящему затрепетала от страха, поняв, что нахожусь нигде, ибо зависла в пустоте. Я невесомо парила в черном ночном небе, а позади и впереди меня переливались и светились крохотные огоньки звезд, совершенно безучастные к моей судьбе. Отныне я принадлежала вечности. Той, которой так страшилась...

– Звезда среди звезд! – Чей-то мелодичный голос вывел меня из задумчиво-созерцательного состояния. – Я не сомневался, что наша новая встреча произойдет именно в такой обстановке.

Конечно, я сразу же узнала неповторимый тембр и, стремительно обернувшись, увидела сьерра Никто. А вернее, бога Шарро, секрет которого я раскрыла уже давно. Мой пресветлый покровитель сидел на скамье, парящей в пустоте. Он радушно похлопал по деревянной доске, приглашая меня занять место возле него. Недолго думая я подчинилась. Его капюшон был откинут на плечи, а поэтому я хорошо видела белое пятно, заменяющее богу контуры лица. Я немного пофантазировала, представляя себе суровые и немного усталые мужские черты, приличествующие такому всесильному существу, не обделяющему меня своей милостью...

– Не такой уж я и всесильный! – иронично усмехнулся Шарро, угадав мои мысли. – И не так уж много я тебе помог.

– А почему у вас нет лица? – несколько невежливо поинтересовалась я, задав богу давно мучающий меня вопрос.

– В мире, где обман выдается за правду, а белое подменено черным, доброта обезличивается, – с сожалением ответил Шарро. – Когда людей перестает интересовать доброта, она отступает в тень и погружается в сон.

– Но разве ее не следует пробудить и вернуть в наш мир? – пылко вскричала я, и мой голос сорвался от волнения. – Разве мир не достоин лучшего?

– Ты так и осталась неисправимой идеалисткой! – восхитился пресветлый бог, отечески поглаживая меня по плечу. – Я горжусь тобой, моя дорогая девочка. Ты сумела доказать, что в нашем беспощадном мире еще не перевелись романтики и альтруисты, способные бескорыстно творить добро. И более того, я понял, что мир держится именно на таких людях. А значит, пока жив хотя бы один романтик, добро всегда имеет шанс победить зло! И если добро вернется в Лаганахар, я снова обрету свое утраченное лицо.

– А любовь? – с трепетом спросила я. – Как быть с ней?

– О!.. Настоящая любовь тоже начинается там, где за нее ничего не ждут взамен.

– А жизнь? – еще более взволнованно продолжила я.

– Жизнь? – Шарро немного отодвинулся и, казалось, заглянул мне в самую душу своими несуществующими глазами. – Так ли ты ею дорожишь, девочка?

– Не знаю, – неуверенно пожала я плечами. – Наверное, не очень, ибо жизнь – это не те дни, что прошли, а те – которые запомнились!

Бог молчал, но, клянусь, я узрела одобрительную улыбку, раздвинувшую его невидимые губы.

– Ты готова отдать жизнь ради торжества добра и любви? – Он задал тот вопрос,

который я и ожидала.

Не тратя слов попусту, я красноречиво кивнула – коротко, но уверенно.

– Возможно, тебе еще предстоит это сделать, – будничным тоном сообщил Шарро. – Готовься!

Мы немного посидели молча, ведь все вопросы были уже озвучены. Ну почти все...

– А почему мне явилась именно Сильвана? – спохватилась я.

– Ты упокоила ее останки и нашла слезы Эврелики, – начал перечислять Шарро, загибая пальцы для наглядности. – Вот она и захотела помочь тебе, одновременно с этим искупая свою вину перед Неназываемыми. Потом, вы с ней как-никак родня. И последнее – она тоже была влюблена.

– Ясно, – задумчиво протянула я. – Ну и к чему это все? У меня ведь чуть разрыв сердца не случился!

– Понравилось? – тихонько и проказливо рассмеялся он. – Ты прошла испытание гордыней, милосердием, справедливостью, дружбой и любовью, выдержав их с честью. Но это еще не все.

– А что приготовили для меня вы? – насторожилась я.

– Я не стану тебя испытывать, девочка, – отрицательно помотал головой Шарро. – Дальнейшие твои проверки проведет сама судьба. И она решит, какой награды или кары ты достойна. Мне лишь выпала честь сказать тебе несколько прощальных слов. За эту ночь ты рассказала нашему миру много интересного о самой себе. Ты раскрыла все свои убеждения, свои принципы. Важно, чтобы ты и наяву не отказывалась от своих идеалов во имя, казалось бы, благородных целей. Это самообман. Цель никогда не оправдывает средства, запомни.

– Никогда? – немного некстати повторила я.

– Никогда! – назидательно подтвердил он. – Впрочем, ты скоро сама в этом убедишься. Ты слишком доверчива и поэтому часто становишься заложницей своих благих намерений. Но это не твоя вина, это твое достоинство – умение доверять людям. Запомнила? Твоя доброта – вот твоя сила, Йона. Впрочем, разве не об этом ты говорила своему дяде, Адсхорну Полуденному? Вот и я в свою очередь извещаю тебя: ты прошла это испытание и получила взамен то, что нельзя измерить или потрогать руками. Ты получила саму себя, теперь этот сон сможет защитить тебя от бед, когда искушение окажется слишком близко... Прощай!

С этими словами он резко выкинул руку вперед, словно намечая мой будущий маршрут, я дернулась в сторону, чтобы уклониться от нее... и проснулась.

Я открыла глаза. Дневной свет беспрепятственно проникал во входное отверстие пещеры, красиво подсвечивая кристаллы, облицовывающие свод. Несколько минут я просто лежала, наслаждаясь тишиной и спокойствием, бездумно скользя взглядом по хрустальной мозаике. На душе было светло и отрадно, а на сердце – легко, потому что теперь я точно знала, чего хочу от жизни. Мало спасти Лаганахар от гибели, я хочу возродить его бывшее величие и научить его обитателей снова жить по законам доброты. Я обязательно сделаю их счастливыми. Всех. Не какой-то отдельно взятый народ, а всех без исключения: людей, драконов, эльфов, лайил, ниуэ. Всех! Что же касается моего личного счастья, то... Я многозначительно хмыкнула. Мне не привыкать к несчастьям, я их уже досыта нахлебалась! Следует признать мои несчастья уже давно вошли в привычку, слившись в сплошную полосу. Говорят, будто черная полоса – расплата за прежние счастливые дни... Да забери меня Тьма, где же я столько счастья успела отхватить?!..

Странно... Я прищурилась, пытливо всматриваясь в хрустальную мозаику на потолке пещеры. И как я раньше не заметила, что кристаллы выложены в определенном порядке, образуя буквы и строки?.. Впрочем, ничего удивительного: в вечернее время свет проникает в пещеру совсем под другим углом, создавая иную оптическую иллюзию. Запинаясь и сбиваясь, я прочитала вслух:

Кто проявил достаточное рвение
И в доброте поклялся на крови,
Получит Флейту Вечного Забвения
Здесь, на границе Огненной земли.

Не остановится пред мертвою водою,
Что холодна, безжизненна, красна,
Поборется с коварною судьбою,
Неназываемых пробудит ото сна...

Вот это да! Меня даже подбросило. Я вскочила на ноги и лихорадочно зашарила по прикрепленным к стене полкам. Ничегошеньки непонятно, но очень интересно! Что это за Флейта Вечного Забвения и какое отношение она имеет к пробуждению Неназываемых? Где искать мертвую воду и как далеко отсюда пролегает граница Огненной земли?..

Пальцы внезапно наткнулись на нечто небольшое, тонкое, продолговатое, и по моему телу прокатилась волна неконтролируемой дрожи... Я осторожно сняла с полки найденный мною предмет. Им оказался прямоугольный футляр, сделанный из отлично отполированного красного дерева. Я раскрыла коробочку... На подкладке из шелка покоилась самая обыкновенная тростниковая флейта, старая, немного потрескавшаяся, с отколотым краем. Опасаясь уронить и сломать бесценный артефакт, я вынула его из футляра и поднесла к губам... Нет, не стоит попусту испытывать судьбу! Я благоговейно убрала флейту обратно и опустила коробочку в карман камзола. Если мне и доведется на ней сыграть, то это произойдет не здесь и не сейчас. Это произойдет в Серой долине!

Я аккуратно свернула одеяло и неторопливо покинула пещеру. Немного постояла, позволяя глазам привыкнуть к яркому наружному свету... и изумленно ахнула. Прижавшись спиной к каменной поверхности скалы, я медленно сползла вниз и уселась на корточки, до глубины души потрясенная увиденным.

Передо мной предстала поистине идиллическая картина. На площадке перед скалой возвышались три шалаша из еловых веток, в котелке над костром лениво булькало ароматное варево, а на растянутых между деревьями веревках сушилась свежевystиранная одежда. Я потерла веки, не желая верить собственным глазам. Они что, отгрохали этот лагерь за одну ночь?.. Или тут не обошлось без магии Лаллэдрина?

На площадку чинно ступила Ребекка, с важным видом неся свою охотничью добычу – пару упитанных зайцев. Ее сопровождал Беонир: он тащил что-то тяжелое, завернутое в мешковину. Я изумленно уставилась на значительно отросшие волосы ниуэ, кокетливо перетянутые кожаным ремешком. Оба они вели себя так непосредственно, будто находились в родном доме, давно и основательно обжитом. Из крайнего шалаша высунулась рука чародея, уверенно ухватила за опущенную в котелок поварешку и отработанным жестом помешала булькающую над огнем похлебку...

Я сдавленно охнула, почти рассерженная непринужденным поведением своих друзей. Я там, понимаешь ли, беседовала с богом и призраками, получила сильнейшую эмоциональную встряску, нашла древний артефакт... А они тут расслабляются и отдыхают по полной программе! Я совсем уже собиралась обидеться, как вдруг стоящий в зените Сол закрыла какая-то тень, весьма маневренная и громоздкая. Я нехотя задрала голову, разглядела зависший надо мной объект и, окончательно добитая этим зрелищем, не сумев вымолвить ни слова или даже охнуть, банально хлопнулась в обморок.

Глава 3

– Только после того как Йона отправилась в пещеру Неназываемых, я осознала, как сильно успела привязаться к этой загадочной девчужке, едва вышедшей из отроческого возраста! – Патетичный голос Ребекки буквально ввинтился в мои уши, принесся с собой

ужасную мигрень. Я недовольно поморщилась, пытаюсь сообразить, что же такое со мной приключилось и где я сейчас нахожусь. А воительница не умолкала: – Каким-то непостижимым образом она сумела изменить мою душу и помыслы. И не могу утверждать, чтобы эти изменения были мне неприятны!

– Ребекка, помолчи, пожалуйста, ты меня отвлекаешь! – не слишком корректно попросил Лаллэдрин, производящий руками какие-то размашистые пассы, пытаюсь, очевидно, привести меня в сознание.

– Нечего мне рот затыкать, я тоже хочу помочь Йоне! – возбужденно запротестовала лайил, бесцеремонно оттертая в сторону широкими плечами мага. – Я тоже умею быть полезной!

– Не сомневаюсь, – холодно парировал эльфийский чародей. – Но все же настоятельно совету тебе отложить демонстрацию своих способностей на потом.

Ребекка обиженно насупилась, ибо терпеть не могла ситуаций, когда ее вынуждали отодвигаться на задний план. К несчастью или скорее к всеобщему счастью, подобные случаи выпадали редко. Впрочем, сама воительница не согласилась бы с подобным утверждением, рискни его озвучить кто-нибудь храбрый, мало дорожащий своим здоровьем.

– Ты никогда не отличалась скромностью, дорогая! – беззлобно усмехнулся Беонир, ласково обнимая подругу и удерживая ее от скоропалительных действий.

– Лучшее украшение любой девушки – это отнюдь не скромность, а маленькое прозрачное платьице! – нравоучительно рассмеялась Эвридика. – Эх вы, дилетанты!

– Нашла время для демагогии! – взбешенно завопила лайил, выведенная из себя ее изощренными оскорблениями. – Или ты не видишь, что Йона умирает?!

– Сейчас я ей помогу! – ехидно хихикнула эльфийка.

До моего слуха донеслись протестующие крики друзей, а в следующий же миг на мое лицо обрушился целый шквал холодной воды, выплеснутой со злорадным размахом...

Я ойкнула, громко выругалась и закашлялась... Вода попала в нос, и мне поневоле пришлось перевести свое тело в сидячее положение, дабы избавиться от досадной помехи, мешающей дышать. Я сердито протерла залитые водой глаза и одарила хмурым взглядом своих незадачливых помощников.

Напротив меня виновато переминались с ноги на ногу Лаллэдрин, Ребекка и Беонир, радостно растягивающие губы в угодливых улыбках, а буквально надо мной стояла победоносно подбоченившаяся принцесса, возле ног которой лежал пустой кувшин. Нетрудно догадаться, что именно его содержимое и оказало на меня столь результативное лечебное действие, давшее фору всем магическим ухищрениям чародея.

– Спасибо! – неохотно процедила я, адресуя сомнительную благодарность всем сразу. – Я и не сомневалась в том, что вы меня любите. Все. И особенно моя драгоценная сестрица! – Последовал многозначительный взгляд в сторону Эвридики.

– Пожалуйста, кушай с булочкой, не обляпайся! – не осталась в долгу та. – Да будет вам известно, гадости нужно творить только из любви к чистому искусству, как это делаю я. А не из простого садизма, как это делаете вы! – Она грациозно поклонилась оторопевшим от подобной дерзости влюбленным и величественно удалилась в один из шалашей.

– М-да, впечатляет! – почти уважительно усмехнулся Лаллэдрин. – Природа обделила некоторых женщин физической силой, поэтому подобные особы в совершенстве овладели искусством психологического насилия.

– Вы слишком деликатны, учитель! – сердито проворчала Ребекка. – А вот я считаю, что во всех наших проблемах следует винить отнюдь не сиятельную Эвридику, а ее покойную матушку.

– При чем тут королева Эвника? – недоуменно вздернул брови маг.

– Она ошибочно приделала к имени принцессы одну лишнюю букву, – мстительно уточнила лайил. – Первую!..

Беонир восторженно рассмеялся, отдавая должное забористому чувству юмора подруги.

Я одобрительно улыбнулась и горячо расцеловала верную телохранительницу.

– Ничего не понимаю! – обеспокоенно пожаловалась я. – Интересно, когда это вы успели так основательно здесь обустроиться? У Беонира отросли волосы... – Тут я краем глаза заметила гигантскую фигуру, безмолвно восседающую на выступе скалы, и недоверчиво вскрикнула. Да, память меня не подвела: точно такое же существо я и видела на фреске в Немеркнушем Куполе: острый орлиный клюв, умные глаза, мощные, густо оперенные крылья, мягкие кошачьи лапы и длинный змееподобный хвост, оканчивающийся ядовитым жалом... Теперь у меня не осталось никаких сомнений: на камне сидела именно мантикора, молодая, но очень крупная, белоснежная и удивительно прекрасная! Воплощение божественного промысла, облаченное в совершенную физическую оболочку. Но... я ведь знаю только одну белую мантикору – мою крошку Мифрил, едва научившуюся летать! Нет, это не она... Это не может быть она! Или все-таки она? Но как?..

– Мифрил? – неуверенно позвала я внезапно охрипшим голосом.

Волшебное создание легким взмахом крыльев снялось с импровизированного насеста и грациозно приземлилось возле меня. Задрав подбородок, я заглянула в голубые глаза мантикоры и счастливо вздохнула, встретив ее доверчивый, полный обожания взгляд. Крылатая красавица пригнула голову и ласково поправила клювом мои волосы, сильно растрепавшиеся на макушке. Из горла мантикоры донесся влюбленный клекот, чем-то напоминающий довольное кошачье мурлыканье.

– Мифрил! – убежденно повторила я. – Но почему ты так выросла?

Лаллэдрин, заинтересованно наблюдающий за сценой нашего трогательного воссоединения, издал лукавый смешок:

– Да потому, что ты проспала в пещере Неназываемых отнюдь не одну-единственную ночь, а целых два месяца! – Он крепко обнял покачнувшуюся меня и строго приказал: – И не вздумай снова упасть в обморок, Наследница!

Вечером мы все сидели возле огня, жадно пожиравшего принесенные Беониром дрова, и не менее прожорливо уплетали подстреленных Ребеккой зайцев. Я постепенно отходила от бурных впечатлений миновавшего дня. Список сегодняшних, едва пережитых мною потрясений пополнился еще парой воистину невероятных открытий. Я обнаружила, что шелковый шнур, прикрепленный к моей пелерине, предназначен вовсе не для перетаскивания впавших в бесчувствие друзей. С подсказки учителя я связала его в замысловатую петлю, выполняющую функцию уздечки для мантикоры. Мифрил с готовностью подставила мне свое крыло, подсаживая к себе на спину, а затем вознесла нас высоко в небо, позволив вкушать наслаждение совместного полета. А чуть позднее, намереваясь искупаться в ручье, я выяснила: пятый луч Звезды моей души налился ярким серебристым светом, свидетельствующим о том, что я успешно прошла очередное испытание.

Сидеть на спине мантикоры оказалось весьма непривычно, но вполне удобно: я почти не обращала внимания на необычность этого положения.левой рукой я держалась за уздечку, а правой – резкими движениями чертила в воздухе руну «ветер». При этом я не забывала читать соответствующее заклинание, намереваясь отнюдь не подчинить себе капризную воздушную стихию, но подружиться с нею, гармонично вписавшись в окружающий мир. И небеса откликнулись на мой призыв! Они трепетно подхватили нас с Мифрил и несли на ладони ветра так заботливо, словно мы были их детьми. Безграничный эфир принял нас как равных себе союзников, заключив с нами нерушимый договор о взаимопонимании и любви. И уж если я не смогла обрести дом в Блентайре или Дархэме, то, бесспорно, нашла его в небе. И именно в тот день в моей душе зародилась еще одна заветная мечта, которую я поклялась осуществить. Осуществить во что бы то ни стало!

– Повелительница мантикор! – чуть ли не впадая в экстаз, громко присвистнула наблюдающая за мной Ребекка. – Вот уж чудо из чудес!

– Да! – согласно кивнул Лаллэдрин. – Поверь, ее ждет удивительная судьба.

Итак, Сол уже скатился за верхушки деревьев, когда мы сидели у костра и вели неспешную беседу.

– Где находится утес Судьбы? – спросила я Лаллэдрина, увлеченно расправляющегося с куском жаркого.

Чародей икнул от неожиданности и подавился. Я сочувственно постучала его по спине, дождалась, пока маг прокашляется, и настойчиво повторила свой вопрос.

– Ты наслушалась сказок, девочка моя! – расстроенно откликнулся Лаллэдрин, откладывая недоеденное мясо. Похоже, мой дерзкий вопрос начисто лишил его аппетита. – Причем сказок запрещенных и весьма опасных...

Я удивленно выгнула бровь. Вот уж не думала не гадала, что самый старый из проживающих в Дархэме эльфов, сославшийся в беседе со мной на этот самый утес Судьбы, является приверженцем какой-то загадочной крамолы... Хотя, может быть, старик просто выжил из ума и вешал Наследнице трех кланов лапшу на уши, стремясь произвести благоприятное впечатление? Но я тут же вспомнила ясные, ничуть не замутненные дряхлостью глаза привратника храма Эврелики и немедленно устыдилась недостойных мыслей. Вне всяких сомнений, приветивший меня старик пребывал в здравом уме, трезвой памяти и враньем не увлекался.

– Так, значит, подобного места попросту не существует в природе? – с деланой небрежностью обронила я. – Жаль.

Лаллэдрин встревоженно засопел.

– Когда-то мы все верили в его реальность. Упоминания об утесе Судьбы обнаружили в древних манускриптах, сохранившихся с незапамятных времен в библиотеках Блентайра. Их авторство приписывалось самим Неназываемым, – уклончиво сообщил он. – Но впоследствии... – Повисла долгая пауза.

– И? – почти теряя самообладание, напомнила я.

– Ах да, – спохватился маг, неохотно возвращаясь к неприятной ему теме разговора. – Потом некоторые из наших чародеев решили проверить объективность гипотезы и отправились на поиски утеса Судьбы... – Он опять замолчал, злоупотребляя моим терпением.

– И? – еще настойчивее наседала я.

– Они не вернулись! – лаконично изрек маг. – Мы знаем лишь, что утес Судьбы якобы находится там. – Он махнул рукой на север. – И вроде бы отделен от Запретных гор некой аномальной зоной, имеющей магическое происхождение и куда более жаркой, чем даже великая пустыня Маграб. – Лаллэдрин скептически пожал плечами, намекая на абсолютную недоверенность излагаемых им сведений. – Смелые маги, дерзнувшие отправиться на поиски утеса Судьбы, сгинули именно там.

«Огненные земли! – Мое сердце радостно екнуло. – Итак, это все же не сказка, они существуют на самом деле, и теперь я знаю, откуда мне следует начать свои поиски!»

– Я достигну этого места! – уверенно заявила я. – И небезосновательно полагаю, что утерянный Колокол Судьбы находится именно там!

Обычно не очень-то эмоциональный чародей вдруг встрепенулся, утрачивая свою всегдашнюю флегматичность. Его глаза вспыхнули радостью.

– Все случилось очень быстро, – виновато забормотал он, изъясняясь так торопливо и сбивчиво, словно спешил избавиться от некоего неподъемного груза, давно отягощавшего его совесть. – Я не успел совершить все необходимые процедуры и действовал спонтанно, импровизируя на ходу... Я слишком поздно догадался, что чародейка Сильвана и верховная жрица Чаншир усыпили Неназываемых, упокоив их в каком-то укромном месте. Я написал песню пробуждения, а в час Аррандейского сражения покинул своего друга, короля Арцисса, и поспешил в Немеркнуший Купол, намереваясь спасти от захватчиков нашу величайшую реликвию – Колокол Судьбы. Но в святилище меня уже поджидал хитроумный Финдельберг, покусившийся на бесценный раритет... Спрашиваешь, зачем он меня ждал? Только чародей может снять Колокол с удерживающих его опор. Мы вступили в схватку... Лайил оказался

достойным противником! Мы оба получили ранения. Я сумел создать пространственный портал и переправил Колокол неизвестно куда: выбросил его из Купола, но, к сожалению, не успел зафиксировать конечную точку перемещения нашего артефакта. Реликвия затерялась на просторах Лаганахара... С тех пор я так и не смог его отыскать. Еле оторвавшись от преследующего меня Финдельберга, я сбежал через расположенное под Куполом подземелье, попутно потеряв часть свитка с пробуждающей песней. Еще одна его часть осталась в руках врага, а третью я отдал своему наставнику Альсигиру...

– Он подарил его мне! – обрадованно перебила я. – А кроме того, я побывала в подземелье, обманула гигантскую паучиху, именуемую Смертной Тенью, и нашла утерянный вами обрывок текста.

– Потрясающе! – взбудораженно потер ладони Лаллэдрин. – Девочка, ты не перестаешь меня удивлять. Признаюсь откровенно, я начинаю верить, что однажды ты соберешь воедино все куски разорванного свитка и пробудишь Неназываемых!

Я смущенно рассмеялась, изрядно озадаченная таким поворотом событий. А не слишком ли он на меня надеется? Я ведь не всесильная богиня и не собираюсь сломя голову бросаться в пучину почти насильно навязываемых мне подвигов. Гм... или собираюсь? Я устало вздохнула, запутавшись в поисках правды. Тьма, я никому пыль в глаза не пускаю, не важничая и не мню себя невесть кем. Отлично понимаю, все имеет предел, в том числе и мои довольно скромные возможности. А вероятность того, что я погибну, выполняя задание Лаллэдрина, весьма велика. Разве я неправду говорю? Впрочем, правда бывает двух видов. Своя – истинная, а чужая – настолько сомнительная, что ее легко принять за подделку. И как бы в них не запутаться да не ошибиться...

– А как же быть с приписываемыми вам пророчествами? – вопрошающе улыбнулась я, намеренно уводя разговор совсем в иное русло. Свои умозаключения я решила пока оставить при себе и отнюдь не намеревалась озвучивать, всерьез озаботившись необходимостью проверить их на практике.

– И никакое это не пророчество! – сердито возразил мне маг. – Я пришел к логическому выводу: спасти Лаганахар способно лишь соединение всех рас и установление всеобщего перемирия. К сожалению, это невозможно! – Он желчно поджал губы, становясь похожим на древнего брюзгливого старика. – Война слишком глубоко пустила корни в наших сердцах, превратив в непримиримых врагов четыре противоборствующие расы: эльфов, людей, лайил и ниуэ.

– Да неужели? – протестующе рассмеялась я. – Надеюсь, мне удастся разрушить устоявшийся стереотип и изменить действующее положение вещей.

– Дай-то Неназываемые! – торжественно провозгласил Лаллэдрин. – Ты рассказывала мне, что побывала в подземельях Блентайра и нашла мою сумку. Среди хранящихся в ней вещей имелся некий ключ...

– Вот он! – Я вынула упомянутый предмет. – Я открыла им дверь в сокровищницу, охраняемую жрицами-хайдари.

– Он также подходит и к некой потайной двери, замаскированной в одной из стен Немеркнувшего Купола и ведущей в Звездную башню! – огорошил меня чародей. – Пройди через нее и прими то, что найдешь по пути. Это сокровище предназначено для тебя!..

– Какое сокровище? – удивленно переспросила я.

– Увидишь! – таинственно улыбнулся маг, не желая заблаговременно посвящать меня во все секреты Немеркнувшего Купола. – Возможно, оно спасет тебе жизнь!

Я ошарашенно сглотнула, силясь осознать услышанное, а потом учинила Лаллэдрину допрос с пристрастием, безмерно заинтригованная его туманными намеками. Но, невзирая на все мои ухищрения, чародей напрочь отказался удовлетворить терзающее меня любопытство, а только довольно посмеивался, напустив на себя неприступный вид. Пришлось смириться и отступить, удовлетворившись полученной информацией, которая, честно говоря, мало что прояснила. Таким образом, я еще сильнее обеспокоилась перспективами своего неопределенного будущего, а число окружающих меня загадок

увеличилось ровно на одну. Получается, мне жизненно важно попасть в Звездную башню не через центральные ворота, а обязательно из Немеркнувшего Купола. Нужно попасть... Эх, узнать бы только, кто именно придумал это неудобное слово «нужно», да руки-ноги ему обломать!

Утром мы расстались. Благополучно выполнивший свою миссию Лаллэдрин возвращался обратно в Дархэм. Напустив на себя непреклонный вид, я скрепя сердце выслушала угрозы Ребекки и жалобы Беонира, но все-таки осталась глуха к их страстным мольбам. Дальше я пойду одна! Я отлично понимала, каким опасным обещало стать мое последующее путешествие, а посему не могла рисковать жизнью друзей. Я отправляю их домой, поближе к Блентайру, поручив дожидаться меня на границе леса Шорохов. Там мы и встретимся. Конечно, только в том случае, если я выживу, сумею уцелеть в Огненной земле и благополучно преодолев загадочную мертвую воду. Впрочем, последние соображения я поостереглась выносить на публику, решив не беспокоить и без того впавших в панику друзей. Нет, они не имеют шансов уговорить меня поступить иначе. Мое решение окончательное и обсуждению не подлежит. Дальше я пойду одна. А они заберут с собой Мифрил и двинутся назад...

– Пожалуйста, возьми нас с собой, – расстроено шмыгая носом, умолял Беонир.

– А вот фиг! – отрезала я, любуясь его скорбно вытянувшимся лицом. Видимо, ниуэ легкомысленно позабыл одно нехитрое правило: чем конкретнее сформулируешь просьбу, тем вразумительнее будет отказ. За это и поплатился.

Гордая Ребекка не собиралась опускаться до униженных умасливания неприступной меня. Она гневно буркнула что-то нечленораздельное и грозно забряцала акинаками, упаковывая свой скарб. До меня донеслись обрывки некоего философского высказывания, несомненно предназначенного именно для моих ушей.

– У одних главные полушария – чтоб их мантикора три раза переварила! – защищены черепом, у других – штанами, а у некоторых пустоголовых девчонок – корсетом! – ворчала она. – Вот пусть они себе на них неприятности и огребают под свою ответственность...

Корсет я сроду не носила, но тем не менее мысленно согласилась с воительницей. Она абсолютно правильно распределила приоритеты личной ответственности. Предпочитаю огрести новые беды на свои собственные... э-э-э... полушария. Но зато не на ее...

– Пожалуй, я пойду с Лаллэдрином, – сообщила Эвридика, смиренно потупив взор. – Эти два месяца, проведенные возле пещеры Неназываемых, здорово меня утомили. Я поняла – подобные походы не в моем вкусе. Надоело мыться в ручье, подтираться лопухами, спать в шалаше и кормить комаров. Я хочу домой!

– Как жаль, что вы наконец-то уходите! – во весь рот улыбнулся Беонир. – Скатертью дорога.

– Правильно, сахарная наша! – излишне пылко одобрила решение принцессы Ребекка, гаденько хихикнув. – Тут-то ты от страха и обделалась, фифа. Но в этом закономерном событии имеется и своя полезная сторона: выяснилось, что рожденный ползать никому на голову не нагадит!

Принцесса одарила воительницу исключительно подленькой улыбочкой, заставившей меня насторожиться. Думается мне, что-то здесь не так...

Лично я выслушала свою непостоянную сестрицу молча, не озвучивая терзающие меня подозрения. Почему-то я ей не верила. Самые невыносимые люди – это мужчины, считающие себя гениальными, и женщины, считающие себя неотразимыми. А Эвридика явно сочетала в себе оба эти недостатка, кстати полностью исключаящие трусость и склонность к добровольному отказу от поставленных целей. Полагаю, она намеревается переть напролом. Полагаю, она задумала какую-то хитрость. Полагаю, она себя еще покажет. Поэтому мне следует держать ухо востро и, по выражению все той же Ребекки, клювом не щелкать.

– Ладно, – с наигранной покладистостью согласилась я. – Желаю всем легкого пути!

– Легкого? – возмущенно возопил Беонир, растерянно хватаясь за голову. – Обратно через горы и Пустошь, через болота и степь... Йона, признайся, ты шутишь?

– Ничуть! – пафосно провозгласил пришедший мне на помощь Лаллэдрин. – Уверяю, ваша обратная дорога займет не больше двух недель!

– Издеваетесь? – В разговор включилась Ребекка, возмущенно косясь на залиvisto хохочущую меня. – И почему она все время смеется?

– Это станет нашим прощальным подарком, – туманно пояснил чародей. – И прошу тебя, Йона, перестань хихикать. А то из-за тебя вся напыщенность моих речей сходит на нет.

– Мне жалко бедняг эльфов! – продолжала покатываться со смеху я. – Как бы они не надорвались...

– А в чем, собственно, дело? – осторожно поинтересовалась совершенно сбита с толку воительница.

– Мы решили облегчить вам переход через горы, – важно изрек маг, внушительно округляя глаза. – А посему несколько наших крылатых воинов помогут вам побыстрее достичь леса Шорохов... – Его ладони изобразили красноречивый порхающий жест. – Таким вот образом.

– Нет, я не дам себя нести за шкурку, будто котенка! – запротестовала уязвленная лайил. Но проделала это без особого энтузиазма, скорее для проформы, потому как наше прошлое путешествие через перевал Косолапого Медведя не вполне изгладилось из ее памяти, вызывая весьма неприятные ассоциации.

– Не дрейфь! – поддразнил девушку Беонир. – Тебе же не хочется снова карабкаться по валунам?

– Но я не привыкла езд... Ой, извините, летать на эльфах! – Смущение Ребекки было столь велико, что Лаллэдрин тоже начал снисходительно улыбаться против собственной воли.

– Что найду я в Огненных землях? – шепнула я на ухо своему учителю, уловив подходящий момент.

Маг ответил мне задумчивым взглядом.

– Возможно, ничего, – поучительно отвечивал он. – Возможно, смерть! Но я предпочитаю верить, что, вплотную подходя к самому ответственному моменту своей судьбы, каждый из нас получает то, чего заслуживает. То, что наработал заранее, совершая плохие или хорошие поступки. Полагаю, именно это и ждет тебя там, моя дорогая девочка.

Я нерешительно кивнула, восхищенная его мудростью. Жизнь – это вечность в миниатюре, и, кажется, я уже почти достигла ее переломной точки, в которой перестают иметь значение наши личные прихоти и душа отдается на суд изначальным истинам: совести, справедливости, чести и любви. Признаюсь, я очень страшилась встретиться с ними лицом к лицу, но прекрасно понимала – эта встреча предрешена заранее.

– Не бойся! – подбодрил Лаллэдрин, точно угадав суть бушевающих меня сомнений. – Верь в себя и никогда не забывай о правиле трех «эн»...

– Каких? – не поняла я.

– Нет ничего невозможного! – подсказал он и почти отстраненно погладил меня по плечу мягким напутственным жестом, словно подталкивая вперед, навстречу неизбежному.

Я прикрыла ладонью свои воспаленные глаза и пытливо всмотрелась в даль. Раскалившийся от невыносимой жары воздух колебался густым, душным маревом, высасывая из меня последние силы. Да, воздух здесь был настолько плотным, что возможность полета полностью исключалась: меня сбрасывало обратно на песок и словно прижимало тяжелой, неподъемной плитой. Оставалось одно – медленно брести по бесконечной желтой равнине, волоча за собой мешок с пожитками. Далеко к горизонту простиралась ничейная земля, бесплодная, будто бы истощенная стычками минувшей войны, поросшая пыльной травой и корявым кустарником. Бесприютная земля без поселений. Земля, пригодная лишь для того, чтобы затеряться и забыть свое имя.

Сшитый из воловьей шкуры бурдюк я наполнила водой из ключа, обложенного камнями. Ковровый мешок, стянутый шнурком у горловины и вместивший все мое имущество, сначала перекинула через плечо, а потом просто волокла за собой, вздымая клубы пыли. Шла весь световой день. Почва становилась все суше, глинистей, покрывалась трещинами. Изредка скользила между камнями ящерка, а из-под кустов, придавленных к земле жарой, раздавалось гневное шипение змей – вот и вся жизнь, которая мне попадалась. В сумерках я свернулась в клубок прямо на земле, подобрав ноги под меховой плащ, благо ночь здесь не была так убийственно холодна, как это обычно случается в пустыне. В душу мне смотрели неподвижные незнакомые звезды. Одну из них я нарекла именем Ардена и придерживалась ее, словно ориентира. Мне померещилось, будто некая прозрачная тень скользнула кверху, поколебав их свечение, когда я произнесла про себя его имя, и растворилась во тьме.

Бурдюк похудел наполовину, хотя я оказалась достаточно умна, чтобы не пить в самую жару, – только смачивала среди дня губы. Новая вода попала мне лишь однажды и оказалась отвратительно горькой – здешняя земля уже не знала источников. Теперь я понимала, почему ее называли Огненной.

И еще сутки пути. Тут, на равнине, невыносимая жара перемежалась с холодным ветром, а поэтому мне приходилось и днем идти в подаренной Лаллэдрином овчине. Голову я еще вчера обернула шарфом, а сегодня прикрыла им и лицо по самые глаза, чтобы не секло кожу каленым песком и льдистыми иглами, которые приносил с собой ветер. Набрела на высохшее деревце и срезала посох – небольшой нож неотлучно находился со мной, лежал в нагрудном кармане камзола. Все вещи казались мне живой частью моего тела, только вот тело это постепенно теряло имя и осознание себя.

Уже в конце третьего дня, когда у меня почти не оставалось желания идти, вдали показалась купа деревьев. Я сбросила на землю суму и бурдюк, пустой еще с утра, рассудив так: если будет чем его наполнить, то не так далеко и вернуться. Вытряхнула птицам и ящерицам остатки еды – не это являлось сейчас моей жизнью. Ножны со стилетом сунула за пазуху. Взяла с собой также меч и эльфийские артефакты. Шла дальше, изо всех сил налегая на палку и зная: упади я сейчас – и больше мне уже не подняться. Меня вели вера, надежда и любовь...

Это оказались тополя. Коренастые, с крупной жесткой листвой и мощными корнями, доходящими до подземных ключей. Они были ничуть не похожи на стройные, как свечи, деревья, растущие в Дархэме. Посередине рощицы имелся круглый колодец, запертый от чужих посягательств огромной каменной глыбой, неподъемной для одного человека. Заперт – значит, живой. То есть в нем есть вода. А к воде непременно придут люди. Осознав этот факт остатками своего меркнувшего от жажды сознания, я решила ждать. Неважно чего, лишь бы чего-то определенного: спасения, чуда, смерти... Мне было уже все равно. Я обессиленно прислонилась головой к стволу самого толстого тополя, укуталась в свои тряпки и провалилась в забытие.

Меня привело в сознание легкое, деликатное похлопывание по щеке.

– Пить! – не открывая глаз, жалобно попросила я, и в мои выжидательно приоткрытые губы тут же полилась струйка холодной воды. Я жадно глотнула и с трудом разлепила ссохшиеся от пота ресницы. Еще мгновение я растерянно рассматривала группку своих негданных спасителей, сгрудившихся вокруг меня, а затем громко закричала от страха и омерзения...

Выяснилось, что своим избавлением от смерти я была обязана тем странным существам, полулюдям-полугусеницам, с коими уже встречалась в храме Песка, причем там я даже убила одного из них и ранила другого. Согласитесь, подобная биография отношений отнюдь не является подходящим поводом для более близкого знакомства! Именно по этой причине я не ожидала ничего хорошего от повторной встречи с уродами. Беспомощно распростершись на земле, я панически расширенными глазами всматривалась в

столпившихся возле меня тварей, мысленно прикидывая, сумею ли выхватить из ножен Лед...

– Пей! – неожиданно произнесло существо, находящееся ко мне ближе, чем другие, и снова приложило к моим губам глиняный кувшин с водой, ловко удерживаемый своими дистрофичными ручками. Я растерянно пила, окончательно запутавшись во всем происходящем, но уже отказавшись от скоропалительного и весьма агрессивного решения, принятого мною всего лишь миг назад. Как, они на меня не нападают? Они не желают моей смерти?

– Ты можешь встать на ноги и идти? – поинтересовалось существо, после того как кувшин опустел, а я почувствовала прилив бодрости и зашевелилась. – Тогда мы отведем тебя в наш поселок, где ты отдохнешь и поправишь здоровье.

– Кто вы такие? – дрожащим голосом пролепетала я. – Как вы здесь очутились?

– Мы шаффы, Изначальные! – гордо ответила гусеница. – Когда-то очень давно, на заре веков, нас создали Неназываемые, дабы мы стали их доверенными слугами и скрасили одиночество, угнетающее великих творцов. Они доверили нам величайшую тайну этого мира, которую мы храним и по сей день.

– Глупости! – недоверчиво пролепетала я. – Сначала Неназываемые сотворили своих детей: богов Шарро и Банрах...

– Твои сомнения мне понятны! – беззлобно хмыкнул шафф, обрывая меня на полуслове. – Мы родились так много столетий назад, что Лаганахар уже полностью забыл о нашем существовании.

– Ну хорошо, пусть так, – устав от бесполезного спора, согласилась я. – Но почему вы живете именно здесь, в бесплодном краю?

– Это весьма печальная история! – Лицо шаффа забавно сморщилось, пародируя выражение, которое среди людей принято называть скорбным. – Мы бежали в Огненные земли, скрываясь от преследующего нас врага.

– Час от часу не легче! – пробормотала я, опираясь на услужливо поданную мне руку и пробуя подняться. – И кому это вы так насолили? – Кряхтя, я сумела встать на одно колено, боясь слишком сильно наваливаться на своего собеседника. При этом неловком процессе мой камзол распахнулся и из ворота рубашки показалась ярко сияющая Звезда моей души. Хрустальный амулет свободно повис у меня на груди, раскачиваясь на цепочке и отбрасывая ослепительные блики, вызванные попаданием на его поверхность лучей Сола...

По шеренге шаффов прокатился дружный возглас негодования...

– Чародейка! Враг! – с ненавистью вопили мои недавние спасители. – Пособница богини Банрах! Смерть ей!

Я печально усмехнулась, отнюдь не испугавшись, а скорее развеселившись от уже устоявшейся привычки этой драматичной сцены, повторяющейся с завидной частотой. Интересно, в нашем мире найдется хотя бы один народ, способный принять меня как друга? И найдется ли хотя бы одно место, где меня не пожелают убить?

Я зажмурилась, ожидая неизбежного, ибо шаффы взметнули руки с зажатыми в них небольшими, но чрезвычайно острыми топориками... Жаль, что я так и не достигла утеса Судьбы, не нашла Колокол и не вернула себе Ардена! Я-то считала, будто добилась значительных результатов и совершила несколько правильных поступков. Выходит, я ошибалась! Похоже, сегодня мне выпала отличная возможность понять, что наш жизненный опыт есть не что иное, как красивое название для множества приобретенных заблуждений. Жаль только, что возможность эта – предсмертная...

Топорик ближайшего шаффа со свистом обрушился на мою голову...

– Остановитесь! – неожиданно прервал учиненную надо мной экзекуцию чей-то повелительный голос. – Эта девушка не враг, а избранное дитя Неназываемых, призванное спасти наш мир от гибели!

Я нервно дернулась, и шафф, укутывающий мою голову, свалился на землю, открывая взорам всех присутствующих острые эльфийские уши их пленницы. Шаффы завопили

повторно, но на сей раз уже от осознания собственной вины.

К чести моего самопровозглашенного палача, он оказался совсем не дураком и не увальнем. Шафф сумел изменить траекторию полета своего топорика: лезвие не причинило никакого вреда моей невезучей персоне, а просто срезало прядь волос с моего взлохмаченного затылка. Оружие вырвалось из руки бойца и со звоном воткнулось в твердую землю.

Я облегченно перевела дух, убедившись, что злодейка судьба сыграла со мной очередную шутку, вновь для острастки меня попугав. Она словно намекала: «Ты непременно умрешь, упрямая Наследница. Но это произойдет не здесь и не сейчас!»

Согласно моим завышенным меркам (видимо, основанным на роскоши Блентайра, Эррендира и Дархэма), место обитания шаффов ничуть не соответствовало громкому названию «поселок». Полагаю, это слишком сомнительное удовольствие – жить в темных норах, вырытых непосредственно в каменистой почве и огороженных огромными валунами. Впрочем, похоже, Изначальных вполне устраивала непритязательная простота их жилищ, а моего мнения они, ясное дело, не спрашивали. Следовало признать по справедливости, в их убогих норах имелось и нечто хорошее: источник пресной воды в виде бьющего из скалы ручейка, образующего небольшое озерцо, и благодатная прохлада, веющая из зевов грязных нор. Согласитесь, для пустыни и это уже неплохо.

Вечером мы с предводителем шаффов, спасшим меня от казни и попросившим называть его Раррахом, сидели на берегу вышеупомянутого озерца, наслаждаясь прохладой, пришедшей на смену дневному зною. Окружающий ландшафт немного разнообразили бесформенные наросты, выступающие прямо из земли и украшенные отвратительно пахнущими коричневыми подтеками. Как объяснили шаффы, это были сальзы – грязевые вулканы. А по-моему, они скорее походили на болезненные волдыри или бородавки, уродливо выступающие над ликом замарашки земли. В общем, говоря откровенно, мне тут не нравилось, и подозреваю, этот край испытывал ко мне такую же взаимную антипатию. Я с любопытством посмотрела в темную воду, отразившую мою привядшую от ветра кожу, резко выступившие скулы и хрящеватый нос, а также какие-то совершенно чужие, дикие и измученные глаза, в которых застыла холодная отрешенность. Я себя не узнала.

– Это все усталость, – философски утешил Раррах, с добродушной усмешкой наблюдая за выражением разочарования, омрачившим мое лицо. – Это все пройдет. Вот, выпей. – Он с церемонным поклоном подал мне чашу, принесенную его тихой женой Раррин. – Наши женщины изготавливают этот напиток из жидкости, добытой из толстых листьев пустынных кактусов. Он несет в себе сок самой земли.

Я послушно попробовала предложенное питье и едва удержалась от кашля. Огненная жидкость стремительно, словно поток лавы, скатилась по моему пищеводу и упала в желудок, разжигая в нем пожар. Все мою сонливость как рукой сняло.

Раррах понимающе улыбнулся.

– Каждый выживает как умеет, – пояснил он. – А умный и сильный всегда приспособится даже к таким невыносимым условиям, в которых слабый и глупый струсит и сдохнет.

Я кивнула, соглашаясь. Клянусь Тьмой, я уже неоднократно на практике проверила справедливость этого утверждения и поэтому прекрасно понимала смысл речей Рарраха. Похоже, народу шаффов тоже пришлось несладко, а коварная судьба неоднократно являла им кровожадный оскал.

– Так от кого же вы сбежали в Огненные земли? – Я вспомнила свой давешний вопрос, так и оставшийся без ответа.

– От змееликой богини Банрах, – равнодушным тоном сообщил Раррах, бережно вынимая из моих пальцев чашу с напитком и опустошая ее до дна. Сидящая подле него Раррин тут же хозяйски взялась за узкогорлый кувшин и заботливо наполнила бесполезно простаивающую посудину. Я иронично усмехнулась. Похоже, нас ожидает длинная и

довольно информативная ночь, посвященная беседе. Кстати, ничего не имею против подобного расклада.

– У вас все женщины такие внимательные, как твоя жена? – Это давала о себе знать моя неумная любознательность. Я заговорщицки подмигнула польщенно зардевшейся шаффе и вопросительно уставилась на вождя.

– Все! – с гордостью сообщил он. – Преданные, домовитые, рачительные. И это неудивительно, ведь Неназываемые сначала создали мужчину, а потом женщину – из его ребра. Правда, чуть позже женщина послушалась науськиваний некой хитроумной змеи, вкусила яблоко с древа познания и ввергла мужчину в пучину греха, за что Неназываемые выгнали шаффов из своего небесного дома...

– Да ну? – Я потрясенно округлила глаза. – Сказки! А эта вредная змея уж не Банрах ли?..

– Она самая, – с готовностью подтвердил Раррах. – Змееликая всегда преследовала наш род, желая ему гибели. Зря ты мне не веришь, ведь выдумки не содержат столько совпадений, подобные закономерности свойственны лишь правде.

– Конечно, все это сказки! – охотно поддержала меня Раррин. – Наши женщины рассказывают совсем другую историю.

– Какую? – Очередь хлопать глазами и придерживать изумленно отвисшую нижнюю челюсть пришла Рарраху.

– А вот такую! – с энтузиазмом начала его жена. – Однажды самая первая шаффа пришла к Неназываемым: «Творцы, вы все так замечательно устроили: и чудесный сад, и яблоню, и даже эту прикольную змеюку. Но отчего же мне так грустно?» «Мы попробуем тебе помочь, – согласились демиурги. – Мы создадим для тебя друга. Это будет сильное и похотливое животное, не отличающееся особым умом...» – «Да, великие!» – «У него будет необузданный нрав, он станет охотиться, играть в азартные игры, употреблять горячительные напитки, а по вечерам – ублажать тебя...» – «Да, великие!» – «Но мы вынуждены дать тебе одну главную заповедь...» – «Какую? Я на все согласна!» – «Никогда не говори ему, что мы создали тебя первой!»

Я весело смеялась, ибо история Раррин понравилась мне куда больше.

Шафф неодобрительно покачал головой, смущенный дерзким юмором своей жены, гостеприимно передал мне чашу и дождался, пока я отопью еще немного напитка. Губы обожгло пуще прежнего, а в голове у меня образовалась тугая, звенящая пустота, приятно уравнивающая тяжесть в желудке.

– Первоначально творцы намеревались раскрыть нам величайшую тайну этого мира, чтобы мы хранили и оберегали ее ото всех, – неторопливо начал рассказывать мой хлебосольный хозяин. – Но вскоре они передумали и отделались туманными намеками, ибо в Лаганахаре нашелся тот, а вернее, та, которая безудержно рвалась к власти и жаждала овладеть секретом Неназываемых. Ты конечно же догадываешься, о ком я говорю?

– О Банрах, естественно! – уверенно подсказала я. – Судя по всему, ни одно злодейство в нашем мире не обходится без ее прямого или косвенного участия.

– Воистину так, – печально поддакнул шафф. – Она смогла захватить немало моих собратьев и превратила их в бездушных рабов, послушно выполняющих волю жестокой госпожи...

– Мне очень стыдно признаваться в страшном преступлении против твоего народа, вождь! – смущенно выдавила я и коротко поведала Рарраху о своих злоключениях в храме Песка, умоляя простить мне убийство, совершенное непреднамеренно. Но шафф внимательно меня выслушал и благодарно склонил голову, недвусмысленно намекая: все что ни делается – к лучшему.

– Они и так уже были мертвы, ибо стали послушными прислужниками змееликой, – уточнил он. – Ты просто избавила моих братьев от лишних мучений.

– Значит, они не выдали змееликой тайну Неназываемых? – предположила я, расслабленно откидываясь на овчину и любуясь россыпью звезд, причудливо

переливающихся у меня над головой. Мысли пугались и скакали будто безумные, улетучиваясь в никуда. Кажется, я сильно охмелела, не устояв перед убойной силой огненного напитка шаффов.

– Выходит, что так, – подтвердил Раррах. – Ибо она предназначена не для нее.

– А для кого же тогда? – пьяненько хихикнула я.

– Для тебя, Наследница! – вполне серьезно сообщил вождь, подсовывая ладонь под мой затылок и заставляя меня смотреть ему в глаза. В какой-то момент его рука сумела преодолеть притяжение земли, и наши взгляды встретились. К моему величайшему изумлению, Раррах оказался безупречно трезв, хотя выпил несравнимо больше, чем я.

– Слушай меня внимательно, чародейка! – не терпящим возражений тоном приказал шафф. – Ты обязана преодолеть мертвую воду, взобраться на утес Судьбы и пробудить Неназываемых. Кроме тебя, это сделать некому...

– Даже не смешно, – строптиво пробормотала я, пытаюсь вырвать из его руки свою надсадно звенящую голову. Но шафф держал ее крепко, не позволяя мне заснуть. – Если бы ты только знал, сколь огромное количество эльфов, людей и прочих разумных существ говорили мне об этом до тебя... – Сейчас я почти канючила, жалуясь на свою тяжкую участь.

– Догадываюсь! – прозорливо усмехнулся он. – И поэтому постараюсь тебе помочь.

– Чем? – искренне обрадовалась я.

– Раскрою тайну Неназываемых. – В его голосе послышались патетические нотки.

– Ого! – осоловело икнула я, сраженная то ли огненным напитком, то ли чрезмерной торжественностью текущего момента, и попыталась захрапеть. Но Раррах беспощадно встряхнул меня за волосы, мешая погрузиться в блаженную нирвану.

– Зачем вы с Раррин напоили меня этой дрянью? – сердито зашипела я, всерьез озабоченная судьбой своей шевелюры. – От нее даже драконы помереть могут.

– Я просто пополнил запас твоей энергии, которая тебе еще ой как пригодится. Я не знаю иного столь же быстродействующего способа восстановить истощенный организм, – пояснил он. – А теперь слушай меня и запоминай.

Ага, легко сказать «запоминай». Я сосредоточенно сморщила нос и тут же чихнула, забрызгав невозмутимого шаффа. Спрашивается, разве мало мне было собственных проблем? Так тут еще Раррах на мою голову свалился со своими злополучными тайнами и совершенно нетрадиционными методами оздоровления.

– Слушаю! – обреченно согласилась я, понимая, что отвертеться от его настырной опеки уже не удастся. Вот таким неприятным образом иной раз и происходит: судьба берет тебя за волосы – и мордой – хоп! с размаху! – в счастье, в счастье!..

– Неназываемые немного просчитались, создавая Лаганахар, ибо ошибочно полагали, будто знают, что ему нужно, – витиевато вещал Раррах, пытаюсь достучаться до моего одурманенного напитком разума. – Нужно для процветания и развития. Но, к сожалению, даже творцы неспособны знать все. Наш мир вышел из-под их контроля и начал развиваться самостоятельно, по своим понятным лишь ему одному законам. Демиурги растерялись и позволили своим детям-богам образовать новые расы, полагаясь на их благоразумие. Увы, но с появлением эльфов, людей, ниуэ и лайил ситуация только ухудшилась, потому что все эти народы оказались не в состоянии приспособиться друг к другу и не смогли наладить добрососедские отношения. Поэтому тебе предстоит выяснить, чего именно хочет Лаганахар! – Шафф закончил свою речь этой драматической фразой и выжидательно уставился на меня, наблюдая за реакцией.

– Ничего себе новости, – потрясенно пробормотала я, тщетно пытаюсь призвать к порядку свой ускользающий из-под моей власти рассудок. – И как я это узнаю? Разве он это скажет? – Думать не получалось, ибо мне хотелось только спать.

– Нет, – иронично усмехнулся шафф. – Но не для того ли ты накапливаешь знания, чтобы научиться понимать этот мир?

– Ничего себе! – еще эмоциональнее повторила я. – Все кто ни попадя: Шарро, Лаллэдрин, Арцисс, Кларисса и многие другие – наперебой выдавали мне самые различные

задания, но ты превзошел их всех. Ты хочешь от меня чего-то уж совсем глобального! По-моему, это перебор...

– Глупости! – покровительственно хмыкнул шафф. – Ты же мечтаешь спасти Лаганахар, не так ли?

Я ответила безмолвным, безупречно смиренным помаргиванием, выработанным еще в приюте. Эдакая пай-девочка, ни в чем дурном не уличенная. Классическая отмазка всех хулиганок. Но Раррах не повелся на мое мнимое благонамерение.

– Тогда тебе поневоле придется озаботиться и дальнейшей судьбой королевства, после того как ты его спасешь... – Цепочка логических рассуждений шаффа выглядела безупречной. – Пассивных полумер тут окажется недостаточно...

– И чего же хочет наш мир? – задумчиво бормотала я, предельно озадаченная поставленной передо мной дилеммой.

– Возможно, прихода того, кто сумеет навести в нем порядок, действуя жестко и решительно? – полуутвердительно-полувопросительно высказался Раррах, наконец-то отпуская мою многострадальную голову и позволяя ей улечься на овчину. – Спи, Наследница, завтра тебе предстоит долгий путь.

– Ты неправ, вождь, – невнятно бубнила я, чувствуя, как мои веки смыкаются, отягощенные непреодолимой дремой. – Жестоких и решительных псевдогероев у нас и без меня хватает, а между тем Лаганахар медленно умирает, измученный их сомнительными подвигами. Нет, ему нужно что-то другое...

– Возможно, ему нужна любовь? – Надо мной склонилась Раррин, заботливо подсунувшая подушку мне под голову и одеяло под бок. – Ведь она так же необходима каждому разумному существу, как и способность дышать.

– Нет, – снова запротестовала я. – Разве жизнь и счастье измеряются количеством сделанных вдохов и выдохов?

– А чем же? – удивилась шаффа.

– Я думаю, жизнь и счастье измеряются мгновениями, когда у нас захватывает дух! – убежденно произнесла я.

Раррин неопределенно пожала плечами и отошла, лишь укрепив мою уверенность в том, что внутренний мир мужчины сложнее, зато женский – гораздо непредсказуемее...

Впрочем, я так и не успела додумать или развить свою философскую мысль, потому что внезапно погрузилась в крепкий сон без сновидений, временно вытеснивший из моей головы все насущные проблемы.

Глава 4

Неважно, куда и зачем ты идешь. Важно то, что на свете есть нечто значимое, заставляющее тебя делать каждый следующий шаг. Именно таким определением я бы охарактеризовала свое нынешнее положение: не знала, куда иду, но при этом не собиралась медлить, сворачивать или останавливаться. И думаю, в мире вряд ли найдется тот, кто сумел бы меня остановить...

Я проснулась в полнейшем одиночестве. Голова была ясной, а мысли – четкими. Такими безупречно отточенными, словно я и не умирала в пустыне, не пила огненный напиток шаффов и не вела пространные разговоры с Изначальными. Мое пробуждение стало мгновенным и приятным. Распахнув глаза, я первым делом прислушалась к своим ощущениям и с удивлением выяснила: мое недавнее недомогание прошло, я чувствую себя совершенно здоровой. Села, с еще большим удивлением внимательно осмотрелась по сторонам и ничего не обнаружила. Меня окружала пустота...

Нет, если изъясняться вернее, то вряд ли стоило называть пустотой унылый пустынный пейзаж, который предстал перед моим растерянным взором, но я не затрудняла себя поиском более точного определения, а посему прибегла к обобщению. Песчаные барханы, редкие колючки и стоящий высоко в зените Сол – вот они-то и создавали в моей душе ощущение

внешней пустоты, безмерно меня озадачившее. А где же источник, озерцо, норы в земле и, наконец, сами шкафы? Неужели мне все это приснилось?

Но чуть позднее я исследовала свои вещи и убедилась в абсолютной адекватности преследующих меня воспоминаний. Мой бурдюк оказался полон воды, а в сумке обнаружилась большая пшеничная лепешка, еще мягкая, вкусно пахнущая и теплая. Ею-то я и позавтракала, попутно размышляя о приоритетности своих дальнейших действий. Меня немного угнетало мое изрядно надоевшее уединение, но я предпочла не расстраиваться, а убедить себя в том, что и оно несет в себе нечто полезное, способствуя продуктивным размышлениям и глубокому ментальному анализу. Уединение – это именно то физическое и духовное состояние, в коем ты принадлежишь только себе. Глупый человек обычно не понимает столь очевидной истины и ищет пути преодоления одиночества. Умный же, наоборот, им наслаждается. А посему выходило так, что в данный момент у меня полностью отсутствовал повод для грусти.

Я повесила бурдюк на плечо, закинула сумку на спину и целенаправленно зашагала по сыпучему песку, насвистывая что-то жизнеутверждающее. Карты здешних мест у меня не имелось, точного маршрута я не знала и поэтому предпочла положиться на собственную интуицию, почти никогда меня не подводившую. Я не ведала, насколько долго затянется мой нынешний поход, но самонадеянно решила не переживать по такому малозначительному поводу. Кто-то видит в лужах только грязь, а кто-то – отражение неба. Но при этом каждый выбирает сам, как ему следует смотреть на вещи. Например, лично я предпочитаю делать это с оптимизмом!

Я шла по пустыне до вечера, а с наступлением сумерек вырыла в прогретшемся за день песке небольшую ямку и, улегшись в нее, сладко заснула, укрывшись бессменной овчиной. К полудню следующего дня Огненные земли неожиданно закончились, сменившись каменистым плато – буро-коричневым, ветреным и ровным, как столешница. А в самом его центре темнело небольшое, идеально круглое озеро, заполненное кроваво-красной водой...

Попробовав пальцем гадкую красную жидкость, я сердито зашипела. Так называемое озеро оказалось почти непрозрачным и холодным, будто лед. Вот уж действительно мертвая вода! Купаться в ней то еще удовольствие, но разве у меня есть иной выход? Поворчав для проформы, я зачем-то разулась, закинула сапоги в мешок и, мысленно на все лады костеря свою горькую судьбину, полезла в воду. Ноги немедленно свело жесточайшей судорогой... Ругнувшись уже вслух, я набрала в легкие побольше воздуха и нырнула, с трудом преодолевая сопротивление плотной и вязкой, как кисель, воды...

Сначала мне никак не удавалось что-либо рассмотреть, но затем глаза понемногу привыкли к темноте и я постепенно стала различать всевозможные оттенки багрового цвета, переливающиеся в толще мертвой воды. Вокруг меня царила абсолютная тишина, а тока воды совсем не наблюдалось, словно весь объем озера замер в безжизненной неподвижности. Но странное дело, внутренним чутьем я ощущала в этой, казалось бы, мертвой воде присутствие некоего сильного разума, злобного и враждебного, настроенного против меня. А еще я прекрасно понимала, что рано или поздно этот разум как-то проявит свое присутствие и наше неизбежное столкновение не принесет мне ничего хорошего...

Но так или иначе, мое погружение продолжалось. Лишь очутившись у самого дна, я сумела поймать некое подобие слабого течения и последовала за ним, углубившись в ответвление узкого каменного коридора, образующего русло впадающей, а может, вытекающей из озера реки. Ее вялые воды полностью укутывал каменный кокон подземной пещеры, а поэтому я никак не могла подняться на поверхность воды и оставалась постоянно погруженной в нее с головой. Дно каменного желоба выстилал слой костей, неясно кому принадлежавших ранее, однако приведших меня в содрогание.

Как и следовало ожидать, вскоре запас воздуха в моих легких подошел к концу, и мне потребовалось его пополнить. Еще ничего не опасаясь, я попробовала раскрыть жабры и начать дышать самой водой, как это произошло в Великом море, подарившем мне встречу с усопшим королем Арциссом. Но не тут-то было – мертвая вода не подчинилась моему

напору, даже не подумав выделить мне хотя бы один глоток воздуха. Раньше мне уже доводилось управлять водной стихией, но густая кровавая субстанция, которая окружала меня сейчас, похоже, имела к воде лишь самое отдаленное отношение, а посему не поддавалась воздействию чар. Я напрасно сплетала заклинания – они не оказали на мертвую воду ни малейшего влияния. В висках застучало. Невидимая рука сдавило горло, а во рту появился солоноватый привкус крови. Мысли путались, вгоняя меня в панику и подсказывая: «На сей раз тебе уже не вырваться из беспощадных объятий смерти, Наследница! На сей раз ты попалась!» Осознав, что задыхаюсь, я испуганно забилась, словно пойманная в сеть рыба, не желая расставаться с ускользающей жизнью. Видят Неназываемые, мне так не хотелось умирать!..

Но сегодня мне противостояли не только смерть и судьба... На помощь им вдруг пришла безликая темная сила, живущая в толще озерной воды. И лишь теперь я поняла, откуда взялись кости, так сильно меня озадачившие. Судя по всему, они покоились тут уже очень давно и принадлежали дерзким и безрассудным путникам, осмелившимся посетить озеро до меня.

– Усни, спи, останься со мной навсегда! – настойчиво нашептывала мертвая вода. – К чему тебе вся эта суета? Я подарю тебе вечный покой... – Озеро вкрадчиво убаюкивало, притупляя чувства и сводя на нет мое желание жить. Здесь было так хорошо – темно, холодно, спокойно. Мне захотелось немедленно улечься на дно и спать, спать, спать...

«Тьма, и правда, зачем я вообще ввязалась в эти дикие приключения?..» – обреченно билось у меня в голове. Разве я герой или опытный воин, способный успешно противостоять любым невзгодам? Разве я великий чародей или прославленный король, как орехи шелкающий все выпадающие на его долю зловключения? И тут до меня дошло: нет, я не тот и не другой, я просто хрупкая женщина, по ошибке или глупости взвалившая на себя слишком тяжелую ношу. Я – женщина! И даже в организме у меня все так, как природа задумала для женщины: где надо – узко, где надо – широко, здесь – впало, а тут – округло. Я – часть общей головоломки, называемой «любовь», вторую половину которой образует разлученный со мной мужчина. Нас просто нужно соединить, составить вместе – и тогда механизм мироздания заработает. Только не требуйте от меня выполнения каких-то других функций. Мой удел – это хрупкость, беззащитность, уют. Когда я закалываю волосы наверх, кокетливо выпуская одну прядь, это выглядит красиво. Да на мне даже духи пахнут лучше, чем задумал их автор. На мне браслеты звенят как обещание радости. И нужно ли упоминать о том, что я умею выполнять это обещание?..

Я создана не из тех материалов, из которых можно ковать твердый характер и формировать судьбу, полную свершений. Нет, я не могу выживать сама по себе. Я предназначена для кого-то. Я сотворена для кого-то. Уж не знаю из чего: возможно, из его ребра или из какой-то иной частицы. Впрочем, это и неважно. Я все равно чувствую себя так, будто во мне гораздо меньше костей, чем это нужно для того, чтобы твердо стоять и быстро ходить. Высоко прыгать, махать мечом и метать копьё. Лучше я пойду сяду в кресло, накроюсь пледом. Или поцелую ребенка... Или обниму любимого мужчину...

Нет, я отнюдь не хочу говорить ни себе, ни другим: «Я справлюсь, я разберусь!» Я хочу позволить себе впасть в смятение, падать в обморок, отключаться, чтобы очнуться в объятиях любимого. И мне не нужны никакие жизненные встряски. Мне нужен кружевной корсет и шелковые чулочки со швом!

Нетрудно быть женщиной, если не стесняться ею быть. Кто-то одарит меня презрением, скажет, что я совсем размякла и разнежилась... Да, я совсем! Я больше не хочу быть женщиной в том мире, где нужно демонстрировать силу, бороться за себя и осваивать новые возможности. Где нужно кусаться, предлагать себя и продвигать себя. А еще по ходу и подцепить успешного мужчину, чтобы затем повиснуть на нем, удержать его, ревновать, сражаться за него и интриговать против соперниц. И потом предъявлять его всем друзьям и врагам как символ своего успеха и знак того, что я состоялась...

Не хочу! Потому что я состоялась только в одном. Я умею его любить. Я хочу быть его

женой. Я умею быть честной. Мне не нужны его дворцы и титулы. Для счастья мне вполне хватит одного – быть любимой. И мне достаточно самой желанной возможности: спать по ночам в той выемке у него на плече, которая тоже часть великой любовной головоломки...

– Наследница, не отчаивайся и не сдавайся! – В голове возник чей-то тихий голос, который поначалу я приняла за душу короля Арцисса, уже неоднократно помогавшую мне выпутываться из очередной передраги. Но, прислушавшись, я поняла – это не он.

– Кто вы? – мысленно осведомилась я, пытаюсь справиться с предобморочной дурнотой, волнами наплывающей на сознание.

– Овэлейн! – Этот пришедший откуда-то извне ответ поразил меня чуть ли не до беспамятства.

– Кто? – растерянно переспросила я, боясь поверить.

– Овэлейн! – однотонно повторил воин. – Верный оруженосец вашего деда.

– Но ты же умер? – глуповато напомнила я, воскресив в памяти образ священной рощи и процесс волшбы Лаллэдрина.

– Мы все когда-нибудь умрем! – усмехнулся воин, повторив начальную строку баллады, исполненной мною во дворце моего отца. – Главное – как и во имя чего...

– Хм... – призадумалась я, на мгновение совершенно позабыв о надвигающейся на меня смерти. – И я тоже?

– Разве ты этого хочешь? – так неправдоподобно удивился Овэлейн, будто делал мне величайшее одолжение, спровоцированное чисто девчоночьей наивностью.

– Нет, сейчас нет, – решительно отмела я подобное предположение. – Но лучше умереть тогда, когда хочешь жить, чем дожить до того дня, когда захочется умереть...

– Возможно, – снисходительно согласился мой собеседник. – Но вспомни, ты же обещала мне бороться до конца!

– Так куда уж конечнее-то, – неубедительно пробурчала я, почти теряя сознание. – И неужели все когда-то данные обещания выполняются?

– За других не поручусь, а свое – выполню! – четко, словно на параде, отпортовал Овэлейн. – Много лет назад я обещал своему умирающему повелителю, что позабочусь о его потомках. И теперь время пришло. Глотни из фляги, в которую Лаллэдрин поместил мою жизнь, и тогда ты сумеешь вырваться из плена мертвой воды.

– Хорошо! – смущенно согласилась я, чувствуя себя виноватой непонятно в чем.

– А еще помни о том, что женщины намного живучее мужчин, – почти весело продолжил мертвый оруженосец. – Они выносливее и терпеливее, они умеют не только дарить мужчинам счастье, но и надежно хранят свою любовь, не разменивая ее на мелочи и благополучно пронося через беды и испытания. Хранят назло и вопреки всему. Не забывай о своей любви, Наследница...

– Хорошо! – однообразно повторила я, словно разом позабыла все известные мне слова. – Не забуду!

После этого странного диалога я сняла привешенную к поясу флягу, открутила туго притертую крышку и прижала к губам узкое горлышко. Превозмогая слабость, судорожно глотнула... Ощущение было такое, словно по моему пищеводу скатилась порция холодного горного воздуха, оставившего на языке упоительный вкус лесной мяты. Мысли прояснились, мышцы налились свежей энергией, а желание жить вспыхнуло во мне с доселе не испытанной страстью. Тьма, и как же я могла подумать о том, будто ничего не значу и не умею? Да, я люблю мужчину, но не имею права позволять себе быть слабее его, ибо не я, а он нуждается теперь в помощи. А значит, браслеты, поцелуи, хрупкость и бестолковое нытье отменяются... Кляня себя за проявленную квелость, я, мощно загребая руками, целенаправленно поплыла вперед, на ощупь продвигаясь по темному подводному туннелю. Нет, я не сдамся! Нет, я не отступлю! Не дождетесь, смерть, судьба, Банрах и Кларисса. А еще мне очень хочется стать достойной той жизни (надеюсь, не напрасно потраченной), которую отдал благородный Овэлейн, принеся себя в жертву ради торжества добра, света и

справедливости!

Коридор оказался длинным... Еще четырежды я прикинула губами к спасительной фляге, пока она полностью не опустела. К счастью, вода начала постепенно светлеть, что свидетельствовало о приближении искомого выхода, должного вывести меня наружу. И вот последним иступленным рывком я прорвала липкую поверхность мертвой воды, отчаянно цепляющуюся за добычу, ускользающую из ее жадных лап, и вынырнула на поверхность. Я победила!

Упоенно вдыхая чистый, сухой воздух, я огляделась и обнаружила, что нахожусь в середине небольшого, довольно грязного озера, расположенного в какой-то неприглядной, каменистой и безжизненной местности. Я доплыла до берега и, тяжело отдуваясь, вывалилась на сушу, чувствуя себя выброшенной из воды рыбиной. Ухватила руками за клочок сухого ковыля и подтянулась, выталкивая повыше свое непослушное тело и стремясь очутиться как можно дальше от этой кровавой мерзости. Рывок, еще рывок... Вода неохотно стекала с моих бедер, коленей, лодыжек...

– Да отпусти ты, зараза! – Я гневно лягнула ногой, с остервенением отпινываясь от привязчивого озера, и с утробным чмоканьем отделилась от воды. Торопливо откатилась подальше и замерла, бездумно рассматривая раскинувшееся надо мной небо. Ласковые лучи теплого Сола незамедлительно высушили мое лицо. Я благодарно улыбнулась, расслабилась и сама не заметила, как заснула...

Блеклый рассвет следующего дня застал меня уже на ногах, уверенно вышагивающую по россыпи мелких камушков, устилающих здешнюю почву. За ночь все мои насквозь промокшие вещи успели высохнуть, правда, сапоги немного сморщились и утратили прежний глянец. Беззаботно посвистывая, я натянула их на ноги и упрямо топнула малость сбитым каблуком. А ведь жмут теперь, собаки. И выглядят соответствующе.

Я сердито хохотнула. Вот уж точно, во все времена женщины стремились иметь узкую ступню и жить на широкую ногу. Ну и Тьма с непрезентабельным видом моей обуви! Тьма с помятой, пахнущей кровью одеждой, грязной сумкой, слипшимися волосами и траурными ободками под ногтями. Не на бал собираюсь. Красота – страшная сила, поэтому она многих и отпугивает! Ну да мне это не грозит...

Саркастично показав язык озерцу мертвой воды – типа попрощалась, я самоуверенно пошкандыбала по своим делам, немного прихрамывая на правую ногу, ушибленную о какую-то каменюку. Я шла куда глаза глядят, строго по рецепту нашей сметливой Ребекки. Ничего хорошего от поджидающих меня приключений я не ожидала, но настроение почему-то было радужным и даже немного ироничным. Подобная ситуация характеризуется примерно так: «Направо пойдешь – в морду получишь! Налево пойдешь – в морду получишь. Прямо пойдешь – в морду получишь! Ну давай решай уже, куда идти, а то здесь в морду получишь!» Как говорится, выбирать не из чего: куда ни кинь – везде клин. Приходилось надеяться на то, что нужные беды выберут меня сами.

Так оно и случилось...

Туманная дымка, затеняющая линию горизонта, рассеялась совершенно неожиданно, являя моему взору одинокую скалу, острую и изогнутую, будто клык дракона. Мой озабоченно нахмуренный лоб мгновенно разгладился. Вне всякого сомнения, я наконец-то добралась именно до того самого места, которое и искала. Легендарный утес Судьбы. Именно ему предстоит стать поворотным пунктом как в истории всего многострадального Лаганахара, так и в моей жизни. Хотя с последним утверждением я все-таки намеревалась поспорить. Я обязательно постараюсь изменить свою жизнь к лучшему, а все плохое проигнорирую – просто выброшу его из головы. Человеческая память обладает одним серьезным дефектом, а возможно, наоборот, достоинством: мы быстро забываем все плохое и долго помним хорошее. Может быть, нас спасает именно это свойство памяти, ибо оно помогает делать жизнь более приятной. Но при этом, снова и снова наступая на разбросанные там и сям грабли, мы каждый раз искренне верим в то, что подобное несчастье

с нами никогда уже больше не повторится. Кстати, я тоже в это верила!

Я подошла к скале. Дважды обошла ее по кругу. И восхищенно выругалась. Стройность и высота утеса Судьбы внушали невольное уважение, намекая на то, что игры и мелкие гадости закончились. Начинаются крупные неприятности! Мне ли не знать о том, что судьба не выносит даже малейшего проявления чувства юмора, предпочитая шутить над своими подопытными в одностороннем порядке. Или издеваться – по ее усмотрению.

Запрокинув голову и отрешившись от мирской суеты, я долго стояла неподвижно, размышляя и взвешивая все «за» и «против». То, что творилось на вершине скалы, оставалось для моего взора недоступным. Чары не помогали заглянуть наверх, заклинания оказались бесполезными – скала напрочь отказывалась выдавать свои тайны. А еще я пришла к закономерному выводу: покой утеса охраняет некая неведомая магия, не позволяющая мне не только взлететь, но даже немного расправить крылья. Она ощутимо давила на спину, намекая: «Тебе меня не обмануть. Если хочешь встретиться со своей судьбой лицом к лицу, тебе придется потрудиться. А хитрость и чародейские навыки здесь не пригодятся. Как говорится, без труда не вытатишь и печень из врага». Осознав всю безвыходность своего положения, я язвительно усмехнулась, поплевала на ладони и полезла наверх... Как утверждает мудрый Лаллэдрин, жизнь отнюдь не состоит из черных и белых полос. Она больше похожа на шахматную доску. И в ней все зависит от твоего следующего хода...

Не знаю, сколько времени отнял у меня подъем. Пару раз я чуть не сорвалась, лишь чудом удержавшись на противоестественно гладкой каменной поверхности. Мои пальцы жили сами по себе, интуитивно отыскивая трещины и выступы, способные выдержать мой вес. Один раз я зачем-то взглянула вниз и тут же потрясенно зажмурилась, борясь с подступившей к горлу тошнотой. Я обнаружила, что земля, по логике обязанная расстилаться где-то внизу, исчезла! Банально испарилась. Ниже моих сапог клубился белесый туман, в прорехах коего мелькало черное ничто. Трудно судить, чем именно оно являлось: бездной, бесконечностью, смертью или началом всего сущего. А впрочем, какая разница? Тогда мне было не до этого... Теперь ясно только одно – обратного пути нет, остается лишь упрямо идти вперед, покуда хватит сил, или сдаться: отпустить руки и трусливо ухнуть в голодное ничто, мечтающее сожрать мое брэнное тело. Я злобно скрипнула зубами, мысленно посылая судьбу во Тьму, и еще теснее прижалась к холодной скале, устремляясь навстречу неведомому. Я сорвала ногти, до крови ободрала костяшки пальцев и до дыр протерла носки сапог, но все-таки вскарабкалась на вершину, тяжело дыша и постанывая от боли. Животом навалилась на острую кромку уступа, перекатила на нее свое непослушное, онемевшее тело, предвкушающе закрыла глаза и замерла, ожидая обещанного приза. Как там вещал мудрый Лаллэдрин? Поднявшись на вершину утеса Судьбы, каждый из нас получает то, к чему стремился, то, чего заслуживает. Так чего же заслуживаю я?..

– Вставай, разлеглась тут, дурочка! – Насмешливый, отлично знакомый голос невежливо прервал мой короткий отдых. – Это надо же додуматься до такой беспросветной глупости: пешком переться через пустыню, переплыть красное озеро и, словно паук, ползти по высоченной скале! Знаешь, раньше я подозревала в тебе хоть небольшой, но все же ум. А сейчас вижу – я тебе польстила!..

Мое тело будто окатили кипятком. А я-то еще надеялась на какую-то высшую справедливость! Да мне давно бы уже пора понять, что в нашем мире ее нет, а единственное безукоризненно работающее правило – закон подлости... Этот капризный голосок со снисходительными, самовлюбленными нотками! Его же ни с чем не спутаешь! Он же принадлежит моей...

Я обреченно разлепила припухшие от пыли веки. Надо мной, издевательски цокая языком, склонилась принцесса Эвридика собственной персоной, выглядящая безупречно свежей и элегантной.

– Привет, сестрица! – ехидно мурлыкнула она, отвечивая издевательски-грациозный поклон. – Ну-ка признавайся: не ожидала меня здесь увидеть?

Да разве тут что-то скажешь?! Я даже и не пыталась заговорить. Частично по причине полнейшего непонимания ситуации, повлекшего за собой онемение языка и сильнейший мыслительный коллапс. Но в основном потому, что я временно утратила дар речи, безмолвно таращась на эту избалованную эльфийку, без малейшего усилия запросто уделавшую меня по всем статьям...

Снегопад продолжался уже третий день... Легчайшие ажурные снежинки невесомо кружились в воздухе и беззвучно опадали на мостовую, укутывая ее толстым белым покрывалом. Вычурные узоры изморози украсили оконные стекла, придав им праздничный вид. В камине звонко постреливали добротные поленья, распространяя упоительное тепло. На придвинутом к огню столике стоял кувшин с розовым эльфийским вином, гармонично соседствующий с наполненным бокалом, чуть пригубленным. На каминной доске красовался букет из пушистых сосновых веток, перевитых красными лентами. Да, подвезенные эльфами припасы пришлось весьма кстати, ведь близился канун главного зимнего праздника, знаменующего начало нового года...

Прикрыв ноги краем пушистого мехового одеяла, сьерра Кларисса неподвижно сидела в своем любимом кресле, пристально глядя в огонь. Чародейка размышляла. О чем? О многом и в то же время ни о чем конкретном. Кажется, о судьбе, совсем позабывшей о властительной магичке... кажется, о любви, давно от нее отвернувшейся. Ветер басовито завывал в вытяжной трубе, немного устав от роли единственного собеседника, допущенного к главе гильдии Чародеев. Он напрочь отказывался понимать эту странную женщину, поражавшую его как резкими сменами настроения, так и своей неоднозначной внешностью. Ее стройная фигура вопиюще контрастировала с изможденным лицом, испещренным морщинами, и седыми прядями, проглядывающими в неаккуратно собранной прическе. Под потухшими глазами залегли темные круги.

Уже много недель не покидающая личные покои верховная чародейка как-то резко сдала и постарела, утратив большую часть своего недавнего лоска и величественности. Сейчас в кресле подле огня сидела просто женщина, самая обыкновенная женщина, уставшая от всего: от жизни, от груза повседневных забот, от тоски и одиночества. А более всего – от себя самой. Иногда она вдруг принималась хохотать или проклинать врагов, сыпать непотребными ругательствами и выть как сумасшедшая, иступленно потрясая сжатыми кулаками. Ее громкий голос гулким эхом раскатывался по этажам Звездной башни, до полусмерти пугая проживающих в ней магов. Впрочем, теперь они предпочитали как можно реже находиться в своих комнатах, постепенно перебираясь в городские гостиницы, наполненные веселыми шутками готовящихся к празднику людей и запахами всевозможных свежеприготовленных кушаний.

Кларисса и в самом деле осталась почти одна. К ней изредка наведывались лишь несколько особо приближенных сподвижников, которые приносили еду и тактично делали вид, будто не замечают неадекватности своей хозяйки. Но Кларисса и сама избегала общения с соратниками, боясь сорваться... А в иные дни она неожиданно теряла контроль над собой, заливалась горячими слезами, навзрыд призывая кого-то далекого и, видимо, безвозвратно утерянного, носящего красивое имя Арден...

Нет, ветер уже полностью отчаялся понять эту несчастную старуху и посещал ее лишь из любопытства. А возможно, еще из какой-то противоестественной жалости, изрядно его обременяющей. Впрочем, иногда чародейка рассказывала такие интересные истории, что ее стоило послушать. Вот и сегодня сьерра Кларисса глотнула вина и заговорила хрипловатым голосом, торопясь и сбиваясь:

– Раньше я не знала, что представляет собой жизнь. У меня попросту не было времени, чтобы остановиться и подумать на этот счет. А ныне я вижу – жизнь похожа на малиновое варенье, медленно и липко текущее из стеклянной банки в фаянсовое блюдо. Слишком однообразно, слишком тягуче. Лишь изредка в ней возникает дуновение незнакомого ветра, и тогда мне хочется бежать далеко-далеко, туда, где меня никогда не было и уже не будет.

Потому что ветер только дразнит – он неспособен поднять мои тяжелые кости. Он треплет мне волосы, пробуждая несбыточные мечты... Говорят, будто временами мой взгляд становится безумно-отстраненным и я несу редкостную сентиментально-романтическую чушь. А еще, дескать, я не должна замахиваться на неосуществимое, потому как надо радоваться тому, что у меня есть. И никогда не сожалеть о несбывшемся...

Магичка запнулась и замолчала. Смочив горло следующим глотком вина, она продолжила уже совсем в другой тональности:

– Да что это со мной? Неужели я сетую на жизнь? Я, глава гильдии Чародеев? – Кларисса горделиво расправила плечи, ее плаксиво заломленные брови грозно сошлись над переносицей. – Какой недостойный меня поступок! Нет, подобному не бывать! Еще не все потеряно! – Она остервенело швырнула бокал в стену и с мрачным удовольствием понаблюдала за осколками, так и брызнувшими во все стороны. – Я рано сдалась. Я слишком рано поверила в пророчество Неназываемых, предвещающее гибель чародеев! Пусть весь Блентайр отвернулся от чародеев и преклоняется перед спасшими нас эльфами. Пусть они распространяют слухи о том, что ненавистная Наследница сумела дойти до Пустоши и обуздала ее, потому что наступление песков прекратилось. Пусть гильдия сплетничает о том, что я утратила прежнюю силу и мне пора покинуть свой пост. Все это не так! Я просто отказываюсь верить в этот бред. Я найду полезного сообщника и еще сумею остановить проклятую девчонку. Я обязательно успею ее остановить! Хм, Йона в любом случае пожалует в лес Шорохов, а глава гильдии Охотников, могучий Михай, слишком многим мне обязан. – Кларисса покинула кресло и начала привычно прохаживаться по комнате, ощущая, как в ее голове созревает простой, но в то же время весьма перспективный план. – Пять лет назад я поспособствовала тому, чтобы Михая избрали главой охотников... – Чародейка вспомнила высокого смуглого мужчину, который в былые времена являлся ее любовником, и плотоядно усмехнулась. – О нет, он никогда не обладал выдающимися умственными способностями, но зато всегда отличался исполнительностью и верностью. Он понимает, чем обязан мне. Михай не откажется выполнить мое поручение... – Кларисса растерянно огляделась, словно отыскивая того, кто сумеет стать ее посланцем, но тут же вспомнила о своем отшельничестве и горестно усмехнулась. – Вот Тьма! – разочарованно бормотнула она. – Эти презренные трусы, ошибочно называемые магами моей гильдии, сбежали в город, купившись на эльфийские подачки...

Тут ветер, уставший беззвучно сидеть в трубе, неосторожно повернулся и выдал себя, шумно хлопнув заслонкой... Сьерра Кларисса встрепелась, обрадованно всплеснула руками и громко расхохоталась:

– Ты-то мне и нужен, дорогой! – Пальцы женщины торопливо задвигались, выписывая в воздухе светящиеся руны, и ветер послушно лег на плечи чародейки, почти усыпленный ее волшбой.

– Чудесно! – Магичка схватила перо, бумагу и поспешно написала несколько лаконичных строк приказа. – Тебя никто не остановит и никто ни в чем не заподозрит. – Она скатала листок с посланием в маленький шарик и подбросила вверх, позволяя ветру подхватить и увлечь его за собой.

Одурманенный ветер послушно подчинился стихийной магии, заметавшись по комнате.

– Лети! – Кларисса приоткрыла окно, и ее незримый слуга ловко протиснулся в узкую щелку, вырываясь на волю. Бумажный комочек впелся в хоровод снежинок и стал почти незаметным. – Лети в лес Шорохов, к Михая! – уточнила чародейка.

А затем она оправила помятое платье, пригладила растрепавшиеся волосы и снова уселась в кресло, статная и красивая, словно сбросившая лет десять. Неважно, что она не успела насладиться своей молодостью, потратив время на козни и интриги. Неважно, что она не успела насытиться любовью мужчин, променяв ее на власть. Сейчас все это уже не имеет никакого значения! Чтобы все успеть, нужно меньше хотеть. А нынче Клариссе хочется лишь одного... И значит, она успеет!

Все в жизни нужно делать вовремя. Вовремя покинуть затухающий костер, пока дрова не превратились в пепел. Вовремя уйти из-за стола, чтобы не делить оставшиеся от пиршества крохи. Вовремя отвести глаза, пока другие глаза не стали холодными и равнодушными. Вовремя сказать и о любви, и о ненависти, дабы потом не сожалеть об опоздании...

Мое онемение прошло, и я одарила сестрицу широчайшей лучезарнейшей улыбкой, будто только об этом и мечтала: увидеть ее здесь и сейчас. Да, признаюсь, сейчас мне очень хотелось сказать Эвридике пару ласковых слов, но я сдержалась. Решила, что время еще не подходящее.

– Как ты сюда попала? – спросила я ровным голосом, ничем не выдавая обуревающих меня эмоций. – К тому же значительно раньше меня...

Сестрица снисходительно хмыкнула. Кончиками пальцев она чопорно подобрала длинный подол своего дорожного платья и уселась на большой камень, принимая вызывающе эффектную позу.

– Жду тебя чуть ли не сутки! – с утрированной плаксивостью пожаловалась Эвридика. – Я устала и есть хочу...

– Еды нет! – красноречиво развела руками я. – Так как ты сюда попала? – Моя настойчивость объяснялась вполне понятным любопытством и уязвленным самолюбием.

– Пить хочу! – продолжала картинно канючить эльфийка, начисто игнорируя мой вопрос. – Умираю от жажды.

– Вода у меня еще осталась! – Я заманивающе потрясла полупустым бурдюком. – Дам, если ответишь.

– Дура, все гениальное просто! – Принцесса бесцеремонно выхватила кожаный мешок у меня из рук. – Сама могла додуматься. Если, конечно, у тебя мозги имеются, – язвительно добавила она, надолго присасываясь к бурдюку.

Я недоуменно хлопала ресницами, размышляя: «А может, она не так уж и неправа? Нет, не насчет мозгов, а насчет гениальной простоты. И нет в том ничего тайного?.. Очевидно, разгадка лежит где-то на поверхности...»

– Я прилетела сюда на Мифрил! – соизволила довести до моего сведения сестричка, небрежно бросая мне под ноги опустевший бурдюк.

– Что-что? – не поверила я, округляя глаза. – На ком?

– На твоей белобрысой мантикоре! – четко, как дремучей идиотке, вдалбливала Эвридика, с сочувствием глядя на меня. – Ты не только тупая, ты еще и невежда. Стыдно Наследнице не знать о том, что священная белая мантикора способна пролететь везде.

– Ага! – В голове у меня немного прояснилось. – И она позволила тебе сесть на себя? – Подобное предположение казалось мне совершенно невероятным.

– Обычно мантикора не подпускает к себе никого, кроме своего наездника, – снисходительно пояснила Эвридика. – Но это обычно. Не забывай о том, что я не только являюсь наследственной Повелительницей мантикор, я еще и чародейка, ученица великого Лаллэдрина... А ты, глупая, плелась тем временем через пустыню, подвергая себя опасности...

«Да, наставник, ну и свинью же ты мне подложил, обучив сестрицу! – печально подумала я. – Не ожидала от тебя такого...» Но разве такой сильный маг способен допустить оплошность? Я абсолютно не верила как в неведение Лаллэдрина, так и в его симпатию к Эвридике. Значит, требовалось, чтобы я шла по Огненным землям именно пешком... Зачем? Неужели ради встречи с шаффами и беседы с мудрым Раррахом, который открыл мне секрет Неназываемых?

– Я околдовала сознание Мифрил, заставив ее отнести меня на утес Судьбы! – между тем увлеченно вещала эльфийка, не обращая ни малейшего внимания на мое задумчиво-сосредоточенное лицо. – Мантикоре пришлось подчиниться. Правда, приземлившись на утес и высадив меня, она избавилась от воздействия чар и спешно упорхнула неизвестно куда, –

уже не так пафосно завершила свою речь сестрица. – Но тем не менее я нахожусь здесь. И теперь тебе придется придумать нечто оригинальное и действенное, чтобы вытащить нас отсюда.

«Еще чего! – очень хотелось сказать мне. – Я и не подумаю тебя спасти!» Но перед моим внутренним взором немедленно возник образ умирающей королевы Эвники, взявшей с меня нерушимую клятву во всем помогать ее дочери. Я злобно скрипнула зубами. О своей ненависти нужно говорить вовремя, и, клянусь Неназываемыми, однажды я о ней скажу! Еще как скажу... И тогда Эвридике мало не покажется!

– Придумаю! – нехотя процедила я. – Если ты немного отодвинешься в сторонку и не станешь мне мешать. Мне нужно подумать.

– Ухожу-ухожу! – Эвридика небрежно спародировала миротворческий жест, выставив вперед доверительно раскрытые ладони, а потом криво улыбнулась: – Поду-умать? Ну-ну... – Ее ехидные интонации раздражали, как комариный звон. Но она все-таки пересела на другой камень, подальше на меня, и скорчила скучающую гримаску. «Давай думай, если получится», – намекали ее скептически поджатые губы и насмешливо прищуренные глаза. Вот зараза!

Однако вскоре я отрешилась от гнева и в самом деле задумалась, как и обещала принцессе. Следует признать, в ее реплике «вытащить нас отсюда» действительно содержалось некое рациональное зерно. Хм, почему-то высказывания глупых, ничего не значащих для тебя людей запоминаются намного лучше, чем слова тех, кто что-то для тебя значит!

Итак, направляясь к утесу Судьбы, я руководствовалась указаниями, полученными в храме Эврилики. Не сомневаюсь, их мне дала сама богиня. Она посоветовала шагнуть с утеса и найти Колокол Судьбы. Я подошла к краю скальной площадки, опасливо глянула вниз, но ничего там не обнаружила. Вокруг скалы клубилось темное ничто, больше всего похожее на бездонную пустоту, не имеющую ни конца, ни начала. И мне предложили шагнуть туда? Я отрицательно замотала головой, словно апеллировала к невидимому собеседнику. Да это же верная гибель!

Минуты тянулись невыносимо медленно. Я тщетно ломала голову над создавшейся проблемой, но так и не смогла придумать ничего стоящего. Эвридика нетерпеливо постукивала туфелькой по мелким камешкам, разбросанным на вершине утеса, но хранила молчание, очевидно решив дождаться результата моего мозгового штурма. Не исключено, что где-то в глубине души она все-таки немного верила если не в мою сообразительность, то хотя бы в слепое везение, до сего дня неизменно мне сопутствующее.

Не знаю, сколько времени прошло. Возможно – час, а возможно – десять. Вокруг нас ничего не менялось. По небу все так же проплывали редкие серые облачка, под скалой по-прежнему клубилось равнодушное темное море. Мои сомнения умерли первыми, наверное убитые терзающим меня голодом. Или отчаянием. Или безвыходностью. А скорее всего, всем вместе. И тогда я наконец-то решилась. Я прекрасно понимала, что, просиди я тут хоть всю оставшуюся жизнь, все равно не высижу ничего дельного. Каких-то конкретных планов у меня нет, а случайное у меня всегда получается не в пример лучше, чем специальное. Вот сейчас мы и проверим, сработает ли в моем случае так любимое Лаллэдрином правило трех «н»? Эх, была не была!

Нет, я не стала зажмуриваться... Прихватив свои пожитки, я широко шагнула с утеса, мысленно уже нарисовав себе печальную сцену своего ожидаемого недолгого падения во враждебное ничто. Но трагедии не произошло, потому что едва я успела зависнуть в воздухе, как унылая панорама, разворачивающаяся перед моими глазами, неожиданно исчезла, сменившись совсем иным зрелищем.

Лаллэдрин оказался прав! В мире и правда не существует ничего невозможного... Он появился из пустоты, вмиг очаровав меня своими плавными очертаниями и чуть заметным раскачиванием огромного, ярко сверкающего корпуса, казалось отлитого из чистого серебра. Рядом с ним меркли даже знаменитые дархэмские колокола, намного уступающие в размерах

и полнозвучии. Он свободно парил в воздухе, лишенный каких-либо опор и абсолютно в них не нуждающийся. Его изысканно изогнутый торс немного подрагивал, издавая тихую, прекрасную, но уже почти закончившуюся мелодию. Колокол Судьбы – это, несомненно, был именно он – предстал передо мной во всем своем величии. Колокол, отзванивающий мелодию жизни всего Лаганахара. Колокол, раскачивающийся так лениво, будто погружался в смертный сон. Колокол, почти уже умолкший!..

Я отчаянно закричала срывающимся от возмущения голосом и рванулась вперед, помогая себе всем чем могла: руками, ногами, волей и желанием.

– Не останавливайся! – истошно зывала я. – Не умолкай!

Я упала на покатый бок величайшей ценности нашего мира и буквально вплавилась в светлый металл, порывисто толкнув его, насколько хватило сил. Колокол протестующе загудел и вздрогнул... Мое тело придало ему заметное ускорение, заставив проснуться. Язык резко ударил о стенку купола, рождая новую мелодию, куда более бодрую и громкую, чем прежняя. Пространство вокруг меня вдруг взвихрилось и закувыркалось, сливаясь в калейдоскоп из размазанных многоцветных полос. Мир сместился, нарушая все мыслимые и немыслимые законы бытия. Мне показалось, будто я отделилась от колокола и теперь свободно парю сама по себе, находясь где-то между небом и землей, днем и ночью, жизнью и смертью. Мое сердце ликующе забило, подсказывая: это случилось! Я сумела повернуть время вспять, научив Колокол Судьбы новой мелодии, созвучной ритму моего сердца. И, уже погрузившись в водоворот эмоций, я внезапно ощутила нечто живое и тяжелое, весомо обрушившееся мне на плечи...

Глава 5

Начав немного осознавать себя во времени и пространстве, я обнаружила, что лежу на животе, уткнувшись носом в песок. Голова слегка побаливала, особенно если я мысленно возвращалась к образу того странного вихря, который стащил меня с Колокола Судьбы и зашвырнул неизвестно куда. Хотя почему же – неизвестно? С памятью у меня все в порядке. Я прекрасно понимаю, кто я такая и где сейчас нахожусь. Зовут меня Йона, а больше всего на свете я мечтала попасть обратно в храм Песка, расположенный именно в пустыне. А уж коли мой любопытный нос покалывают самые настоящие песчинки, значит...

Нет, так не пойдет! Эти теоретизирования только раздражили мое любопытство. Пора во всем убедиться самой! Поднатужившись, я сбросила с себя непонятную тяжесть, уже изрядно отдавившую мне спину, и перевернулась на бок...

Выяснилось, что многократно хваленная интуиция не подвела меня и на сей раз. Я лежала на полу уже знакомого мне коридора, ведущего к залу Вечности. А рядом со мной распростерлось то, что и давило мне на спину. Я моргнула, не веря собственным глазам. Да это же... Тьма, неужели я никогда от нее не избавлюсь?..

– Здравс-сте! – почти приветливо улыбнулась Эвридика, грациозно переводя свое стройное тело в сидячее положение. – Сегодня чудесная погода, не так ли? Весьма подходящая для прогулок. – В ее якобы сердечном тоне конечно же присутствовала издевка, уже давно ставшая для меня вполне привычной.

– Ик! – невразумительно выдала я, изумленная до крайности.

– Вот что ты за эгоистка такая неизлечимая, а? – как ни в чем не бывало продолжила принцесса, спокойно поправляя чуточку растрепавшуюся прическу. – Так и норовишь сбежать, бросив меня в каком-нибудь опасном месте. Знаешь, это выглядит так не по-родственному...

– Ой, что-то у меня с глазами плохо! – простонала я, изо всех сил придавливая пальцами свои припухшие от недосыпания веки, чтобы избавиться от этого навязчивого наваждения. – Признайся, ты мне мерещишься?

– Да нет, с глазами у тебя хорошо. Вот без них точно плохо будет! – язвительно передразнила Эвридика и наставительно хлопнула меня по руке: – Прекрати тереть глаза –

конъюнктивит заработаешь. И не обольщайся, по-твоему опять не вышло. Хочу тебя разочаровать, я не мираж, я настоящая!

– Да? Чтоб тебя мантикора три раза пере... – начала я, неосознанно воспроизводя любимое ругательство Ребекки, но вовремя спохватилась. – Ой, извини, пожалуйста, не принимай это на свой счет!

– Вот еще! – Сестрица царственно повела плечами, словно находилась несоизмеримо выше всей глупости и суеты нашего несовершенного мира. – Я вообще на свой счет ничего, кроме золота, не принимаю...

– Но-о-о... – непонимающе протянула я. – Как...

– Я просто прыгнула тебе на плечи в тот самый момент, когда ты собралась единолично смыться с утеса, и вот – хоп-па! – я здесь! – Она многозначительно прищелкнула пальцами. – Правда, в процессе нашего перемещения я попала из одного гадюшника в другой, но кто знает, где можно повстречаться со своим долгожданным счастьем.

– Повстречаться, – задумчиво повторила я. – Скорее мы тут кучу неприятностей огребем... – Но в душе я тоже надеялась на чудо. Ведь не зря же Лаллэдрин уверял меня, что в итоге каждый из нас получает то, чего заслуживает!

– Прекрати меня запугивать! – сердито рявкнула эльфийка. – Я и не такое видывала... – Но закончить фразу она не успела, потому что я молнией метнулась к принцессе и торопливо зажала ладонью ее болтливый рот. Сестрица ответила мне разъяренным взглядом предельно расширенных глаз.

– Слушай! – почти беззвучно шепнула я, гадая, уж не почудились ли мне эти слабые, едва различимые звуки.

Мгновение спустя Эвридика согласно кивнула, подтверждая – не почудились. По коридору и в самом деле кто-то шел, быстро сокращая разделяющее нас расстояние. Не сговариваясь, мы с Эвридикой шмыгнули за поворот коридора и затаились там, словно пара мышек, приткнувшись в темном углу, не осмеливаясь даже дышать. Что-то непохоже, будто к нам приближается именно оно – столь желанное для нас счастье. Хотя нам очень хотелось на это надеяться!

Спустя несколько секунд в коридоре появились две личности, при виде которых я едва не закричала от удивления. Мне даже пришлось заткнуть рот кулаком, дабы случайно не выдать себя произвольным вздохом или стоном. В первой фигуре я без труда опознала свою давнюю единомышленницу жрицу Веершир, а во второй – столь же давнюю противницу Каадсур, нехотя плетущуюся вслед за напарницей. Но самым невероятным в данной ситуации оказалось то, что на руках у Веершир лежал мой дорогой Арден, неподвижный и пугающе бледный...

– Какой красавец! – восхищенно шепнула Эвридика, наклонившись к самому моему уху. – Скажи, он принц?

– Принц! – буркнула я, надеясь отвязаться от прилипчивой сестрицы. – Только мертвый!

Эвридика издала серию трагических охов и ахов, но меня не трогали эти причитания, ибо сейчас мое внимание принадлежало отнюдь не ей. Я не отводила глаз от Веершир и Ардена, уже начиная понимать: время повернулось вспять, переместив меня в прошлое, в день похорон моего возлюбленного. Ах, я так надеялась на то, что однажды это произойдет! Неужели мое заветное желание исполнилось и судьба смиростивилась, даровав мне шанс оживить Ардена?

– Святотатство! – возмущенно ворчала Каадсур, чуть не наступая на пятки своей напарнице. – Повелительница велела выбросить его в пустыню или закопать за ближайшей дюной...

– А мне наплевать на ее приказы, – гневно отмахнулась Веершир, проходя мимо нас с Эвридикой, вступая в обширное круглое помещение и опуская юношу на песок. – Я похороню его здесь, в храме, в зале Вечности. Там, где покоятся наши сестры и братья, ждущие момента своего нового возрождения. Их души не умерли, ведь они принадлежат

бесконечности.

– Святотатство! – Каадсур гневно оскалила клыки. – На что ты надеешься, отступница? Он уже не воскреснет, его душа обречена на вечное блуждание во Тьме, ибо он не верит в милость богини Банрах. Он стал для нее всего лишь мимолетной утехой, пищей для тела и развлечением для души.

– Разве у змееликой есть душа? – насмешливо поддела Веершир, набирая полные пригоршни песка и готовясь начать погребальный обряд жриц-хайдари. – Он верил в нечто большее, чем Тьма: в любовь и справедливость.

– Ну и где она теперь, эта его любовь? – цинично каркнула темная тварь. – Где его хваленая справедливость?

– Они вернутся...

– Глупости! – презрительно отмахнулась Каадсур. – Бред и детские сказки. Тьму уже не остановить!

– Подожди, не спеши праздновать победу, – с угрозой в голосе предостерегла Веершир. – Мир еще не погиб...

– Зато для него все уже закончилось. – Тварь насмешливо вытянула палец, глумясь над умершим и указывая на его безответный труп. – Мальчишка сдох, а та, которую он ждал, опоздала!

– Увидим, – холодно откликнулась жрица. – Увидим.

– Дура ты, моя слепая сестра! – настаивала на своем Каадсур. – Пойми же, он умер!

Внезапно Веершир потрясенно вскрикнула. Из ранки на шее мертвого Ардена неожиданно выступила единственная, последняя капля крови, крупная и алая, словно бесценный рубин.

– Ах, – изумилась добрая лайил, – его душа еще не отлетела, его еще можно спасти, если сделать это прямо сейчас...

– Каким образом? – недоверчиво выпучила глаза Каадсур.

– Если в этом храме сейчас появится некто отважный, имеющий при себе пламя дракона, силу ветра и свежесть моря, тот, кто умеет любить и не боится власти черной богини, он еще сможет вырвать Ардена из объятий смерти и вернуть к жизни. Вот только сделать это нужно тотчас же, пока он еще не лишился последней капли крови, ведь она несет в себе удивительное волшебство и вбирает отлетающую душу самого умирающего...

Я услышала эти слова, потому что судьба предназначила их именно для меня. Не для кого-то еще, а только для меня! Взвившись с места, я ринулась в зал Вечности, проскочила между ошеломленно замершими, ничего не понимающими лайил и, протянув руку, успела подхватить в горсть последнюю каплю крови Ардена. Призывно поблескивая, она свернулась в небольшой шарик и доверчиво угнездилась на моей ладони, чуть подрагивая, словно разумное, беззащитное существо...

– Ого! – Презрительно присвистнув, Каадсур словно невзначай с деланой небрежностью опустила ладонь на рукоять своей сабли-кастане. – Где-то я тебя уже видела, девочка...

– На церемонии выбора учеников, – ровным тоном подсказала Веершир, дружески мне подмигивая. – Именно она и обещала спасти Ардена.

– С тех пор ты здорово выросла и повзрослела, девочка! – В голосе Каадсур появились настороженные нотки. Она явно не знала, чего от меня ожидать. – И теперь ты явилась сюда, дабы выполнить данное ему обещание? – Последовал чуть заметный кивок в сторону мертвого юноши.

– Да! – ультимативно отчеканила я, баюкая на ладони последнюю каплю крови своего любимого.

Тварь снова присвистнула, на сей раз намного уважительнее, отдавая должное моей беспримерной дерзости.

– И у тебя имеется при себе все необходимое: пламя дракона, сила ветра и свежесть

моря?

– Да! – снова подтвердила я, на самом деле будучи уверенной в стопроцентной идентичности лишь первых двух элементов из вышеперечисленных. Но раскрывать врагу свои слабые места я не собиралась. Путь понервничает.

– Не верю! – потрясенно вскрикнула Каадсур. – Это невозможно. Я тебе не верю.

Кажется, из всех присутствующих в зале Вечности в данный момент мне верила одна лишь Веершир, поддерживавшая меня доверчивым, радостным взглядом. Эвридика же, наоборот, скептически ухмыльнулась и отступила к стене, словно намекая: я здесь вообще ни при чем, я просто так, мимо проходила.

Не обращая на них ни малейшего внимания, я вывалила из бездонной сумки Лаллэдрина грудку драгоценных камней, почти честно изъятых у Железного Дракона, а поверх нее бросила амулет «Ловец ветра», тихонько гудящий от ярости переполняющей его стихии. Насчет свежести моря я не была настроена столь же оптимистично, а посему решила разобраться с ней по ходу развития событий. Домашние заготовки закончились, придется не умничать, а импровизировать на ходу. И наверное, это себя оправдывает, ибо кто много думает – тот мало делает.

– Ах ты дрянь! – возмущенно возопила Каадсур и, выхватив из ножен саблю, бросилась на меня. – Раздобыла-таки!

У меня екнуло сердце, потому что грядущая схватка с лайил казалась неизбежной. Но я не успела даже взяться за оружие, потому как дорогу Каадсур неожиданно преградила Веершир, столь же решительно поводящая кончиком обнаженного клинка.

– Пстой-ка, подруга, не торопись! – насмешливо предложила она. – Думаю, нам с тобой пора прояснить наши отношения. А ты, девочка, – она одарила меня одобрительным взглядом, – займись сама понимаешь чем...

Каадсур провела что-то неразборчивое, и клинки поединщиц встретились, высекая снопы огненных искр.

«Интересно, а сегодняшняя Веершир знает о нашей предыдущей встрече в храме Песка? – подумала я. – Или о последующей... Тьфу, Тьма его теперь разберет, это время!»

Из задумчивости меня вывела капля крови, деликатно, но требовательно покалывающая мою ладонь. Я склонилась над Арденом, пытаюсь преодолеть сильный душевный трепет, мешающий сконцентрироваться. Мне нужно немедленно провести обряд воскрешения, но, увы, я лишь смутно догадываюсь, в чем именно он заключается. Одно дело – знать истину, и совсем другое – знать, что с ней делать. И поэтому я решила действовать по наитию.

Мне хватило короткого заклинания, чтобы воспламенить огромную кучу драгоценных камней, вспыхнувших необычайно жарко. Повинуясь моему призыву, медальон «Ловец ветра» взлетел вверх, извергая из себя целый ураган, который легко подхватил созданное мною пламя и окутал им тело Ардена. Я выжидательно всматривалась в лицо потерянного любимого, такое бледное и безжизненное, напуганная окаменелостью его черт и безмерно восхищенная его красотой. Как же он изменился и похорошел! И прежде стройный и высокий, ныне Арден выглядел куда более мускулистым и серьезным, оставив позади пору юношества. Теперь он стал настоящим мужчиной, наследным принцем, готовым занять трон Блентайра!

Между тем с умершим Арденом не происходило ничего необычного... Он все так же неподвижно покоился на песке, не подавая ни единого признака жизни, а капля крови начала потихоньку впитываться в мою ладонь, все уменьшаясь в размерах. Что это означало? Возможно, это следовало принять как свидетельство того, что отныне наши судьбы соединились в одну общую, связывая нас узами взаимной любви. А возможно, Арден просто уходил от меня навсегда, не откликнувшись на призыв моего погибающего от отчаяния сердца...

– Йона! – внезапно закричала Эвридика, вырывая меня из созерцательного забытья. – Твое колдовство не удалось. Ну сделай же что-нибудь еще!..

А что я могла? Я недоуменно нахмурила лоб, терзаясь сомнениями. Да, мне срочно необходим третий компонент ритуала – свежесть моря, но где его взять? Моя раковина для этого точно не годится... И вдруг меня осенило! А разве я сама не являюсь морем? Ведь оно приняло меня как родную, подчинилось мне! И тогда, почти не отдавая себе отчета в собственных действиях, я упала на колени рядом с Арденом, правой рукой нежно приподняла его непослушную голову и крепко поцеловала любимого в холодные, твердые губы! На миг я ощутила, как мое дыхание требовательно проникло в его безответные уста, согревая их, рождая в них иллюзию жизни.

«Прими мою силу и энергию! – беззвучно умоляла я, еще сильнее прижимаясь к возлюбленному. – Забери жар моего сердца, дуновение моей мысли, свежесть моего дыхания. Я готова отдать тебе всю себя без остатка, лишь бы ты ходил по этой земле, наслаждался светом Сола, смеялся и пел песни. Я готова умереть ради того, чтобы ты жил! Ты же знаешь, я не поскуплюсь и не стану торговаться со смертью. Я заплачу ей любую цену, даже самую страшную и горькую...»

«Правда, заплатишь? – вдруг прозвучало у меня в голове, и я мельком увидела два странных силуэта, возникших перед моим внутренним взором: облаченную в красные одеяния женщину и мужчину в черном плаще. Они терпеливо дожидались моего ответа. – Ты отдашь за жизнь Ардена все, о чем бы мы ни попросили? И ты не пожалеешь, не заплачешь из-за своего выбора, не проклянешь свое самопожертвование?»

«Заплачу! – не колеблясь ни секунды, искренне согласилась я, тщетно гадая, кто же эти двое. – Все, что есть у меня, – в обмен на жизнь Ардена!»

«Хорошо, будь по-твоему!» – с оттенком грусти сообщила женщина.

«Не отрекайся же от своего обещания, Наследница!» – с угрозой напомнил мужчина.

И сразу после того я почувствовала чудовищную боль, внезапной судорогой скрутившую все мое тело. Ощущение было такое, будто из меня вынимали душу, по капле высасывали жизнь и по ниточке вытягивали все нервы, чтобы отдать их кому-то другому, более меня нуждающемуся в том, чем обладала я. Последним усилием я потянулась к Ардену и пальцами коснулась его пальцев, намереваясь попрощаться с тем, кого любила больше жизни.

«Жизнь моя! Любовь моя! Зачем ты меня покинул?» Еще ни в один вопрос я не вкладывала столько горя и отчаяния, сколько испытала их сейчас, из самой глубины души исторгая молчаливый призыв. И похоже, он не остался не услышанным! Не исключено, что я наивно поддалась самообману, но мне вдруг показалось, что пальцы Ардена чуть потеплели и слабо шевельнулись в ответ. А потом черная пелена смерти застлала глаза, ввергая мое сознание в пучину небытия...

Бесспорно, одно из самых странных явлений нашей жизни – это разговоры. Мы можем обменяться миллионами слов, но при этом так и не сказать друг другу самого главного. А можем просто молча смотреть на любимого и при этом поведать ему обо всем...

Я медленно открыла глаза. Веки были такими тяжелыми, словно на каждую мою ресницу привесили по здоровенной каменной глыбе, подобранной в отрогах Белых гор. А спустя миг мне снова захотелось зажмуриться, а еще лучше – ослепнуть навечно. Ибо спокойно взирать на подобный кошмар я оказалась не в состоянии!..

Нет, Арден не умер. Вернее, он ожил, хотя лучше бы оставался мертвым! Мой любимый выглядел немного растерянным и поражал болезненной бледностью, но сомневаться в его жизнеспособности уже не приходилось. Наследный принц Блентайра так испытующе сжимал и разжимал пальцы, будто не верил в их реальность. Взгляд Ардена затравленно метался из стороны в сторону: юноша словно пытался сориентироваться в окружающем мире. Но все это было сущей ерундой по сравнению с его позой, при виде которой я чуть не исторгла крик отчаяния. Арден полулежал на полу, опираясь на локоть правой руки, а его голова покоилась на коленях Эвридики, ласково, но властно поглаживающей волосы принца. При этом на губах эльфийки играла настолько

собственническая улыбка, что мне немедленно захотелось вцепиться в ее шикарные локоны и выдрать их с корнем. Нет, я не ревнивая, но без волос эльфийке и в самом деле будет лучше!..

Я закричала зубами и попыталась подняться, но ноги не держали, а руки упорно отказывались повиноваться, принуждая меня оставаться там, где я и находилась в настоящий момент. В углу зала Вечности. Язык словно прилип к гортани, категорически отказываясь воспроизвести хотя бы один звук. Неподвижная и безмолвная, я распростерлась на полу, взирая на Ардена столь красноречиво, будто пыталась глазами поведать ему о всепоглощающей силе моей любви. А он ответно таращился на меня, настолько же пылко и счастливо.

– Йона, – наконец сумел выдать он. – Ты пришла! Ты меня нашла!

Нечто горячее начало подниматься из глубины моей души, наполняя безмерной радостью все тело. То был поток безграничной благодарности, смешанной с упоением обретения. О, спасибо вам, Неназываемые, Арден меня помнит, он меня любит!.. Сейчас я справлюсь с этой предательской слабостью, преодолею свое замешательство, подойду или подползу к любимому, а он сожмет меня в своих объятиях... Его губы приблизятся к моим...

– Это не она, а я тебя нашла! – Наглый голос Эвридики уподобился грому с небес, ввергая меня в ужас. – Я тебя спасла!

– Э? – шокированно выдал Арден, только теперь замечая эльфийку, очевидно до сей поры принимаемую им за что-то вроде подушки, поддерживающей его голову. – А ты кто, вообще, такая?

– Я?! – непритворно возмутилась врунья. – Я Эвридика из рода Эврелиев, старшая дочь короля Кантора, повелителя Полуночного клана. Ради тебя я покинула свой дом...

– А мне-то что с того? – так непочтительно перебил ее Арден, что мне захотелось рассмеяться, ибо я узнала дерзкую манеру прежнего монастырского воспитанника. – Иди-ка ты мимо, Эвридика... Я ждал Йону!

– И не дождался! – нахально парировала лгунья. – Я оживила тебя своим поцелуем. Я твоя спасительница. Ты скомпрометировал мою девичью честь и поэтому должен на мне жениться!

«М-да, вот уж точно, быть честной, конечно, хочется! – цинично подумала я. – Но меньше, чем богатой и счастливой!»

– Да я в приюте столько девиц... – Юноша флиртовски усмехнулся, подыскивая определение поприличнее, – скомпро... того, что если на всех жениться, то... – Арден выразительно присвистнул. – Мозоль на женилке натру...

– Я не все! – гордо мотнула головой Эвридика. – От меня ты уже никуда не денешься.

– Э! – ошеломленно дернулся Арден, сраженный таким заявлением. – Кто, я?

– Ты! – Пальчик принцессы ультимативно уткнулся ему в грудь. – Иначе между эльфами и людьми начнется новая война, а учитывая вашу нынешнюю уязвимость, надеяться на победу вам не приходится! – Она ударилась в откровенный шантаж, пользуясь слабостью и неосведомленностью юноши.

Арден задумался, умоляюще поглядывая на меня.

– Йона, скажи, эта девица говорит правду? – после длительной паузы осторожно спросил он.

«Нет!» – хотелось кричать мне, но клятва, данная умирающей королеве Эвнике, сковала меня надежнее железной цепи.

– Да! – хрипло выдохнула я против своей воли.

Прекрасное лицо Ардена помрачнело:

– И она на самом деле является моей спасительницей?

– Да! – вылетело из моих уст.

– И я должен на ней жениться?

– Да! – Мною по-прежнему управляла воля мертвой королевы.

Арден словно постарел на десять лет, взглядом продолжая умолять меня о

снисхождении. «Одумайся, любимая! – буквально кричали его глаза. – Что же такое ты творишь?»

Но я упорно продолжала хранить молчание. Да, следует признать, сегодня я поняла: в любви и драках случаются такие запрещенные удары под дых, не то что вскрикнуть – вздохнуть потом не можешь... Я собственными руками, почти играючи, всего лишь одним лаконичным словом убила свою любовь, лишая какого-либо смысла свое последующее существование. Отныне Арден потерян для меня, потерян навсегда! О, как же мне теперь жить? Зачем мне теперь жить? Жить без него... «Останови его, верни его себе!» – кричало мое сердце. «Расскажи ему правду!» – плакала душа. И лишь гордость, как последняя стерва, приказала: «Забудь его!»

Широкие плечи Ардена обреченно обвисли. Он, пошатываясь, поднялся и приглашающе протянул руку Эвридике. Она тут же хозяйским жестом вцепилась в его пальцы. Принцесса торжествовала победу.

– Хорошо, – мучительно, словно клещами вытягивая из себя слова, согласился Арден. – Я готов жениться на тебе, эльфийка. Не по любви и зову сердца, но во благо Лаганахара, ради мира и во имя чести!

Я униженно выслушала эту пафосную тираду, ставшую моим смертным приговором. «Ты обещал, что всем нам воздастся по деяниям нашим, Лаллэдрин! – бешеным вихрем вертелось у меня в голове. – Так неужели я в своей жизни творила только зло, если получила такое?..»

А раковина у меня в сумке тихонько пела балладу о попранных чувствах, которую слышала одна лишь я. Хотя я внезапно поймала на себе мимолетный, страдальческий взгляд Ардена и тут же усомнилась в своей эгоистичной категоричности. Возможно, он тоже ее слышит?.. Возможно, нам просто нужно верить, ждать и надеяться? Возможно, эта беда поправима, ведь любовь еще не умерла, она еще живет в моей душе, зовет, борется и плачет...

Пусть мир развалится на части,
Пусть пеплом станет вся трава,
Я не боюсь разлуки власти
И не предаю остатки страсти,
Пока любовь во мне жива.

Нас честь ломает без пощады,
Казнит за грешные слова,
Но этой пытке мы лишь рады,
А я не жду иной награды,
Пока любовь во мне жива.

Возможно, так судьба решила,
Она всегда во всем права,
Изранив, толком не сгубила,
Чтоб не иссякли пыл и сила,
Пока любовь во мне жива.

К тебе иду сквозь дни и годы,
Дорог сплетая кружева,
Терплю капризы непогоды,
И не ропщу я на невзгоды,
Пока любовь во мне жива.

Я знаю, так случалось в мире,

И наша песня ненова,
Но не затихнет звук на лире,
И будет свет разлит в эфире,
Пока любовь во мне жива...

Арден так и не понял, какая именно напасть дернула его за язык в тот злосчастный момент. Зачем он произнес эти страшные слова, отрезающие путь обратно и делающие бессмысленным все его дальнейшее существование. Ведь он собственными руками, почти играючи, всего лишь одним лаконичным словом убил свою любовь, дав клятву жениться на эльфийской принцессе, на самом деле ничуть его не привлекающей. Да и не было в ней ничего особенного, способного сделать счастливым даже самого непритязательного мужчину. Это Арден понял сразу, взглянув на Эвридику опытным взглядом заядлого бабника. Ему ли не знать прописную истину: бросающиеся в глаза женщины никогда не бросаются мужчине на шею. А если все-таки бросаются, то сугубо в личных, корыстных целях. Нет, будучи в здравом уме, он никогда бы на такой стерве не женился, даже если бы она осталась последней женщиной в мире. Но сейчас... Интересно, что же дернуло его за язык? Судьба? Беда? Разочарование? А скорее всего – странное, противоестественное молчание Йоны, повергшее его в ступор. Почему она молчала? Разлюбила? Забыла? Нашла другого? Нет, ее глаза говорили ему об обратном! В них сияло настолько искреннее, всеобъемлющее, всепоглощающее чувство, что он почти ослеп – опьяненный, счастливый, любящий. Нечто горячее начало подниматься из глубины его души, наполняя безмерной радостью все тело. То был поток безграничной благодарности, смешанной с упоением обретения. О, спасибо вам, Неназываемые: Йона его помнит, она его любит!.. Сейчас он справится с этой предательской слабостью, преодолеет замешательство, подойдет или подползет к любимой, страстно сожмет ее в своих объятиях... Его губы приблизятся к ее губам...

И вдруг с ними произошло такое!.. Она сказала: «Да». Десять, сто раз «да» – отрекаясь от него, принуждая его жениться на этой чужой, алчной, корыстной девушке. Но зачем ему принцесса, если он любил, любит и всегда будет любить одну только Йону?! А она... Она от него отказалась! И тогда он сглупил, поддавшись внезапному порыву, состоящему из обиды, горя и разочарования. Он дал обещание жениться на Эвридике! Ох, отныне Йона потеряна для него, потеряна навсегда! О, как же ему теперь жить? Зачем ему теперь жить? Жить без нее... «Останови ее, верни Йону себе!» – кричало его сердце. «Расскажи ей всю правду о своей любви!» – плакала душа. И лишь гордость, как последняя стерва, приказала: «Забуди ее!» Но разве он может ее забыть?!

Арден вскочил на ноги в досаде, а на самом деле – опять изнемогая от той мальчишеской боязни оказаться отвергнутым, которая мучила его еще в приюте. Тогда он так этого боялся – что Йона не поймет, не примет, отвернется... Он грубил ей напропалую, высмеивал и задирали ее, не решаясь признаться в своих истинных чувствах. И вот самый страшный кошмар воплотился в реальность – Йона его отвергла! Кто же она: добро или зло, уродство или красота, наказание или дар небес? Тьма, какой же прекрасной она стала, куда там до нее какой-то эльфийской принцессе! А ведь какой-то частью подсознания он запомнил, как она выплетала заклинание, управляя огненной стихией, и какие веселые и злые глаза стали у нее в тот миг. О да, он помнит все: пламя дракона, вой ветра и губы, свежие, как глоток воды. Это она его спасла, она его оживила. Так почему же она позволила эльфийке солгать, почему от него отреклась? Этого Арден не понимал. А еще он не понимал, кем же стала теперь его любимая. Кто она: чародейка или воин? Воин! Что же ему собирать войско и, мчась во главе всадников, брать ее как неприступную крепость?

Арден печально усмехнулся и подал руку столь неприятной ему Эвридике, ничуть не скрывающей злорадного торжества. Он проиграл... Он потерял Йону. Он ждал от нее хоть каких-то объяснений, но любимая молчала. Арден философски вздохнул, осознав: убитых словом добивают молчанием. Таким выразительным. Таким красноречивым. Он словно

разом повзрослел, узнав, как в сумасшествии любви открывается нам мудрость жизни. Но лучше бы он умер! И в этот же самый момент он вдруг услышал, как из сумки Йоны полилась едва различимая мелодия, будто кто-то невидимый тихонько пел балладу о помянутых чувствах. Кажется, Йона не обращала на песню ни малейшего внимания... Неожиданно он поймал на себе мимолетный, страдальческий взгляд любимой и тут же усомнился в своей эгоистичной категоричности. Возможно, она тоже ее слышит?... Возможно, им просто нужно верить, ждать и надеяться? Возможно, эта беда поправима, ведь любовь еще не умерла, она живет в его душе, зовет, борется и плачет...

Ну вот и все!.. Я поднялась на ноги, собрала вещи и поняла, что вполне готова покинуть храм Песка, ставший еще одной вехой на моем извилистом пути к счастью, полном испытаний и проверок. Ну вот и все. Все закончилось. Любовь закончилась, словно оборвалась сама моя жизнь. В безответную, обреченную на забвение любовь вкладывается столько сил, сколько требуется для подъема на высоту, с которой на нас, увы, плюют. Отныне я знаю, настоящее счастье – это уверенность в том, что тебя любят. Счастье – это не слава, не богатство и не социальный статус, а только возможность любить и быть любимой. За это нужно бороться. Но нельзя получить счастье насильно, поступившись принципами, честью и совестью. Однажды Эврилика отказалась от личного счастья, пожертвовав им во благо всего Лаганахара. А сегодня я осознанно повторила ее выбор, не пойдя на поводу у эгоизма и себялюбия. Да, но чего мне стоил такой выбор!.. Теперь я воспринимала себя почти как чужую – странно омертвевшую, резко повзрослевшую, фактически неживую. Уж лучше бы я умерла! Ощущение было такое, будто я пробежала кросс, поучаствовала в войне и за один день пережила инфаркт с инсультом в придачу. А на самом деле всего лишь сказала: «Прощай!» Ибо нет на земле горя страшнее, чем кара любви, и нет счастья превыше, чем наслаждение любовью...

– Куда мы отправимся? – спросил Арден, глядя куда-то вбок так старательно, что это выглядело совершенно неестественно. Я грустно улыбнулась, поймав себя на трагикомичной мысли: если он и впредь продолжит так же усиленно избегать смотреть в мою сторону, при этом стараясь ни на миг не выпускать меня из поля зрения, то точно заработает косоглазие.

– Домой! – устало ответила я, вслушиваясь в произнесенное мною слово. Домой – это куда? Где он находится, мой дом? Как и предрекал призрак Лаэгры, виденный мною во сне, меня нигде не ждут. Раньше я надеялась обрести дом в сердце Ардена, но, увы, просчиталась. М-да, каждый хочет, чтобы его любили, но вот дарить любовь умеют лишь единицы. Да и тех, к сожалению, днем с огнем не найти...

– В Блентайр? – уточнил Арден, и его голос предательски дрогнул, выдавая владеющее юношей волнение. Да, его-то дом точно в Блентайре...

– Решено, мы идем в Блентайр, – равнодушным тоном сообщила я.

Честно, мне было совершенно без разницы, куда идти. Но я помнила, что, в соответствии с условиями сьерры Клариссы, маршрут моих испытаний предусматривал посещение леса Шорохов. А этот лес как раз расположен по пути к Блентайру. И пускай он явно не относится к числу безопасных и спокойных мест, но Звезда моей души еще не наполнена, а значит, мне не миновать визита в оплот гильдии Охотников. Да и к тому же я сама отнюдь не случайно выбрала лес Шорохов в качестве следующего пункта нашего маршрута, назначив ждущим меня Ребекке и Беониру встречу на его окраине. Интуиция подсказывала, что очередное мое испытание скрывается именно там. И поэтому, если судьбе угодно завести меня в лагерь охотников, я не собираюсь противодействовать ее замыслам. О да, я не боюсь тебя, коварная судьба, ибо ты уже не сможешь причинить мне большей боли. Теперь я от тебя уже не побегу, ты мне безразлична. А что касается моего сердца, то не надейся – его не так-то легко разбить. Небьющееся оно, мое сердце!

Я повернулась спиной к Ардену и уверенно зашагала к выходу из зала Вечности. Оглядываться я не собиралась. Авось немаленький, сам разберется, что к чему. Неожиданно я сбилась с шага, услышав реплику Эвридики, брошенную мне вслед:

– А с этими тварями что делать?

Я виновато охнула. Да, видно, я совсем совесть от горя потеряла, если посмела забыть об отважной Веершир, ради меня не побоявшейся пожертвовать своей жизнью. Я обернулась...

Они лежали рядом, обнявшись так крепко, словно их соединила не лютая смерть, а страстная любовь. Сабля Веершир по самую рукоять вошла в грудь Каадсур, пронзив ее насквозь, а клинок Каадсур наискосок рассек живот Веершир, превратив его в кровавое месиво из кишок и искромсанной мышечной ткани. Обе они оказались мертвы. Я подошла к погибшим лайил и всмотрелась в их черты, запечатлевшие предсмертные эмоции. Темную морду Каадсур, и без того безобразно хищную, уродовала гримаса отчаяния, вызванная сильнейшим нежеланием покидать наш суетный мир. Благородное лицо Веершир, наоборот, уподобилось облику прекрасной статуи, мудро отрешенной и всепрощающей. На губах умершей жрицы играла легкая счастливая улыбка.

– Спасибо тебе, подруга! – поблагодарила я, опускаясь на колени подле мертвой Веершир и закрывая ее веки. – Ты выполнила данное мне обещание – мы встретились. Ты спасала меня дважды, от змееликой и от ее кровожадной приспешницы, не пощадив собственной жизни. Ты предвидела и то, как дорого придется заплатить мне за возвращение Ардена. Но я о том не жалею, ведь мой любимый жив и здоров. Теперь я знаю, что великая радость всегда сопряжена с великим горем. Истину же, как и свободный выбор человеческого сердца, невозможно подтолкнуть или подстегнуть, ибо они всегда выкристаллизовываются сами. Спасибо тебе за науку, подруга. Я сама строю свою жизнь, и только мне одной предстоит нести ответственность за все мои деяния, уже совершенные или еще только планируемые. Я бесконечно горда тем, что сумела оправдать твое доверие и выполнила возложенную на меня миссию. Ты навсегда останешься в моих воспоминаниях, благодарностях и молитвах, а наш мир непременно узнает о совершенных тобой подвигах. Обещаю тебе это, Веершир. Покойся с миром! – Я взмахнула руками, сплетая чары и поднимая вверх горы песка, а затем обрушила его вниз, погребая под созданным мною курганом тела обеих лайил. Пусть они останутся неразлучными и после смерти, ведь добро и зло не могут существовать по отдельности, являясь частью одного целого. Частью нашего мира. Спи спокойно и ты, Каадсур, я тебя прощаю. Я не осуждаю чужие грехи, мне достаточно и своих.

Я шла по коридорам, ощущая на себе взгляды Ардена и Эвридики, отражающие его искреннее восхищение и ее неприкрытую зависть. Как ни странно, меня это не волновало. Я же обещала не отвечать злом на зло, а добро всегда вершится ради самого себя.

Путь на поверхность оказался недолгим и не принес каких-либо происшествий. Храм словно расступался передо мной, склоняясь перед силой и волей серой чародейки. Я подсознательно помнила расположение всех коридоров, залов и дверей храма, словно по незримому приказу услужливо распахивающихся мне навстречу. Вскоре мы вышли на поверхность, поднявшись по широкой лестнице. Возможно, раньше я просто ее не заметила, а вероятнее всего – создала прямо сейчас, управляя подвластным мне миром. Усмири свое сердце – и тебе подчинится весь мир. Вот только нужен ли он тебе, если любовь потеряна, сердце мертво, а душа холодна?

Итак, мы очутились в Пустоши. Нашу разгоряченную кожу овеял прохладный ночной ветерок, а бледная Уна безучастно взидала с высоты небес, безразличная к моим бедам. Сегодня я особенно остро воспринимала это волшебное родство, еще там, на крыше колокольни, связавшее меня и загадочное ночное светило. С тех пор мы стали сестрами по духу и судьбе, обе обреченные на одиночество, непонимание и отчуждение от мирских благ, предназначенных не для нас.

Мы едва успели на несколько шагов отойти от храма, как песок вдруг взвихрился и обрушился внутрь огромного акрополя, образуя глубокую воронку. Окружающий нас мир содрогнулся, на секунду подернувшись пленкой тончайшего марева, а Уна мигнула и засияла пуще прежнего. Пустыня неуловимо изменилась и словно бы вздохнула с облегчением,

принимая свой первозданный облик.

– Что это было? – дружно вскричали Арден и Эвридика, ощутив толчок под ногами и немного испугавшись странного всплеска мироздания, заставившего их сердца на мгновение сбиться с привычного ритма.

– Мир вернулся на круги своя, и время вновь потекло по нормальному руслу, – успокаивающе пояснила я. – Созданное мною временное смещение загладилось. Лаганахар не погибнет, ибо Колокол Судьбы отзванивает новую мелодию, призванную восстановить нарушенный ход вещей.

– Это ты его спасла! – восхищенно констатировал Арден, полностью уверенный в своей правоте. – Я так верил в тебя, Йона!

– Выпендрежница! – едва слышно проворчала принцесса. – Все равно принц женится на мне, а не на тебе. А мир так и останется прежним – жестоким, продажным и лицемерным.

– И с этим ничего нельзя поделать? – огорчился Арден, взирая на меня так умоляюще, словно он безоговорочно верил в мою способность сделать Лаганахар лучше и чище.

Я ободряюще улыбнулась.

– Когда-то в городе Джалмере жил знаменитый эльфийский маг Салахи, – начала рассказывать я. – И вот как-то князь, управляющий этим городом, спросил у своего чародея: «Скажи мне, о прославленный мудрец, враждебен ли к нам окружающий мир? Или же он несет нам благо?» «Я расскажу тебе притчу о том, как относится мир к человеку», – охотно отозвался учитель и поведал такую историю. «После того как Неназываемые создали наш мир, они построили для себя прекрасный дворец. Там было много чудесного. Среди прочих диковин во дворце имелся зал, где все стены, потолок, двери и даже пол были выложены зеркальными плитками. Эти зеркала обладали необыкновенной ясностью, поэтому посетитель не сразу понимал, куда он попал и что перед ним находятся зеркала – настолько точно они отражали предметы. Кроме того, хитроумные творцы устроили стены зала таким образом, чтобы они могли создавать эхо. Спросишь: «Кто ты?» – и тут же услышишь в ответ с разных сторон многократно повторяющееся: «Кто ты? Кто ты? Кто ты?..» Однажды в зал забежала собака и в изумлении застыла посередине, ибо увидела – целая свора собак окружила ее со всех сторон, сверху и снизу. Собака на всякий случай оскалила зубы – и все отражения ответили ей тем же. Перепугавшись не на шутку, собака отчаянно залаяла. Эхо повторило ее лай. Собака лаяла все громче. Эхо не отставало. Собака металась туда-сюда, кусая воздух, ее отражения тоже носились вокруг, щелкая зубами. Наутро слуги демиургов нашли несчастную собаку бездыханной, лежащей в окружении миллионов отражений глупо издохших собак. В зале не было никого, кто мог бы причинить ей хоть какой-то вред. Собака погибла зря, бессмысленно сражаясь со своими собственными отражениями». И, внимательно посмотрев на своего князя, чародей подытожил: «Теперь ты видишь, что мир не приносит нам ни добра, ни зла. Сам по себе он нейтрален. Он безразличен к человеку. Все происходящее вокруг нас есть всего лишь отражение наших собственных мыслей, чувств, желаний, поступков. Мир – это большое зеркало».

– Глупости! – строптиво буркнула Эвридика. – Твоя сказка не несет в себе никакого смысла и больше всего смахивает на бред больного воображения.

Арден не торопился поддержать беседу. Он задумчиво прикусил нижнюю губу и медленно переводил испытующий взор с меня на свою невесту, словно сравнивал нас, пытаясь выявить лучшую. Я тоже притихла, нехотая вспомнив давнюю беседу с ныне покойной Веершир, рассказавшей мне о страхе, питаемом темными тварями по отношению к зеркалам. Почему-то сейчас этот разговор казался мне особенно важным...

– Значит, для того чтобы изменить мир, нам нужно более ответственно подходить к своим желаниям, – наконец вполголоса произнес Арден. – А мы, люди, устроены очень странно. Мы любим, даже если нам больно, прощаем, не переставая ненавидеть, ценим и понимаем лишь то, что теряем...

Я ничего не ответила, а только громко свистнула. Полагаю, любой комментарий оказался бы сейчас лишним. Звонкий звук моего призыва раскатился по пустыне, и почти

тотчас же на фоне серебристого диска Уны возник мощный крылатый силуэт, надвигающийся на нас и все увеличивающийся в размерах.

– Белая мантикора! – только и смог вымолвить потрясенный Арден, когда увидел грациозно спланировавшую на песок Мифрил. – Посланица небес!

Мы трое удобно устроились на спине Мифрил, и она легко вознесла нас к звездам. Часы вечности начали обратный отсчет событий, и поэтому мы направлялись обратно в Блентайр, с каждой минутой все неотвратимее приближаясь к загадочному лесу Шорохов, лагерю гильдии Охотников. Об этом страшном месте рассказывали много неправдоподобного. Например, я слышала, что еще в незапамятные времена лес закрыли от простых людей, запретив приближаться под страхом смертной казни, и отдали охотникам. Тем, кто посвятил себя ночным запахам, тайным обрядам и кровавым мистериям единения с природой... Хватит ли у меня смелости ступить под сень вековых дубов? Я пока еще не ведала, какой дар или подвох судьбы ожидает меня в этом лесу, но очень хотела о том узнать. Счастье трудно найти в себе, и еще труднее – в ком-то или в чем-то другом. Но я все-таки попытаюсь это сделать.

Глава 6

Строптивых женщин любят больше, чем покорных. Их, правда, иногда убивают, но никогда не бросают.

Вот о чем размышлял Беонир, притаившись в тени густого куста на опушке леса Шорохов. Идти вперед было страшно, назад – зазорно. Да и утверждению мужских амбиций такое отступление никак бы не способствовало, ибо рядом с ним взволнованно дышала Ребекка, только и ждущая подходящего момента, чтобы доказать: она круче. А еще у нее наглости хоть отбавляй, обаяния – хоть ложкой ешь, волосы – рыжие, два меча и бицепсы – как грудь, а грудь – и вообще о-го-го! Короче, сплошные достоинства, так пикантно приправленные недостатками, что они больше всего смахивают на харизму. Ох и нелегко состязаться в крутизне с собственной невестой! Причем еще и воительницей, причем еще и красавицей, причем еще и редкостной умни... Беонир поперхнулся своей последней мыслью и чуть не рассмеялся. М-да, такая женщина... извините, девушка, как Ребекка, всегда загадка. То есть так способна загадить всю жизнь, что мало не покажется, даже охнуть не успеешь! И при всем этом он ее любит. Нет, он не дурак и все равно любит, ведь ум – это умение находить правдоподобное оправдание собственным глупостям. Вот так-то! А настоящая любовь – это когда тебе абсолютно не стыдно идти за руку со своим чудовищем. Ой, извините, со своей невестой... А вот тут Беонир все-таки не сдержался и тихонько фыркнул в траву.

– Чего ржем? – сердито зашипела воительница, отвечивая возлюбленному почти беззвучный подзатыльник. Сугубо в воспитательных целях. – Совсем бдительность потерял, булки расслабил!

– Пошлячка! – удрученно вздохнул юноша, смущенный бесцеремонными манерами своей неординарной возлюбленной. – И как я тебя папе представлю?

– «Как», «как»... По имени! – непокорно хмыкнула воительница. – Ты лучше молчи и не сопи так громко, потому что папа далеко, а патруль охотников где-то рядом.

– Откуда ты знаешь? – удивился юноша, тщательно принохиваясь. – Лично я не замечаю ничего подозрительного и слышу только урчание у себя в животе...

– Это тебя после полета на эльфах все еще тошнит, – поставила верный диагноз Ребекка. – Спасибо, что хоть уже не рвет.

– Угу, – угрюмо согласился юноша, ощущая во рту горьковатый привкус желчи. М-да, трудно жить с женщиной жестких принципов. А еще труднее с той, которая всегда права.

– Вот там, видишь? – Лайил пришла ему на помощь и вытянула палец, указывая на мощный дуб. – В листе...

– Не-а! – честно признался ниуэ, щурясь так старательно и долго, что из его глаз

потекли слезы.

– Мужчина, – терпеливо пояснила Ребекка, – худощавый и мастерски слившийся с листвою. В буро-зеленом маскирующем одеянии. А второй разведчик притаился чуть дальше, я его не вижу, но улавливаю специфический запах...

– Пота? – осмелился поумничать Беонир.

– Нет, – криво усмехнулась воительница. – Крови. Я ошиблась, это женщина...

– А-а-а, – многозначительно протянул юноша, хотя ничего не понял из этого туманного аргумента.

– Женщины пахнут тоньше и слаще, – снизошла до объяснений Ребекка. – Но притягательнее и агрессивнее, в силу своей физиологии.

– Ага! – выразительно кивнул Беонир, на самом деле запутавшись еще больше. Честно говоря, в женской физиологии он был ни бум-бум, зато уже не раз попадал под шквал этой самой агрессивности.

Не решившись признаться в собственной неосведомленности, он продолжил изучающе разглядывать окрестности, мечтая совершить нечто значимое, способное поразить воображение ушлой воительницы. Как известно любому мужчине, у каждой девушки имеется три уязвимых места: подарки, цветы и переносица. Во всяком случае, так утверждает его мудрый папа. Бить Ребекку в переносицу чревато неприятностями – может и отскочить. Цветы здесь в дефиците. Значит, остается только подарком разжиться...

Расстилающийся перед Беониром лес поражал умиротворенностью, ничем не нарушаемой, незамутненной и какой-то противоестественной. Вроде бы календарь еще не закончил отсчет зимних месяцев, а тут погляди-ка, снега и в помине нет, травка зеленеет, Сол блестит, а неохватные дубы меланхолично покачивают пышными кронами, кокетливо всклокоченными легким теплым ветерком. Серебристое, едва заметно сияние разлито над приграничной поляной, отделяя волшебный лес от прочей территории Лаганахара, холодной, безжизненной, присыпанной песком и трухой. Чудеса!

– Смотри, олень! – возбужденным шепотом закричала девушка, пихая ниуэ локтем в бок. – Красавец!

– А какая у него морда уродливая! – ревниво подначил Беонир.

– Зато рога роскошные! – нашлась Ребекка. – И как они ему идут...

– Если у меня будут такие же рога, то у тебя будет такая же морда! – обиделся Беонир и вдруг чуть не подскочил над кустом. – Лето среди зимы, трава, олень на границе умирающего Блентайра... Что же это такое?

– Чары! – многозначительно сообщила Ребекка, правильно расшифровав растерянность, владеющую ее возлюбленным. – Хотелось бы мне знать, кто и когда их создал...

– Неназываемые! – с важным видом сообщил Беонир, довольный тем, что наконец-то сумел блеснуть эрудицией. – Я читал об этом в одной старинной книге, найденной в подземельях. Лес Шорохов был их заповедником, излюбленным местом отдыха демиургов.

– Здорово! – восхитилась воительница. – Но, – она насмешливо щелкнула жениха по носу, – демиурги исчезли многие сотни лет назад, и никто не знает, что с ними случилось. И как же тогда прикажешь понимать эти чары? Они ведь неспособны держаться вечно...

– Действительно! – озадачился ниуэ, потирая нос. – Тьма, ничем-то тебя не проведешь!..

– А то! – самодовольно надула щеки воительница. – Предполагаю, что эти чары кто-то обновил. Некто сильный и независимый, почти как я!

– Независимая женщина – это та, которая не нашла никого, кто бы хотел от нее зависеть, – еле слышно пробормотал Беонир. – Папа всегда учил меня держаться подальше от подобных дам, и вот на тебе – именно с такой я и связался...

К счастью, Ребекка его не услышала. Она вдруг напряглась всем телом, усиленно нюхая воздух. Изумленное выражение ее красивого лица постепенно изменилось на неуверенное, а затем – на откровенно радостное.

– Йона! – восхищенно ахнула она. – Секунду назад я учуяла нашу малышку-эльфийку!

– Да ну? – не поверил Беонир. – А ты, часом, не ошиблась ли? Наследница не смогла бы попасть сюда так быстро. Она сейчас находится далеко, тебя просто подвело твое бурное воображение.

– Это ты меня регулярно подводишь, лохматый! – насмешливо парировала лайил. – А я Йону ни с кем не спутаю, с того самого дня, когда впервые попробовала вкус ее крови.

– Бросила бы ты свои мерзкие привычки... – раздраженно посоветовал Беонир, но не успел закончить начатую фразу, потому что ближайшие кусты вдруг раздвинулись и перед его удивленно вытаращенными глазами предстала чрезвычайно странная процессия...

Опасаясь стать жертвами оптической иллюзии, Ребекка и Беонир даже приподнялись над пышной травой, напряженно вглядываясь в приближающееся к ним трио. Первой из вновь прибывших на опушку леса оказалась Йона, хмурая, какая-то потухшая, сама на себя не похожая. За ней важно вышагивала Эвридика, наоборот, так и пышущая самодовольством, необычайно оживленная и говорливая. Шествие замыкал красивый юноша – высокий, стройный, смуглокожий. Вскоре выяснилось, что именно он-то и оказался причиной повышенной нервозности эльфийской принцессы, державшейся излишне развязно. Эвридика то и дело завлекательно прикасалась к руке красавца, проделывая это настолько похотливо, будто он являлся ее безраздельной собственностью.

Воительница сразу же заметила, что подобные вольности отнюдь не льстили молодому мужчине и не вызвали никакой ответной благосклонности. Напротив, он недовольно морщился и рефлекторно отшатывался от принцессы, стараясь избежать даже столь невинной близости. Глядя на них, Ребекка сразу же вспомнила одну поучительную сказку, слышанную в детстве. Вроде бы в той истории рассказывалось о прекрасном принце, вынужденном поцеловать безобразную жабу. Омерзительно, не так ли? Так вот, смуглый юноша вел себя так, будто Эвридика и была той самой бородавчатой жабой, а его настойчиво заставляли ее целовать. Правда, в сказке жаба после поцелуя превратилась в очаровательную принцессу, вознаградив таким образом своего спасителя за все причиненные ему неудобства. Но Эвридике подобная метаморфоза уж точно не грозила: по наблюдениям Ребекки, она относилась к числу необратимых стерв и стопроцентных жаб. А если отбросить лишние аллегории и выражаться проще, то смысл рассуждений лайил сведется к следующему: если бриллиант упадет в грязь, то он и тогда останется драгоценным камнем. Однако если пыль поднимется к небу, то она и в этом случае останется грязью. Вот то-то и оно!

От бдительного ока воительницы также не укрылась еще одна немаловажная деталь: по некоей причине темнокудрый красавец то и дело виновато косился на Йону, старательно игнорирующую его взгляды. Утрированно старательно. При этом сама Наследница показала лайил измученной и нездоровой – в общем, выглядела из рук вон плохо, краше в гроб кладут. Ребекка понимала, что этот юноша, представленный им как Арден, и есть тот самый четвертый участник знаменитого пророчества Лаллэдрина: именно его и не хватало в их скромной компании. Участник, несомненно, спасенный Йоной. А еще, и это волновало Ребекку больше всего, одновременно с этим он был и тем самым роковым возлюбленным, ради которого несчастная малышка буквально перевернула весь Лаганахар, спустилась в храм Песка, а также подвергла себя сотням других опасностей. Так с какого перепугу этот Арден теперь шагал рядом с неприятной ему Эвридикой и косился на Йону будто провинившийся пес, выгнанный ею из дома? Этого Ребекка не понимала... Она лишь осуждающе переглянулась с не менее замороченным Беониром и сокрушенно покачала головой. Воистину в мире творилось нечто несусветное!

Принято считать, будто дорога домой вдвое короче дороги из дому. Возможно, так оно и есть, вот только эта фраза не отражает того, насколько обратная дорога мучительнее и безысходнее. Я старалась ничем не выдать владеющей мною скорби, но сердце горело огнем, хотя в глазах был холодный пепел потери. Подумать только, я добровольно отказалась от моего Ардена! Я собственноручно отдала его другой девушке! О, как же мне теперь больно!

Никто на земле не заслуживает подобной пытки, потому что это страшно, несправимо и несправедливо. Неназываемые, как же допустили вы такое злодеяние? Я желаю быть вместе с Арденом. Я задыхаюсь без него...

Мне ужасно хотелось кричать от боли и разочарования, но приходилось молчать, отчаянным усилием воли запрещая себе исторгать даже малейший звук жалобы. Впившись ногтями в ладони, я принужденно улыбалась, боясь спровоцировать хотя бы смутное подозрение в сердце любящей бдительной Ребекки или хандру в душе безгранично преданного мне Беонира. Как же это гадко и трудно – обманывать своих друзей! Но я постараюсь, мне придется постараться!..

К счастью, мы все немного отвлеклись, очарованные моментом встречи, столь долгожданной после длительной разлуки. Я коротко представила Ардена нашей сладкой парочке, намеренно опустив некоторые подробности спасения юноши, а его познакомила со своими закадычными друзьями. Несколько минут ушло на милую церемонию, включающую в себя взаимные поцелуи, объятия и похлопывания по плечу, пролившие немного исцеляющего бальзама на мою измученную душу. Вот удивительно, слова ободрения и приветствия могут быть короткими, но у них бесконечное эхо. Кстати, весьма приятное.

– Ты же вроде бы отправилась домой? – с подозрением осведомилась Ребекка, одаривая Эвридику неприязненной ухмылкой. – Признайся, струсила и повернула обратно?

– Ты же дала нам слово, что вернешься в Дархэм! – неуверенно подвинул Беонир. – Выходит, ты его не сдержала?

– Хочешь, я дам тебе другое слово? – Принцесса нагло рассмеялась прямо в лицо обескураженному ниуэ. – Обещаю выйти замуж за Ардена и стать королевой Блентайра! Устроит тебя такой обет?

У Беонира нижняя челюсть отвисла, настолько ошеломило его сногшибательное заявление моей сестрицы.

– Ничего себе номер! – негодуяще ахнула Ребекка. – Значит, ты наплевала на свое благородное происхождение, начхала на гордость и опустилась до совсем мерзких поступков?

– А кто здесь гордый? – картинно приподняла брови Эвридика. – Я гордая? Да нет, мы, королевы, бабы простые!..

– Йона, а ты почему молчишь? – требовательно возопила Ребекка, как всегда доведенная до белого каления непробиваемой наглостью Эвридики. – Немедленно осадь эту нахалку!

Арден молчал, сосредоточенно покусывая ни в чем не повинную травинку. Похоже, он решил пустить все на самотек и посмотреть, что получится из всего этого бардака.

Я вполне успешно сохраняла спокойствие, до последнего момента оставаясь невозмутимой и сдержанной, но сейчас неожиданно ощутила, как внутри меня закипает неконтролируемый гнев. Кажется, еще секунда – и мы все окончательно перессоримся. Нет, я не имею права допускать раздоры, мне ведь еще два испытания нужно пройти. А значит, придется смирить свою гордость и как-то разрядить до предела накалившуюся обстановку.

– Ребекка, прошу тебя, не нужно впадать в трагедию, – холодно произнесла я. – У меня все под контролем.

– Все? – пуще прежнего взвилась лайил. – Йона, да ты в своем ли уме?!

– В своем, – ответила я, – ведь иного у меня нет. Но учти, Эвридика – взрослый человек и имеет право поступать так, как посчитает нужным. А если и осудит ее кто-то или накажет, то это буду не я. Я дала клятву не отвечать злом на зло...

– Сплошные клятвы кругом, плюнуть некуда! – обиженно бурчала воительница, немного утихомирившись. – Хм, а может, и мне в чем-нибудь эдаком поклясться?.. О, придумала! Клянусь никогда не давать тебя в обиду.

– Хорошо, – согласно улыбнулась я. – Ничего не имею против. Тем более что, возможно, вскоре тебе придется сдержать данное мне обещание. Сюда идут два охотника...

Не дослушав меня, вся наша компания дружно высунулась из кустов, пренебрегая

осторожностью. Любопытство оказалось сильнее.

Я задумчиво молчала, наблюдая за приближающимися людьми. Покопавшись в памяти, обнаружила, что мои знания о гильдии Охотников носят весьма хаотический характер и отличаются вопиющей скудностью. В Блентайре охотников всегда считали людьми, далекими от городских забот. Упрямо именуя себя братством, они приобрели славу непревзойденных стрелков, отличались непомерной заносчивостью и никогда не делились с чужаками своими сокровенными знаниями. Так же тщательно они оберегали и свои тайные обряды и церемонии, с годами обрастающие все большим числом легенд и небылиц, заставив некоторых обывателей и вовсе усомниться в их существовании.

Пожалуй, единственное мероприятие, которое охотники проводили публично, – выборы главы гильдии, ведь организуемое состязание привлекало толпы зевак, громогласно восхищавшихся меткостью лесных стрелков. И как обычно, в толпе ротозеев слишком слабо звучали единичные голоса тех, кто сумел разглядеть в празднике нечто большее, чем яркую внешнюю мишуру, скрывающую от глаз непосвященных истинную суть обряда. И стоит ли удивляться тем неприятностям, которые якобы случайно происходили с этими умниками? Тех, кто сует свой любопытный нос в чужие делишки, нигде не любят. Не так ли? А мне, судя по всему, придется совершить именно такую бестактность – не только без приглашения войти в лагерь охотников, но и немного покопаться в их секретах, тем самым навлекая на себя очередные неприятности и проблемы. Но разве у меня есть другой выход? Поймав себя на явной избитости последней мысли, я невесело усмехнулась, готовясь приветствовать приближающихся к нам охотников. Мной владела неясная тревога: слишком мало знала я о том месте, в которое собиралась попасть, а все неведомое обычно не только внушает нам страх, но и здорово расшатывает нервы.

– А мы точно сумеем попасть в лес Шорохов? – неуверенно спросил Беонир, очевидно вполне разделяющий мои невысказанные опасения.

– Подумаешь! Мы прошли насквозь саму Пустошь – и ничего! Что нам какой-то лес? – Как всегда, Ребекка бравировала показной смелостью.

– Милая, да мы и не сравниваем... – торопливо откликнулся ниуэ.

– Идя в Пустошь, вы опасались магии змееликой богини, – рассудительно произнес Арден. – Но люди, населяющие лес Шорохов, опаснее во сто крат. Я слышал байки о том, что все тропы охраняются лучниками и никто не смеет входить в лес без особого на то разрешения.

– Значит, мы его получим! – дерзко изрекла воительница. – Ты слишком осторожен, красавчик.

– Тогда предлагаю не прятаться, а открыто выйти навстречу хозяевам леса, – вдруг решительно заявила я и поднялась во весь рост. – Не знаю, как они нас встретят, но лучше выяснить это прямо сейчас...

– Стойте или будете застрелены! – Окрик охотников настиг нас в тот миг, когда мы ступили под тенистую сень дубов и стена из кустов окончательно сомкнулась за нашими спинами. Теперь мы находились в лесу Шорохов.

Мы немедленно повиновались. Две облаченные в зеленые одеяния фигуры тоже остановились, не дойдя до нас десять шагов. Первый из них точно был мужчиной, что подтверждалось его телосложением – гибким и стройным, но вместе с тем кряжистым. Мужчину сопровождала девушка, мускулистая и невысокая. Мне показались смутно знакомыми ее темные волосы, выбивающиеся из-под края прикрывающего голову колпака, и независимый разворот плеч, свидетельствующий о твердом характере. К сожалению, я не имела возможности рассмотреть лицо охотницы, спрятанное под легким, полупрозрачным платком. Но ее глаза, карие, иронично прищуренные... Где же я их видела? Мои размышления прервала зоркая Ребекка, разглядевшая в глубине лесной чащи еще несколько темных силуэтов и осторожно указавшая на них небрежным кивком головы. Определенно нашему визиту здесь были не рады.

– Кто вы такие и по какому праву вторглись в лес Шорохов? – властно осведомился мужчина, откидывая капюшон плаща и являя свое лицо – широкоскулое, излучающее уверенность в собственной силе, умное.

Воительница, у которой на языке вертелись язвительные слова, уже открыла рот, намереваясь нахамить, но я ее опередила, поведя себя куда более разумнее. Лишние ссоры ни к чему, нам нужна вежливость.

– Я Йохана из Блентайра, чародейка. А это мои друзья и... – Договорить я не успела, потому что охотница вдруг сдернула платок и звонко рассмеялась.

– Так вот какой ты стала! – справившись с собой, наконец вымолвила она. – Высоко же ты взлетела! А я-то думала...

«Ты думала, что я пасу свиней в монастыре», – мелькнуло у меня в голове, но я лишь дружелюбно улыбнулась и учтиво поклонилась, приветствуя свою бывшую товарку, точно такую же приютскую воспитанницу Илену, ставшую ученицей гильдии Охотников. Судя по ее одежде и свободным манерам, она сделала неплохую карьеру в рядах лесного братства.

– Кто это, сестра? – Задав вопрос, мужчина доверительно положил руку на плечо Илены, словно подчеркивая свое расположение к ней. – Ты их знаешь?

– Я училась с этой девушкой в сиротском приюте, – абсолютно равнодушно ответила та. – Хотя знаю ее довольно плохо, ибо мы никогда не были близкими подругами.

– Я Кирил, – коротко представился охотник. – Так ты утверждаешь, будто являешься чародейкой? Значит, ты пришла к нам не просто так, а надеясь пройти очередное испытание? – Его губы насмешливо изогнулись.

Я осторожно кивнула, ожидая какого-нибудь подвоха.

– Ну тогда ты должна знать, что посторонним заказан путь в лес Шорохов! – издевательским тоном продолжил охотник. – Гильдия Чародеев не предупредила нас о твоём визите, следовательно, ты им не нужна. Как не нужна ты и нам. Так что убирайся-ка отсюда, девушка, пока мы не изрешетили тебя стрелами.

Над лесной опушкой повисла неловкая пауза. Илена молчала, с любопытством наблюдая за мной. Подозреваю, ей очень хотелось узнать, на что способна прогнанная прочь чародейка. Беонир растерянно прикусил губу, Ребекка нервно сжала рукояти своих клинков, Эвридика отстраненно улыбалась, попутно пытаясь строить охотнику глазки. Лишь один Арден задумчиво следил за мной, похоже заинтригованный не меньше Илены. Все они ждали моего следующего хода. А я тут же вспомнила уроки Лаллэдрина, преподававшего мне основы шахматной игры, и решила провернуть некую заковыристую комбинацию, только что родившуюся у меня в мозгу.

– Неужели не существует какой-нибудь возможности обойти ваши жесткие предписания? – дипломатично спросила я, полностью уверенная, что исключения из правила возможны всегда.

– Отчего же нет, конечно, существует, – заносчиво хмыкнул охотник. – И называется оно «жетон проводника», выдать который может только наш глава. Этот жетон служит пропуском в лес, и никто не имеет права остановить его владельца. Но не обольщайтесь, ведь у вас такового не имеется.

Беонир издал страдальческий стон разочарования, Ребекка угрожающе нахмурилась, а ясные глаза Ардена опечаленно затуманились.

– Отчего же нет, конечно есть! – мило улыбнулась я, довольно успешно пародируя высокомерные манеры Кирила. А потом достала из кармана бляшки, некогда срезанные мною с одежды убитого проводника, сопровождавшего старьевщика, и протянула их оторопевшему охотнику...

Мы цепочкой продвигались по едва различимой тропке, причудливо петляющей между деревьями, следуя за ведущим нас Кирилом. Его напряженная спина красноречиво свидетельствовала о владеющем мужчиной раздражении, но он не смел протестовать, молчаливо подчинившись приказу того, кто обладал жетоном проводника. А точнее, моему.

Я украдкой разглядывала свою бывшую одноклассницу и быстро пришла к выводу, что прошедший год явно пошел ей на пользу. Она немного выросла и заметно похорошела. Меня сильно насторожил тот факт, что Илена иногда тоже одаривала меня мимолетным взглядом и загадочно улыбалась, хотя в приюте она практически не обращала на меня внимания. Словом, сейчас мы смотрели друг на друга совершенно по-новому, что вызывало во мне смутное, пока еще непонятное беспокойство. Думаю, за нынешним интересом Илены крылось нечто важное...

— А куда подевалась Мифрил? — шепотом осведомилась Ребекка, дергая меня за рукав. — В жизни не поверю, чтобы она от тебя сбежала.

— Нет! — хмыкнула я, немало развеселившись от подобного совершенно нелепого предположения. — Я ее отослала. Кое-куда кое за кем. — Мне покамест не хотелось раскрывать подруге свои далеко идущие планы. — Потом все узнаешь...

— Надо же, у тебя завелись секреты, — обиженно проворчала лайил. — И от кого! От меня... Много секретов! — Она многозначительно повела подбородком в сторону невозмутимо шагающего впереди нас Ардена, но я сделала вид, будто не понимаю ее намеков. Говорить на эту болезненную тему сейчас не хотелось. Вместо этого я еще ближе придвинулась к воительнице и тихонько попросила:

— Расскажи мне, пожалуйста, все, что знаешь о гильдии Охотников. Ты ведь такая умная. — Я сознательно добавила в просьбу немного лести, решив воспользоваться самолюбием нашей не в меру амбициозной воительницы. Кстати, мой фокус блестяще удался, ибо Ребекка немедленно купилась на эту простецкую уловку.

— Я видела главу охотников лет пять назад, — заговорила она. — Вроде бы его зовут Михай. Ничего себе мужик: симпатичный, среднего возраста, но, на мой взгляд, какой-то безвольный.

— Безвольный? — удивился Беонир, включаясь в нашу беседу. — Но как же тогда он выиграл состязание и стал предводителем лесного братства?

— Я имела в виду, что ему как бы все равно. Ну... он не проявил совершенно никаких эмоций... — Ребекка с трудом подыскала точное определение. — Спокоен был на стрельбах, словно дохлый удав.

— Словно он все знал заранее? — догадливо уточнил ниуэ.

— Словно он не ждал от этих испытаний ничего интересного, — пояснила воительница.

— Наверное, среди охотников не принято открыто демонстрировать свои эмоции. Например, как это принято у дочерей песка, — предположила я.

— У тех глупых хайдари как раз все можно, — неприязненно буркнула Ребекка. — Одна Тьма, все равно никто не увидит, что там у них на лице.

Беонир одобрительно хихикнул, вспоминая наши недавние приключения в Ил-Кардинене. Я тоже не удержалась от ностальгической улыбки. Мы быстро забываем неприятное, зато хорошее помним годами, безмерно дорожа пережитыми моментами, усилившими нашу дружбу и закалившими наши сердца. И ради этого тоже стоит жить!

Деревья вдруг расступились, открывая нашим изумленным взорам широкую поляну, окруженную двумя рядами красавцев-платанов. В центре свободного пространства возвышалась деревянная пирамида с усеченной верхушкой, к которой с каждой стороны вела широкая каменная лестница. По краям поляны на одинаковом расстоянии друг от друга стояли самые настоящие шалаши и более вместительные тростниковые шатры, покрытые разноцветной материей. Каждый шалаш украшал какой-нибудь охотничий трофей: здесь присутствовали и олени рога, и лисья шкура, и даже заячьи уши.

Пока мы озирались по сторонам, остолбенев от изумления, полог самого большого шатра раскрылся и оттуда вышел высокий смуглый мужчина, облаченный в красивый замшевый камзол, богато расшитый бисером и жемчугом. Следовало признать, Ребекка сумела довольно точно описать его внешность. У Михая и в самом деле было красивое, но какое-то банальное и невыразительное лицо, похожее на маску из темного дерева, грубо высеченную тупым топором. Его застывшие черты не отражали ни единой эмоции, а

высокий лоб, эффектно обрамленный прядями черных волос, в коих мелькала седина, не избородила ни малейшая морщина, что свидетельствовало бы об озабоченности судьбой своей гильдии. Наверное, он и вправду не утруждал себя излишними думами и хлопотами, предпочитая действовать по чьим-то указаниям, что отнюдь не делало чести такому значимому человеку.

Впрочем, оказалось, я немного ошиблась, записав Михая в число совершенно безэмоциональных людей. Увидев меня, он вдруг радостно улыбнулся и довольно потер широкие ладони.

– Чародейка! Враг! Взять ее! – прогремел его грубый голос. – Связать и отвести в мой шатер.

Я устало вздохнула, не испуганная, а скорее опечаленная его словами. Ну да, они уже давно стали для меня привычными и почти родными. Признаюсь честно, я даже и не ожидала услышать что-то другое!

Я взмахнула руками, намереваясь сплести защитные чары. Чего уж тут скрывать, мне надоело играть роль беззащитной жертвы, и поэтому я готовилась дать достойный отпор этим грубым охотникам, не имеющим никакого отношения к магическому искусству. Но странное дело, все нужные заклинания будто выветрились из моей памяти, а пальцы онемели, отказываясь подчиниться. Я изумленно замерла перед шалашами охотников, нелепо разведя руки и приоткрыв рот...

Михай заметил мою растерянность и гулко захохотал, открыто издеваясь над бестолковой чародейкой.

– Вот! – Он извлек из-под ворота рубашки почерневший от старости медальон и торжественно предъявил его мне. – Боевой амулет Неназываемых, подаренный мне сьеррой Клариссой. Когда-то она сделала меня главой гильдии Охотников, а недавно прислала это, приказав захватить тебя, Наследница. Этот медальон блокирует чары, делая любого мага слабее маленькой полевой мышки. О, я многим обязан прекрасной главе гильдии Чародеев. Кларисса не только помогла мне, она также возродила магию леса Шорохов, превратив его в самый чудесный уголок Лаганахара. Да, я слишком многим обязан моей возлюбленной, чтобы отказать ей в такой малости...

– Убить меня? – язвительно перебила я.

– Да! – осклабился Михай. – Но казнь подождет, ведь сегодня мы будем праздновать победу над врагами Клариссы, пить и веселиться!

– Ах ты ублюдок! – разъяренно завывала Ребекка, обнажая клинки. – Рано веселишься, гад, мы еще живы!..

Но ее крики не возымели никакого эффекта. Повинуясь жесту главы, из шатров выскочили десятки людей: в несколько секунд они умело схватили и связали всех нас. Итак, наша последующая участь виделась мне весьма незавидной, ведь мы попали в руки беспощадных врагов, которые действовали по приказу сьерры Клариссы и не собирались щадить наши жизни...

Нас завели в огромный шатер и привязали к вкопанным в землю столбам. Внутреннее убранство шалаша отличалось удобством и суровой, сдержанной функциональностью. Стол в центре оказался пнем толстого бука, накрытым скатертью, в углу лежали свернутые в рулоны плетеные циновки, а у входа стояло ведро с водой.

– А они тут не жируют, надо признать, – поморщилась Ребекка, тщетно дергая стянутые жгутом запястья и пытаясь освободиться. Но у нее ничего не получилось.

– Зато смотри, какие милые фонари. – Я спокойно любовалась сплетенными из тончайших медных прутьев конструкциями, подвешенными к потолку. – Да и зачем им лишнее роскошное убранство? У них есть лес...

– Йона, меня удивляет твое хладнокровие! – возмутилась Ребекка. – Опомнись и пойми, нас собираются убить!

– Так ведь не убили еще, – ответил за меня Арден, заговорщицки подмигивая.

– Ты что, флиртуешь с этой выпендрежницей? – негодуя завизжала Эвридика, очень

рассерженная тем, что ее, эльфийскую принцессу, схватили заодно с какими-то голодранцами. – Вспомни свою клятву!

– Да помню я, помню! – снисходительно, лишь бы отвязаться, проворчал юноша. – Забудешь ее, как же. Ты ведь прилипчивая, как верблюжий плевок!

Услышав его реплику, Беонир смущенно покраснел, а Ребекка, наоборот, восхищенно рассмеялась, вспоминая злоключения своего незадачливого жениха. Я признательно улыбнулась Ардену, благодаря его за находчивость. Мысли и разговоры о смерти немного отступили, утрачивая свою пугающую реальность.

– Подождем, – предложила я. – Доверимся милости Шарро и собственному везению. Верю, они нас не покинут.

Спустя пару часов до нашего слуха начали долетать приглушенные расстоянием голоса, но, что удивительно, шагов мы не слышали. Заглянув в щелку между циновками, образующими стенку шалаша, я увидела, как несколько молодых охотников складывают на вершине пирамиды охапки хвороста, а две женщины расстилают вокруг нее циновки. В этот момент из центрального шалаша вышли Кирилл и Михай и направились в их сторону. Ветер донес до меня обрывки разговора двоих мужчин.

– ...Пощадить приبلудную голодранку? Ни за что! Дойдет до того, что ты предложишь обучать ее легким шагам! – бесился глава.

– Нет, дружище, это уже чересчур, – бурно запротестовал Кирилл. – Но подумай, она где-то раздобыла жетон проводника, а совершить подобное совершенно невозможно, если, конечно, ей не помог сам бог Шарро. А бог намного сильнее твоей сьерры Клариссы. Вот и выходит, что с этой девчонкой опасно связываться. Умоляю, не рискуй жизнью – бойся прогневать бога, Михай!

– Глупости! – Глава небрежно отмахнулся от этого здравого предупреждения. – Сегодня у нас праздник, я хочу посмотреть на танец огненных теней. А участь неугодных Клариссе бездельников решу завтра...

Неожиданно одна из циновок приподнялась и в шатер проскользнула Илена, напугав нас чуть не до заикания. Девушка польщенно хмыкнула, довольная произведенным эффектом.

– Я не брошу вас на произвол судьбы, – сказала она, ошарашив нас таким смелым заявлением. – Я никогда не любила тебя, Йона, – ее пальчик уткнулся мне в грудь, – и не понимала, а вернее, даже осуждала девиц, которые бегали за тобой. – Она показала Ардену язык. – Но я не могу смотреть, как гибнут те, кто скрашивал дни моего детства. А поэтому я отправлюсь за помощью. Я попросила нашу лучшую танцующую, Лаиссу, плясать как можно дольше, дабы глава гильдии проспал завтра целый день и не торопился с вашей казнью. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы я добралась до некоего тайного места и сообщила кое-кому о творящемся здесь беззаконии. Молитесь за меня тому, в кого вы верите... – С этими словами Илена столь же бесшумно покинула шатер, оставив нас в состоянии счастливого недоумения. Мы совершенно не поняли ее реплику относительно какой-то танцующей. Мы не знали, к кому она отправилась, но при этом все-таки надеялись на удачу, мысленно благословляя храбрую и справедливую девушку.

Между тем на лес Шорохов опустилась непроглядная ночная тьма. Охотники расселись вокруг пирамиды, а женщины принялись обносить их площадками с бесцветной, пряно пахнущей жидкостью. Праздник, обещанный главой гильдии, начался. Легкими шагами, почти не касаясь земли (во всяком случае, так мне показалось), сквозь круг сидящих на циновках людей прошла тоненькая рыжеволосая девушка и стала медленно подниматься на вершину пирамиды. Она была одета в полупрозрачное разноцветное платье, и я тут же поразилась тому, как гармонично соседствовали в ее наряде оранжевые, голубые и зеленые цветные слои, образуя нечто феерическое. В руке Лаисса держала пылающий факел, и отблески пламени падали на ее лицо, придавая большим глазам девушки выражение мрачной торжественности.

Взойдя наверх, Лаисса отвесила грациозный поклон главе гильдии, а затем швырнула

факел в грудку заранее подготовленного хвороста. Ребекка и Беонир, вместе со мной внимательно наблюдающие за этим зрелищем в щелку между циновками, испустили сдавленный крик протеста. Ну а я молчала, только еще шире распахнула глаза, охваченная ужасом. Да ведь эта девушка сейчас сгорит заживо!..

Между тем подожженный факелом хворост разгорался все жарче. Когда огненный круг замкнулся, девушка начала танец. Никогда прежде не видела я подобного танца без музыки, и никогда раньше не слышалась мне мелодия в треске горящих прутьев. Лаисса тем временем кружилась, изгибалась и подпрыгивала все быстрее и темпераментнее. Ее юбка развевалась, не поспевая за движениями стройных ножек, и чудом не загоралась, пролетая между языками пламени.

Очень скоро я поняла, почему это невероятное действо называется танцем огненных теней: кружась в отблесках костра, Лаисса словно сливалась с призрачными тенями, участвующими в завораживающей мистрии наравне с самой танцовщицей. Взгляды всех присутствующих были сосредоточены на хрупкой фигурке. Девушка, казалось, черпала новые силы в их постоянном внимании и танцевала, танцевала...

И вот наконец, когда пирамида оказалась целиком охвачена пламенем, а плясунья, словно мотылек, порхала над костром, я неожиданно почувствовала себя так, словно отделилась от собственного тела. Мне чудилось, будто это я невесомо парю там, среди языков пламени, и тени двигаются в такт с моим телом, и лес смыкается вокруг меня волшебной стеной. И это одна лишь я взмываю в небо, становясь прекрасной и свободной ночной птицей, стремящейся долететь до звезд...

К несчастью, замыслам Илены не было суждено осуществиться. Рано утром глава гильдии шумно ввалился в наш шатер и разгневанно вперил в меня взгляд своих опухших глаз. Михай явно не выспался, а еще страдал злейшим похмельем, заметно затуманивавшим его разум.

– Ты... – Мужчина болезненно пожевал губами, пытаясь справиться с сухостью во рту. – Молись своим богам, ибо тебе повезло. Я не убью тебя сразу. Кларисса прислала мне еще одно письмо с требованием выпытать все твои тайны. Рассказывай, как ты умудрилась пройти через Пустошь и какие знания там нашла?

– Не дожدهшься! – усмехнулась я в лицо мучающемуся от тошноты главе. – Ничего я тебе не расскажу. – Я прекрасно понимала, что останусь живой лишь до тех пор, пока не выдам нужную Клариссе информацию. Следовало тянуть время, ибо я верила в Илену и обещанную ею помощь.

– Увидим! – язвительно усмехнулся Михай. – Дурочка, ты просто не представляешь, на что ты себя обрекаешь. Смею тебя заверить, мне уже доводилось обламывать здоровенных, как столетние дубы, мужиков, куда более сильных, чем какая-то пигалица. Посидишь недельку в башне Неназываемых – запросишь пощады. Учти, карету тебе не подадут, на руках не понесут. Ты у нас быстро шелковой станешь, соловьем запоешь... И возможно, тогда я подарю тебе быструю и безболезненную смерть.

Поначалу я не поняла сути его угроз. Башня в лесу? Что за нонсенс? Но через пару часов я убедилась, что Михай не блефует. Невзирая на бессильную ругань Ребекки, скорбные вздохи Беонира, язвительный смех Эвридики и безмолвие Ардена, меня отвязали от столба, вытащили из шатра и грубо поволокли дальше в лес. Двое охотников безжалостно тянули меня под локти, подпिनывая по пути, валяя в грязи и репейнике. Я почувствовала, как хрупнуло вывихнутое колено, а на ветках кустов осталось немало моих вырванных с корнем волос. Но я упрямо молчала, стиснув зубы, и не просила о снисхождении, чем еще пуще разозлила своих истязателей. С их «помощью» я преодолела густые заросли орешника, оставила позади две поляны, ракитовую рощицу и целое поле невероятно жгучей крапивы, а потом неожиданно очутилась перед развалинами старинной цитадели, буквально овеянной духом почти развоплотившейся магии. Очевидно, это и была башня Неназываемых.

Повиснув на руках своих стражников, я коленками пересчитала двадцать пять ступеней

нескольких лестничных пролетов, ведущих вниз, в подземные казематы. Меня овеял запах волглой плесени, а царящий вокруг сумрак скрадывал все предметы, не позволяя что-либо разглядеть.

– Пришли, – исчерпывающе сообщил один из охотников. – Добро пожаловать в ваши новые апартаменты, сьеррина чародейка!

Глава 7

Меня безвольным кулем вбросили в открытую железную дверь, стараясь, чтобы я упала ничком, отправляя в безысходную, воняющую крысами и смертью тьму... Шипя от боли, я со всего маху проехала по неровному полу, обдирая кожу с ладоней, носа и подбородка. Ударилась виском о какой-то камень и едва не потеряла сознание. Перед глазами все качалось и плыло, во рту появился гадкий привкус желчи. Дитина, который почему-то находился тут же в камере, неторопливо присел надо мной на корточки, перевернул вверх лицом.

– Девушка! – со смешком констатировал он. – Впрочем, это и по космам было ясно. Как говорится, подарок за услуги от благодарного главы гильдии. Только вот некстати они над тобой так поусердствовали, голуба. Сырого мяса я не ем.

Он перетащил меня к себе на подстилку, занимающую самый чистый угол камеры, кое-как обтер мокрой тряпкой кровавые подтеки на щеках, прикрыл рваным одеялом. Чуть позднее, когда я смогла заговорить, получил мое разрешение, раздел, промыл все раны и ранки водой, запеленал меня в самодельные бинты из своей рубашки и начал раздирать пальцами колтуны на голове. Я ворчала, ругалась по-своему, по-женски:

– Обстриг бы их, к тьмущей матери!

– Чем бы это? Отломить планку от кровати или кусочек от золотого ночного горшка и ножик смастерить?

Черный юмор заключался в том, что первым для нас обоих служило гниловатое сено, а второе заменяла дыра в полу, накрытая фанеркой, откуда поднимался несносно едкий запах. В общем, нам создали невыносимые условия для выживания, но, в пику всему, мне почему-то было очень хорошо рядом с этим огромным, невероятно смешливым типом, от которого исходило щедрое душевное тепло.

– А я ведь помню тебя, малышка, – признался он на следующий день, когда благодаря его усилиям я немного пришла в себя и начала видеть, с трудом приподнимая отекавшие синие веки. – Ты чудесно вела себя там, на церемонии выбора учеников! – Мужчина расхохотался. – Как я уже убедился, с тех пор твой характер стал еще более задиристым.

Я благодарно улыбалась распухшими губами:

– Я тоже помню тебя, полуэльф! Ты пророчил мне нечто большое, да промахнулся, ведь эта камера мала до безобразия...

– Меня зовут Даэнар, – церемонно представился он, аристократически поклонившись. – Незаконнорожденный сын кого-то из Полуденных, полагаю. – Его острые, памятные мне уши говорили сами за себя.

– А знаешь, я ведь встречалась с твоим отцом! – ошарашила я его, наконец-то поняв, кого напомнил мне могучий Горм, телохранитель принцессы Лорейны. Выходит, она не зря рассказала мне об эротических похождениях своего воина, частенько покидавшего Зачарованное побережье. Следовало признать, сходство между отцом и сыном оказалось просто поразительным: одно и то же красивое лицо, богатырская стать, прекрасные глаза и волосы.

– Отсюда не убежать! – Даэнар печально покачал головой, отвечая на мой невысказанный вопрос. – Магия Неназываемых, вложенная в эту башню при ее строительстве, уже почти истощилась, но нам хватит и остатков. Чары держат надежнее цепей.

– За что тебя сюда посадили? – допытывалась я, позволяя полуэльфу кормить меня

размоченным в воде хлебом.

– За тебя, – не остался в долгу он, шокируя меня еще больше, нежели я его. – Когда Михай объявил о предстоящей поимке чародейки, нашлись те, кто осмелился ему возразить. Слава о тебе, Наследница, разошлась по всему Лаганахару, а мы хоть и черствы сердцами, но тем не менее не чужды благодарности. Знаем, чем обязано тебе все наше королевство! Илена тоже осудила его планы, но благоразумно промолчала. А вот я... – он критично фыркнул, – не сдержался и даже ударил Михая!

– Сильно! – Я восхищенно присвистнула. – Спасибо тебе, Дазнар!

– Пустое! – Друг сконфуженно улыбнулся, категорически отказываясь признавать свои заслуги. – Верь, Илена приведет ее...

– Кого? – удивилась я.

– Увидишь. – Он прижал палец к губам и огляделся, словно здешние стены имели уши. – Молчи, ибо это великая тайна и не следует ее разглашать.

Я пожала плечами, не собираясь спорить. Ему виднее.

Прошло еще два дня. Ничего не изменилось. Все та же вонь и темнота, вода в кружке, кусок хлеба на завтрак и ужин, жидкая размазня из овсянки на обед. Наши силы таяли как снег под лучами Сола. Я старалась спать побольше, мысленно прикидывая, надолго ли еще хватит моего терпения и упрямства.

А на третий день за мной пришли... Выдернули из-под рваного одеяла, и мне вмиг стало не до раздумий и прикидок. Меня опустили еще ниже, чем в первый раз: в камеру, вырубленную в каменном монолите, на котором стояла башня. Воздух, но не свет проникал сюда в щель у потолка. Пока еще оставались силы, можно было, протянувшись по стене, почувствовать кончиками пальцев холодную струйку сквозняка, словно свободы глотнуть. По щиколотку стояла густая, зеленоватая, гниlostная влага. В ней я и сидела все время, привалившись к осклизлой стене. Подбирать куски, которые бросали мне в эту жижу, опасалась: когда жажда вконец доняла, я попробовала смочить губы – и меня тотчас вырвало. Воля угасала, сменяясь обреченным отчаянием. Кажется, пришла пора умирать...

Время утратило актуальность, застопорившись, замерев, превратившись просто в фикцию. Нет, я ясно понимала, что провела в башне всего лишь неделю, но она показалась мне годом, а может, и столетием. Шатко балансируя на грани умопомрачения, я невольно вспомнила всю свою жизнь, всплывшую теперь передо мной необычно отчетливо, до последнего события, до мельчайшей черточки. Жалела ли я о чем-нибудь? Нет, ничуть! Хотела изменить что-либо из содеянного? Тоже нет! Мне нечего стыдиться своего прошлого, пусть оно и небезупречно. Зато оно определило мое настоящее и заложило основу для будущего. Там, где нет «вчера», никогда не будет «завтра». Хотя именно это пресловутое «завтра» и представлялось сейчас весьма сомнительным. Его-то у меня как раз могло и не быть. К счастью, я ошиблась...

Они появились внезапно, выудив меня из вонючей жижи и подняв наверх. Полуослепшая от длительного пребывания в темноте, я восторженно таращилась на свет Сола, каждой клеточкой своего чудовищно отощавшего тела впитывая благодатное, исходящее от него тепло. Мне не верилось, что я наконец-то рассталась с тем мерзким колодцем, выбраться из которого и не надеялась. Я полагала, что в мире уже не может существовать ничего более страшного. К несчастью, я ошиблась...

– Фу, ну и смердит же от нее! – буркнул первый охотник, брезгливо прикрывая нос. – Хуже чем от падали.

– Теперь ты непохожа на чародейку! – гадливо усмехнулся второй. – Но не следует представлять ее нашему главе в столь неприглядном виде. – С этими словами они вылили на меня целое ведро ледяной воды и, не дав опомниться, поволокли сквозь кусты.

Не помню точно, сколько продолжался наш обратный путь. Видимо, я периодически падала в обморок, ибо вскоре осознала, что опять нахожусь в лагере охотников, на той же самой поляне с пирамидой. Вот только теперь рядом с ней высилось несколько обложенных

хворостом виселиц, возле которых я с ужасом обнаружила своих друзей, обвитых толстыми цепями. Меня сноровисто прикрутили к последнему незанятому столбу. Увидев меня, Арден вздрогнул и горестно застонал.

– А у вас тут ничего так, уютненько! – нахально заявила я, ввергая в шок своих палачей. Не хочу, чтобы они поняли, как сильно я испугалась.

– Ишь ты, она еще и зубоскалит. Неужели возникло желание поговорить? – насмешливо поинтересовался Михай, важно расхаживающий вдоль шеренги пленников. – Выбирай, упрямица: медленная, долгая смерть на костре или быстрая – от удавки?

– Иди ты во Тьму! – зарычала бьющаяся в цепях Ребекка. – Чтоб тебя мантикора три раза переварила!

– Вот даже как? – опешил Михай. – Ах ты дрянь! Да я сейчас твоему смазливому дружку уши обрежу! – Он выхватил из-за пояса нож и приставил к уху Беонира.

– Не надо! – взмолился ниуэ. – Я же тогда ничего уже не увижу... – Похоже, он плел что ни попадя.

– Вот даже как? – повторно удивился глава. – Смотрят не ушами – для этого есть глаза.

– Если у меня не будет ушей, то шапка сползет на глаза, и я ничего не увижу! – не растерялся бойкий на язык юноша.

– Ясно! – хохотнул Михай. Он выразительно покрутил пальцем у виска, намекая на очевидное психическое расстройство пленника, но тем не менее отошел от Беонира, видимо решив не связываться с безумцем.

Ребекка издала негромкий вздох облегчения.

Но охотник не собирался отступать. Он повернулся к принцессе и сгреб ее длинную золотистую косу.

– Отпустите меня, сьерр охотник! – в голос зарыдала Эвридика. – Клянусь, я расскажу вам все, что знаю о Йоне. А хотите, я даже выйду за вас замуж, ведь вы такой красивый мужчина! – В голосе эльфийки прорезались льстивые нотки.

– Не люблю я остроухих девок! – поморщился глава, оценивающе разглядывая принцессу. – Ну да ладно, пригодишься постель греть! – Он похабно захохотал. – Отвяжите ее.

Освобожденная Эвридика торопливо заползла в шатер, провожаемая ироничными взглядами Ардена и Ребекки. «Можно вытащить человека из грязи, но не грязь – из человека!» – буквально кричали ненавидяще прищуренные глаза воительницы.

– Эх, помнится, на меня как-то уже нападали разбойники! – тоскливо известил Беонир, переминаясь на груди поскрипывающего хвороста. – И потребовали: кошелек или жизнь!

– И что? – заинтересованно придвинулся к нему Михай. – Как ты выкрутился?

– Один подлетает, а я ему – на! Затем второму тоже – на! Третий подскакивает, я и ему – на! – сбивчиво пояснил ниуэ.

– Да ну? – восхитилась воительница, впечатленная подвигами своего жениха. – А потом?

– А потом у меня деньги закончились... – виновато промямлил Беонир. – Йона, если бы мне принадлежали все сокровища эльфийской короны, я бы без раздумий отдал их за твою жизнь!

– Спасибо, – прохрипела я. – Я никогда не сомневалась в твоей преданности и...

– Хватит болтовни! – перебил меня Михай. – Говори, девчонка, или, клянусь именем сьерры Клариссы, я прикажу тебя пытать.

– Иди ты во Тьму! – неоригинально посоветовала я, подмигивая Ребекке.

– Эй, кто-нибудь, принесите щипцы и раскалите их на огне! – закричал выведенный из терпения глава гильдии. – Данной мне властью я приказываю...

– Какой это еще властью? – вдруг угрожающе прилетело из-за ряда окруживших нас охотников. – А не много ли ты на себя берешь, Михай?

Услышав этот голос, негромкий, но в то же время колеблющий вершины деревьев, охотники тут же расступились. Некоторые из них выглядели безмерно удивленными, а

другие, наверное, более умные или осведомленные, ударились в бегство, торопясь поскорее покинуть эту злополучную поляну. И, признаюсь честно, поначалу я совершенно не поняла причину овладевшей ими паники...

Из леса внезапно вывалилась толпа вооруженных луками мужчин и больших мохнатых собак. Впереди всех вышагивала осанистая плотная старуха с точеными чертами строгого лица, в черной разрезной юбке поверх черной же рубахи. Ее длинные косы были под платком затянuty в два узких чехла. У лесных людей считалось, что в преклонные годы в эти чехлы набивается неведомо какое ведовство и колдовство, так что не грех и остеречься. Холодные, пронзительно-синие, похожие на две льдинки глаза остановились на мне.

– Здравствуй, дева, здравствуй. Уже и в пору замужества вошла, и коса распушилась. Умница, что живая! – деловито поздоровалась она. – Кажется, я подросла вовремя.

Из-за плеча старухи выглянула донельзя довольная Илена, забавно кривляющаяся и делающая мне выразительные знаки, должны означать: «Это я ее сюда привела».

– Вы меня знаете? – удивленно спросила я, пока воины старухи отвязывали нас от столбов.

– Знаю! – скупой улыбнулась она. – И тебя, и его. – Она повернулась к Ардену, внимательно его осмотрела и расцвела уже более широкой улыбкой, видимо оставшись довольной его внешним видом. – Ох и возмужал и похорошел же ты, внучок, глаз не отвести, как пить дать готовый король!

– Внучок? – шокированным дуэтом возопили мы с Арденом.

Старуха проказливо захихикала:

– Тощие вы оба, ну да ничего, это дело поправимое. Видать, за здоровьем-то вы ко мне в лес и приехали. А у меня тут ягоды лесные, мед, молоко козье, сыр домашний... Воздух – хоть режь его ломтями и ешь. Не зря я магию здешних мест восстанавливала да усиливала...

Мы оторопело молчали, потрясенные всем услышанным.

– Врешь, старая гримза! – неожиданно закричал Михай, срывая с шеи амулет и поднимая его высоко над головой. – Это не ты, это Кларисса обновила лес Шорохов!

– Куда ей до меня, самозванке! – снисходительно отмахнулась старуха. – На мне особая милость Неназываемых и их благословение... – Но договорить она не успела, потому что Михай вдруг гортанно пропел несколько слов неведомого заклинания и из амулета вырвалась ослепительная молния, полетевшая прямо в старуху...

Мы испуганно закричали, не способные чем-либо помочь своей спасительнице.

Но старуха не растерялась. Она небрежно взмахнула рукой, огненная линия тут же изменила траекторию полета и вернулась обратно. Над поляной оглушительно гроыхнуло и вспыхнуло так ярко, что мы зажмурились. А когда снова открыли глаза, то Михая рядом с нами уже не было, лишь на траве небольшая кучка пепла...

– И хлопот-то! – прокомментировала старуха, демонстративно отряхивая ладони. – Уходим! – Она повелительно взмахнула рукой. – А ты понесешь Йону! – Ее палец указал Ардену на меня, чему он с готовностью подчинился, схватив меня в свои объятия.

Ребекка поправила свой воинский обруч и, положив ладонь на рукоять меча, целеустремленно зашагала в авангарде отряда, готовая, если потребуется, защищать меня от любой беды. За ней шел Беонир и плелась выползшая из шатра Эвридика, похожая на побитую собаку. Спеси в принцессе заметно поубавилось. Краем глаза я успела заметить, как Кирим торопливо шепнул Эвридике несколько слов, злобно покосился на меня и зашагал в противоположную от лагеря сторону, углубившись в лес.

Прижавшись к груди возлюбленного, я пребывала в каком-то сладостном полусне, вызванном то ли моей слабостью, то ли его волнующей близостью. Мерно покачиваясь в такт его легким шагам, я пыталась осмыслить произошедшее, но не смогла. Кто эта странная женщина? Куда она нас ведет?

Наша многочисленная процессия продвигалась по лесу молча, все больше углубляясь в непролазную чащобу. Мох здесь затягивал деревья на высоту человеческого роста, и в его зыбкой толще нога то и дело встречала гниющий сук или булыжник. Воздух стал пахнуть

резче и плотнее лип к коже. Подходили к болоту. Старуха то и дело приподнимала носком еловые лапы, которые стелились по самой дороге, дотрагивалась рукой до осиновых веток с бляшками серо-зеленых листьев – то ли лаская, то ли отыскивая скрытые, известные лишь ей одной отметины.

– Скоро к месту выйдем, – уверенно сообщила она.

И в самом деле, через несколько шагов лес будто отрезало. Пологий склон с выступающими, как жилы, древесными корнями спускался в темную воду, подернутую ряской, вспухшую островками звездчатого кукушкина льна и осоки с бледными цветами. На берегу между вбитыми в землю досками лежали такие же длинные, как и волосы у старухи, узловатые колья, пропитанные смолой, чтобы не сгнили. Подпоры, на коих и крепился высокий трехэтажный бревенчатый дом.

Дом стоял будто во сне – ни шороха, ни движения, окна плотно занавешены. Я словно сквозь полудрему помню, как меня вносили внутрь, поднимали по витой лестнице наверх и бережно укладывали на кровать. Стены не только не обшиты рейкой, но даже мох торчит из пазов. Упомянутое ложе (кроватью или диваном язык не поворачивается назвать) и не очень просторное, задвинутое как бы в альков из шкафов резного дуба. Покрывало – тканое из овечьей шерсти, без ворса, с грубоватым и ярким рисунком. Светлые шелковые занавеси на окнах, а в простенке – уютное бюро топорной работы, гибрид стола, комода и полки на десяток книг. На нем подсвечник с толстой свечой. Напротив кровати, на другом конце комнаты, еще один стол, заваленный бумагами, картами и слесарным инструментом. Тут же оружейная стойка с мечами эльфийской ковки. Клинки непримечательные, но хорошего мастера, один с золотой насечкой. Над столом узкий ятаган, повешенный крест-накрест с широким спрямленным палахом или эспадроном. И контраст – у ближней стены два низких пухлых кресла и изысканный столик: глыба то ли стекла, то ли горного хрусталя с отполированной верхней гранью. На глыбе узкая ваза с тремя сосновыми ветками и сухими цветами. Аристократичная обстановка.

– Кто вы, бабушка? – еще успела шепнуть я, пока ловкие руки старухи нежно меня раздевали, обмывали и смазывали мазями с лечебными заклинаниями.

– А я тебе бабушка и есть, – ласково улыбнулась она. – Люцитой меня звать. Я матерью Клариссе довожусь и, значит, родной бабкой Ардену...

Уже не имея сил удивляться, я хотела спросить что-то еще, но заснула с чувством счастливой безопасности, надолго провалившись в исцеляющий сон, словно в бездонный пуховой тюфяк...

Арден пришел ко мне сразу же после полуночи. Еле слышно, так что не скрипнула ни одна половица, он пересек комнату, опустился на придвинутый к кровати пуфик и приник пылающим лицом к моей холодной ладони.

– Звезда моя единственная, – тихонько шепнул он, покрывая поцелуями мои пальцы. – Звезда моей судьбы! Прощу тебя, только не умирай...

Я беззвучно смеялась, счастливая, укрытая от его нескромных взоров ночной темнотой. О, если он не прекратит целовать мою руку, я точно умру! Нет, если он прекратит, умру еще скорее!

Наконец Арден отстранился, и первое, что я услышала после этой блаженной жизни-гибели, стали его тихие слова:

– Положи меня как печать – на сердце твое, как перстень – на руку твою, потому что крепка, как смерть, любовь... И стрелы ее – стрелы огненные.

– Это ты мне говоришь? – не веря собственным ушам, удивилась я, не ожидающая от него ничего подобного.

– Прости... – Его темные глаза смеялись – не поймешь, надо мною или над собой. – В такие возвышенные минуты меня обычно тошнит любовными стихами всех времен и народов.

– А Элали ты тоже их декламировал? – не удержалась от поддевки я.

– Нет! – с негодованием опроверг он. – Зато мысленно я неоднократно шептал их вслед тебе, проходившей рядом со мной, но остававшейся такой недоступной, словно нас разделяло полмира...

– Теперь нас разделяет твоя клятва! – печально вздохнула я. – И моя тоже...

– Какая? – не понял он, но требовательно ухватил меня за плечо, желая получить объяснения.

Я печально покачала головой, отказываясь говорить. Я не имею права причинять ему еще большую боль, чем та, которую он испытывает сейчас. «И стрелы ее – стрелы огненные!» – безысходно повторяла я про себя.

И еще одну ночь даровала нам судьба, расслабившаяся, утратившая бдительность. Волшебную. Колдовскую. Последнюю...

Свет полной Уны течет в комнату через кроны каштанов и платанов, считает мне ресницы. Сна нет, но нет и яви: сладкий морок, радужная пленка бреда, мерцание теней и бликов на стене. И – его легкое дыхание у моего изголовья.

– Я буду любить тебя всегда, звезда моя! – обещает Арден, прижимаясь щекой к моей щеке. – Вопреки всему... – Его губы близко, но они принадлежат не мне, а я не краду чужих поцелуев. Его губы близко и в то же время так далеко, словно нас разделяет полмира. Ничего не изменилось. И ничего уже не изменить...

Маковый отвар, которым напоила меня Люцита, действует словно клей, соединяя мои веки. И бороться с ним нет никакой возможности. Я засыпаю, а наутро никак не могу понять: Арден приходил ко мне на самом деле? Или все это мне просто приснилось?..

Поговаривают, будто однажды, вдохновленная творчеством своего старшего брата Шарро, змееликая Банрах зачерпнула горсть земли с Черных холмов и вылепила из нее первого в мире человека. Мужчину! Богиня взглянула на свое создание и удовлетворенно констатировала: «Он прекрасен!» А затем немного подуставшая повелительница тьмы зачерпнула еще одну горсть земли и вылепила женщину... Взглянула, поморщилась и буркнула: «А-а-а, и так сойдет...» Следует признать, сегодня я всем сердцем уверовала в достоверность этой забавной байки. И, кстати, не без весомого на то основания...

Я смотрелась в зеркало на длинной ручке, которое держала передо мной Люцита, и с трудом узнавала отражающееся в нем лицо. Мое лицо! Да полно, разве это я? Кожа, конечно, хуже, чем после оспы. Застарелый шрам на скуле тоже никуда не делся, жутковатый вид, по правде говоря: даже кость вроде вдавлена, чего, кажется, сначала не наблюдалось. Щеки ввалились, надбровные дуги, наоборот, выперли, нос – костяной и книзу загнулся. Пленительные формы истаяли – одни мослы торчат. Ничего, нарастет мясо. Но вот глаза...

Глаза – волчьи. Сама свой взгляд еле выдержать могу. Немудрено, что Арден, бедняжка, испугался, когда впервые меня увидел после возвращения из башни. Это надо менять. И потолстеть малость не помешает. Спрашивается, почему все злые – тощие, а добрые – толстые? Да потому, что злоба – гложет, а радость – распирает.

– Были бы кости, а мясо нарастет! – поддразнивающе засмеялась Люцита, дословно угадав мои мысли. – На что жалуешься, дева?

– На здоровье! – обличающе вздохнула я.

– И зря! – с поддевкой пожурела старуха. – На болезни жаловаться нужно. А еще лучше – не наговаривать на себя почем зря. Хвалить себя надобно. Мы ведь обе с тобой прошли на волосок от смерти – видать, это у нас семейное.

– У нас? – не поняла я.

Старая чародейка подала мне чашку с брусничным компотом и начала обстоятельно рассказывать:

– Давно это случилось. Еще до нас с тобой. По соглашению кланов, частью Блентайра тогда правила человеческая королевская семья. Одна из девушек этой фамилии, чародейка Сильвана, полюбила Адсхорна, короля Полуденного клана, и родила от него дочь.

– Знаю, – подтвердила я, собственнически дотрагиваясь до последней жемчужины,

оставшейся у меня от ожерелья из слез Эввелики.

– Время шло, и Сильвана не только разлюбила венценосного эльфа, но даже возненавидела. А произошло это горе вовсе не из-за того, что Адсхорн убил ее младшего брата, а под действием отворотного зелья, сваренного их завистливой сестрой Чаншир, беременной от воина-лайил. Но, к сожалению, обо всем этом чародейка узнала гораздо позже, когда последствия ее поступка стали необратимыми, – печально поведала Люцита. – Итак, Сильвана родила дочь и вскоре сгинула без следа.

– Я нашла и упокоила ее останки. – Я сочувственно погладила коричневую и морщинистую кисть старухи. – А еще излечила от безумия короля Адсхорна. Не терзайтесь за чужие грехи, теперь ваша совесть чиста.

– Пусть благословят Неназываемые твое доброе сердце, девочка моя! – На ресницах Люциты повисли благодарные слезинки. – Увы, я слишком поздно осознала одну простую истину: счастлив не тот, у кого много. Счастлив тот, кому хватает. А мы хотели заполучить все сразу: власть, богатство, славу, любовь. Но никто еще не сумел обладать всем одновременно. Ты это понимаешь?

Я задумчиво кивнула.

– Понимаю. Слава – преходяща. Власть – капризна и ненадежна. Любовь – стрелы огненные. А богатство... За деньги можно купить кровать, но не сон. Книгу, но не ум. Плотскую близость, но не любовь. Связи, но не друзей. Икону, но не веру. Место на кладбище, но не на небе...

– Хорошо сказано, – почтительно склонилась передо мной Люцита. – Вот и матушка моя говорила нечто похожее. Она тоже это поняла, да поздно.

– Значит, вы и есть та самая дочь Сильваны? – без обиняков спросила я о том, что и так уже знала.

– Да! – Люцита гордо вздернула точеную голову, еще не утратившую остатки былой красоты. – А я полюбила некоего красавца-мага и родила Клариссу, в свою очередь также возмечтавшую покорить весь мир. Она опоила меня ядовитым соком растения каркарут, пытаясь убить, но я сумела имитировать смерть и сбежала из Звездной башни, обманув свою коварную отравительницу. Вместо себя я подложила в кровать тело моей верной служанки, тоже испившей отравы. Я поселилась в лесу Шорохов, поддерживаемая верными воинами, и смогла восстановить часть его магической ауры. Думаю, мне покровительствовали в том сами Неназываемые, усмотрев в моих поступках часть своего пророчества.

– Но вы продолжали непрерывно следить за Клариссой, не так ли? – догадалась я.

Вокруг пронизательных глаз Люциты расплзлись лучики довольной улыбки.

– Точно, – поддакнула она. – Я также знала все о вас с Арденом, не упуская из виду нити ваших судеб с момента и твоего, и его рождения. Это мои воины помогли богу Шарро укрыть вас в сиротском приюте, дабы вы без помех достигли возраста свершений и осуществили предначертанное. Я следила и за потомком моей сестры Чаншир – воительницей Ребеккой, – плутовато добавила старуха. – И верила в то, что Полуночные не погибли, а сумели выжить. А ныне ради спасения Блентайра нужно восстановить нарушенный мир, но это уже твоя задача, девочка...

– Можно подумать, это так просто! – сердито хмыкнула я. – Вы рассказали мне красивую сказку, бог Шарро – тоже... Нет чтобы помочь чем-то большим, чем слова! – вгорячах вскричала я, разумом понимая, как несправедливо осуждаю своих защитников, и так сделавших для меня отнюдь не мало.

– Не суди бога слишком строго, – попросила Люцита. – Да и толку от него... Шарро действует излишне прямолинейно и топорно, без искорки и выдумки. Кнут и пряник явно придумали мужчины, ибо арсенал женщин значительно шире! – пошутила она. – Нет, миром правят женщины. К тому же Шарро не имеет права вмешиваться в установленный ход событий. А я, – она лукаво мне подмигнула, – помогу...

– Как? – встрепенулась я.

– Попрошу нашу лучшую танцующую с тенями научить тебя легким шагам, –

непонятно пояснила чародейка. – Помни, Кларисса сильна и хитра. Если ты хочешь ее убить, то должна подкрасться к ней совершенно неслышно и невидимо; и учти, твои крылья там не помогут, ибо в Звездной башне нельзя летать.

– А я должна ее убить? – возмущенно охнула я. – Исподтишка? Но ведь она мать Ардена!..

– Полагаю, без этого не обойтись. Хотя тебе виднее, – равнодушно пожала плечами Люцита. – Конечно, ты можешь сойтись с ней в честном поединке, но уж будь уверена, она-то точно не пощадит ни тебя, ни твоих спутников, как не пощадил меня. А кроме того, Кларисса унаследовала кровь Повелителей мантикор, что делает ее чрезвычайно опасным противником. Обычное оружие бессильно против ее чар. Убить узурпаторшу способен лишь твой волшебный клинок Лед, а попасть в Звездную башню нужно незаметно, по тайному ходу, ведущему из Немеркнувшего Купола, спасшему мне жизнь. Я расскажу тебе, как его найти. Нужно вложить ключ в глаз белой мантикоры на мозаике, и тогда дверь откроется. Но вот, увы, ключ от входной двери подземного хода я потеряла во время бегства...

– Кажется, он у меня уже имеется! – заявила я, ничуть не сомневаясь в том, что найденный в сумке Лаллэдрина ключ выручит меня и на сей раз. А еще наставник наверняка не зря упоминал о каком-то даре, однако я плохо удержала в памяти то его напутствие.

– Ну раз так... – восхищенно развела руками чародейка. – Тогда желаю тебе удачи.

– Спасибо! – сдержанно поблагодарила я. – А вы не боитесь доверять мне такие важные тайны? Вдруг я тоже использую их в корыстных целях, погнавшись за славой и властью?

– Ты? – недоверчиво рассмеялась Люцита, рассматривая меня так, будто я произнесла редкостную крамолу. – Да ни за что! Уж поверь, я прожила на этом свете немало лет, срок, достаточный для того, чтобы начать разбираться в людях. Хорошее не прячут – прячут плохое. А в тебе и вообще все на поверхности лежит, словно прозрачный лед на зимней реке. Поэтому я без колебаний доверю тебе еще одну тайну, а уж ты распорядись ею с пользой для всех...

– Какую? – Я жадно приподнялась на локтях, преодолевая боль в покрытом синяками и ссадинами теле.

– Грядет затмение Сола! – авторитетно пояснила старуха. – День, когда Уна совместится с Солом и полностью его закроет. На пять минут мир погрузится во тьму, а день превратится в ночь. Вот, – она подала мне бумажку, – тут указана точная дата ожидаемого события. О нем не знает никто, даже Кларисса. Все же, – Люцита самодовольно усмехнулась, – ее магическим способностям далеко до моих!

Я сосредоточенно прикусила губу, обдумывая услышанное. В голове у меня зрел дерзкий план...

Спустя пару дней я почувствовала себя значительно лучше и поэтому с радостью согласилась посетить местную деревню, основанную Люцитой. И пусть жители лесного поселения не следовали обычаям гильдии Охотников, меня все же предупредили – затеянный в честь меня праздник является обязательной частью обряда обучения легким шагам, который мне нужно пройти. Я не имела ничего против. В деревню пошли вчетвером: я, Арден, Ребекка и Беонир, оставив в доме внешне смиренную Эвридику, елейным голоском пожелавшую нам хорошо повеселиться. Я лишь многозначительно хмыкнула в ответ на ее показное благонравие. Как бы намекнула: «Когда радуешься успехам другого, не скрежещи так громко зубами от зависти. А то ведь не поверят...»

Высокие деревенские дома (в верхней части жили люди, а в нижней – содержался скот) стояли почти правильным кругом, как гуляй-город, тылами к лесу, лицом к площади. Посередине в утрамбованную за десятки лет землю были вкопаны такие же древние и крепкие столы и скамьи – для летних посиделок и пиршеств. Еще слабая, я еле дошла до них – внезапно отказали, будто подломились, ноги, едва донеся меня до сидячего места.

На площади нас пригласили за столы, установленные буквой «П» с растянутой вширь верхней частью, усадив среди местных жителей. Слева – старики, за средним столом в

глубине – женщины, юные и зрелые, а во внешнем ряду, для охраны, – молодые мужчины. За правым столом, таким же коротким, как и левый, разместили гостей. Было нам тесновато, поэтому меня, наверное, и усадили совсем уж на угол. На мне красовалось неновое, подогнанное по фигуре местное платье: коричневый суконный сарафан с разрезами по бокам, под ним просторная, немного короче его, рубаша и шаровары до пят, то и другое – из шелка цвета соломы. Наборный пояс с железными бляхами и такие же наручи – широкие, тяжелые, как у мужчин. На голове – девичье белое покрывало, перехваченное серебряным обручем.

– Маловато нам чести здесь оказали, – исподтишка, прикрываясь ладонью, сказала Ребекка, обращаясь к сидящему рядом с ней Беониру.

– Что так? – не понял тот.

– Посадили на задворках, Наследницу одели в поношенное...

– Сразу видно, вы впервые в свободном поселении оказались, – усмехнулся ближайший воин, совсем еще мальчишка с виду, кудрявый и безусый. – Запоминай, воительница. Если почетное платье не с иголки, значит, давно пожаловано. Внешний ряд мест – для воинов, внутренний – для тех, кого оберегают и почитают. И наконец, желая человека уважить – сажают напротив, а не рядом. Мужчин – против их милых, нас – против старейшин, а нашего командира – против пустого места во главе стола, и хотел бы я угадать, что за птица туда сядет...

Я взглянула туда, куда указал его красноречивый взгляд, проверяя достоверность сказанного. И правда, резное кресло с высокой спинкой, установленное напротив Люциты, оставалось никем не занятым. Уловив мой интерес, чародейка заговорщицки подмигнула и важно поджала губы, напуская на себя неприступный вид. Я весело хмыкнула, ожидая сюрприза.

Уже обнесли всех первой переменной блюд – похлебкой какой-то острой, но вкусной. Уже и кувшины с вином покачивались, кажется, на столе от нетерпения. А почетный гость все никак не появлялся...

Неожиданно над площадью прокатился многоголосый восторженный выдох. Я заинтересованно повернула голову, увлеченная общим движением... К нам неторопливо шествовал Дазнар, сопровождаемый Иленой и Лаиссой. Полуэльф замечательно смотрелся в новеньком замшевом костюме, а лацкан его камзола украшал официальный знак гильдии Охотников – золотая стрела на фоне дубовых веток. Илена кокетливо придерживала кончиками пальцев подол воздушного белого платья, делающего ее похожей на принцессу. Дазнар чинно подошел к собравшейся на пиршество компании, поприветствовал нас уважительным, полным сдержанного достоинства поклоном и занял пустое кресло во главе стола. Он так органично вписался в окружающий его интерьер, словно был рожден именно для этого места. Девушки опустили на предложенную им скамью.

– Разрешите представить вам нового предводителя лесного братства! – провозгласила Люцита, поднимая наполненный вином бокал. – Он избран всеобщим открытым голосованием членов гильдии Охотников и к тому же выиграл состязание в стрельбе из лука.

– Да здравствует Дазнар! – дружно завопили собравшиеся за столами люди, пуская в круговую огромную чашу с пивом.

Под шумок Дазнар наклонился ко мне и шепотом предложил:

– Йона, помни, что бы ни случилось в городе, наша гильдия всегда тебя поддержит и защитит.

– Спасибо! – растроганно отозвалась я. – Как мне отблагодарить вас за помощь?

– Стать подружкой невесты на нашей свадьбе! – счастливо улыбнулась Илена и добавила: – Видишь, спасая тебя, я также думала и о своем любимом...

– Женщины! – весело рассмеялся Дазнар, страстно обнимая отважную девушку. – Удивительные и непредсказуемые. Что бы мы без вас делали? Хотя иногда нас безмерно возмущают ваши сумасбродства.

– Есть два способа управлять женщинами, – в тон ему откликнулся Арден. – Но, к

сожалению, их никто не знает!

– А я тоже скоро женюсь! – гордо выпятил грудь Беонир, не желая отставать от друзей.

– Да ну? – наигранно изумилась Ребекка. – И какая она, твоя невеста? Красивая?

– Ну это смотря на чей вкус! – скептически выдал ниуэ, окидывая воительницу оценивающим взглядом. Ребекка капризно нахмурилась. Беонир понял, что опять попал впросак, и решил исправиться: – Но я все равно с нее пылинки сдуваю!

– Хочешь сказать, я еще и пыльная?! – в голос возопила уязвленная его сомнительными комплиментами лайил. – Да я тебя... – Она вскочила со скамьи, намереваясь проучить болтливого жениха, но Беонир успел опередить девушку и уже неслся по двору, только пятки сверкали...

Арден с Дазнаром громко захохотали и обменялись крепким дружеским рукопожатием. А я наблюдала за ними, маленькими глотками прихлебывала невероятно вкусное вино и размышляла о том, что пора бы уже положить конец извечной вражде всех гильдий, сильно мешающей процветанию Блентайра. Я давно уже буквально грезилась этой идеей. И кажется, теперь у меня появились все основания надеяться на благополучную реализацию моей мечты.

Праздник продолжался всю ночь и промелькнул, словно миг. Завтрак – лепешки с родниковой водой – мне принесла сама Лаисса, и теперь я имела возможность подробно разглядеть эту странную девушку, носящую титул танцующей с тенями. Тогда, озаренная пламенем костра, она тоже показалась мне тенью – мистическим, потусторонним существом, созданным моим воображением. Но теперь я убедилась, что она реальна. Лаисса действительно оказалась очень тоненькой, почти прозрачной, словно летнее облачко, а ее рыжие волосы доходили почти до колен и были украшены бесчисленными золотыми монетками. Поставив поднос с едой на стол, девушка грациозно присела на шелковый пуфик и доверчиво дотронулась до моей руки.

– Я никогда прежде не видела столь волшебного танца, – поспешила выразить я свое восхищение. – И полагаю, никогда не увижу в дальнейшем.

– А я никогда не видела крылатого эльфа! – любезно ответила Лаисса. – Это Люцита рассказала мне о твоих крыльях и попросила научить тебя легким шагам.

– Так они и являются моим шестым испытанием? – Я торопливо вскочила с кровати, сгорая от нетерпения снова испытать судьбу, порываясь куда-то бежать. – В чем оно заключается?

– Все не так просто, – смущенно вздохнула Лаисса. – Сначала я должна научить тебя легким шагам – это самое важное. Затем ты обязана пройти по Главному Гнездовью – некоему участку в лесу, где гнездится большинство птиц, – не потревожив ни одного пернатого семейства. В центре Главного Гнездовья тебя и ожидает искомая награда...

– Разве легкие шаги не есть награда сама по себе? – удивилась я.

– О нет, ведь на самом деле все гораздо сложнее, – снова запротестовала девушка, еще сильнее смутившись. – А награда... О, глава!

Она склонилась в изысканном поклоне, приветствуя вошедшего в комнату Дазнара. Полуэльф держался чопорно, старательно сохраняя на лице маску холодной величественности, сменившей его повседневную открытую улыбку. Было заметно, что сегодня он просто из кожи вон лезет, вовсю пытаясь соответствовать высокому статусу. Я поспешно прикусила губу, опасаясь нехотати рассмеяться и тем самым испортить разыгрываемое передо мной представление. Я уважаю обычаи любого народа. Если Дазнар хочет устроить какую-то церемонию, быть по сему. Не я установила эти забавные правила, и не мне их нарушать.

– Итак, чародейка, танцующая с тенями уже объяснила тебе суть испытания? – пафосно поинтересовался Дазнар, театрально заложив большие пальцы рук за ремень на талии и покачиваясь всем телом. На мой взгляд, он сейчас напоминал отнюдь не главу гильдии, а надутого индюка, напыщенно расхаживающего по двору. Боясь повести себя невежливо, я

смолчала и просто кивнула. Дазнар немедленно оживился, поняв, что задуманный им спектакль идет гладко, словно нож по маслу: – Однако я вынужден просить твоих друзей покинуть пределы леса Шорохов – ты должна пройти свой путь одна, без чьей-либо помощи. Лаисса, вы можете начинать урок, а мои стрелки проводят до границы леса остальных наших гостей.

Прежде чем покинуть приютивший нас дом, Эвридика обернулась и с нескрываемым торжеством посмотрела на меня.

– Не надейся, что сможешь перенять искусство танцующей! – злорадно прошипела она. – Этому учатся годами...

Я пренебрежительно фыркнула, испытывая детское желание показать ей язык. Вот уж точно, если у человека нет собственных причин для радости, он начинает радоваться несчастьям других. Но на сей раз сестричке придется разочароваться, ибо я не собираюсь сдаваться и с честью выдержу все испытания, которые пошлет мне выдумщица судьба!

– Я никуда не собираюсь уходить! – вспылила Ребекка, так упрямо цепляясь за дверной косяк, что конвоирующие ее охотники чуть не вынесли девушку вместе с дверью. Я едва открыла рот, но тут меня, уже приготовившуюся к долгим уговорам, опередил Беонир.

Он крепко взял воительницу за предплечья и мягко произнес, не сводя с девушки гипнотического взгляда своих красивых глаз:

– Чем сидеть в этих хоробах под неусыпным контролем Люциты, уж лучше пешочком обогнуть лес и ждать Йону неподалеку от его противоположной окраины. У меня есть подробная карта леса, поэтому я не заблужусь, к тому же так мы будем значительно ближе к нашей малышке, чем оставаясь здесь.

Лайил не говорила ни слова – ей явно не очень-то хотелось подчиняться приказу Дазнара, но в то же время она не могла не признать убедительность доводов, приводимых Беониром.

– Доверься мне, – тихонько попросил ее жених. – Раз и навсегда!

– Йона, подскажи, пожалуйста, а то я забыл это слово... Кем будет нам доводиться Беонир, после того как женится на Ребекке? – Дурачась, Арден куртуазно расшаркался перед ниуэ.

– Ну это... спасителем... – охотно включилась в игру я.

Набившиеся в комнату охотники громко заржали.

Ребекка внезапно покраснела и начала быстро собирать вещи, стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

– Спасибо, – благодарно кивнула я нашему миротворцу. – Ты меня выручил.

– Не за что, это же мелочи! – ответил тот. – И береги себя.

Лаисса отвела меня к той самой пирамиде, на вершине которой она танцевала несколько дней назад.

– Это не просто украшение, но еще и величайшая тайна леса! – гордо показала на нее девушка. – Здесь мы учимся самым главным навыкам охотников. Пойдем, я покажу тебе Певучую Лестницу.

Мы обогнули пирамиду и подошли к одной из ее четырех сторон, с виду ничем не отличающуюся от остальных. Присмотревшись, я поняла: пирамида устроена очень хитро – образующие ее камни не закреплены, а установлены на подвижные шарниры, отчего вся конструкция непрерывно колебалась и шаталась даже от малейшего дуновения ветра. Лаисса легко взбежала на несколько ступеней вверх и загадочно поманила меня за собой. Я решительно приподняла ногу и... Вот конфуз – первый же сделанный мною шаг стал просто кошмарным! Он отозвался пронзительным, почти визжащим звуком, исходившим от того самого камня, коего коснулась моя обутая в сапог ступня. Я испуганно отпрыгнула обратно, а танцующая легко и бесшумно спустилась ко мне.

– Видишь, с этой стороны взойти на пирамиду не так-то просто. – Мне очень понравилось, что Лаиссе и в голову не пришло посмеяться над моей неуклюжестью. – Теперь слушай внимательно. Снимай свои сапоги и повторяй за мной. Легкий шаг – это шаг,

перекатывающийся с носка на пятку, а не наоборот, как ходят все. Смотри на мои ноги...

Я увидела, что девушка действительно ставит на землю сначала носок, а потом уже всю остальную часть ступни и начинает новый шаг еще до того, как пятка полностью соприкоснется с поверхностью.

– У меня так не выйдет, – грустно улыбнулась я, но послушно попыталась повторить показанное движение.

– Очень даже неплохо, – одобрила Лаисса, придирчиво наблюдая за моими неловкими перемещениями. – Думаю, у тебя из-за крыльев такая врожденная легкость... Но все равно очень важно, чтобы шаги получались совершенно свободными, чтобы ты не заставляла свои ноги, а они сами перемещались бы бесшумно и естественно, понимаешь?

Это я понимала, но, как ни старалась, все равно не смогла уяснить главное: зачем мне нужно обучаться легким шагам? Неужели ради того чтобы бесшумно подкрасться к сьерре Клариссе и... Они что, хотят сделать меня убийцей? Нет, я в это не верю! Даже став закоренелой злодейкой, верховная чародейка все равно не заслуживает такой страшной участи. Должна найтись какая-то иная возможность вразумить зарвавшуюся магичку, дабы вернуть ее на путь добра и света. Да, она непременно должна найтись... Вот только какая?..

Лаисса, видя, что я погрузилась в свои мысли, но при этом переступаю с ноги на ногу совершенно правильно, довольно улыбалась своей тихой, почти застенчивой улыбкой. А я все никак не могла избавиться от смутных подозрений насчет дальнейшей судьбы сьерры Клариссы, вызывающих во мне ужас и протест. Нет, я не хочу ее убивать – даже в том случае, если чародейка этого и заслуживает. Убийство – это не мой метод! Внезапно я совершенно отчетливо почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и обернулась. У ближайшего шалаша стояли Даэнар с Арденом и, не сводя с меня пристального взора настороженных глаз, вполголоса переговаривались. Заметив, что я смотрю на них, глава гильдии кивнул юноше, и тот мгновенно скрылся среди деревьев.

– Как успехи? – беззаботно поинтересовался Даэнар, подходя ближе.

– Очень хороши, повелитель! – слегка поклонилась Лаисса. – Я как раз хотела предложить Йоне попробовать взойти на вершину пирамиды.

– Я рад, – кивнул полуэльф, улыбаясь одними глазами. – Давай, крылатая, покажи нам, чему ты научилась.

К такому внезапному повороту событий я явно была не готова, ведь девушка ничем не намекнула, что урок уже окончен. Глубоко вдохнув, я осторожно коснулась носком правой ноги самой нижней ступени. Очень медленно я начала переносить вес тела на остальную часть стопы и по примеру танцующей тут же шагнула на вторую ступеньку, проделав это раньше, чем моя пятка полностью опустилась на камень. Второй шаг дался намного проще, хотя, конечно, в моем случае и речи не шло о том, чтобы взбежать на вершину так же быстро и непринужденно, как это делала танцующая с теньями.

Мне показалось, прошло не меньше часа, прежде чем я очутилась наверху. Черный круг сажии выдавал то место, где недавно танцевала Лаисса, но угли отсюда уже убрали. Стоя на вершине, я с трудом подавляла желание взлететь – так неожиданно и близко ко мне оказалось бескрайнее полотно синего неба. Снизу донесся громкий голос Даэнара:

– Браво, крылатая!

– А теперь спускайся, – лукаво добавила Лаисса. – И постарайся не нашуметь.

Спуск всегда казался мне куда более незатейливым делом, чем подъем, но в практике легких шагов все оказалось наоборот. Нужно не «падать» всем весом на следующую ступень, а словно задерживать свое тело посередине, зависнув между двумя шагами, правильно распределяя нагрузку. И это было совсем не просто осуществить. Когда я наконец-то снова ступила на землю, то почувствовала, как по моей спине стекают тонкие струйки пота.

– Ну что ж, думаю, ты готова, – кивнул головой полуэльф, но уверенности в его голосе я не услышала.

– Неужели... Неужели легким шагам учатся за один день? – изумилась я, догадавшись, что мужчина чего-то недоговаривает.

Вместо ответа Даэнар бережно взял меня под локоть и повел за собой.

– Конечно, ты права, Наследница, – констатировал он, когда мы углубились в лес. – То есть ты уже чему-то научилась, но практика у нас обычно длится не меньше года.

– Но тогда почему...

– Люцита сообщила мне, что Кларисса уже узнала о гибели своего соратника Михая и, следовательно, осведомлена о том, что ты осталась жива. Мы полагаем, теперь она уже точно не остановится ни перед чем, лишь бы погубить тебя, уничтожить на подступах к воротам Блентайра. Именно поэтому ты должна пройти испытание как можно скорее, понимаешь? А к тому же... – тут Даэнар замялся, – я опасюсь еще одной беды, но, возможно, нам удастся ее избежать.

Я печально кивнула. Слишком занятая мыслями о Клариссе, я небрежно отнеслась к последнему предостережению друга. Любые слова сейчас казались лишними.

Оставшуюся часть пути мы проделали в молчании – ведь я никак не хотела поверить в то, что кто-то может так сильно желать моей смерти. Жизнь каждого человека бесценна, а посему мы должны спасти ее любым способом. Забери хотя бы одну – и как тогда ты станешь оправдываться перед собственной совестью?

Тем временем мы миновали ряды мощных дубов, маленькую рябиновую рощу – и вступили в сосновый бор. Я дивилась многообразию различных пород деревьев, мирно соседствующих в этом заповедном месте. Тропа вывела нас к прогалине, заросшей кустарником, среди которого случайно затесалось несколько карликовых берез. В центре этого участка, казавшегося странно неправильным, рос огромный красавец-платан.

– Вот мы и пришли. – Голос Даэнара резко нарушил тишину царственного места. – Поскольку ты носишь на щеке ритуальную отметку воина, – полуэльф дотронулся до шрама, оставленного на моей скуле мечом змееликой, – значит, имеешь полное право приобщиться к нашим секретам. Здесь начинается Главное Гнездовье, самое дикое место во всем лесу. Но, как ни странно, его очень любят птицы, особенно те, что покрупнее: тетерева, куропатки, глухари. Видишь, тропа вьется между кустарниками?.. Иди туда, но ступай очень осторожно, смотри под ноги. Если хоть одна птица окажется потревожена и взлетит вверх – испытание не будет засчитано. Твоя награда находится у подножия священного платана. А выход из чащи расположен вон в той стороне, поняла? Очень надеюсь, что ты справишься, крылатая. Удачи!

Я не успела и рта раскрыть, как полуэльф исчез. Мне никак не удавалось выбросить из головы мысли о верховной чародейке, но я не знала, сколько еще времени осталось у меня в запасе, чтобы избежать ее неминуемого преследования. Тропа, на которую указал Даэнар, оказалась просто узкой стежкой, заросшей травой, а тут еще, как назло, по небу побежали серые тучи, обещая сильный ливень. Я сняла плащ, остерегаясь случайно потревожить обитателей Главного Гнездовья, зацепив его лапами какой-нибудь куст. Еще немного подумала, сбросила камзол и выпустила на волю свои затекшие крылья. Или они мне только помешают, или помогут сохранять равновесие, когда я буду шатко балансировать на узкой тропке. Я повесила одежду на ближайший куст, а затем начала осторожно пробираться сквозь заросли дикого шиповника...

Сухие ветки принялись немилосердно царапать мои руки, оставляя на коже красные полосы. Тогда я подняла руки вверх, стараясь не задевать кусты, и в какой-то момент осознала, что нахожусь в полнейшей тишине, нарушаемой только моим участвующимся дыханием. Мои шаги действительно стали легкими и бесшумными, хотя я двигалась очень медленно, перед каждым новым движением долго вглядываясь в окружающее тропу пространство. Теперь мне стало понятно, почему охотники никому не доверяют своих секретов. И, кстати, поняла, почему враги гильдии неизбежно погибают, причем при самых безобидных обстоятельствах... А еще я убедилась в том, что мне открыли лишь самую макушку сокровенного знания, сумев утаить все остальное. Но я и не подумала обижаться – гильдия Охотников имела на это право.

Неожиданно я тихонько вскрикнула, обнаружив прямо у себя под ногами маленькое

гнездо трясогузки. Еще пара мгновений – и я бы точно провалила испытание, слишком занятая своими сложными умозаключениями. Конечно, я могла пытаться использовать магию, чтобы без последствий преодолеть лесную тропу, но подобный обман претил моей душе. Охотники мне доверяют, и я не стану злоупотреблять их доверием. А к тому же меня ни на миг не покидало чувство, будто за мной следят. Был ли это человек? Или я привлекла к себе внимание хищного зверя? У меня не имелось никакой возможности узнать это наверняка, и поэтому я продолжала идти вперед по петляющей, словно лабиринт, тропинке, продвигаясь к центру Главного Гнездовья.

Начал накрапывать дождь, но я не решилась остановиться, полагая, что любое промедление сослужит мне дурную службу. Указанный платан постепенно становился все ближе, правда, на этот раз я проходила свое очередное испытание без обычного воодушевления. Я неотступно думала о Ребекке и Беонире, которые, может стать, уже успели обогнуть лес с востока и сейчас находятся совсем недалеко от меня. Я также размышляла о странном поведении Ардена и о важной миссии, порученной мною Мифрил... Сумеет ли она справиться?

Дождь припустил сильнее. Зато идти стало легче – большинство птиц попряталось от воды в укромные местечки, практически освободив мне дорогу. Я по-прежнему шла очень осторожно, но это меня уже почти не волновало. Кажется, впервые за всю свою жизнь я ощутила, как нити событий ускользают из моих рук, оставляя после себя чувство пугающей незащищенности. И поэтому мне было очень страшно, страшно до ужаса, до дрожи в ногах, являющихся сейчас моими единственными помощниками.

Чем ближе подходила я к центральному платану, тем более крепла уверенность, что за мной наблюдают. Да, теперь я знала это наверняка и даже уверила себя в том, что наблюдатель не один. Но при этом я все равно продолжала идти, попутно удивляясь тому, как еще не умерла от страха. Наверное, я куда спокойнее вела себя рядом с глиняными големами и тарантуками. Ну да, чему тут удивляться, неведомое всегда страшит нас куда сильнее явного.

Через некоторое время я остановилась и огляделась: лес сплошной стеной окружал прогалину и даже в том направлении, которое указал Даэнар, не видно ни единого просвета. Жутко болели натруженные ноги. Икры сводило судорогой, на пальцах вспухли волдыри мозолей, а в каждую пятку словно вбили по огромному гвоздю. День клонился к вечеру, дождь прекратился, и на листьях карликовых берез, мимо которых я проходила, блестели большие капли прозрачной влаги. Очищенный струями дождя, обновленный лес постепенно оживал, вот уже и кукушка начала выводить свое незамысловатое «ку-ку», где-то защибетала проказница-трясогузка, а с макушки платана раздавалось мрачное карканье ворона. Я почувствовала себя лучше и приободрилась.

Могучее дерево встретило меня равнодушно, но я сумела не запнуться ни за один из доброй сотни отростков, расползающихся по земле от его корней. Я оглянулась назад, на пройденный с таким трудом путь. Нет, я не сломала ни единой ветки, никого не потревожила, ни одна птица не вспорхнула над прогалиной за эти два часа. Я справилась с испытанием. А где же обещанный мне дар?

У самого ствола, на небольшом естественном выступе, напоминающем нарост гриба чаги, стоял грубоватый, бочкообразный деревянный кувшин, прикрытый листом лопуха. Он выглядел неотъемлемой частью самого дерева и соединялся с ним гибким стебельком. Я осторожно приподняла импровизированную крышку и обнаружила: сосуд до самых краев наполняла мерцающая голубоватая жидкость...

«Я должна это выпить? Или как?..» Меня захлестнул водоворот противоречивых эмоций. Действительно, я еще никогда не попадала в столь неопределенную ситуацию. Я стояла и нерешительно смотрела на жидкость внутри кувшина, размышляя, что она мне даст. Изменит ли она мою сущность?

Наконец я решилась: осторожно подняла кувшин с выступа, оборвав стебелек, и уважительно покачала его в руке. Тяжелый! Таинственный напиток притягивал меня к себе,

возбуждая одновременно и любопытство, и страх, и что-то еще, совершенно не поддающееся определению. Я медленно поднесла сосуд к губам и сделала первый робкий глоток...

Глава 8

Обманчиво холодная и терпкая на вкус, эта жидкость повела себя как враг, подло воспользовавшись моим доверием. Самым противоестественным образом она впилась в мои губы, обжигая их сильнее перцовой настойки. В теле словно зажегся огонь, но я все пила и пила, с жадностью глотая загадочное снадобье. И при этом действе, увлекшись, даже не представляла, как красиво мерцают в лучах заходящего за лес Сола маленькие капельки росы, сплошь покрывающие мои серебристые крылья...

Когда я полностью опустошила сосуд, до моего слуха внезапно долетел странный, еле различимый, тоненький и певучий звук, и в ту же секунду что-то тяжелое упало на меня сверху, грубо придавливая к земле. Кувшин, ударившись о корень платана, разбился...

Лежать, уткнувшись носом в прелую листву, было весьма неудобно. Я попыталась приподнять голову и встретила взглядом с Арденом, чьи сильные руки все еще прижимали меня к жестким корням священного дерева. Я фыркнула, разгневанная столь неуместной сейчас шуткой, и завозилась, намереваясь подняться на ноги. Но в этот момент свист повторился, и юноша снова придавил меня к земле, заставив распластаться ничком.

– И что это значит? – придушенно выдавила я, уже не пытаюсь бороться с его железной хваткой.

– Смотри сама! – несколько нервно ответил он, показывая пальцем на платан, в стволе которого засели две стрелы, оперение которых еще продолжало дрожать. – Твои крылья бликуют так, что их видно через весь лес. Отличная мишень из тебя получилась...

– Кто? – с ужасом прошептала я, еле шевеля враз онемевшими губами.

– Кирил! – с мрачным ожесточением выговорил Арден, бдительно прислушиваясь. Черты его лица заострились, и я отчетливо ощутила тревогу, владеющую любимым... Тревогу за меня!

– Нужно срочно уходить отсюда, – тихо сказала я. – На этой стороне леса нас должны ждать Ребекка и Беонир.

– Ну я не знаю, скольких он сумел подговорить... – проворчал юноша. – Дазнар предупредил меня, что Кирил и еще несколько приспешников убитого Михая покинули лагерь, поклявшись отомстить тебе. Учти, нас могут подкарауливать на каждом шагу, в любом направлении... – бессвязно бормотал он, обращаясь скорее к самому себе. Я же мысленно возблагодарила предусмотрительного полуэльфа, догадавшись, о чем именно они с Арденом совещались возле шатра.

Он все еще прижимал меня к земле... Ну и к себе тоже немного. И хотя моя щека практически лежала на мокрой после дождя коре платана, я совершенно не ощущала неудобства... И руки у него оказались такими теплыми, такими родными... Мы можем произносить лживые слова, но тело не умеет врать, поэтому его реакция зачастую выдает нас с головой. Моя кожа всегда так бурно реагировала на близость Ардена... Да, слова врут. Жесты, глаза, поцелуи хитрят. Даже сердце периодически барахлит, случайно сбиваясь с ритма. Самые честные – это мурашки, они никогда не обманывают...

– Хорошо, – внезапно решил Арден и, отодвинувшись, крепко схватил меня за плечо. – Бежим!

Мы рывком взметнулись с земли и помчались по прогалине в том направлении, которое указал мне Дазнар, конечно уже совершенно не заботясь о покое исконных обитателей данной местности. Честно говоря, мы вульгарно ломились сквозь чащу, словно два поднятых с лежки кабана, создавая много шума и не разбирая дороги. Тут и там из кустов выпархивали потревоженные нашим бегом куропатки и трясогузки, но мы продолжали стремглав нестись вперед. Нас начали обстреливать, едва мы снова попали в лес. Правда, деревья изрядно мешали стрелкам, не позволяя им прицеливаться, но охотники не зря славились своей

меткостью, а посему стрелы свистели совсем близко, подстегивая нас сильнее ударов хлыста.

И тут случилось что-то странное... Первым до этого бежал Арден, а я просто следовала за ним, стараясь не отставать. Но теперь я словно ощущала, где именно притаились невидимые охотники, и пожатием руки указывала юноше, в какой стороне нас ждет опасность. Большой палец – слева, остальные – справа. А самое странное заключалось в том, что он абсолютно доверял моему неизвестно откуда взявшемуся чутью, словно это было нечто само собой разумеющееся.

Ни одна стрела так и не сумела нас задеть. Выбежав за пределы леса на дорогу, уже начинающую исчезать в вечерних сумерках, мы без сил рухнули на землю, громко и хрипло дыша.

– Извини меня, Йона, – неожиданно и совсем некстати, без всякого вступления попросил Арден.

– За что? – не поняла я, приподнимаясь на локте и недоуменно взирая на любимого.

Он бережно сжал в своей широкой ладони мои тонкие пальцы и пояснил:

– В приюте я даже и не догадывался о том, что ты крылатая эльфийка. Ну меня здорово сбивали с толку эти твои балахоны и прикрывающие уши кудри... Нет, не так! Тьма, какие глупости я несу... В смысле я, конечно, знал, что ты не такая, как все. Чувствовал это сердцем... Но твои крылья!.. Ничего подобного я и представить не мог!

– И как я могла забыть, что умею летать! – Я звонко хлопнула себя по лбу и сконфуженно рассмеялась. – Спасибо за напоминание. Надо было подхватить тебя и взлететь над лесом...

– Фантазерка! – хмыкнул Арден. Он встал, поставил меня на ноги и начал отряхивать, избавляя от набившейся в одежду травы и грязи. – Тебе меня не поднять.

– А вдруг? – не сдавалась я, выбирая мелкие листочки из его длинных волос. – Ведь каким-то чудом я вдруг начала предугадывать возможную опасность, вполне успешно выведя нас из-под стрел охотников.

– Не чудом! – лукаво улыбнулся любимый и шутливо щелкнул меня по носу. – Или, вернее, все-таки чудом... – Он наморщил лоб, размышляя. – В общем, Даэнар рассказал мне о заветной тайне гильдии Охотников, оберегаемой ими на протяжении веков. Я не полностью уловил все запутанные детали его повествования, но общий смысл состоит в следующем: если лес Шорохов принимает к себе одного из охотников, то на финальном этапе похода к Главному Гнездовью священный платан наполняет кувшин своим соком, награждая смельчака за пройденное испытание.

– К себе? – недоверчиво переспросила я.

Арден замялся, подыскивая точные слова:

– Ну лес как бы принимает тебя в свою семью наравне с трясогузками, воронами и куропатками. Здорово? – Его глаза лучились едва сдерживаемым смехом.

– Да-да, – невнятно бормотнула я, вспоминая свое братание с землей в роще Дархэма. – Лаисса упоминала о чем-то подобном: дар, спрятанный в лесной чащобе...

– Лес счел тебя достойной своего дара! – так горделиво провозгласил Арден, словно это он испил волшебного сока. – И он наделил тебя особым чутьем: умением заранее предчувствовать надвигающуюся опасность.

– Ничего себе! – присвистнула я. – Но зачем? Неужели только ради возможности спасти себя?

– Наверное, теперь тебе придется оправдывать оказанное им доверие и спасать других, – не очень уверенно предположил юноша. – Надеюсь, такая необходимость возникнет еще не скоро...

– Спасите! – вдруг прилетело из ближайшей рощицы. – Помогите! Умираю!

– Вот сглазил! – Я сердито посмотрела на Ардена, потрясенного собственной прозорливостью, с кряхтением нагнулась, поправила сапоги и медленно поплелась вперед, ориентируясь на источник неумолкающих воплей.

Проломившись сквозь густые кусты акации, мы очутились на миленькой круглой

полянке, сплошь заросшей развесистыми лопухами. В самом ее центре красовался небольшой пенек, на коем картинно восседала Эвридика, опутанная веревками, словно катушка нитками. Она уже успела докричаться до хрипа и сипения. В воздухе витали едва уловимые остатки недавно примененной магии, заставившие меня насторожиться. Завидев нас, эльфийка воодушевленно вздернула голову и расплылась в счастливой улыбке.

– Милый мой, спаситель мой! – Она протянула к Ардену свои связанные в запястьях руки и даже приподняла связанные в лодыжках ноги. – Я так тебя ждала!

– Змеюка! – ненавидяще прошипел юноша и отправился освобождать свою невесту.

– Где Ребекка и Беонир? – спросила я, наблюдая за тем, как сестрица демонстративно обслугивливает моего любимого. – Они обещали ждать меня на этой опушке...

– Их захватили мятежные охотники во главе с Киримом, – с деланой небрежностью сообщила принцесса. – Ах да, он еще велел передать тебе это... – Она вытащила из выреза корсета небольшой листочек бумаги, свернутый в трубочку, и подала мне.

Я развернула послание Кирима и прочитала вслух:

– «Михая убили по твоей вине. Полагаю, жизнь твоих друзей станет достойной расплатой за гибель моего друга. Я отдам их Клариссе. Обоих: и вздорную лайил, и размазню ниуэ. Если сможешь жить с чувством вины за их смерть, то живи».

Я заскрежетала зубами от злости. Значит, этот трус и подлец не осмелился выступить против меня в открытую! Отказавшись от честного поединка, стрелял в меня исподтишка, не попал, но все-таки ухитрился поразить в самое уязвимое место – в чувство ответственности за судьбу моих друзей! Будь он проклят!

– Мерзавец! – эмоционально прокомментировал Арден.

Эвридика подленько ухмыльнулась, хозяйски повиснув на его локте.

«М-да, не стоит недооценивать ненависть, зависть и алчность, – мелькнуло у меня в сознании. – Это практически единственные искренние чувства, оставшиеся сегодня у людей».

– И много их было? – дотошно выясняла я, интуитивно ощущая, что дело тут нечисто.

– Пятеро, – охотно доложила эльфийка. – Включая Кирима. Все такие здоровенные мужики ростом с Беонира, мускулистые и отлично вооруженные.

– Все равно им бы не удалось так просто скрутить опытную воительницу, – вслух размышляла я. – А здесь нет никаких следов крови... – И тут до меня дошло. Эта остаточная магия, почти уже развеившаяся. Внимание Кирима к Эвридике... Точно, принцесса им помогла, ослепленная ненавистью ко мне! Вот уж правда, люди не меняются – ты просто лучше их узнаешь...

Видимо, в голову Ардену пришла аналогичная мысль, потому как он многозначительно указал пальцем на принцессу и гадливо скривился, намекая на ее предательство. А между тем сестрица продолжала нагло ухмыляться, полностью уверенная в собственной безнаказанности. Она не сомневалась, я не стану очернять репутацию будущей повелительницы Блентайра, а Арден и тем более не станет ссориться со своей невестой, связанный клятвой.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как молча проглотить нанесенную обиду. Очень хотелось убить презренную интриганку, испепелить ее на месте. И я могла бы запросто осуществить свое подспудное намерение, если бы меня не сдерживало обещание, данное ее матери. А еще я ведь поклялась никогда не отвечать злом на зло. Вот и придется теперь надеяться на высшую справедливость и утешать себя мечтами о том, что однажды сама жизнь отомстит подлой Эвридике, наказав ее за все содеянное!..

– Что ты намереваешься делать дальше? – осторожно спросил Арден, кажется немного напуганный моим мрачным лицом, явственно отображающим терзающие меня сомнения.

– Вряд ли мы сможем догнать далеко ушедших охотников, – рассудительно ответила я. – Они изрядно нас опередили. Поэтому предлагаю не сожалеть о том, что мы не властны изменить, а просто выдвигаться в сторону Блентайра. Какие бы испытания не уготовила нам

судьба, все равно финальная сцена нашей истории разыграется именно там. Я в этом уверена...

– Точно! – донеслось из-за кустов, и на поляну вышел Дазнар, несущий мешок с моими вещами, оставшимися в доме Люциты, и брошенную в лесу одежду. – Чую, в Блентайре тебя ждут неотложные проблемы, требующие немедленного разрешения.

– Согласна! – Я бросила на траву одежду и принялась зашнуровывать камзол. – Мне не терпится взглянуть в лживые глаза сьерры Клариссы и спросить, как ее еще до сих пор земля носит... – И тут моя хрустальная звезда выскользнула из ворота рубашки и свободно закачалась у меня на груди...

Арден издал сдавленный восторженный крик и указал на нее пальцем. Я опустила взор, приглядываясь к своему амулету... Шестой, последний по счету и до этого момента пустой луч Звезды моей души налился фосфоресцирующим синеватым светом, идеально повторяющим цвет выпитого мной сока священного платана.

– Йона, ты прошла свое шестое испытание! – торжественно провозгласил Дазнар, учтиво преклонив передо мной колено. – А это значит, что в нашем мире не существует чародея сильнее тебя!

– Похоже, моей матушке теперь не резон связываться с тобой, Наследница! – нехорошо усмехнулся Арден.

– Поду-умаешь! – завистливо протянула Эвридика.

– Я больше не собираюсь прятать свои крылья! – объявила я, с удовольствием пошевелив плечами. – Не хочу скрывать свою подлинную сущность и уже не стыжусь своего истинного имени. Самое главное в жизни – это хранить верность целям и принципам. Я пришла в Лаганахар, для того чтобы освободить его от тьмы, положить конец давней вражде между населяющими его народами и воплотить в реальность пророчество Неназываемых. Я понимаю – последнее испытание ждет меня именно в городе. Круг замкнулся, я возвращаюсь туда, откуда начался мой путь. Я возвращаюсь в Блентайр!

Мы покинули территорию леса Шорохов и зашагали по хорошо укатанному торговому тракту, ведущему к Блентайру. Нас никто не задерживал.

– Куда подевалась твоя мантикора? – недовольно брюзжала Эвридика, абсолютно не привыкшая ходить пешком. – Мы могли бы полететь в город на ней. А так все ноги собьешь, пока дойдешь...

Арден никак не реагировал на жалобы своей невесты. Закинув на плечо сумку с моими вещами, он неумоимо шел вперед, насвистывая какую-то легкомысленную мелодию. Но в противовес беззаботности напеваемой им песенке лицо юноши хранило отпечаток суровой отрешенности. Впрочем, я вполне понимала его настроение, а также целиком и полностью разделяла озабоченность, владеющую моим любимым. Мы оба не знали, что ждет нас в Блентайре.

Небо над нашими головами оставалось чистым, не затуманенным ни единым облачком. К своему огромному облегчению, я заметила, что даже за пределами волшебного леса Шорохов природа начинает понемногу брать свое, постепенно пробуждаясь от затянувшегося черного сна. Весна потихоньку подкрадывалась к границе города, уже готовая вдохнуть жизнь в засохшие, скособоченные кусты и деревья вдоль дороги. Недавний дождь увлажнил почву, сделав ее годной для посева. Теперь требуется самая малость: бросить в землю зерно – и оно благодарно прорастет, по осени дав обильный урожай. Среди старой, скатавшейся, будто войлок, травы я с радостью обнаружила несколько свежих зеленых стебельков, еще очень слабых и тонких, но не менее упрямых и целенаправленных, чем я сама. Во всяком случае, они точно так же боролись за свою жизнь, заставив меня осознать – я не одинока в своем порыве. Да, Лаганахар еще способен возродиться, он просто затаился и ждет того, кто протянет ему руку помощи. Надежда на спасение еще не потеряна...

Ближе к наступлению сумерек мы свернули с дороги, разожгли костер и поужинали хлебом и сыром из непритязательных припасов, выданных Дазнаром. На горизонте смутно

маячили высокие башни Блентайра, обозначая конец нашего пути. Завернувшись в плащ, Эвридика моментально уснула, утомленная долгим дневным переходом.

Несмотря на очевидную близость весны, ночи все еще оставались холодными и темными. Мне не спалось. Придвинувшись к огню, я бездумно ворошила палочкой медленно прогорающие дрова, любуясь переливами рубиновых искр, то и дело вспыхивающих в глубине обрамленных пеплом углей. Наша жизнь тоже похожа на быстро угасающий костер. Одни из нас сгорают скоротечно и ярко, согревая родных и близких; а другие превращаются в жалких скряг, экономя собственное топливо и вытягивая тепло и свет из окружающих. На своем жизненном пути я встретила и тех и других...

Арден подошел ко мне неслышно, сзади. Подогнув под себя ноги, уселся рядом и точно так же принялся возрождать огонь, помогая ему съест как можно больше дров.

– Я устал. Запутался и устал, – произнес он в тот момент, когда я уже решила, что любимый никогда не осмелится заговорить. – Я не понимаю тебя и не могу разобраться в собственных ощущениях. Помоги мне, звезда моя!

– Чем? – хрипло, словно каркнув, поинтересовалась я.

– Люби меня! – попросил он так жалобно, что у меня слезы на глаза навернулись. Именно таким тоном умоляют о подавании нищие, побирающиеся возле храма. Но я ничего не могла сделать для Ардена, связанная нерушимой клятвой, данной убитой мною королеве Эвнике.

– Нет! – холодно отказалась я. – Никогда!

Губы юноши исказила разочарованная улыбка.

– Женщины во всем превосходят мужчин, – иронично сообщил он. – И даже «нет» они умеют говорить намного лучше...

Я молчала, ощущая волны исходящего от него гнева. Ничего не имею против нашей ссоры, ведь это пойдет на пользу и ему, и мне. Некоторые отношения рвутся как струны. Что ж, по крайней мере была музыка...

– Наверное, ты так и осталась маленькой, трусливой, глупой девочкой, – с ожесточением выкрикнул Арден, смяв ветку и с размаху швыряя ее в костер. В небо взметнулся столб искр. – Ничего не понимаешь в любви...

– Не понимаю? – печально улыбнулась я. – Ну тогда слушай! У любви есть три измерения. Первое – это измерение зависимости, оно случается с большинством людей. Муж зависит от жены, а жена зависит от мужа. Они бесконечно эксплуатируют друг друга, высасывая кровь и силы, подчиняя, принижая, низводя до состояния собственности и товара. В девяноста девяти случаях из ста в мире происходит именно это. И тогда любовь, способная вознести на небеса, ввергает нас в пучину смерти и хаоса...

Арден слушал меня внимательно, не прерывая. По красивому лицу юноши ползали тени от языков пламени, поминутно изменяя его выражение то на задумчивое, то на восторженное или недружелюбное. А может, это были отображения сомнений, терзающих его душу?

– Вторая возможность – это любовь между двумя независимыми личностями, – невозмутимо продолжала рассказывать я. – Подобное тоже происходит весьма редко. Спутник таких отношений – страдание, потому что влюбленные неспособны преодолеть постоянный конфликт. Между ними нет сонастроенности, ибо оба они так независимы, что никто не готов пойти на компромисс, подстроиться под другого. Это удел творческих натур, превыше всего ценящих свободу и индивидуальность. Такое происходит с поэтами, художниками, мыслителями – со всеми теми, кто существует в созданном ими ментальном пространстве. С ними невозможно жить, ибо они слишком эксцентричны. Они дают свободу другому, но их отношение выглядит скорее как безразличие, чем понимание, словно им все равно. Такая любовь поверхностна, они боятся глубже погружаться в душу любимого, ведь они больше привязаны к своей свободе, чем к любви.

– Значит, ты такая? – с болезненной интонацией спросил Арден.

Но я не ответила и добавила:

– А третья возможность – это взаимозависимость. Подобное случается крайне редко, но когда оно случается, то это небеса на земле. Два человека – ни зависимые, ни независимые – погружаются в безмерную синхронность, словно дыша вместе. Одна душа в двух телах – вот что это такое. Это и есть настоящая любовь. Называй любовью только это. Первые два типа людей на самом деле не любят, они просто договариваются в социальном, бытовом и физическом плане. Третье – это нечто духовное...

– Но Йона, разве ты не ощущаешь, что я испытываю к тебе именно это – настоящую любовь? – пылко вскричал Арден, хватая меня за руку. – Почему же ты мне отказываешь?

– Я тебя не люблю! – отвернувшись, через силу соврала я. – А договариваться с тобой я не желаю.

– Не верю! – проскрежетал зубами он, так сильно сжав мою руку, что чуть ее не сломал. – Я тебе не верю!

– Ну и зря! – смеялась я, стараясь не допустить предательской дрожи в голосе. – Ты все еще путаешь любовь со страстью...

– А разве между ними есть разница? – удивился Арден.

– Страсть – это когда хочешь есть, а любовь – когда хочешь кормить, – спокойно пояснила я. – Поверь, ты сам ошибаешься в своих чувствах и принимаешь желаемое за действительность. – Мне во что бы то ни стало требовалось убедить любимого в этом, дабы смягчить боль, испепеляющую его душу.

– Ты неправа, – протестующе покачал головой он, разом остывая. – И я тебе это докажу... – Сейчас он казался таким смирным, таким безобидным, что на миг я утратила бдительность, поверив в его благоразумие...

Неожиданно Арден грубо схватил меня в объятия, заломив руки за спину и глухо рыча от бешенства.

– Ты все равно будешь моей! – шипел он мне в ухо, покрывая поцелуями мое отворачивающееся от него лицо и пытаясь поймать плотно сжатые губы. Мы покатались по земле, едва не угодив в костер.

Спустя миг я вспомнила о своих магических способностях и, произнеся короткое заклинание, отшвырнула Ардена на пару шагов, звучно припечатав к собранной нами грудке хвороста. Он неловко упал на спину и остался лежать в такой позе, взирая на меня со смесью восторга и уважения.

– Извини меня, звезда моя! – с кряхтением произнес он, поднимаясь. – Не знаю, что на меня нашло! – Он подошел и протянул мне руку: – Мир?

Я доверчиво вложила свои пальцы в его ладонь, и он легко, словно пушинку, подхватил меня с земли.

– Мир, – согласилась я.

– Силой можно во многом убедить, но ничего нельзя доказать. – Арден самокритично скривил губы, мучаясь от чувства вины. – Жаль, что я пренебрег этой простой истиной. Я еще докажу тебе силу своей любви.

– Забудь меня, – искренне посоветовала я. – Женись на Эвридике – и забудь.

– Не забуду! – клятвенно пообещал он, переходя на другую сторону костра и укладываясь на одеяло. – Нам нужно выспаться. Кажется, завтра ожидается трудный день... – Юноша демонстративно отвернулся, укрывшись с головой.

Прищурив глаза, я вглядывалась в очертания фигуры под одеялом. До меня доносились звуки мерного дыхания Ардена, но я интуитивно осознавала, что он не спит. Иногда его широкие плечи красноречиво вздрагивали, наводя меня на вполне определенные подозрения.

Да, признаюсь, я солгала Ардену, но сделала это сугубо ради него самого. Избавила любимого от еще худшей сделки с совестью. И не нужны мне ворованные поцелуи... Нет, мне нужно все! Или ничего... А он... Я вздохнула и тоже завернулась в одеяло, уединившись со своим горем. Он просил у меня прощения, а такое совершает не тот, кто виноват, а тот, кто дорожит отношениями. Значит, он и в самом деле меня любит! Ох, что же мне теперь делать? Как убить в нем это безнадежное чувство? Слезы беззвучно текли по моим щекам,

насквозь промочив одеяло. Думаю, он сейчас рыдает не менее горько, также опасаясь выдать себя стоном или всхлипом. Я велела ему забыть меня, но выполнимо ли это? Наверное, нет! Наверное, сегодняшняя ночь связала нас еще сильнее, ведь истинная сила любви познаётся отнюдь не в минуты счастья, а в минуты скорби или беды. Можно забыть того, с кем смеялся, но никогда не забыть того, вместе с кем ты плакал...

В теплой темноте под одеялом я давилась слезами и до крови кусала пальцы, пытаюсь понять, кем же стала. Чародейкой? Влюбленной женщиной? Или же просто диким зверем, в котором борются добро и зло, сражаясь за мою душу?

Да, я маленький, беспомощный звереныш. У меня открытая, подкупающая улыбка, наивные глаза, и еще во мне есть что-то от хитрой степной лисички – фенека, как однажды сказал Арден. Иногда я ощущаю себя самой настоящей мерзавкой, а иногда – отважным романтиком, совмещая несовместимое. Немного злой, немного добрый, веселый и пушистый, с маленькими иголочками, звереныш-ш-ш... Ты слышишь? Ты слышиш-ш-шь меня, любимый? Помнишь, как с мягким шорохом скрипел снег под нашими войлочными сапогами позапрошлой зимой, в праздник, когда ты подарил мне конфету – настоящее сладкое чудо, невесть где раздобытое всеми правдами и неправдами... Тогда я робко протянула к тебе ладошку, принимая леденец в синей бумажке и боясь поверить в эту сказку, наверное предназначенную совсем не мне. Однако твои счастливо смеющиеся глаза сказали мне без слов: «Это для тебя!» Я долго хранила конфету под подушкой, не решаясь съесть, что было бы равносильно святотатству. А потом ее украли... Не знаю кто. Скорее всего, пронырливый хитрец Хорге. Леденец исчез, но с тех пор в моей душе поселилось вечное ожидание чуда, томительное волнение, которому научил меня ты!

Так слышиш-ш-шь ли ты тот волнительный скрип снега под ногами? Нет, ты не имеешь права забыть, потому что я помню его и по сей день. Он эхом отдается у меня в голове. Я не смогу его забыть, полагаю, потому, что у меня человеческое сердце.

И вот теперь я сижу в своей клетке, называющейся «безнадежная любовь». Я – зверь. Ведь в клетках сидят только звери.

В темноте.

В одиночестве.

Клетка стесняет движения, давит на тело. Я пытаюсь вырваться из нее, но железные прутья не отпускают. Я изо всех сил давлю на ее стенки, но они неподатливы. Я отступаю, отдыхаю, но не сдаюсь. Порой это может продолжаться часами – моя борьба с клеткой. В темноте, в полном одиночестве, с криками в пустоту и с битьем кулаками в стены.

Но случается так, что изредка меня неожиданно накрывает волной бесконечного счастья. Меня «стукает» по голове и уносит в безбрежную голубую даль. И тогда я понимаю – это и есть любовь, живущая во мне наперекор и вопреки всему. Наперекор разлуке, отчаянию, безысходности и даже смерти. И это чувство даришь мне ты – мой единственный, мой ненаглядный, звезда моей судьбы! Без тебя меня окружает лютая зима. Без тебя у меня почти не получается дышать и вообще жить. Без тебя все утрачивает смысл... Но я не имею права сказать тебе об этом!

И вот я снова оказываюсь в клетке. Меня преследуют бессонные ночи, сотканые из непонятных очертаний, стиснутого пространства, криков и пустоты. У меня нет никого, кроме тебя, и уже никогда не будет... А знаешь почему? Потому, что мы с тобой – однолюбы! Потому, что однажды ты пришел ко мне и перевернул мою жизнь. Потому, что твои глаза тоже кричат, не смея произнести это вслух: «Мой сумасшедший, желанный, горячий, дикий зверек! Хочу тебя безумно! Что же ты делаешь со мной, милый мой зверек?» Потому, что однажды ты открыл мне дверь своей души. Потому, что однажды ты искал моих поцелуев и подарил мне непереносимую сердечную боль. Потому, что однажды ты должен меня забыть... У меня нет никого, кроме тебя, любимый, и никогда не будет, ибо это ты подарил мне то сумасшедшее счастье, которое теперь со мной.

Навсегда...

Незадолго до полудня мы вышли к Блентайру. За его стенами, за улочками и предместьями, за бастиянами и башнями расстилались темные, почти лишившиеся снега поля. Я с удивлением рассматривала высокие стены города, практически до половины засыпанные песком, и мощные ворота, заваленные принесенными ветром камнями. Сразу становилось понятно: уже многие месяцы город пребывает на осадном положении, а порожденная Пустошью смерть остановилась на самой последней границе, чуть не раздавив столицу Лаганахара, едва не засыпав ее до самых крыш. Я задумчиво расхаживала по песку, рассматривая носки своих сапог, густо припорошенные белой пылью. Получается, я смогла остановить наступление Пустоши и спасла город, но как теперь освободить его из объятий пустыни и избавить от песка?

К счастью, возле стен Блентайра нас не только поджидал песчаный ужас, но и встретило радостное известие, сильно изменившее мое восприятие окружающей действительности. Помнится, я уже размышляла о том, что все мы не прочь совершить что-нибудь доброе, просто ждем, кто же первым начнет это делать. И теперь я воочию убедилась, что мои пламенные речи не пропали втуне, а угодили на плодотворную почву и дали первые всходы добра и милосердия. Под стенами Блентайра копошились многочисленные эльфы, издав далеко смахивающие на дружных, работающих муравьев. Десяток основательно установленных шатров свидетельствовал о том, что Полуденные обосновались здесь давно и надолго. Разбитые на несколько отрядов, они споро разгружали вновь прибывший караван, а затем с помощью веревок поднимали на стену кувшины с водой и корзины с провиантом. Заправлял всеми этими делами высоченный, мускулистый воин, щедро обвешанный ожерельями из разноцветных ракушек. Едва завидев его широкоплечую фигуру, я радостно завопила и со всех ног помчалась к воротам, по щиколотку увязая в рыхлом песке.

– Горм! – самозабвенно голосила я, подскакивая от избытка обуревающих меня эмоций и размахивая руками, словно мельница крыльями. – Горм, я вернулась!

– Ого! – Эльф порывисто обернулся и успел подхватить меня, прыгнув к нему на шею. Я крепко вцепилась в кольчугу воина и прилипла к нему как ядовитая омела к дубу, для пущей надежности обвив руками и ногами. – Наследница...

– Ну вот мы и встретились снова! – взхлеб лепетала я, целуя Горма в щеки, пятками экзальтированно колотя его по ребрам и одновременно с этим сбивчиво рассказывая о своих приключениях.

– Только не плачь, а то я и сам разрыдаюсь! – подозрительно пискляво попросил воин, баюкая меня в своих объятиях. – А ты молодец, живучая! Даром что худенькая и слабенькая, как тростинка...

– В экстремальных условиях выживают самые сильные растения, – самокритично скривилась я. – Но они почему-то называются сорняками.

– Знаешь, мы так долго ждали твоего возвращения, что уже начали подозревать худшее, – торопливо добавил Горм.

– Что именно? – ошарашенно спросила я, немного отстраняясь и хватая друга за уши. – А ну посмотри на меня и не смей отводить глаза... Тьма, неужели вы решили, будто я не сдержу данное обещание?

– Конечно нет! – смутился бравый вояка, более склонный к ратным подвигам, чем к сложным логическим умозаключениям. – Мы опасались, что ты, например... – Он растерянно пошарил глазами вокруг, взглядом натолкнулся на Ардена и догадливо просиял: – Что ты, например, выйдешь замуж за какого-нибудь прекрасного принца и позабудешь о нас!

– Ну вот еще, глупости какие! – сердито фыркнула я, сползая вниз с могучего торса воина. – Запомни, я никогда не выйду замуж. Больно мне это надо...

– Ага! – многозначительно хмыкнул Горм, правильно расшифровав и мое смущение, и похоронно-мрачное выражение, тут же нарисовавшееся на лице Ардена. – Никогда не говори никогда...

– А не много ли ты языком мелешь, болван неотесанный? – уперев руки в бока,

пронзительно завизжала Эвридика. – Это я выхожу замуж за принца! Понял?

– Понял, чего уж тут не понять-то! – разочарованно крикнул гигант, деликатно подхватил меня под локоток и отвел в сторонку. – Это что с тобой творится? – огорошил он меня вопросом в лоб. – Не нужно быть магом, чтобы понять: этот юноша и есть последний твой спутник, напрогоченный Лаллэдрином! Почему же теперь какая-то нахалка заявляет на него свои права?

– Он? – Я сделала непроницаемое лицо. – С чего ты взял, будто это он?

– Ага! – Горм моментально понял вежливый намек не лезть своими лапищами в мою личную жизнь. – Ясенько.

– Ну и хорошо, если ясенько, – обаятельно улыбнулась я, на всякий случай показывая острые зубы. Дескать, не такая уж я и растяпа: если потребуется, тоже могу укусить. – Рассказывай тогда, что у вас тут за стихийный перевалочный пункт образовался?

– Насчет перевалочного ты точно подметила, – язвительно рассмеялся воин. – А я при нем переводчиком работаю – занимаюсь переводом нашей жратвы на прожорливые человеческие желудки.

– Король Адсхорн приказал помочь людям? – с замиранием сердца спросила я.

– Он самый! – довольно кивнул Горм. – Внял твоим убеждениям. И повелел Эррендиру делиться едой с жителями Блентайра, покуда у нас останется хоть зернышко пшеницы в амбаре и капля пресной воды в фонтанах!

Я восторженно присвистнула, не в силах подобрать нужные слова, способные в полной мере отобразить охвативший меня экстаз.

– Значит, жители Блентайра не погибли! А сам город вы посетили?

– Не-а! – отрицательно мотнул головой Горм. – Да мы и не рвемся особо попасть внутрь периметра крепостных стен. Кстати, люди и сами хороши: жратву от нас принимают, а к себе в гости не зовут. Может, это и правильно... – Он неуверенно почесал в затылке. – Мы с дозорными на стене переговариваемся, нам и этого хватает. Живописуют они свой быт, так сказать, в деталях и красках. Что там у них творится – мама не горюй, нас аж в дрожь бросает. Якобы болезни по ним прошли, половину города выкосили, погромы случались и о каннибализме байки ходили. Король Вильям болен и стар, а наследника у него нет. А еще сообщили они нам по секрету, что глава гильдии Чародеев заперлась у себя в башне – видать, недоброе замышляет!

Уголки моих губ скорбно опустились вниз. Выходит, сбылись самые худшие мои предположения: Блентайр скатился в бездну оголтелой бездуховности, предавшись жестокости и анархии. И сейчас я сильно переживала, гадая: а удастся ли мне спасти еще немногих оставшихся в нем людей, не утративших силу духа и человеческий облик?

– Горм, мне нужно как можно быстрее попасть в столицу! – категорично заявила я. – Помоги мне.

– Чем? – изумленно выкатил глаза эльф. – У тебя же крылья за спиной имеются. Расправила их – да и перемахнула через стену, что уж проще?

– Я не смогу поднять их! – Я красноречиво скосилась в сторону своих спутников. – Поверь мне на слово, они оба нужны Блентайру ничуть не меньше, чем я. Подними их на своих веревках.

– Это она-то? – иронично хмыкнул гигант, без стеснения показывая пальцем на важно надувшую губы принцессу. – Ага, верю! Нужна эта фифа Блентайру как зайцу пятая нога. Где ты ее откопать умудрилась, эдакую хамку?

– Хочу тебя шокировать, ведь эта хамка не кто иная, как старшая дочь короля Кантора, наследника Арцисса и Эврелики. А ее благополучие является залогом того, что Полночный клан помирится с жителями Блентайра...

– Ничего себе! – У Горма челюсть от потрясения отвисла. – Значит, она и этот юноша... – Он со значением прищелкнул языком. – Ну да, хорошее дело браком не назовут! – Эльф на свой грубоватый лад пытался меня утешить. – Не грусти, еще найдешь себе мужа не хуже, чем этот принц...

– Да вот, на беду, мне нужен именно он! – уныло прошептала я, еле шевеля губами. – А его объятия – это единственная петля, в которую я бы полезла не раздумывая.

Горм расстроенно крикнул и пошел отдать команду, чтобы готовили веревочные крепления.

Арден безропотно позволил обвязать себя веревкой под мышками и благополучно поднялся на северный бастион Блентайра. Эвридика, испуганная впечатляющей высотой городских стен, запаниковала, а поэтому Горм просто сгреб эльфийку чуть ли не за шиворот, без всякого уважения к ее статусу, и бесцеремонно переправил наверх, не обращая внимания на писк и брыкания.

– Ой, принцесса, какая у тебя шея!.. – двусмысленно усмехнулся он, привязывая Эвридику к спущенной со стены веревке.

– А я вся такая! – горделиво напыжилась знатная особа.

– Так мыться надо! – возмущенно гаркнул Горм, демонстративно зажимая себе нос, и ругающаяся принцесса стремительно вознеслась вверх, под аккомпанемент громкого хохота всех собравшихся на это представление эльфов.

Я же не стала отвлекаться на мстительные шуточки своего друга, а самостоятельно легко взлетела на стену и настороженно взглянула вниз, всматриваясь в давно знакомое переплетение городских улиц...

Да, я уже успела насладиться сладкими весенними запахами, едва уловимо витающими в воздухе, но день, встретивший меня в Блентайре, был все еще зимним – холодным и сырым. Настоящая собачья погода, когда пропитываются влагой соломенные крыши на домах бедноты, а улицы заполняют ручьи грязи вперемешку с ошметками соломы. Такая отвратительная погода идеально соответствовала атмосфере всеобщего запустения, царящей в столице, и поэтому вся эта сырость на зданиях и стенах туннелей создавала впечатление, будто город плачет. Тут уже ничего не осталось от прежней торговой суматохи, от бывшего пестрого столпотворения тысяч людей, от давнишней бурлящей суеты. Блентайр оказался разорен и нес на себе отпечаток посетивших его бедствий: голода, болезней и войны. А раны войны быстро не затягиваются.

Я шла между расступающимися передо мной горожанами, с болью подмечая, как мало их осталось. На каждой улице я обнаруживала все новые следы запустения, хаоса и разрушения – результат морального падения Блентайра. Гниющие скелеты непогребенных, сломанное оружие, валяющиеся на земле обрывки одежды и осколки посуды – жалкие сокровища, брошенные мародерами. Видимо, в городе до самого конца находились люди, готовые скорее украсть, привлеченные блеском золота и драгоценностей, чем спастись. Огромные черные крысы бегали по руинам, не боясь живых и поедая мертвых.

Наконец я достигла центральной точки города – площади Поющих Ручьев. Посередине брусчатки высился старинный помост, согласно легендам сохранившийся еще с эльфийских времен и предназначенный для проведения соревнований певцов. Я медленно поднялась по щелястым, поскрипывающим ступеням и рухнула на колени, дав волю слезам, сдерживаемым с самого прибытия в город, надеясь хоть немного облегчить боль в растерзанном сердце. Я оплакивала прекрасный Блентайр, погубленный человеческой гордыней, глупостью и жадностью. Мои широко распахнутые крылья свободно реяли на ветру, окутывая меня сферой из серебристого света. Привлеченные невиданным зрелищем, на площади постепенно начали собираться люди, плотным кольцом охватившие помост и замершие в молчаливом ожидании. Над площадью повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь ленивым шелестом изорванного флага, развевающегося на флагштоке королевской резиденции...

Внезапно затянувшуюся паузу прервал звонкий мальчишеский крик:

– Это она, спасительница из рассказов молодого чародея! Я ее узнал!

И тут же, словно дождавшись команды, люди разом загалдели и зашумели на сотни ладов:

- Наследница трех кланов!
- Остановившая Пустошь!
- Крылатая эльфийка из легенд!
- Девушка-звезда!

И вот тогда, уже не опасаясь остаться незамеченной, я поднялась с колен и властно простерла вперед руку, собираясь заговорить с людьми...

Глава 9

Помнится, некогда, почти год назад, дружище Джайлз учил меня управлять толпой. Он утверждал: чтобы действительно противостоять людской массе, нужно иметь крепкие нервы и завидное самообладание. А вот если при этом ты еще сумеешь побороть присущую всем людям трусость и недоверчивость, то сможешь влиять на ход любого события. Смею похвастаться: я накрепко запомнила преподанный мне урок. Следовательно, сегодня дело оставалось за малым – суметь применить на практике эти самые знания, так кстати приобретенные.

Итак, я призывно подняла руку, требуя восстановить тишину, и заговорила:

- Вы не умрете. Ни от голода, ни от болезней, ни от песка. Я вам это обещаю.
- Это все обещают! – ехидно прилетело из толпы. – Те, кто к власти рвется...
- Мне не нужна власть, – спокойно парировала я. – Я просто не знаю, что с ней делают.

Ответом мне стал недоверчивый критический свист.

– Значит, ты ищешь богатства, – подначил все тот же недоверчивый баритон. – Разница невелика.

– Я выросла в бедном сиротском приюте, – не меняя тона, без стеснения сообщила я. – У меня нет и никогда не было своего дома. Все мое богатство уместится вот в этом мешке. – Я демонстративно пнула сброшенную под ноги сумку. – Большой груз мне не унести.

– Тогда ты алкаешь славы! – уже менее уверенно добавил мой оппонент. – Тоже понятие из категории недоступных нам, беднякам, благ...

– А разве у меня ее уже нет? – Я позволила себе улыбнуться.

– Есть! – дружно загомонил толпа. – Куда уж более!

– Слава не накормит и не напоит, – продолжила я. – Слава бывает плохой и хорошей. Слава может принести любовь и ненависть.

– Правда! – уважительно согласился мой упрямый собеседник, разглядеть которого мне никак не удавалось. – Слава эльфов сослужила им плохую службу.

– А чего хочешь ты, Наследница, любви или ненависти? – Голос, задавший этот непростой вопрос, принадлежал женщине.

– Доверия! – честно ответила я. – Вашего доверия!

Толпа шокированно ахнула.

– В нашей жизни есть то, что никогда не возвращается обратно, – рассказывала я, стремясь поделиться с людьми тем, что проверила и испытала на себе. – Но я хочу изменить это правило! Скажите, что бы вы хотели вернуть? – Я сознательно вовлекала толпу в беседу.

– Зря потраченное время! – откликнулся уже знакомый мне мальчишка.

– Глупые слова! – мрачно пробасил какой-то толстяк.

– Упущенные возможности! – несмело вякнула тощая девица.

Я кивнула и задала новый вопрос:

– А о каких пропажах вы сожалеете?

– О попорченной чести! – выкрикнули с задних рядов.

– О спокойном быте! – прошамкала древняя старуха.

– О надежде на светлое будущее! – рассудительно вставил крепкий молодой мужчина.

Я кивнула повторно:

– Какие ценности вы научились уважать и беречь?

– Принципы! – поторопился внести свою лепту мой постоянный оппонент.

– Любовь! – зарделась девица.

– Дружбу! – слаженно проскандировала стайка подростков.

– Вы поняли, что в нашем мире самое ненадежное? – не отступала я.

– Власть! – летело над площадью.

– Удача! – вторило эхом.

– Состояние! – звучало как насмешка.

– Что определяет жизненный путь каждого человека? – Я уже не скрывала своего ликования, обнаженная пониманием и податливостью толпы.

– Труд! – прогудел здоровяк в фартуке кузнеца.

– Честность! – самокритично зарделся юноша в сюртуке ростовщика.

– Личные достижения! – ударил мечом о щит молодой воин.

– Что разрушило Блентайр? – затаив от волнения дыхание, спросила я.

– Предательство! – не солгали люди. – Гордыня и злость!

– Я пришла для того, чтобы время больше не тратилось зря! – призналась я. – Чтобы никто не ранил другого глупыми словами и не упускал свои возможности. Я верну вам честь, спокойный быт и дам светлое будущее. Вы станете жить согласно своим принципам, в любви и дружбе. Сможете доверять своей удаче, не будете завидовать власти и состоянию других. Результат вашего труда станет зависеть только от честности и личных достижений. И конечно, все это произойдет лишь в том случае, если вы отринете предательство, гордыню и злость.

– Правда? – недоверчиво ахнула толпа.

– Вы перестанете болеть, а ваши дети не пойдут на корм кровавой богине. Я избавлю Лаганахар от песка и верну его почве былое плодородие. Угроза голода минует... – обещала я.

– Но как? – не сдавался мой упрямый оппонент.

– Я – серый маг! – Я подняла высоко над головой Звезду своей души, ярко переливающуюся всеми цветами радуги. – И все собранные мною знания предназначаются для вас!

– Так не бывает! – резонно покачал головой ростовщик. – За все нужно платить. Чего ты попросишь от нас взамен? Наши души, наши жизни?

– Ничего! – сердито рассмеялась я. – Я же не змеелика, мне ни к чему жертвы. Я прошу только одного – помириться с эльфами, лайил и ниуэ, а они в свою очередь помирятся с вами. Мы станем единым, неразделимым народом, живущим в процветании и благоденствии.

– Это невозможно! – Меня захлестнула волна негодующих воплей. – Лайил ненавидят эльфов, а эльфы – их. И пусть Полуденные спасли нас от голода, но души убитых нами воинов вызывают к отмщению... Мы не простим Перворожденных, а они никогда не простят нас.

– погоди, Наследница! Ты сама не понимаешь, о чем просишь, – принялся здраво втолковывать все тот же невидимка, и шум стих как по мановению руки. – Вспомни старинную прибаутку: скорее Сол соединится с Уной, чем в Лаганахаре воцарится мир между всеми населяющими его народами. Твоя мечта несбыточна. Мы в нее не верим...

– Да? – вызывающе усмехнулась я, обводя взором выжидательно притихшую толпу. – Не верите, значит? А если я совмещу Сол и Уну, поверите?

По площади прокатился шквал всеобщего недоуменного ропота.

– Она уже в городе! Она вернулась! – Злобно сжимая кулаки, Кларисса, словно загнанный в клетку зверь, металась по молельне Звездной башни, исходя бессильной яростью. – Да будь ты проклят, лицемер! Ты меня обманул! – Лезвие тяжелого Грома обрушилось на статую пресветлого бога Шарро, и на пол посыпались обломки мрамора. – Толпа идет за ней, а она поведет ее против чародеев, свершая пророчество Неназываемых. Мне конец...

– А разве ты в этом сомневалась? – торжествующе прошипела Ребекка, крепко привязанная к железным кольцам, вбитым в стену. Безжалостно растянута до скрипа в суставах, почти распятая. – Твои приспешники сумели захватить нас, но навредить Йоне тебе слабо!..

– Посмотрим! – высокомерно хрустнула пальцами чародейка. – К счастью, я пока еще глава гильдии и со мной остались несколько самых влиятельных магов, владеющих боевыми заклинаниями. Возможно, Наследница и сильна, но выстоит ли хрупкая девочка против десятка зрелых, опытных мужчин-чародеев?..

– А ты проверь! – ехидно посоветовала лайил. – Могу лично засвидетельствовать, Йона и не таких обламывала. А от твоих магов вообще клочки по закоулочкам полетят, я в этом уверена!

– Наглая тварь! – взбешенно заорала Кларисса, окончательно выведенная из себя неистребимым оптимизмом своей пленницы. – Я еще подумаю на досуге, какой именно смерти ты заслуживаешь... И не надейся, что умрешь быстро и безболезненно. Нет, я буду медленно отрывать от тебя кусочек за кусочком, ломать косточку за косточкой, выдирать ноготь за ногтем! – Чародейка даже облизнулась, предвкушая описываемые ею пытки. – Но сначала я разделаюсь с этим мерзким псом, так подлю меня предавшим! – Она обвиняющим жестом указала на Беонира, прикованного рядом с невестой.

– Уважаемая чародейка, я бы очень хотела, чтобы ты тоже поступила со мной как с собакой! – кривляясь в веревках, издевательски заканючила отважная воительница.

– В смысле? – ошеломленно поинтересовалась Кларисса.

– Да я ведь не прошу ничего особенного, просто покорми и отпусти погулять... – сладким голоском пропела неисправимая язва.

– Ах ты еще и ерничаешь! – Магичка со всего маху ударила Ребекку по губам. – Пададь!

– Ты сама скоро кровью умоешься, обещаю, – заверила ее лайил, облизывая разбитую губу. – Йона запросто прихлопнет хваленых магов, раздавит, словно комаров, а затем придет сюда и вытрясет из тебя твою черную душу...

– Тьма! – обреченно заломив руки, взывала глава гильдии. – Что же мне делать? Кто мне поможет?

– Я! – вдруг негромко донеслось из самого дальнего угла молельни, затянутого пыльной паутиной.

– Кто – ты? – Чародейка не сразу выявила источник прозвучавшего обещания, но потом просияла и так шумно перевела дух, будто сбросила с плеч неимоверно тяжкий груз. – Повелительница моя! – Кларисса опрометью бросилась на призыв и подолом своего платья раболепно обтерла статую богини Банрах, давно уже всеми заброшенную и позабытую, задвинутую в угол и засиженную мухами. – Прости меня, глупую и неблагодарную! – Магичка старательно полировала покрытый плесенью мрамор, не щадя роскошный бархат. Вскоре грязь и отходы мушиной жизнедеятельности были счищены со статуи змееликой, и чародейке явился черный слепой лик богини – неодушевленный, но при этом способный разговаривать, размышлять и чувствовать.

– Прощаю! – С каменных губ богини сорвался язвительный смешок. – Я помогу тебе, смертная, если ты мне заплатишь...

– Всем, чем угодно! – радостно согласилась Кларисса, падая на колени перед статуей и молитвенно складывая ладони. – Назови любую цену! Я на все согласна.

– Мне нужна твоя душа! – приговором громыхнула змееликая. – Для того чтобы явиться в Блентайр во плоти, я должна заполучить живую человеческую душу. А взамен я наделю тебя неуязвимостью, которая способна защитить от чар Наследницы. Ты обрешь настоящее могущество, смертная.

– Поостерегись заключать сделку с этой змеюкой! – мудро предупредила Клариссу воительница. – Она ведь не постесняется обмануть тебя, если почувствует в том свою выгоду...

– А много ли пользы принес главе гильдии бог Шарро? – провокационно перебила ее змееликая. – Немного. Вот и разбери теперь, кто из нас есть добро, а кто – зло.

– Я верю тебе, моя госпожа! – торопливо закричала Кларисса, не вняв предостережению Ребекки. – У меня не осталось иной надежды, ведь Наследница неминуемо заявится в Звездную башню и тогда...

– Не заявится, я разберусь с ней до этого! – хвастливо заявила Банрах. – Уж теперь-то я точно не промахнусь.

– Ничего у тебя не получится, – категорично заявила Ребекка. – Наследница еще ни разу не отступала и не проигрывала.

– Переживай лучше за свою судьбу, – небрежно посоветовала змееликая. – В глубине души ты ведь всегда знала о том, что однажды я тебя настигну и отомщу за подлое предательство моих интересов. Пришло время платить по счетам, жрица!

– Это уже неважно, хотя да, я успела изрядно накосячить! – бестрепетно призналась лайил. – Пусть даже я умру, но Йона исправит мои ошибки и спасет Лаганахар.

– Ошибались все, даже Неназываемые! – пренебрежительно фыркнула богиня. – Уж мне ли об этом не знать. Молчи, предательница, с тобой я разберусь позднее, как и с твоим неудачником-другом. А сейчас настало время для более важных дел... Подойди ко мне, смертная, – скомандовала змееликая, обращаясь к Клариссе, – и прикоснись к моей руке...

Чародейка в точности выполнила указание Банрах. В молельне зазвучало негромкое пение богини, сплетающей какие-то невиданные чары. Кларисса сначала вздрогнула, а потом затряслась, будто в припадке, очевидно испытывая сильнейшую боль. Но, стремясь достигнуть поставленной цели, она не отпускала руку статуи, до крови прикусив нижнюю губу. Алые капли стекали на ее подбородок и неожиданно начали застывать, превращаясь в черный мрамор... Пальцы чародейки потемнели и окаменели, а темнота ползла все выше по ее коже, – поднимаясь к плечам, захватывая шею и лицо. И вот уже все тело магички уподобилось камню, холодному, бесчувственному, прочному...

Банрах издала стон утомления и резко оборвала свою песню. Словно проснувшись, чародейка отшатнулась от статуи, а ее кожа вновь побелела, приняв изначальный вид.

– Часть моей силы перешла в твое тело, смертная, – пояснила богиня. – Твоя плоть уподобилась камню. Теперь она не поддастся чарам Наследницы, а ты не пострадаешь в бою и будешь неуязвима для любого оружия, даже волшебного.

– Спасибо! – равнодушно поблагодарила глава гильдии. Черты ее лица словно смазались, уже не выражая ни удивления, ни радости. Похоже, в чародейке не осталось ничего человеческого. – Отныне я не боюсь проклятой девчонки и приготовлю ей достойную встречу.

– Отлично! – довольно хмыкнула Банрах. – Я же тем временем всласть попользуюсь твоей душой... – Ее каменная грудь внезапно всколыхнулась так бурно, что стало понятно: в ней впервые забилось горячее и живое сердце...

Можно было подумать, что заполненная людьми площадь превратилась в волнующееся море – бурлящее, штормовое, грозящее захлестнуть меня с головой. До моего слуха доносились сотни противоречивых выкриков: обрадованных, недоверчивых, протестующих. Но – сей печальный факт не укрылся от моего внимания – среди них все-таки преобладали возмущенные... Я поспешно склонила голову, пряча лукавую усмешку. Мне не верят! Что ж, в том нет ничего удивительного, ведь услышь я сама подобное заявление – тоже ни за какие коврижки в него бы не поверила. Сильному чародею доступны многие чудеса, но даже он неспособен нарушить естественный ход Сола и Уны, заставив их соединиться. Пройдя через шесть уготованных мне испытаний, я познала тайну управления стихиями, научилась врачевать, обрела способность управлять временем, но, как и прочие маги, не имела власти над основами мироздания, остающимися незабываемыми с незапамятных времен. Следовательно, я не имела ни единого шанса совершить обещанное людям чудо, однако...

Я подняла руки над головой, запрокинула лицо к небу и заговорила нарочито тихим

голосом, намеренно не обращая внимания на беснующуюся вокруг помоста толпу:

– Внемлите мне, Неназываемые! Я призываю вас незримо явиться к нам, на эту площадь, на короткое время даровав мне, вашей покорной слуге, толику своих неограниченных возможностей!

Не знаю, услышали ли меня спящие в Серой долине творцы, но над городом неожиданно пронесся порыв обжигающе ледяного ветра, способного заморозить не только наши тела, но даже сердца и души. Небо внезапно потемнело, наливаясь свинцовым сумраком. Наблюдающие за мной люди испуганно притихли, загипнотизированные разыгрываемым перед ними спектаклем. Признаюсь, я никогда не испытывала особого доверия к своим лицедейским способностям, но сейчас старалась вовсю, постепенно все больше увлекаясь импровизацией. Я чертила в воздухе несуществующие руны, бесспорно способные успешно обмануть всех не разбирающихся в чарах людей. Усиливающиеся порывы шквального ветра грозно развевали мой плащ, теребили распахнутые крылья и взвивали вверх волосы, уподобившиеся грозовой туче.

Наверное, сейчас моя невысокая и хрупкая фигура обрела воистину устрашающие размеры и очертания, производя волшебное впечатление. Простеньким заклинанием я заставила свои глаза светиться, чем вызвала аханье со стороны внимающих мне зрителей. Подозреваю, древняя эльфийская сцена, повидавшая на своем веку немало талантливых актеров и музыкантов, еще ни разу не становилась соучастницей настолько дилетантского и вместе с тем зрелищного и вдохновенного представления. И нужно ли упоминать о том, что моя дерзкая затея блестяще воплотилась в реальность, закономерно приведя к столь желанному для меня результату?..

Неумение врать еще не говорит о необходимости всегда говорить правду. Я уже и сама запуталась в том, чего больше, правды или лжи, присутствовало в затеянном мной представлении. А впрочем, разве это важно?

– Неназываемые! – продолжала звать я. – Приглашаю вас выступить в качестве свидетелей, должных подтвердить истинность моих слов. Я призываю все народы Лаганахара помириться между собой, объединиться в одно милосердное братство и жить отныне по принципам дружбы, всепрощения и миролюбия. Я требую прекратить убийства, вражду и распри. Я обязываю каждого из вас заботиться о ближнем своем сильнее, чем о себе. Я клянусь, что начиная с сего момента в нашем мире не останется ни одного голодного, обездоленного и отвергнутого, и сама выступаю гарантом незыблемости этой клятвы. С сегодняшнего дня мы меняем свою жизнь, свой мир и самих себя. Если все вышеперечисленное возможно, то умоляю вас, Неназываемые, подайте нам знак, свидетельствующий о том, что вы одобряете наши намерения!

– Какой знак? – сдавленным писком прилетело из толпы.

– Пусть Уна соединится с Солом, – торжественно возвестила я. – Ночь сменит день и на землю опустится непроницаемый мрак!

Тут на площади вообще стало твориться нечто невообразимое. Испуганно ревели дети, бессильно ругались мужчины, истерично голосили впечатлительные женщины. Дюжий кузнец, стоящий в первом ряду зрителей, шумно грохнулся в обморок, придавив молодого ростовщика и тощую девицу. Сгорбленная старуха позабыла о своей немощи и, демонстрируя завидные навыки рукопашного боя, с визгом устремилась прочь, по пути сметая нескольких высоченных мужчин. Ближайшие ко мне зрители пытались убежать, намереваясь укрыться в своих домах, а задние ряды, наоборот, пробирались вперед, боясь упустить что-нибудь особо интересное. Короче, я сумела произвести настоящий фурор, полностью деморализовав жителей столицы, уверовавших в явившееся им чудо. Но и этого мне показалось мало...

– Смотрите! – драматично закричала я, пальцем указывая на оранжевый диск Сола, стоящий ровно в зените. – Смотрите все!

И правда, это нужно было видеть! На по-ночному потемневшем небе внезапно появился бледный кругляш Уны, начавший стремительно накатывать на неподвижное

дневное светило. Вот они совместились, а вслед за тем от Сола осталась только половина, потом – узкий золотистый серпик, и вот уже он исчез полностью, спрятавшись за свою бледную подругу. Лучи Сола погасли, перестав освещать растерянно замерший мир. Лаганахар погрузился во тьму!

Пару минут над площадью висела оглушительная тишина. А затем она взорвалась громоподобной какофонией из умоляющих о пощаде воплей.

– Спаси нас, Наследница! – кричали насмерть перепуганные люди. – Прости нас за недоверие! Мы согласны с любыми твоими условиями, только умоляем, верни нам Сол – его животворящее тепло, его свет!

– Вы обещаете мне помириться с эльфами, ниуэ и лайил? – требовательно спросила я.

– Обещаем! – единодушно выдохнули сотни людей.

– И никогда не повторите войну, чуть не погубившую королевство Лаганахар? – уточнила я.

– Никогда! – дали непритворный зарок жители Блентайра.

– Да будет так! – возрадовалась я. – И отныне эта клятва нерушима! Неназываемые, явите нам свою благосклонность! – Я вновь имитировала искусное чародейство. – Ваши дети раскаиваются в своих прошлых ошибках и обещают не повторять их в будущем. Не гневайтесь на своих неразумных созданий и верните нам Сол. Заклинаю вас об этом!

И – о чудо! – бледная Уна начала медленно сползать с золотистого диска Сола, унося с собой ночные сумерки и холод. С небес опять полились благословенное тепло и свет, являя миру обновленный Лаганахар. Люди на площади счастливо обнимались и целовались, поздравляя друг друга с благополучно миновавшей бедой. Вглядываясь в радостно улыбающиеся лица, я с облегчением увидела: они тоже изменились, прояснились и посветлели так заметно, словно избавились от давнего гнета злобы, зависти и мстительности, способных омрачать не только внешний облик, но и внутреннее самоощущение любого человека. Люди стали другими, и, оказывается, для этого потребовалось совсем немного – просто готовность открыть душу всему светлому, доброму и бескорыстному. И я не сомневалась в том, что им непременно понравится тот новый мир, создавать который мы начинали прямо сейчас!

– Теперь вы мне верите? – спросила я у толпы, после того как владеющее людьми возбуждение немного поутихло.

– Верим! – с энтузиазмом прилетело в ответ.

– И помните, если вы нарушите клятву, данную Неназываемым, они обязательно покарают виновных. Явятся и разрушат Лаганахар! – пугнула я для острастки.

По толпе прокатилось дружное «ах».

– Наследница, а если хоть один из нас совершит какой-нибудь плохой поступок, то ты расскажешь об этом Неназываемым и они опять заберут у нас Сол? – прошепелявил мальчишка лет семи, взирая на меня с благоговейным обожанием.

– Расскажу и даже сама помогу им повторно потушить Сол! – пообещала я, кровожадно сводя брови на переносице.

Малыш взвизгнул и спрятался за материнскую юбку, а я красноречиво хмыкнула, изо всех сил пытаясь скрыть так и просящуюся на губы улыбку. Запустив руку в карман камзола, я скомкала подаренную Люцитой бумажку, на которой та записала точную дату и время предсказанного ею затмения Сола. Я мысленно горячо поблагодарила мудрую старуху, доверившую мне тайну, так пригодившуюся сегодня. Да, признаюсь, все мое чародейство, предъявленное столь значительному количеству людей, безоговорочно поверивших мне, оказалось не более чем искусной мистификацией, преследующей благие цели. Как говорится, ловкость рук – и никакого мошенничества! Впрочем, всем остальным знать об этом совершенно необязательно. Или я неправа?

– Йона, ты меня так и не узнала? – Тот самый молодой мужчина, который до сих пор оставался для меня незримым, но, невзирая на это, активно участвовал в развернувшемся на

площади диспуте, решительно раздвинул толпу и вышел вперед. Судя по тому как легко и быстро удалось ему очутиться лицом к лицу со мной, он пользовался в городе немалым авторитетом. Мой собеседник непринужденно поднялся на помост, двигаясь с грацией опасного хищника и разом перешагивая через две ступеньки. Я с удовольствием оглядела его щедро позолоченную кольчугу, добротную кожаную одежду и меч на поясе.

– Здравствуй, Бартоломью! – приветливо поздоровалась я и протянула ему руку. – Рада снова тебя встретить.

– Высокопочтимая сьеррина чародейка! – Мой бывший товарищ по приюту склонился в низком поклоне, едва коснувшись моих пальцев. – Добро пожаловать в ваш город!

– В мой? – непритворно изумилась я. – Да с чего бы это?

– В Блентайре нет чародея или чародейки, способной превзойти тебя по могуществу и бескорыстию, – уверенно констатировал Бартоломью, многозначительно указывая на Звезду моей души, самовольно выскользнувшую из-под рубашки и сейчас свободно покоящуюся у меня на груди. – Народ ожидает, что ты немедленно возглавишь гильдию Чародеев и наставишь нас на путь истинный, защитишь от бед и несчастий.

– А по какому праву ты делаешь мне такое предложение? – растерялась я, озадаченная словами Бартоломью.

– По праву главы гильдии Воинов, коим меня избрали совсем недавно! – улыбнулся друг. – А еще знай, моя община готова без раздумий поддержать любое твоё начинание, Наследница!

– Дружище! – На помост запрыгнул возбужденный Арден, сияющий счастливой улыбкой. – Ох, как же я рад видеть тебя здоровым и невредимым!

Друзья крепко обнялись, одобрительно похлопывая друг друга по спине.

– Вижу, она все-таки выполнила свое обещание и спасла тебя от богини Банрах! – Бартоломью лукаво подмигнул Ардену, намекая на меня.

– Не она, а я! – нахально вмешалась всеми позабытая Эвридика, многозначительно прижимаясь к принцу. – И вообще, я не понимаю, как можно уделять столько внимания какой-то чародейке, если перед вами нахожусь я – старшая дочь короля Кантора, принцесса Полночного клана!

– Да? – ненатурально округлили глаза Бартоломью. – А я-то подумал, это просто надоедливая муха жужжит!

Из толпы раздались тихие, но очень обидные смешки.

– Рано радуетесь! – важно надула губы моя чрезвычайно уязвленная сестрица. – Гильдия Воинов, какой бы сильной она ни являлась, неспособна в одиночку выстоять против опытных боевых магов... Боюсь, нынешняя глава гильдии Чародеев, заочно тобой смещенная, еще способна задать жару всем.

– Ну почему же в одиночку? – вдруг насмешливо прозвучало снизу.

Я всмотрелась в толпу, послушно расступающуюся перед кем-то неторопливо шествующим к помосту. Вот новый участник разыгрывающейся на площади драмы приблизился, а люди поспешно уступили ему дорогу, очевидно руководствуясь огромным уважением, а возможно – еще большим восхищением. Я же усиленно терла веки, не смея поверить собственным глазам, ибо этот уважаемый всеми человек оказался отнюдь не прославленным в боях военачальником и не знаменитым придворным сановником. Нет, передо мной предстала стройная, высокая девушка, облаченная в затканное золотом шелка. Ее ослепительная красота сияла словно луч Сола, затмевая даже общепризнанную прелесть мгновенно побледневшей от зависти Эвридики.

– Почему же в одиночку? – иронично повторила красавица. – Уж поверьте мне на слово, мои девушки далеко не так безобидны, каковыми кажутся на первый взгляд. Каждая из нас носит в прическе остро заточенный кинжал и владеет им весьма виртуозно. Вам нужна наглядная демонстрация наших талантов или достаточно авторитета главы гильдии Порхающих?

– Элали! – громко ахнула я. – Это ты?!

Стоящий рядом со мной Арден буквально окаменел от изумления.

– Я! – торжествующе улыбнулась подруга. – И посмотри, кого я тебе привела... – Она вытолкнула вперед еще одну смущенно упирающуюся девушку, до этого полностью скрытую пышным нарядом главы гильдии Куртизанок. На столь бесцеремонно представленной мне особе красовался скромный, но добротный плащ лекарки. – Ну как, признайся, я сумела тебе угодить? – звонко рассмеялась неисправимая проказница Элали.

– Пиолина! – закричала я и, легко взмахнув крыльями, спорхнула с помоста, совершенно очаровав всех собравшихся. – Бесценная моя подруга!..

– Эльфиечка! Ты вернулась! – Молодая лекарка повисла у меня на шее, плача и смеясь одновременно. – Я молилась за тебя богу Шарро, и пресветлый услышал мои молитвы!

– Спасибо! – благодарно шептала я, вытирая мокрые щеки подруги. – Теперь мы снова вместе и, значит, сумеем превозмочь любую беду.

– О да! – в последний раз всхлипнула Пиолина, и ее глаза угрожающе засверкали. – Мы защитим тебя, дорогая. Как глава гильдии Целителей смею заверить кого угодно – сваренный нами яд способен убить любого врага!

– Элали?.. – Героическую речь Пиолины оборвал вскрик вышедшего из ступора Ардена. – Прости меня! Я... я...

– Замолчи! – Ладонка красавицы мягко легла на губы юноши. – Что было, то прошло! Не принимай всерьез наши прошлые детские отношения. Я забыла все плохое и помню только хорошее. А ты ведь много чему полезному меня научил!.. – лукаво хихикнула девушка. – Детское увлечение тобой сменилось настоящей любовью, сделавшей меня счастливой. Теперь я влюблена в некоего титулованного мужчину и скоро выйду за него замуж!

– Будь счастлива, прекрасная Элали! – прошептал Арден, восхищенно целуя ее в щеку. – Ты настолько же благородна, как и красива.

– Будь счастлив, Арден! – искренне пожелала в свою очередь глава гильдии Порхающих.

А затем Элали взяла за руки Бартоломью и Пиолину.

– Так кто еще готов вместе с нами выйти против чародеев? – отважно спросила она.

– Мы! – На помост поднялась пара молодых людей, состоящая из худого, сутуловатого юноши и гладко причесанной девушки со строгим, очень серьезным лицом. – Гильдии Торговцев и Уравновешивающих с тобой, Наследница!

– Хорге! Руфия! – с удовлетворением опознала я. – Вы живы?!

– Жизнь – это самый дорогой товар! – галантно поклонился Хорге. – Таким не разбрасываются попусту.

– Мы снова вместе, и это справедливо! – важно подняла палец Руфия. – А еще – закономерность всего происходя...

Но глава гильдии Уравновешивающих не успела донести до нас свою мысль, ибо ей помешали громкие крики, взбудоражившие всех собравшихся:

– Спасайтесь, они идут! – На площадь ворвались двое юношей, первый из которых носил знаки главы гильдии Земледелов, а второй – Метельщиков. Вновь прибывшие бегом достигли помоста, преодолели лестницу и бросились ко мне.

– Йона, сюда идут чародеи! – сообщил широкоплечий Деннис, старательно загораживая меня спиной.

– Их много! – в унисон ему вторил дюжий Янис, размахивая здоровенной дубиной, которая при ближайшем рассмотрении оказалась ручкой гигантской метлы. – Очень много...

– Вот мы и в сборе! – спокойно улыбнулась я, окруженная теми самыми девушками и юношами, вместе с которыми я год назад проходила церемонию выбора учеников. – Мы сумели добиться поставленных целей и не спасовали перед трудностями. Мы не предали свою мечту и не пошли на поводу у судьбы. Так неужели сегодня мы отступим перед теми, кто стремится снова восстановить власть Тьмы?

– Никогда! – хором ответили мои друзья. – Мы не отступим и не сдадимся!

И тут земля под нашими ногами дрогнула, сотрясенная чьим-то могучим ударом. Доски помоста вздыбились, едва не сбросив нас вниз. Загрохотал оглушительный гром, и с неба упала сиреневая молния, разрушившая ближайшее ко мне здание. Толпа бросилась врассыпную. Клубы серой пыли, поднявшиеся из мешанины каменных обломков, образовавшейся на месте строения, на некоторое время заволокли все вокруг, а когда рассеялись, мы увидели группу из нескольких десятков мужчин, внезапно появившихся на площади. Все они различались по возрасту, росту и внешности, но каждый из них носил синий плащ чародея и хрустальный амулет, открыто сияющий у него на груди. Процессию возглавлял степенный чернобородый маг. Пять из шести лучей Звезды его души полыхали мрачным бордовым огнем...

– Приветствую тебя, незваная гостья! – Судя по всему, чернобородый не собирался ломать передо мной богатую меховую шапку, прикрывающую его макушку. В голосе чародея присутствовала смесь самых разных эмоций: страха, негодования и едва заметного, тщательно скрываемого уважения. – Меня зовут Хиссар, и я первый советник главы гильдии Чародеев. Высокочитимая сьерра Кларисса выслала нас к тебе навстречу с приказом. – Он вытащил из кармана плаща свиток, развернул и зачитал: – «Девушке Йохане приказывается немедленно явиться пред властительные очи главы гильдии Чародеев, дабы держать ответ за свои псевдопройденные испытания»!

– Явиться? – опередив меня, иронично переспросила Элали. – Да как смеет какая-то сьерра Кларисса приказывать Наследнице и спасительнице всего Лаганахара?

Черную бороду Хиссара расколола злорадная усмешка:

– Согласно уставу общины, сьерра Кларисса все еще носит титул нашей главы, а Йохана является соискательницей места в рядах гильдии. Без одобрения главы новую чародейку не примут в Звездной башне, и она станет изгоем. О, конечно, лишь в том случае, если не согласится на условия главы! – торопливо добавил маг, понимая, что перегнул палку, а его миссия стала смахивать на банальные запугивания и шантаж.

– И в чем заключаются эти условия? – угрожающе прищурился Бартоломью, словно невзначай опустив ладонь на рукоять меча.

– Чародейке по имени Йохана предписывается передать главе гильдии свой амулет и подробно рассказать о том, как ей удалось миновать все испытания! – отчеканил маг.

– Стойте, объясните мне, что значит «миновать»? – Арден совершенно запутался в витиеватой казуистике Хиссара. – Она их не миновала. Она их прошла!

– У нас есть все основания подозревать ее в подтасовке фактов и мошенничестве, ибо до нее никто еще не сумел вернуться из храма Песка и обнаружить эльфов, доселе считавшихся погибшими. Кроме того, у Йоханы не имелось полномочий на установление дипломатических связей с нашими врагами, что считается государственной изменой!

– Сам ты покойник! – обиженно проворчала Эвридика. – А мы еще и тебя переживем!

– Тут надо разобраться, кто на самом деле совершил измену! – издевательски расхохоталась Элали.

– После этого вышепоименованную Йохану препроводят в подземелье Звездной башни и заключат под стражу вместе с уже содержащимся там бывшим магом Джайлзом! – как ни в чем не бывало продолжил вещать маг.

– Джайлз – в тюрьме! – возмущенно хлопнула крыльями я. – Да как она посмела?

– Глава гильдии Чародеев не обязана отчитываться в своих поступках перед какой-то девчонкой! – язвительно усмехнулся Хиссар, старательно игнорируя мой титул Наследницы трех кланов и специально подчеркивая мой несолидный возраст. – Там Йохана должна дожидаться вердикта главы. Если сьерре Клариссе будет угодно признать заслуги претендентки в чародейки и засчитать ее испытания как пройденные, то соискательнице предоставят низшее место в гильдии и...

– Да вы там все с ума посходили, что ли? – возмущенно перебил мага Арден. – Вы там все ослепли или совсем совесть потеряли? Разве не видите, как много сделала Наследница для всего Лаганахара?

– Мы рассмотрим представленные Йоной доказательства. И если глава сочтет их достаточными, то... – продолжил разводить демагогию маг.

– А если нет? – напрямую спросила неугомонная Элали.

– Ну... – замялся Хиссар, не отваживаясь заявить о том, что в подобном неблагоприятном случае я имею все шансы отправиться прямиком в храмовый котел. – Все в руках сьерры Клариссы...

– Подозреваю, что у меня нет оснований надеяться на ее справедливость! – прозорливо усмехнулась я.

– Как смеешь ты, девчонка, сомневаться в непогрешимости сьерры Клариссы! – вспыхнул чародей. В его ладони возник и начал наливаться жаром небольшой огненный шар. – А ну, негодница, немедленно следуй за нами, припади к ее ногам и...

– Не припаду! – демонстративно отказалась я. – Знаете, в течение этого года я узнала многое и поняла: дабы не пришлось краснеть перед своей мечтой, никогда не изменяй себе и не поступайся своими принципами. Лучше поступишь своей жизнью.

– Как смеешь ты дерзить мне, девчонка? – искренне удивился Хиссар, покачивая на ладони заметно потяжелевший огненный шар. – Крылья еще не дают тебе права не уважать нашу силу. Да и магия, – он криво улыбнулся, – это, знаешь ли, детям не игрушка...

– Да ну? – язвительно усомнилась я. – Правда, что ли?

– Да! – степенно подтвердил зазнайка. – И бунтарь Джайлз уже на собственной шкуре в этом убедился!

При повторном упоминании имени Джайлза в моем сердце будто лопнуло что-то живое и горячее, начавшее бурно истекать горем, болью и кровью. Ах мерзавцы, да как же они посмели бросить в тюрьму Джайлза, моего дорогого друга, самого честного, благородного и искреннего чародея во всем Блентайре? Истинного мага, сильно отличающегося от этой шайки проходимцев и убийц, имеющих наглость называть себя гильдией Чародеев!

– Я не собираюсь вести с вами мирные переговоры, – холодно объявила я. Всю мою любезность как ветром сдуло. – Ибо у меня нет дипломатических полномочий на мирные переговоры с врагами! – ехидно уточнила я. – Если среди вас есть те, кто недоволен политикой гильдии и готов перейти на мою сторону, то сделайте это прямо сейчас, пока еще не стало слишком поздно. А не то...

– А не то – что? – издевательски расхохотался Хиссар. – Ты на нас обидишься, малютка?

– Угадал! – с детской непосредственностью улыбнулась я. – Обижусь и осуществлю пророчество Неназываемых. А именно: изведу злых чародеев.

После такой угрозы от шеренги магов резво отделились шестеро юношей и торопливо побежали к помосту, намереваясь присоединиться ко мне.

– Не прогоняйте нас, сьеррина Наследница! – умоляли они. – Мы друзья Джайлза и уже давно устали от произвола сьерры Клариссы.

– Значит, теперь у меня будет своя гильдия! – благосклонно кивнула я.

– Предатели! – разъяренно завопил Хиссар, неуклюже топая ногами. – Сейчас вы умрете, сдохнете как собаки, очокуритесь вместе с этой самозванкой!

– Эх, господин советник, полномочный представитель гильдии, ну почему же вы не думаете о безопасности своих членов? – поинтересовалась я, мысленно прислушиваясь к некому зову, прозвучавшему в моей душе. И этот зов неумолимо приближался, становясь все громче и отчетливее... – Как же это самонадеянно и неблагоприятно!

– Да? – глуповато удивился Хиссар, непроизвольно посмотрев вниз. Поступив так, он уже проиграл все: должность, доверие главы гильдии и даже свою жизнь. Он потерял последние драгоценные секунды своего бытия, бездарно их растратил, потому что смотреть вниз не имело никакого смысла.

Смотреть нужно было вверх.

– Наследница! – Взбудораживший меня крик донесся сверху, из-за пухлых дождевых туч, плотно обложивших начавшее темнеть небо. – Ты меня звала? Я прилетел!

– Звала, – обрадованно ухмыльнулась я. – И кстати, ты почти не опоздал.

– Почти – не считается! – величественно уточнили с неба. – А ну отойди в сторону, девочка...

Не раздумывая долго, я птичкой слетела с помоста, звонко простучав по ступенькам лесенки подковками каблучков своих изрядно потрепанных сапог. Друзья без лишних вопросов последовали за мной, осознав, что на площади происходит нечто особенное, из ряда вон выходящее.

– Это что еще такое? – недоуменно спросил Хиссар, таращась в небо. – Кто разрешил?..

– А плевал я на чародейские разрешения! – громогласно хохотнули прямо ему в макушку. – Мне ваши подачки без надобности, ведь я Железный Дракон!

– Дракон? – по-бабьи пискляво заверещал совершенно ошарашенный маг. – Откуда? Что за несанкционированный бардак? Как – плевал?

– Оттуда! – вовсе веселился мой давний знакомец, нарезая размашистые круги в небе над площадью. Железного сопровождали два дракона поменьше и горделиво реющая чуть повыше Мифрил, судя по ее виду, чрезвычайно довольная блестящими результатами доверенной ей миссии. Ну да, признаюсь, это я послала свою верную мантикору в долину Дурбан, умоляя всеми правдами и неправдами призвать ко мне Железного Дракона. При этом я сильно переживала: а справится ли Мифрил со столь трудным заданием, успеет ли вернуться к нужному моменту? Но, к счастью, сейчас выяснилось – волновалась я зря.

– А плевал я на вас вот так! – вдруг нахально выкрикнул Железный и дунул...

Вернее, это нам, благоразумно притаившимся за помостом и лишь одним глазком подглядывающим за разворачивающимися на площади событиями, показалось, будто дракон дунул. На самом деле из его широко разверзшейся пасти вырвался огромный сполох алого пламени и с бешеной скоростью устремился точно в Хиссара! Чародей обреченно взвыл, осознав, какая участь его ожидает, но суетиться было уже поздно...

Нет, маг даже успел среагировать, метнув в дракона свой огненный шар, давно отягощавший его руку... Мы громко закричали, склонные ожидать самого неблагоприятного исхода сего поединка, и попадали на колени, благоразумно прикрыв головы руками...

На площади гроыхнуло! Причем так основательно, что не доломанный чародеями помост тут же разнесло в щепки, а в ближайших домах повыбивало оконные стекла и сорвало крыши. А затем все подозрительно затихло... Я отвела пальцы от лица, обнаружив, что они покрыты толстым слоем копоти, и с любопытством воззрилась на Хиссара, честно говоря весьма мало озабоченная его здоровьем и благополучием... Надеюсь, самонадеянного глупца сильно потрепало, а его спесь... Что? Стоп, а где же Хиссар?

Я еще раз протерла глаза, размазав сажу по лицу, и удивленно захлопала ресницами: Хиссара на площади не обнаружилось! Нет, маг не сбежал – он просто исчез!.. На том самом месте, где всего лишь миг назад стоял советник сьерры Клариссы, красовалась неглубокая воронка, щедро припорошенная серым пеплом! Я выбралась из развалин помоста, нетвердо доковыляла до воронки, руками придерживая свою гудящую, словно колокол, голову, и недоуменно заглянула вниз... Хиссара не было и там, зато на дне ямы валялась изрядно опаленная меховая шапка чародея и курился вонючим дымком один стоптанный мужской башмак внушительного размера. Левый.

– А где Хиссар? – недогадливо спросила я, подхватывая ботинок за шнурок и выуживая трофей из воронки.

– Желаешь оставить его себе? – деловито поинтересовался Железный Дракон, мягко приземляясь рядом со мной.

– Кого – Хиссара? – не поняла я, плохо соображая по причине сильного удивления и не менее сильной контузии.

– Башмак! – исчерпывающе уточнил дракон, рассматривая меня насмешливо прищуренными глазами.

– Нет! – оторопело ответила я, протягивая ему отлично прожаренную обувь. – Мне он без надобности, как ты изволил выразиться совсем недавно.

– Кто, Хиссар? – передразнил меня крылатый болтун, когтем подцепил башмак и эффектно забросил к себе на спину. – Прихвачу, пожалуй, на память...

Я отсутствующим взглядом проследила за его действиями, и тут до меня наконец-то дошло, что именно случилось со спесивым магом!

– Ты что это здесь натворил? – Я возмущенно вцепилась в драконью лапу, кричащим шепотом требуя отчета за учиненное безобразие. – Ты же его у-у-у... – Страшное слово никак не желало выговариваться, безнадежно завязнув у меня в зубах.

– У-у-у, как все запущено-то! – весело хмыкнул Железный, одним движением когтя закрывая мне рот и тем самым пресекая мое занудное заикание. – Посмотри, ну разве тут не здорово?

Я растерянно озиралась, а тем временем спутники Железного упоенно гоняли по площади товарищей Хиссара, превращая их в готовые к употреблению бифштексы. На крепостной башне сидела невинная, словно голубь, Мифрил и скромненько чистила перышки... В общем, картина маслом под названием «Наши победили вчистую».

– Натворил? Да я же тебя спас! – самодовольно констатировал дракон, бережно прикрывая меня крылом от огня и дыма, извергаемого его приткими напарниками. – А разве ты не за этим свою блошку ко мне прислала? – Он лукаво покосился на кокетливо курлыкающую мантикору. – А блошка-то выросла как! И похорошела...

«А ведь Мифрил с ним заигрывает! – как-то отстраненно подметила я. – И точно выросла! Где же я ей жениха искать буду?..»

– А кроме того, я собственноручно... нет, собственнолапно исполнил пророчество Неназываемых! – важно напыжился Железный, развивая высказанную мысль. – Тьма, как же приятно чувствовать себя героем!

– Чего? – От его последних слов у меня чуть разрыв сердца не случился. – Как это?

– Медленно соображаешь, Наследница! – Дракон осуждающе стукнул меня когтем по лбу. Этого легкого движения оказалось достаточно, чтобы я пушинкой отлетела назад, угодив в объятия вовремя подхватившего меня Ардена. – А ну-ка вспомни, что сказано в пророчестве про тебя и магов...

– «Злых чародеев изведет!» – процитировала я, в точности повторив то, чем еще совсем недавно угрожала невезучему Хиссару. – Ой!..

– Вот, поздравляю, докумекала! – одобрительно усмехнулся Железный. – И заметь, там ведь не оговаривается: как, когда с помощью чего или кого ты это осуществишь. Зато факт остается фактом. Извела? – Он выжидательно прищурился, нагло перекладывая на меня всю ответственность за случившееся.

– Извела! – вынужденно признала я и тяжело вздохнула. Хотя и гадом был тот Хиссар вместе со всеми своими приспешниками, а все равно жалко их...

– Что и требовалось доказать! – удовлетворенно хохотнул дракон. – Проклятые камни! – Он гулко рыгнул и лапой стукнул себя по пузу. – Все пищеварение мне испортили...

– А тебе не кажется, что я должна была сделать это сама? – чрезвычайно опасаясь хоть немного задеть чувствительную драконью гордость, робко предположила я.

– Испортить мой желудок? – озадаченно отвалил челюсть дракон. – Не-а! Не кажется.

Я робко хихикнула.

Но Железный не обиделся. Он нагнул голову, заглянул в мои глаза и печально засопел:

– Глупая ты, хоть и Наследница трех кланов. Неужели не понимаешь, что выигранный бой – это тот, которого ты сумел избежать. А поэтому радуйся, что не обагрила руки кровью этих никчемных магов...

«А ведь он оказался прав, тот мудрый пилигрим, напороочивший огромного зубастого

зверя, стоящего у меня за плечом, – вдруг совершенно отчетливо вспомнила я. – Его предсказание сбылось».

– Вчерашний день – это уже история, завтрашний – загадка, а сегодняшний – величайший дар, коим не каждый способен распорядиться с пользой и по уму! – насмешливо сообщил Железный. Он с места взмыл в небо и уже с высоты крикнул вместо прощания: – Не разбрасывайся попусту своим драгоценным «сегодня», Наследница! Избавь наш мир от постоянных потрясений и волнений, он и так уже устал от вас, людей, с вашими вечными пророчествами, войнами и нервотрепками. Прислушайся к его личным желаниям... И это... ты зови меня, если что, не стесняйся-а-а... – Его ироничный смех превратился в эхо, тая вдаль. Друзья Железного поспешно последовали за ним.

– Ох, как же я устала! – Я нехотя высвободилась из рук Ардена. – Устала от пресловутого, чересчур затянувшегося сегодня. Куда бы свою больную голову прислонить? А то ведь у меня ни кола ни двора...

– Доверься мне, я знаю, куда нам нужно идти! – Любимый целеустремленно потащил меня за собой, и у меня уже не осталось сил сопротивляться его бурному натиску.

Мы гуськом покинули разгромленную, дотла выжженную драконами площадь, следуя за принцем. Последней шла Эвридика. Она на цыпочках подкралась к воронке, осторожно заглянула вниз и мстительно плюнула на обугленную шапку ныне покойного Хиссара.

– Я же обещала, что мы еще и тебя переживем! – ехидно напомнила принцесса и медленно покинула место нашей боевой славы, преисполненная неоспоримым осознанием собственной значимости.

В прежнее посещение Блентайра город не показался мне таким уж огромным. Большим – да, это я признавала. Но сейчас, влекомая Арденом и едва переставляющая ноги от внезапно нахлынувшей слабости, я сочла его воистину бесконечным. Блентайр захватил и заполонил все вокруг, заняв и подземелья, и землю, и воздух над ней. Он превратился в бесконечный каменный мешок, мешающий дышать. Он виделся мне гигантским, необозримым, петляющим лабиринтом, растянувшимся до линии горизонта. Полуразрушенные дворцы и виллы, опустевшие амбары, дома купцов, таверны, кладбища, бордели – все друг на друге, все вперемешку. Здания разделяли широкие дороги, обсаженные деревьями, от них отделялись кривые улочки, а отдельные переулки были такими узкими, что с трудом пропускали повозку или пару всадников. Улицы лучами расходились от площади Поющих Ручьев, разбивая Блентайр на равные секторы. Вдали поднимались стены города, высокие и надежные.

И над всем этим на высоком холме сиял беломраморный королевский замок – бывшая резиденция великих эльфийских владык. Три огромные башни, увенчанные позолоченным железом. Три – по числу кланов. Из стены вырастала огромная и мрачная подъемная решетка, за которой виднелись сводчатые коридоры, уводящие в глубь замка, залы, крытые переходы, казармы, темницы, уютные внутренние дворики. Все это за зубчатыми массивными стенами, сложенными из бледного красного камня. Рукотворное чудо – замок, хранящий в себе волшебные тайны, постыдные прегрешения и, наверное, саму душу прекрасного Блентайра. Согласно древней легенде, замок трех кланов приказала возвести первая эльфийская королева, воспитанница пресветлого бога Шарро – Иргона Мудрая. Она создавала его триста лет, а завершили грандиозную стройку уже последующие поколения ее многочисленных потомков, каждое из которых внесло свою лепту в историю величайшего здания Блентайра, овеванного черным бархатным знаменем с вышитыми на нем мечом и звездой – символом гармоничного соединения силы и разума. Соединения воинов и чародеев.

Но теперь над укреплениями реяли белые, а не черные знамена. Там, где прежде красовался эльфийский герб, ныне вяло колыхался штандарт с изображением обвитого змеей щита – знак рода Джоэла Гордого.

Уверенной походкой Арден миновал поднятую решетку, никем теперь не охраняемую,

и приблизился к ступеням замка, круто поднимающимся вверх и заканчивающимся тяжелыми бронзовыми створками центральных ворот. Я послушно следовала за ним, усталая, голодная и раздраженная. Иногда Элали и Бартоломью подхватывали меня под локти, помогая идти, и я благодарила их мимолетными признательными взглядами. Видит Тьма, нынешний день стал слишком долгим и богатым на события, способными умотать кого угодно. Думаю, не только меня, но даже самих Неназываемых. А посему мои нынешние мечты были простыми и банальными, весьма далекими от возвышенных или героических. Я очень хотела помыться, перекусить чем Шарро пошлет и сразу же после этого забраться под теплое одеяло, дабы погрузиться в крепкий сон. И рассчитывала проспать таким мирным образом хотя бы до завтрашнего рассвета. Хотя бы... Но злодейка судьба опять распорядилась по-своему, начисто проигнорировав мои скромные желания...

Ворота замка распахнулись с противным нудным скрипом, пропуская вышедшего на крыльцо пожилого мужчину, облаченного в побитую молью меховую мантию и передвигающегося старческой шаркающей походкой. Его болезненно клонящуюся на грудь голову венчала золотая корона, щедро изукрашенная алмазами и рубинами. Неловко разведя дрожащие руки, старик попытался изобразить низкий поклон, но пошатнулся и чуть не упал. Я мгновенно позабыла про свою собственную усталость, бросилась вперед и подхватила старого короля, так безвольно повисшего на моих плечах, словно он был уже не человеком, а мешком, набитым пылью и костями. К счастью, мне помог Арден, бережно поддерживавший немощного правителя Блентайра.

– Дорогая Наследница, я должен встать перед тобой на колени, но, увы, не могу, – пожаловался король Вильям, благодарно взирая на меня подслеповатыми, слезящимися глазами. – Я должен целовать твои ноги в благодарность за спасение Блентайра и...

– Ваше величество! – сконфуженно перебила я, попеременно краснея и бледнея от жалости, испытываемой мною к этому одинокому, всеми брошенному старику. – Мое величайшее желание – бескорыстно служить вам и Блентайру, заботясь о его возрождении и процветании. Вы ничего мне не должны, ибо добро следует творить безвозмездно или же не делать его вообще.

– Благородная девочка! – похвалил король, но смотрел при этом не на меня, а на Ардена. – Я должен тебе слишком много, ибо несу ответственность за грехи моего деда, Джозла Гордого, погубившего твою родню. Прости меня за это!

– Глупости! – искренне возмутилась я, участливо пожимая руку короля. – Какой смысл вспоминать прошлые обиды? Мы уже не властны изменить наше прошлое, зато имеем возможность так распорядиться своим настоящим, чтобы оно не испортило наше будущее.

– Мудрая девочка! – Вильям нежно погладил меня по плечу. – Спасибо тебе за все. Прошу, останься со мной во дворце. У меня нет детей, а я стар и скоро умру. Стань моей дочкой.

– Ошибаетесь, ваше величество, – с состраданием улыбнулась я. – Ваш пропавший сын не погиб, он вырос и стал замечательным мужчиной, достойным занять трон Блентайра.

– Если бы я только знал, где сейчас находится мой потерянный сын! – простонал король, продолжая внимательно рассматривать Ардена.

– Ваш сын находится совсем близко, – лукаво усмехнулась я, – и он похож на вас, а вы, говорят, точная копия своего знаменитого деда, Джозла Гордого!

– Только, слава Неназываемым, у меня нет таких хитроумных сестер, почти погубивших весь Лаганахар! – то ли покаялся, то ли похвастался король.

– Была одна, сводная, – уточнила я. – Аньерд – моя мать.

– Ох, девочка, – в голос расплакался старый король, – прости меня и за нее. В недобрый час я послушался свою жену и позволил ей выкрасть новорожденную малышку, дочку моей несчастной сестры. За это злодеяние бог Шарро меня и наказал, лишив сына!

– Зато теперь я, ваша племянница, возвращаю вам сына – наследного принца Ардена! – торжествующе рассмеялась я и подтолкнула Ардена к королю, точно так же как недавно Лаллэдрин подтолкнул меня к моему отцу Кантору. – Поцелуйтесь, примиритесь и забудьте

прошлые печали. Впереди нас ждут только радость и любовь.

– Сын мой? – полуслепой Вильям с недоверчивой надеждой ощупывал лицо Ардена. – У тебя нос с горбинкой, темные кудри, мой высокий лоб и знаменитые острые скулы, доставшиеся всем мужчинам нашего рода от короля Джоэла. Так это и вправду ты?

– Я! – со сдержанным обожанием ответил принц, покрывая поцелуями дрожащие руки отца. – Клянусь вам, батюшка, теперь вы уже никогда не останетесь одиноким. Я стану вашей опорой и заменой во всех делах. Я обещаю защищать интересы жителей Блентайра и позабочусь об их процветании. А еще я хочу показать вам это. – Арден снял со своей шеи кулон в форме меча и вложил в пальцы отца: – Вы узнаете наш родовой амулет?

– Узнаю! – ликующе воскликнул король. – Он достался мне от отца, а тому – от короля Джоэла. Я сам надел его на тебя в тот день, когда вынес на балкон и показал народу... Слушайте меня, мои возлюбленные подданные! – с неожиданной силой провозгласил Вильям, обращаясь к толпе, которая за минувшее время постепенно скопилась перед крыльцом замка. – Сегодня я представляю вам моего сына Ардена, законного наследника трона, коего мы долгие годы считали потерянным. Со спокойной совестью я передаю ему трон Блентайра и свою корону! – С этими словами Вильям снял свой золотой венец и церемонно увенчал им голову Ардена. Ему эта корона пришлось совершенно впору.

Толпа разразилась ликующими криками, поняв, что отныне будущее Блентайра находится в надежных молодых руках, способных крепко держать поводья власти. И в этом обнадеживающем факте люди видели залог своего грядущего процветания.

Молчавшая до сих пор Эвридика требовательно пихнула Ардена в бок, нахально напоминая о себе. Молодой король сердито поморщился, но справился с эмоциями и неохотно произнес:

– Представляю вам будущую королеву Блентайра, принцессу... – Он замолчал, выжидающе глядя на меня, и в его глазах я увидела столько тоски, столько невысказанной мольбы, что мое исстрадавшееся сердце захлестнула острая волна стыда. «Что же я делаю? – мелькнуло у меня в голове. – Предаю его и себя, предаю нашу любовь. Нет, я не имею права молчать, я должна открыть правду...» Я намеревалась заговорить, но мой язык словно окаменел, не способный изречь ни слова, ни звука. Данная Эвнике клятва лишила меня голоса.

– Йохану! – нетерпеливо выкрикнул кто-то из толпы.

– Ох, как же это замечательно! – Слезы умиления выступили на глазах короля Вильяма. – Значит, мы сумеем искупить вину предков, ведь если потомок Джоэла Гордого женится на наследнице принцессы Эврики, то...

– Нет! – вдруг хрипло выкрикнула я. – Не женится... – Я сбежала по ступенькам дворца и, не разбирая дороги, побрела прочь, как пьяная покачиваясь от невыносимого горя, терзающего мою душу. Туман отчаяния застилал глаза, делая окружающий мир неживым и серым. Мое сердце было разбито, надежда умерла, а вера истощилась.

– Принцессу Эвридику, дочь повелителя Полночного клана! – мрачно закончил Арден и, подав руку своей невесте, повел ее во дворец.

А я еще раз прощально оглянулась напоследок и печально констатировала – мой страшный сон сбылся. Итак, сегодня Арден уходит от меня навсегда, он остается со своей златовласой эльфийкой, торжествующей победу. Звезда моей судьбы закатилась и погасла, ибо Арден уже никогда не станет моим. Я потеряла любовь, мое будущее лишено смысла, я проиграла...

Мелкий дождь липнет к лицу, губам, векам... А я бреду сама не зная куда, пытаюсь укрыться под непроницаемым покровом ночи, опустившимся на землю. Я совсем одна, мокрая и продрогшая, никому не нужная и голодная...

Элали отыскала меня спустя пару часов. Она решительно выволокла меня из кучи разломанных ивовых корзин, сваленных на заднем дворе какой-то таверны, где я пыталась укрыться от дождя, и осуждающе покачала головой.

– До какой же грани нравственного падения мы пошли, если Наследница занимается бродяжничеством! – с горечью в голосе воскликнула она. – Разве это и есть достойная тебя награда?

Я ничего не ответила, просто покаянно шмыгнула сопливым носом и утерла его ладонью. Полагаю, тут и без комментариев все понятно. Уж если куртизанка начала рассуждать о морали, значит, дела у меня обстоят хуже некуда...

– Пошли! – не терпящим возражения тоном изрекла порхающая и повела меня за собой.

Мы обошли замковую стену и остановились перед скромной, неприметной калиткой. Там нас уже ждали. Чрезмерно дородная, но вместе с тем складная и милая пожилая женщина, кокетливо подпоясанная безупречно белым передником, возмущенно всплеснула пухлыми руками, сочувственно разглядывая меня – жалкую, усталую, поникшую.

– Надо же, до чего эти изверги Наследницу довели, – ворчала она, подразумевая неизвестно кого, и настойчиво пропихивала в калитку вяло упирающуюся меня. За стеной я обнаружила наполовину вырубленный парк, наверное раньше отличавшийся завидной густотой и тенистостью. Конвоируемая Элали и добродушной толстухой, я проследовала по тропинке и попала в небольшой флигель, являющийся частью королевского дворца. Меня завели на теплую кухню и усадили в высокое резное кресло, придвинутое к очагу, где жарко полыхали отличные сосновые поленья.

– Устраивайтесь поудобнее, а меня Пилей зовите, ваша милость, – не переставая бухтела толстуха, стаскивая с моих негнущихся ног задубевшие от грязи сапоги. – Сейчас мы с вами кушать будем, затем купаться в лохани с горячей водой, а потом – баиньки. И не стесняйтесь меня, ради Неназываемых, я ведь еще вашу матушку, покойную принцессу Аньерд, с самых пеленок вырастила.

– Спасибо! – поблагодарила я слабым шепотом. Подумала и добавила: – Нянюшка...

– Деточка моя! – расчувствованно всхлипывала Пиля, целуя меня в давно не чесанную макушку. – Родненькая, да я ради тебя жизни не пожалею. Ишь до чего они тебя довели, злыдни! Ладно хоть принц Арден... ой, то есть его величество Арден, велел нам тебя отыскать и приютить...

– Арден? – удивленно хмыкнула я. – Ну-ну...

– Чего нукаешь? – подначивающе рассмеялась отрешенно привалившаяся к стене Элали. Она задумчиво сложила руки на груди и рассматривала меня с каким-то затаенным восторгом. – Запрячь Ардена ты, значит, не соизволила, зато нукаешь.

Я протестующе повела плечом:

– Признайся, ты во мне разочаровалась?

– Ничуть! – фыркнула прекрасная куртизанка. – Вы оба слишком свободолюбивы, а ты и без меня отлично понимаешь: каждый мужчина ищет спутницу своей жизни, а не ее хозяйку.

– И как он тебе? – спросила я, намекая на Ардена.

– Красив, – равнодушно признала Элали. – Высок, аристократичен и тощ!

– А ты что, предпочитаешь полных мужчин? – изумленно хлопнула ресницами я.

– Полных – чего? – метко съязвила порхающая, которая и в детстве-то никогда за словом в карман не лезла. – Хотя ты права, в мужчинах всегда полно эгоизма и пафоса. Ну да ничего, скоро он поумнеет – и из вас выйдет отличная пара.

– Не выйдет! – хмуро перебила я. – Арден женится на Эвридике, это уже решено!

– Выйдет, – лениво повторила куртизанка. – Уж ты мне поверь, у меня в таких щекотливых вопросах глаз наметанный.

Я озадаченно замолчала, сбита с толку ее настойчивостью и непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

– Вот и хорошо! – между тем хлопотала вокруг меня нянюшка, выставляя на стол миску с мясным рагу, которое я начала неторопливо есть, наслаждаясь каждым проглоченным куском. Элали не покидала своего поста возле стены, словно караулила непослушную меня, а Пиля уселась напротив и стала поглаживать мои худые пальцы.

– Худенькая вы какая, аж жалость разбирает, – квохтала она, обхаживая меня, словно наседка, пестующая своего единственного цыпленка. – Даже светитесь вся насквозь.

– Она же звезда, ей и положено светить! – пошутила Элали, но произнесенная ею фраза прозвучала неожиданно серьезно.

Я только собиралась ответить, как внезапно на кухню забежал несуразный лопухий щенок и забавно повалился мне под ноги, запнувшись об отставленный в сторону сапог. Я вылезла из кресла, присела, поймала лохматого дурашку и ласково перекатила на бочок. Рассеянно почесала ему за ушком, грудку, под мышкой. Тот перевернулся пузом кверху и вдруг на радостях пустил верноподданнический фонтанчик.

– Ишь ты, чего учудил, увалень! – умилилась болтливая Пиля. – Видать, вы ему сразу понравились. А ведь до вас он ни на кого и смотреть не хотел, гавкал только да норовил зубами тяпнуть. Эта важная принцесса Эвридика, – нянька негодуяще дернула пухлой щекой, – уже приказала его на улицу выкинуть.

– Еще чего! – возмутилась я.

– И не говорите, детка! – обрадованно подхватила толстуха. – Тьма знает, что творит эта Эвридика во дворце, вся прислуга ее с первого взгляда невзлюбила. Она горничных гоняет, на камердинера накричала, цирюльнику таз с водой на голову надела, дескать, тот ее плохо причесал! Фурия, а не принцесса!

– И среди дорогих женщин немало дешевок! – насмешливо поддержала ее Элали.

Я, не переставая возиться с щенком, смущенно скосилась на излишне откровенную куртизанку.

– Ну зачем ты так, сразу все на деньги переводишь? – пробормотала я.

– А как узнать себе цену, если не продаешься? – грубовато расхохоталась она, показав ослепительно белые зубы. – Не пара они, попомни мои слова.

Я досадливо отмахнулась, абсолютно не желая воспринимать ее сомнительные доводы.

– Так можно нам щенка на кухне оставить? – вдруг непоследовательно спросила нянька, заискивающе глядя на меня. – Он никому не помешает, а вам, глядишь, все веселее будет.

Словно поняв, что речь идет о нем, шkodливый приبلудыш забавно приподнял правое ухо и смачно облизал мне нос. Я радостно рассмеялась, чувствуя, как оттаивает моя заледеневшая душа и согревается замерзшее тело.

– Ну прямо конец света, а не день сегодня выдался! Пиля, слушай мой приказ: готовься щенка стирать, меня мыть, обед готовить. Впредь кормить станешь нас с ним порознь: его на кухне, меня в столовой. Самое главное – посуду не перепутай!

– Слушаюсь, ваша милость! – по-военному четко отрапортовала счастливая нянька и отправилась греть воду.

Чем больше я сплю, тем меньше от меня вреда. Ну в смысле тогда я никого драконами не травлю, не разочаровываю и не пугаю. Плохо одно: как только я ложусь спать, ко мне в голову сразу же лезет всякая ерунда... Интересно почему. А-а, кажется, догадалась: ерунда тоже хочет спать и просится домой!

Я с измученным вздохом перевернулась на другой бок, еще чуть-чуть полежала и решительно откинула одеяло. Хватит себя мучить, все равно не усну! Вроде бы за столом у меня буквально веки слипались от усталости, потом я чуть не вырубилась в лохани с горячей водой, но стоило добраться до кровати, как сразу же на тебе – сна ни в одном глазу. Словно кто-то посторонний старательно долбил по моей голове, внушая одно и то же монотонно повторяющееся указание: «Не спать, не спать, не спать». И я никак не могла понять причину своего странного состояния. Полагаю, виной всему стало это роскошное ложе – застланное мехами и шелками. Выходит, отвыкла я уже спать на нормальной кровати, теперь мне куда милее ночевка в степи или пустыне, когда плащ заменяет одеяло, а с функцией подушки успешно справляется подложенный под голову кулак.

Утвердившись, таким образом, в своих ощущениях, я встала, оделась и критично

оглядела отведенную мне спальню, порицающе прищелкнув языком. М-да... Тьма знает что, а не помещение! Комната была богато обставлена, даже чересчур пышно и крикливо, что вызывало у меня чувство неудобства. Уютом здесь и не пахло. Вместо тростника пол покрывали пушистые ковры, в уголке, на ширме, явно выбранной на самом дорогом прилавке осенней ярмарки, играли выписанные яркими красками сказочные животные. Стены завешивали гобелены эльфийской работы. Пара каменных львов стояла возле двери, глаза из полированного граната пылали на черных мраморных ликах. Ну разве тут уснешь? А кроме того, угнетало подсознательное предчувствие близкой беды, настойчиво напоминающее о необходимости как можно скорее покинуть этот пышный чертог... И я не имела оснований игнорировать столь очевидный намек.

Я на цыпочках покинула спальню, но, открыв дверь, едва не наступила на молоденькую служанку, уютившуюся под порогом. Я с недоумением посмотрела на девушку, неловко свернувшуюся калачиком на тонком веревочном половичке, а затем наклонилась и участливо тронула ее за плечо.

– Ложись на мое место, а то ведь замерзнешь насмерть! – прошептала я.

– А вы, ваша милость? – благодарно забормотала заспанная девица, поеживаясь от насквозь пронизывающего сквозняка, ибо камина в коридоре не имелось.

– Прогуляюсь, – улыбнулась я. – На свежий воздух выйду.

– А! – догадливо хихикнула эта простая душа, поняв меня совершенно неправильно. – До ветру, значит... А зачем? У вас же ночной горшок под кроватью, очень удоб...

– Иди спи! – Не дав девушке договорить, я со смешком втокнула ее в свою спальню. – И горшком пользоваться разрешаю. Я вернусь не скоро...

– Спасибо! – счастливо лепетала служанка, укладываясь в мою кровать и с головой накрываясь теплым одеялом. – Уже и не помню, когда я в последний раз так роскошно ночевала...

Не оглядываясь, я прошла через кухню и вышла в сад, мысленно прокручивая в голове ее слова относительно «ночевать в последний раз»... Эх, если бы я тогда знала, насколько точно характеризуют они участь несчастной служанки... Возможно, тогда я смогла бы как-то изменить ближайшее будущее, заставив его развиваться по-иному. Возможно... А впрочем, разве наше будущее всегда зависит только от нас?

Эвридике не спалось... Придерживая широкий подол теплого ночного пеньюара, она спустила ноги с кровати, сердито ругнулась и тут же сунула ступни в домашние меховые туфельки, отороченные лебяжьим пухом. Дрова в камине спальни давно прогорели, и никто не торопился подбросить новые, – видимо, вознамерились уморить ее холодом. Тьма знает что!.. Принцесса возмущенно нахмурилась и, схватив стоящий на столике колокольчик, требовательно позвонила. Потом еще и еще раз... Увы, никто не поспешил откликнуться на ее призыв, не вбежал с охапкой хорошо просушенных дров и не принес извинения. А между тем тонкие струйки холода беспрепятственно проникали под неплотно примыкающую к полу дверь, обвиваясь вокруг стройных ног эльфийки... Как будто некое голодное чудовище лизало ее лодыжки и колени своим длинным, отвратительно ледяным языком! Эвридика передернулась от гадливости и торопливо распахнула дверь своей спальни, шагнув за порог. Сейчас она отыщет этих нерадивых разгильдяев слуг и устроит им показательную взбучку!

А еще ее гнали из комнаты ревность и подсознательная интуиция, подсказывающая: «Ты должна сейчас находиться не здесь. Ты просто обязана отправиться туда – в тот уединенный флигель, где Арден приказать разместить Йону!» Да, Эвридика знала и об этом! О, она отнюдь не дура и к тому же не обременена излишней щепетильностью, а посему смогла подслушать разговор между Арденом и его отцом, произошедший за якобы прочно закрытыми дверями королевского кабинета. И нетрудно догадаться, как сильно разгневалась принцесса, услышав о том, что ее лицемерный жених приказал разыскать сбежавшую с дворцового крыльца Наследницу и устроить ее с комфортом. Причем он несколько раз подчеркнул свое настоятельное указание: Йону надобно поселить не в главном корпусе

замка, а в отдаленном флигеле, спрятав от Эвридики. Выходит, он намеренно обманул ее, свою будущую жену! Эльфийка злобно фыркнула и мстительно сжала прикрытые кружевными манжетами кулаки. Ничего, она сию же минуту доберется до этих тихих покоев и выцарапает глаза неугомонной сестричке, никак не желающей оставить в покое ее жениха... Она не станет медлить...

Радикально настроенная, Эвридика уже свернула в темный коридор, ведущий к флигелю, как вдруг резко отшатнулась к стене, затрепетав от ужаса. По мраморному полу неслышно скользили две толстые черные змеи, движущиеся в том же самом направлении, что и она сама... Принцесса сразу же ощутила исходящую от них магию – темную, страшную, нечеловеческую! Змеи в королевском дворце Блентайра? Но как могли эти дикие твари попасть в скованный песками город?

И тут до эльфийки дошло! Лишь одно существо во всем Лаганахаре имело власть над подобными магическими созданиями, обладая способностью контролировать их волю и направлять разум. И этим всемогущим хозяином всех змей являлась богиня Банрах, бесспорно имеющая собственные претензии к Наследнице трех кланов. И значит, именно змеелика направила своих детей в тот дальний флигель, поручив им... Хм, она-то уж точно приказала своим змеям не с днем рождения Наследницу поздравить!.. Тут Эвридика даже прикусила кружевную манжету, чтобы подавить торжествующий смешок. Да, похоже, Наследницу ждут крупные неприятности! Глобальные и смертельные неприятности! А Эвридике уже не требуется что-либо предпринимать. Ей нужно только немножко подкорректировать чужие замыслы, направляюще подтолкнув карающую длань судьбы. Змеям богини Банрах ничто не должно помешать. Ничто и никто!

И тогда Эвридика торопливо сплела чары крепкого сна, дополнительно обрушивая их на и так уже спящий замок. Она удовлетворенно понаблюдала за скрывшимися во флигеле змеями и крадучись пробралась обратно, в свою спальню, разом позабыв и о терзающем ее холоде, и о гневе на нерасторопных слуг. До подобных ли мелочей сейчас, если в замке творится такое... Такое! Эльфийка радостно хихикнула и довольно потерла ладони. Все складывается как нельзя удачнее! Кажется, теперь она навсегда избавится от Наследницы, постоянно мешающей личному счастью самой Эвридики. Избавится, ничем не запятнав свою репутацию. Видать, не зря она всегда верила, что самое полезное чувство – это зависть. Ведь именно зависть укрепляет веру в себя и помогает снисходительно относиться к успехам всех этих жалких и ничтожных людишек!

А утром она примется громче всех кричать и картинно заломит руки, оплакивая свою трагически скончавшуюся сестричку: «Ах, какое горе, Наследница умерла!» Но Эвридика о том ничего не знает, ничего не слышала – она ведь так крепко спала минувшей ночью. Впрочем, точно так же, как и все обитатели замка. А вот что касается фактов, подтверждающих причастность принцессы к совершившемуся злодеянию... Тссс! Об этом никто не должен знать!..

Блентайр спал... Нынешняя ночь выдалась необычайно темной и холодной. Даже и не скажешь, что на дворе уже весна. Я настороженно вглядывалась в наплывающий на город туман, сильно затруднивший мое продвижение по улицам. Ненормальный он какой-то – липкий, чрезвычайно плотный и белый, словно молоко. В таком запросто можно заблудиться. А еще в этом тумане присутствовало что-то нехорошее: почти разумное, враждебное и магическое. Я нервно схватилась за рукоять меча, но потом упрекнула себя в излишней впечатлительности и, посильнее надвинув на лоб капюшон пелерины, зашагала быстрее, спеша поскорее достичь задуманного места.

Толстая ткань капюшона избавила меня еще от одной весьма неприятной детали: иногда мне чудились чьи-то саркастичные смешки, перемежаемые змеиным шипением, доносящиеся из молочной пелены. Все эти звуковые эффекты создавали правдоподобную иллюзию присутствия в тумане некоего злобного существа, упорно меня преследующего. Признаюсь, мне стало здорово не по себе, хотя я и склонялась к тому, чтобы признать эти

зловещие шумы плодом моего не ко времени разыгравшегося воображения, измученного усталостью и бессонницей. Блуждая по плохо освещенным улицам Блентайра, я неоднократно порывалась повернуть обратно, но каждый раз меня останавливало подсознательное предчувствие опасности, только и поджидающей моего возвращения. И опасность эта крылась в королевском дворце...

Наконец, изрядно натоптав ноги и промокнув от оседающего на одежде тумана, я достигла тихой окраины, где и располагался отлично запомнившийся мне домик, принадлежащий Ребекке. Я поднялась на покосившееся щелястое крыльцо, вынула из железных ушек простую палочку, заменявшую воительнице замок, и, толкнув гостеприимно распахнувшуюся дверь, без приглашения проникла в хибарку лайил. Внутри домика практически ничего не изменилось, лишь еще толще стал слой пыли, покрывающей мебель, да испуганно замолчал романтично поскрипывающий в углу сверчок.

— Свои! — вполголоса сообщила я, успокаивая насторожившееся насекомое. Доверчивый сверчок сразу же мне поверил и немедленно возобновил свои вокальные упражнения.

Я прошла по комнате, окунувшись в шквал хаотичных воспоминаний, почти зримо закружившихся вокруг меня. Я снова видела Ребекку, заботливо скармливающую мне и Беониру свои скудные запасы пищи; видела наш тайный поход в подземелья города, а затем — и более масштабное путешествие к Зачарованному побережью. И вдруг страшное напряжение, неотступно владеющее мной весь этот вечер, вплоть до последнего момента, отступило и исчезло без следа. Я поняла — грозящая мне опасность миновала, здесь мне ничто не навредит, отныне я в безопасности. И сразу же после этого я опустилась в любимое кресло Ребекки, мягко покачивающееся на изящно изогнутых полозьях, беззаботно откинула голову на высокую спинку и забылась крепким, сладким сном...

Птички, неизвестно откуда взявшиеся в королевском саду Блентайра, едва успели завести свою утреннюю песенку, как вдруг их трели оказались нарушены самым вульгарнейшим и безобразнейшим образом, а именно — чьими-то паническими и истеричными воплями. Что парадоксально, доносились они из самого тихого уголка королевской резиденции, из отдаленного флигеля, спрятанного в неприметной части парка. Кричала женщина. Пожилая, полная и невысокая, она вопила отчаянно и самозабвенно, прижав ладони к своим пухлым щекам и выкатив горестно округлившиеся глаза. А громкость и тональность криков настолько не соответствовали скромным физическим данным женщины, что было совершенно непонятно, как такое огромное количество звуков помещается в столь небольшом горле. Но все-таки против очевидного не попрешь, а посему приходилось признать: страшные вопли издает именно эта женщина, едва ли хотя бы раз в жизни повысившая голос на кого-либо вообще, включая мышей, пауков и тараканов. И от этого ее вопли казались еще ужаснее.

— Спасите! Помогите! Убили! — надрывалась женщина, уже срываясь на визг и хрип. — Совсем убили!

— Кого убили? — растерянно осведомился Арден, ворвавшись во флигель. — Пиля, успокойся, тебе, наверное, кошмар приснился...

— Нет, не приснился! — всхлипнула нянька, прикрываясь фартуком. — Моя вина, недоглядела я, убили нашу деточку...

Лохматый щенок, сидящий у ее ног, вскинул мордочку и скорбно протяжно завыл.

— Деточку? — обмер Арден, бледнея от нехорошего предчувствия. — Убили? Где она?

— Там! — Пиля махнула рукой, указывая в сторону спальни. — На кровати лежит!

Молодой король на негнущихся ногах вошел в комнату, затененную плотно задернутыми шторами, склонился над кроватью... и пронзительно вскрикнул...

Без сомнения, распростертая на меховом одеяле девушка была мертва. Причем, судя по холодной коже и общему одервенению всего тела, смерть настигла свою несчастную жертву уже давно, часа три назад. Лицо покойницы распухло и почернело до неузнаваемости, но

граничащая с худобой стройность, тонкий носик и волнистые черные волосы показались Ардену настолько знакомыми, что он горестно застонал и упал на колени.

– Неназываемые! – навзрыд сетовал он, прижавшись щекой к холодной руке покойницы. – Как допустили вы подобное? Кто смог и посмел погубить Наследницу, последнюю надежду нашего мира?!

– Что тут случилось? – На пороге комнаты появилась старательно позевывающая Эвридика. – Орут, режут, не дают мне спать... Ой! – Она уставилась на мертвую. – Что это с Йоной?

– Умерла! – нехотя процедил Арден, с ненавистью косясь на невесту. – И если я узнаю, что ты причастна к ее смерти, то...

– Да я же спала сном младенца! – невинно захлопала ресницами Эвридика.

– Пропустите нас! – В спальню бесцеремонно протиснулись Элали и Пиолина, первая – безупречно одетая и причесанная, вторая – наспех замотанная в коричневый плащ, накинутый поверх ночной рубашки. Они настойчиво оттеснили короля от кровати и склонились над покойницей...

– Это явно насильственная смерть! – авторитетно констатировала целительница, ощутив шею мертвой. – Я нашла две крохотные ранки, оставленные острыми клыками. Она умерла от змеиного яда!

– Банрах! – заскрежетал зубами Арден, размеренно молотя кулаками по дверному косяку. – Это ее месть! Я даже и подумать не мог, что змеелика подошлет своих змей во дворец!..

– Разнылся, будто девчонка! – презрительно оборвала его речь Элали. – С богиней мы еще покваемся, будь уверен. А пока распорядись насчет похорон. Я дам для нее свою белую рубашку, сойдет за саван. А в саду много укромных мест, прикажи выкопать могилу и прочитать над бедняжкой пару молитв. Нам некогда устраивать траур, и без него дел невпроворот...

– Да ты что, с ума сошла? – вне себя от горя истошно заорал Арден, замахиваясь кулаком на куртизанку. – Хоронить нашу бесценную Йону в саду, в твоей рубашке?!

– Йону? – охнула Пиолина, хватаясь за грудь в области сердца. – А с нею-то что? Надеюсь, она в здравии? Куда вы ее запрятали?

– Йону? – выпучила глаза Элали. – Арден, ты что, рехнулся?

– Да вот же она, лежит перед вами мертвая! – трагически провозгласила Эвридика, принимая эффектную позу. – Холодная, бездыханная, окостеневшая!

– Сама ты дура окостеневшая и бездыханная! – уничижительно скривилась Элали. – Пришибить бы тебя или драконам скормить, чтобы нервы нам не мотала!

– Что?! – возмущенно завизжала принцесса. – Казнить немедленно эту шлюху!

– Сама ты шлюха! – рявкнула блистательная куртизанка. – Совсем сдурела!

– Я не сдурела, – обиженно напыжилась эльфийка. – Я всегда такая...

– Оно и видно! – язвительно усмехнулась Элали.

– Тихо, всем молчать! – зарычал совершенно запутавшийся Арден. – Бабы, хватит мне голову морочить! Это – Йона! – Он указал на мертвую девушку. – Волосы, рост, фигура – все ее!

– Глаза разуй! – саркастично посоветовала ему порхающая. – У тебя они совсем от горя ослепли. Да, эта девушка внешне довольно сильно похожа на Наследницу. Но она не Йона!

– Э? – ошеломлен Арден, от шока способный лишь мычать. – Не она?

– У нее нет крыльев! – тихонько добавила рассудительная Пиолина. – Арден, успокойся, это не Йона...

– А кто тогда? – недоуменно завопил вышедший из ступора и близкий к истерике юноша.

– Мила, дочка моя приемная! – прорыдала из-за его спины Пиля. – Я ее горничной к Наследнице приставила!

– А где тогда Йона? – не сдавался окончательно сбитый с толку Арден. – Где она?

– Я здесь! – неожиданно раздалось из коридора, и в спальню, мягко отстранив Пилю, так и порывающуюся кинуться ей на грудь, ступила стопроцентно живая и абсолютно невредимая Йона. – Что тут произошло?

Я замечательно выпалась в домике Ребекки, а затем с удовольствием прогулялась по просыпающемуся Блентайру. Практически все встречающиеся на улицах люди узнавали меня, приветствуя поклонами и пожеланиями здоровья. Без раболепия, но с искренней доброжелательностью и вполне очевидным уважением. Я отвечала улыбкой и вежливыми словами. Потайная калитка на задворках королевского дворца оказалась заперта, но я легко перелетела через стену и зашагала к флигелю, сильно озадаченная шумом, доносящимся из-за приоткрытой двери. Я вошла в прихожую и остановилась, почти испуганная творящимся внутри кошмаром. Да-да, именно кошмаром, потому что назвать иначе то, что происходило под крышей флигеля, не поворачивался язык.

Моему потрясенному взору предстала невероятная картина. Сцена всеобщей скорби, состоящая из нескольких действующих лиц, в центре которой находился Арден, кулаком замахивающийся на Элали. Первой мыслью стало: они вспомнили прошлое и теперь выясняют отношения... Но потом я заметила Эвридику, стоящую за спиной нашего молодого короля и ухмыляющуюся так довольно, что она напомнила мне кошку, которая объелась ворованной сметаны. В дверях спальни горько рыдала Пиля, а Пиолина склонилась над кем-то лежащим на моей кровати...

– А где тогда Йона? – эмоционально вопрошал бледный полуодетый Арден.

Будучи не в силах разгадать этот ребус, я вошла в спальню, отстранила кинувшуюся ко мне няньку и заговорила:

– Я здесь! Что тут произошло?

Мое появление возымело эффект молнии. Арден громко заорал от счастья и схватил меня в объятия. Элали спокойно отошла в сторонку и в своей излюбленной манере прислонилась к стене, взирая на нас с насмешливой снисходительностью. Пиолина профессионально взяла меня за запястье, считая пульс, а Пиля металась между нами и кроватью, одновременно и рыдая, и смеясь. Но необъяснимее всех повела себя Эвридика: она с разочарованным стоном прикусила губу, наградив меня коротким взглядом, исполненным нескрываемой ненависти.

– Тише, а то вы меня сейчас на части разорвете! – улыбнулась я, уклоняясь от поцелуя Ардена и отвечая целительнице на ее заботу благодарным пожатием руки. – Так что за спектакль вы тут разыгрываете?

Арден разразился запутанной несвязной речью, но Элали остановила его взглядом и четко в нескольких предложениях обрисовала произошедшее. Я сдавленно охнула и метнулась к кровати...

Вне всякого сомнения, это была она, та несчастная служанка, замерзающая у меня под порогом, которую я пожалела и уложила в свою кровать. А вернее, отправила на смерть, сама того не ведая. Отправила вместо себя. В ночной темноте я не заметила нашего очевидного сходства: совпадающих пропорций тела, одинакового цвета волос. Очевидно, все это, а еще мой запах, передавшийся ей от постельного белья, и обманул змей, подсланных богиней Банрах. На шее несчастной Милы я обнаружила след змеиного укуса, а синюшный цвет лица и отек недвусмысленно намекали на то, что она умерла от яда. А еще в комнате присутствовала почти неуловимая, быстро исчезающая аура сонных чар, наложенных кем-то владеющим магией. И этим кем-то мог быть только один из нас, а точнее, только одна – Эвридика!

– Ты! – Я обличающе указала на принцессу пальцем. – Признайся, что помогла змеям богини, усыпив всех присутствующих в замке людей.

– Я так и знал, что она причастна к этому преступлению! – Арден рассерженно сжал челюсти, поигрывая желваками, и схватился за кинжал, привешенный к его поясу. – Мы прощали тебе слишком многое, но это уже чересчур...

– Вы с ума сошли? – картинно вздернула брови подлая эльфийка, разыгрывая оскорбленную невинность. – Я не понимаю, о чем вы говорите!

– Я подсознательно ощущала надвигающуюся опасность, – продолжала говорить я, подступая к сестрице. – Я и в ночном тумане чувствовала близость змееликой. Но клянусь, если бы я могла предугадать, что вместо меня погибнет невинная девушка, то вернулась бы и сразилась с приспешниками богини!

– Да ну? – криво усмехнулась Эвридика, благоразумно пятась к выходу из флигеля. – Ты просто хвастунья и выпендрежница. И ты не посмеешь причинить мне вред... – Она сбежала вниз по ступенькам крыльца и очутилась в саду. Мы последовали за ней, ведомые справедливым гневом. Покинув помещение, принцесса почувствовала себя свободнее, а поэтому вызывающе уперла руки в бока и вульгарно заорала, будто торговка на рынке: – Вам нечего мне предъявить! Только свои домыслы!

– В моем городе мои домыслы тоже немало значат! – с угрозой в голосе произнес Арден, сходя по крылечку.

– Расскажи это суду! – голосила зарвавшаяся принцесса.

– Подождите. – Я встала между ними, удерживая обоих на безопасном расстоянии друг от друга. – Если дело дойдет до суда, то тебе, сестрица, потребуется алиби.

– Что? – не поняла эльфийка. – Что это такое – твоё алиби?

– Не мое, а твоё, – резонно поправила я. – Алиби – это доказательство невинности. Вот скажи, тебя кто-нибудь видел в тот момент, когда ты сплетала сонные чары? Он может это подтвердить?

– А вот фиг тебе, сестрица! – злорадно отбрила Эвридика. – Никто меня в этот момент не видел! Ой... – Она запоздало прикусила язык, поняв, что выдала себя с головой.

Я удовлетворенно рассмеялась.

– Дура, ты все равно ничего не добьешься! – еще истошнее заорала уличенная в злодеянии преступница.

– Почему? – удивилась вместо меня Элали.

– Потому что меня движут по жизни высокие идеи, а Йону – кривые короткие ножки! – вовсю глумилась надо мной принцесса. – Я – родная дочь короля, а она – незаконнорожденный выродок, лишенный титула и семьи!

– У Наследницы есть семья, – заявила Элали. – Это все мы. И мы ее любим.

– Ой-ой-ой, нашли чем хвалиться! – презрительно расхохоталась Эвридика. – Чего стоит любовь быдла?

– Не обижай слабых, их слишком много! – вдруг с угрозой в голосе произнесла Пиолина, всегда скромная и незаметная.

– Нашла чем пугать! – заносчиво вздернула нос принцесса. – И вообще, не забывайте, что я – ваша будущая королева, и любить вам придется меня, а не ее.

– Я очень сильно сомневаюсь в возможности нашего брака, – холодно сказал Арден. – Я не женюсь на лживой пособнице Тьмы. Выметайся из моего города и отправляйся домой...

– Ты не посмеешь меня выгнать! – заверещала принцесса. – Тогда между людьми и эльфами начнется новая война и Блентайр погибнет!

– Она права, – печально констатировала я. – Мы бессильны хоть как-то ее покарать или наказать. Принцесса неприкосновенна, ее защищают титул и статус. Тебе все-таки придется на ней жениться... – Я с сочувствием положила руку на плечо своего любимого. – Мужайся, дорогой! Ты жертвуешь собой ради своего народа.

– Да, я это понимаю! – застонал молодой король, обхватывая ладонями голову и тряся ею так сильно, словно хотел оторвать. – Но как же это тяжело!..

Мне очень хотелось его утешить. Хотелось прижать к своей груди и нежно баюкать, рассказывая о том, что все у нас будет хорошо и мы проживем долгую счастливую жизнь, любя и оберегая друг друга. Но я не имела права даже пальцем дотронуться до своего любимого, ведь он принадлежал не мне. А врать ему я не могла...

Эвридика правильно поняла нашу бессильную растерянность. Она победно улыбнулась

и властно вытянула руку, указывая на меня.

– Приказываю, – повелительно отчеканила она, – выслать Наследницу из Блентайра!

– Я уйду сама, – поспешно согласилась я, заметив, что Ардена буквально затрясло от бешенства. – У меня много неотложных дел.

– Порхающую запереть в ее квартале и запретить появляться на прочих улицах города! – вовсю разошлась будущая правительница Блентайра.

– Нет, вы полюбуйте, она так мне хамит, как будто у нее в кармане запасная челюсть лежит, – вполголоса пробормотала куртизанка, но при этом вяло кивнула, подчиняясь будущей госпоже. – Тьма с тобой, дура, я пойду под домашний арест.

– А ты, мой дорогой, – Эвридика сложила губы бантиком и адресовала жениху насмешливый воздушный поцелуй, – готовься к свадьбе. Она состоится через неделю.

– О Неназываемые, дайте мне силы терпеть эту женщину! – взмолился король, пытаясь не вспылить. – И что же я за малодушный человек? Отпускаю любимую девушку, женюсь на нелюбимой... И все ради чего?

– Ради Лаганахара! – непоколебимо подсказала я.

– Йона, это несправедливо! – вдруг вскричала Элали, позабыв свою всегдашнюю уравновешенность. – Ну сделай же что-нибудь!

– Что? – печально улыбнулась я. – Я не имею права наказывать Эвридику, пусть ее накажут сами небеса!

– И ты позволишь ей отнять у тебя Блентайр и Ардена? – не отставала от меня куртизанка. – Твоя доброта переходит все разумные и неразумные пределы, ведь даже боги не гнушаются мести!

– Зато совесть моя останется чиста, – подытожила я и повернулась, намереваясь вернуться во флигель. – Сейчас я соберу вещи и уйду из города. А Эвридика пусть подавится своей черной победой. Будь счастлива, сестрица! – Я, не оглядываясь, махнула рукой за спину, не желая еще раз видеть свою более удачливую соперницу. – Чтоб тебя мантикора три раза переварила...

Неожиданно позади раздались громкие крики и визги, а меня обдало сильным порывом ветра, едва не сбив с ног. Над парком мелькнуло что-то огромное, белое, похожее на тень от тучи, и стремительно упало на землю... Я обернулась...

Среди примятых кустов сидела довольная Мифрил и судорожно дергала кадыком. Из клюва мантикоры свисал длинный золотистый локон, а возле ее когтистых лап валялся кокетливый женский башмачок на высоком каблуке... Чуть поодаль из жухлой травы поднималась ехидно посмеивающаяся Элали, придерживая испачканный грязью подол длинного платья. Арден шепотом ругался, прикладывая к вскочившей на лбу шишке холодное лезвие кинжала. Пиолина успокаивала испуганную Пилю. Не хватало только Эвридики, запропастившейся невесть куда...

– Мифрил, ты в следующий раз изволь летать потише, – попросила я свою питомицу. – Вон какой переполох устроила...

Мантикора послушно кивнула и сделала глотательное движение. Локон, свисающий из клюва, втянулся в горло летуны и исчез из виду.

– А где принцесса? – спросила я, еще не осмыслив увиденное.

– Там, куда ты ее и отправила! – назидательным тоном пояснила Элали и, не сдержавшись, начала истерично хохотать, схватившись за живот.

– Кажется, я овдовел. Еще до свадьбы! – наигранно плачущим голосом выдал Арден. – О, какое горе! – Его жалоба прозвучала совершенно ненатурально.

– Мифрил, ты что, съела Эвридику? – пробормотала я, поднимая туфельку. – Как ты посмела?!

Но вместо того чтобы ответить, мантикора лишь осуждающе курлыкнула и тяжело взлетела, всем своим видом выражая недовольство моим нелогичным поведением. Дескать, сначала сама приказываешь, а потом еще и ругаешь за их точное исполнение. Ну и как тебя после этого понимать, хозяйка?..

Самое длинное и опасное путешествие всегда начинается с легкомысленных слов: «Я знаю короткую дорогу». Именно эту фразу я и произнесла, рассказывая Ардену о том, что собираюсь проникнуть в Звездную башню не через главные, запертые изнутри ворота, а пройдя тайным ходом, начинающимся в Немеркнушем Куполе. Приватный разговор состоялся ранним утром следующего дня, сопровождаемый плотным завтраком и последующим осмотром нашего оружия. Ибо, как говорит Ребекка: «Пустое брюхо на подвиги глухо».

– Я пойду с тобой! – ультимативно заявил любимый, потуже затягивая ремень на талии, к коему привесил целый арсенал, состоящий из меча, маленького арбалета и пары кинжалов. – И учти, возражения не принимаются!

Я сердито прикусила язык, пытаюсь удержать просящиеся наружу колкости, и все равно не сдержалась:

– А ты хоть понимаешь, что в башне забаррикадировалась твоя матушка, которая, даже лишившись всех своих магов, остается очень опасным противником?

– Понимаю, – заверил Арден, многозначительно поигрывая кинжалом. – Думаешь, я позволю ей тебя убить? И не надейся, так легко ты от меня не избавишься.

– Арден, умоляю, прислушайся к моим доводам! – с потрясающей выдержкой нежно попросила я, тайком от него вонзая ногти в ладони, чтобы не сорваться и не закричать. – Ты – король и не имеешь права рисковать своей жизнью.

– А ты? – чуть поколебавшись, напрямую спросил он. – Имеешь, значит?

Я флегматично пожала плечами:

– Я – никто! Безродная полукровка, вечно ищущая приключений на свою седалищную часть. Если я погибну, Лаганахар быстро забудет обо мне.

– И кого ты пытаешься обмануть? – невесело рассмеялся любимый. – Меня или себя?

Я потупилась и виновато засопела, уличенная в недостойной попытке незаметно повернуть невесту что. Вот Тьма, почему правда всегда звучит еще невероятнее, чем ложь?

– Я хочу быть королем не на словах, а на деле! – Арден топнул ногой и подтянул голенище сапога, привыкая к новой обуви. Выглядел он воистину по-королевски: костюм из черной кожи и ботфорты выше колена, а на темных волосах ярко сияет узкий золотой обруч. – Я дал обещание оберегать своих подданных от любого зла. – Он изучающе посмотрел на меня с высоты своего роста, чуть наклонив голову. – А посему я намерен оберегать и тебя, Йона!

Я мысленно ругнулась повторно, в равной степени восхищенная и его несгибаемой волей, и его красотой. И все-таки мы с ним не пара. Он – король, а я – безродная и бездомная нищенка, квинтэссенция проблем и недоразумений. Ардену нужна настоящая принцесса, а не я. Нет, конечно, не ныне покойная Эвридика, а умная и прекрасная девушка благородных кровей, способная стать королевой Блентайра и матерью его будущих сыновей. А я... Да я ведь даже мимо любого безобразия не могу спокойно пройти – так и тянет поучаствовать!

Пытаясь сохранить инкогнито, мы с Арденом завернулись в длинные черные плащи, старательно прикрыв лица. К счастью, на нас мало обращали внимания, ведь за последние пару дней Блентайр пережил слишком много потрясений, изрядно закаливших характер его жителей. Горожане занимались уборкой улиц, сильно подпорченных чародеями и драконами, и поэтому им не было никакого дела до двух загадочных фигур, тихо перемещавшихся в тени частично уцелевших зданий и явно не стремящихся кого-либо заинтересовать. Да и мало ли кто теперь по столице шастает...

Мы шли быстро и молча, не проронив ни слова до самых стен Купола. Воздерживались от любых разговоров и даже не обсудили, как повлияла на наши отношения гибель Эвридики, хотя оба испытывали чувство вины за ее нелепую кончину. Я так и не смогла вспомнить, кто же является автором справедливой фразы: «Каждый получает ту смерть, которую заслужил», но, честно говоря, применительно к принцессе она казалась особенно уместной. Арден ничуть не скорбел по своей скоропалительно скончавшейся невесте, а я

тоже не собиралась лить лицемерные слезы, оплакивая ту, которая всегда желала мне только зла. Спрашивается, почему желала? Видят Неназываемые, на то не имелось весомых причин, просто я очень сильно мешала своей сестрице, как она считала, лишая ее возможности жить всласть. Такова суровая правда эгоизма: некоторые начинают мстить раньше, чем их обидают. Эвридика явно принадлежала к их числу...

Я бы не отказалась от разговора по душам с Арденом, но он хранил упорное молчание, отчего я заподозрила его в неискренности. Поразмыслив, я пришла к выводу, что любимый просто решил сделать мне одолжение, но при этом отнюдь не собирается строить из себя приятного собеседника. Мне стало стыдно, но и обидно тоже. Стыдно, потому что я не люблю, когда люди совершают из-за меня несвойственные и неприятные им поступки, а обидно... Да просто обидно, и все тут!

Когда до святилища оставалось совсем чуть-чуть, Арден вдруг замедлил шаг и произнес совершенно неожиданную фразу:

– Теперь ты пребываешь в постоянной опасности, понимаешь?

– Нет. О чем ты? – изумилась я, чуть отгибая край капюшона и таращась на него недоверчиво расширенными глазами.

– Обо всем. О Банрах, о моей ненормальной матери, о пропавших охотниках, в конце концов. Они все желают твоей смерти...

– Эти охотники уже наверняка находятся далеко отсюда, – неуверенно предположила я.

– Далеко?! – со странной усмешкой спросил Арден. – Никто не знает точно, так ли это. Ты пойми, твоя сила очень велика, к тому же ты – крылатая... Тебе завидуют, тебя боятся!

– Это еще не повод желать моей гибели! – протестующе воскликнула я, почти оскорбленная его словами. Так вот почему он так неприязненно себя ведет! Я для него уродина, неполноценная и ущербная!

– Неужели ты не понимаешь?! – с каким-то отчаянием в голосе продолжал настаивать король. – Ты – особенная...

– Это не моя вина! – огрызнулась я, ибо этот нудный разговор о «понимании» начинал мне надоедать.

– Дура! – в сердцах вскричал он. – Я говорю о том, что тебе нужно быть осторожной! Не доверять всем вокруг!

«Ну вот, он сказал это!» – с каким-то надрывом подумала я. Мне очень не хотелось думать о том, что было ясно уже давно, с самого начала, еще там, в приюте. Он считает меня душой! Наверное, так оно и есть...

– Ты прав! – хамски заявила я, глядя прямо ему в лицо. – Я доверчива и глупа. Дура! Но я ничего не могу с собой поделать. Так что не трать понапрасну время и силы – я не перестану верить в человеческую доброту только ради того, чтобы возвысить себя в твоих глазах!

Его голова дернулась в сторону так резко, словно я дала ему пощечину. Лицо Ардена перекошилось от внутренней боли, перебороть которую ему еле удалось. Но спустя пару минут он совладал с эмоциями и натянуто улыбнулся.

– Я рад, что мы прояснили наши отношения, – сказал он равнодушным тоном. – Теперь иллюзии остались в прошлом и мы готовы заняться делом, ради которого прибыли к Куполу. Прощу, Наследница! – Он иронично указал на святилище. – Только после вас.

Я сердито передернула плечами и шагнула в широко распахнутые двери Немеркнувшего Купола. Я уже горько сожалела о жестоких словах, брошенных в лицо гордому юноше, но не имела возможности хоть как-то исправить нанесенную ему обиду. Что сделано, то сделано...

Внутри Купола царил привычный полумрак. Я быстро осмотрела уже знакомые мозаики. Арден стоял чуть позади, не мешая мне думать и действовать. Я подошла к центральной картине и пристально вгляделась в наездника, сидящего на спине белой мантикоры. Он точно обладал крыльями, теперь я в этом не сомневалась. И притом отчаянно боролся за свою жизнь, не желая прятаться от настигающей его судьбы нигде, даже в Звездной башне. Совсем как я! Я слегка поклонилась изображению неизвестного героя,

достала из сумки ключ и вложила в крохотное отверстие в глазу мантикоры.

В тот же миг раздался жуткий скрип... Внезапно вся стена сильно задрожала, а потом раскололась пополам и раздвинулась в стороны, открыв нашим изумленным взорам зияющий темный проход, похожий на щель. Впрочем, вполне достаточный, для того чтобы через него смог пройти один человек. Прежде чем сделать шаг внутрь, я успела заметить, что проем разделил стену так, что черная и белая мантикоры оказались разобщены, очутившись по разные стороны от него. И это тоже, без сомнения, несло в себе какую-то символичность. Когда мы с Арденом зашли внутрь потайного хода, стена снова стала целой, сомкнувшись за нашими спинами. Вокруг нас образовалась беспросветная тьма.

– Как мы пойдем дальше, интересно. – Любимый одной рукой предусмотрительно схватил меня за локоть. – Не споткнись, с освещением тут явно туговато...

Я тоже не представляла, как мы сможем двигаться дальше, и уже собиралась создать светящийся шарик, но в этот момент почувствовала неожиданное тепло в том самом месте, где на моей груди висела хрустальная звезда. Я извлекла амулет из-под рубашки и чуть не вскрикнула: он сиял настолько ярко, что в его свете без труда различалось удивленное лицо Ардена, заслоняющего рукой глаза. А кроме того, теперь я уже разглядела, что мы стоим на верхней ступени широкой лестницы, нижний край которой терялся где-то во мраке под нами. Все находящееся внизу плыло и искажалось, абсолютно выпадая из поля зрения и словно утопая в сером тумане.

– Идем? – тихонько спросила я и сделала первый шаг вниз, незаметно для себя переходя на легкую поступь охотников. Арден последовал за мной.

Раньше у меня никогда не было привычки считать ступени, но сейчас я не смогла удержаться – мне требовалось хоть как-то отвлечься от частых гулких ударов собственного сердца. Ступеней насчиталось ровно триста...

В ярком свете Звезды моей души я быстро выяснила, что мы попали в узкое помещение, способное служить только коридором, и находимся теперь прямо перед гигантскими дверями, обитыми медью. На каждой створке красовались расположенные в три ряда и шедшие сверху вниз письма на старозельфийском, содержащие жуткие угрозы и адресованные любому смельчаку, дерзнувшему спуститься в этот подвал. Я иронично рассмеялась, прочитав эти пафосные предостережения. Чем, спрашивается, можно напугать того, кто и так уже все потерял? Под словами, призванными повергать в трепет, располагались искусно вырезанные головы мантикор с высунутыми языками, образующими дверные ручки.

Я некоторое время стояла неподвижно, просто глядя на створки и пытаюсь побороть неизвестно откуда появившееся предчувствие, буквально кричавшее: «Если ты их откроешь, то обратного пути уже не будет!» И при этом я отлично понимала, что речь идет отнюдь не о моем приеме в гильдию Чародеев и даже не о магии в целом – все обстоит гораздо серьезнее. Словно я ступала на путь, сойти с которого уже невозможно. Словно приближалась к решающему моменту всей своей жизни... Хотела я этого или нет? Так и не разобравшись в себе полностью, я набрала в грудь побольше воздуха и с силой нажала на дверные ручки... Я осознанно шла навстречу судьбе!

Огромные двери начали медленно открываться, не издав при этом даже малейшего шороха. Спустя пару секунд они распахнулись полностью, и нашим глазам предстал огромный... нет, поистине бескрайний зал, погруженный во мрак. Мы с Арденом одновременно шагнули внутрь, а стук каблуков наших сапог стократно усилился эхом и напоминал грохот гигантского молота. Амулет освещал только весьма незначительную часть окружавшего нас пространства, но мне показалось, будто я различаю очертания массивных колонн, поддерживающих теряющиеся в вышине своды.

В центре зала на маленьком круглом островке, отгороженном от остального помещения широким кольцом глубокого провала, одиноко лежал ажурный золотой ларец, усыпанный алмазами невероятной величины. Края бездны, опоясывающей ларец, выглядели неряшливо рваными, образованными из редких, кое-как скрепленных между собой камней, ненадежно

покачивающихся и подрагивающих. Я подобрала с пола камешек и бросила его в провал, но так и не дождалась стука, который свидетельствовал бы о том, что где-то там внизу камень достиг конца пропасти, упав на дно. Похоже, сейчас нам противостояло нечто бездонное.

– Судя по всему, ларец нужно достать. – Арден прищурил глаза, навскидку оценивая ширину кольцевой пропасти. – Нет, перепрыгнуть ее нереально.

– Я перелечу! – просто кивнула я и аккуратно сложила на пол свою поклажу. – Я сейчас...

На лице короля явственно проступило вполне обоснованное сомнение. Он прошел со мной слишком долгий путь и уже привык к тому, что выпадающие на нашу долю испытания никогда не отличаются легкостью. Но я решила не реагировать на его многозначительный взгляд и расправила крылья. В этот момент что-то теплое предостерегающе шевельнулось в моей душе, какой-то инстинкт, которому я не знала названия, тихонько нашептал мне о том, что впереди таится опасность. Решив разобраться с этим неуютным ощущением позже, я поднялась в воздух, и тут...

Признаюсь честно, меня спасла отнюдь не собственная ловкость, а только невообразимо быстрая реакция Ардена. Если бы не он, я бы вряд ли осталась в живых. Ведь промедли он хоть мгновение – и я бы точно угодила в самый центр огненного столба, взметнувшегося из расселины. Две сильные мужские руки резко дернули меня к себе, и, таким образом, пламя лишь слегка задело мои волосы и пальцы, почти их не опалив. А стоило нам отступить назад, как огонь тут же пропал, словно его и не было.

– Ничего себе перелетела... – тяжело дыша, пробормотал Арден, еще не оправившийся от пережитого потрясения. – Да ты же чуть не поджарилась, звезда моя!

– Но как же так?... – От растерянности я часто моргала. – Что же нам делать?

– Задача осталась все та же, – проказливо подмигнул мне любимый. – Кем-то свыше нам выдано нелегкое задание: достать этот ларчик и желательно остаться в живых.

– Ха-ха! – Я растянула губы в гротескном подобии улыбки. – Мне не смешно, Арден.

– Мне тоже, – не стал скрывать юноша. – Но нельзя вешать голову и сдаваться – надо искать решение.

– У кого-то тут, помнится, имеется на вооружении великолепная логика, известная мне еще со времен нашего приютского детства. – Отрезвленная словами короля, я снова обрела способность нормально улыбаться и даже не удержалась от ехидства. – Пора подключить ее к поискам нужного решения. Или тебе так не кажется?

На этот раз вымученно растягивать губы пришлось Ардену, показывая: он по достоинству оценил мой шуточный намек.

– Для начала нужно узнать, когда и почему появляется пламя.

– Когда что-нибудь оказывается над этой дырой! – в ярости выпалила я. – Это же очевидно, это и ребенку ясно.

– Что-нибудь или... – Король помолчал. – Кто-нибудь?

Я мгновенно сообразила, что именно он имеет в виду. Вынув из ножен клинок, я вплотную приблизилась к краю пропасти и вытянула Лед перед собой, поместив его над бездной. Ничего страшного не произошло... Из провала не возникло ни единого язычка пламени. Но стоило мне вытянуть над провалом вместе с мечом еще и руку, как огонь повторно взметнулся ввысь, причем так стремительно, что я едва успела сделать шаг назад и чуть не упала.

– Теперь мне все понятно, – исчерпывающе обобщил Арден, мягко подхватив меня под локоть. – Эта, как ты изволила метко выразиться, «дыра» реагирует на тепло человеческого тела.

– Пусть так, но твое прозрение ничуть не приближает нас к решению проблемы, – обиженно буркнула я. Ну да, он опять намеренно подчеркивает мою глупость, мои плохие манеры и неумение выражаться куртуазно. Ну что за вредный мужчина, а?!

– Почему же? – непокорно пожал плечами король. – Наоборот, все становится предельно логичным. Если мы не можем приблизиться к ларцу сами, то придется доставать

его с помощью клинка.

– Клинков! – поправила я. – Длины одного Льда здесь явно недостаточно. Полагаю, если бы я имела возможность соединить его со вторым мечом, Громом, то обязательно достигла бы желаемого результата. Видишь, так все и предусматривалось... – Я показала Ардену небольшую прорезь на навершии рукояти моего меча. – Сюда нужно вставить второй клинок, они поэтому и создавались в паре...

– Попробуй заменить Гром вот этим клинком. – Король подал мне свой меч, но он не подошел под паз, вырезанный в рукояти Льда.

– Придется использовать мой стилет! – решила я, и эта попытка увенчалась немедленным успехом. Клинки соединились накрепко.

– Хочу тебя разочаровать, их общей длины тоже не хватает. – Арден зрительно сопоставил величину провала и длину нашего импровизированного орудия. – М-да, задачка... – Он сердито почесал в затылке. – Но нам жизненно необходим ларец, я это чувствую! – Любимый внимательно посмотрел на меня таким чистым, проникновенным взглядом, что на душе стало очень беспокойно. Что он задумал?

– Я могу попытаться сделать это, если хочешь, – предложил Арден. – Встать на крайние камни и...

– Нет, даже не думай! – Я отчаянно помотала головой. – Ты сорвешься вниз. Не стоит и пробовать, ведь это испытание предназначено не для тебя. Я значительно легче, чем ты, и к тому же меня неспроста обучали легким шагам. Видимо, пришел срок отчитаться за преподанные мне уроки.

Арден печально вздохнул, соглашаясь с очевидным.

Я подкралась к самому краю пропасти, стараясь ступать непринужденно и невесомо, так, как учила меня Лаисса. Камни колебались под моими ногами, намекая: «Ты играешь со смертью, Наследница!» Балансируя на цыпочках, я затаила дыхание, а затем осторожно вытянула вперед скрепленные между собой меч и стилет. Их длины едва хватило чтобы самый конец этого самодельного багра очутился точно под ларцом. Слегка приподняв клинок, я начала подтягивать сокровище к себе. Когда сундучок оказался над пропастью, моя рука уже была максимально согнута в локте и отведена назад, поэтому мне пришлось схватиться за лезвие. Эльфийская сталь по праву считается самой острой в мире – спустя миг я увидела, как по клинку потекли тонкие струйки крови... Моей крови. Они медленно достигли ларца, и алмазы на его крышке мгновенно окрасились в красный цвет, превратившись в рубины. Что бы это значило?

Когда ларец очутился в пределах досягаемости руки, я быстро дотянулась и схватила его, еще до того как взметнувшееся вверх пламя яростно атаковало мою кисть. Дуя на обожженные пальцы, я замотала обе ладони полосками разорванного на бинты носового платка, поданного Арденом, и открыла ларец.

– Как красиво! – не удержавшись, вскричала я, извлекая из него изящную золотую корону, украшенную рубинами. – Это же настоящее волшебство. Она легче пуха, я не чувствую ее тяжести!

– Надень ее! – очарованно шепнул Арден. – Уж если кто-то и должен носить такое чудо, то только ты...

Сожалея о том, что у меня нет при себе зеркала, я торжественно возложила венец на свои кудри...

– Она исчезла! – печально констатировал король. – Едва коснулась твоих волос – сразу же испарилась!

Я растерянно стояла на месте, гадая, как мне следует реагировать на исчезновение рубиновой короны.

– Ничего не скажешь – очень полезный подарок! – сердито процедил юноша, в качестве утешения легонько приобнимая за талию безмерно расстроившуюся меня. – Не грусти, я подарю тебе другую.

– Почему она исчезла, стоило мне ее надеть? – непонимающе повторяла я. – Наверное,

мне нужна именно эта, а не какая-то другая корона...

– Ну... – Арден старательно подыскивал нужные слова. – Видимо, так и было задумано...

– Кем? – спросила я.

Но он лишь замороченно фыркнул, не зная ответа.

Мы медленно обошли зал по периметру и на противоположной стороне обнаружили еще одну дверь, украшенную серебряными звездами. Мы восприняли появление этой второй двери как нечто само собой разумеющееся, ведь, без сомнения, этот проход мог вести только в Звездную башню.

Глава 11

Мы поднимались по тесной винтовой лестнице, подозреваю проложенной где-то в толще стен Звездной башни. Попутно я наспех излечила свои обожженные пальцы, сплетя соответствующее заклинание. Проход оказался настолько узким, что мы едва протискивались сквозь него, вынужденные передвигаться боком. Арден спиной и грудью касался склизких, покрытых грязью и плесенью стен, а мне приходилось постоянно оберегать свои крылья, которые я очень боялась травмировать, случайно чиркнув ими по камням. Было заметно, что потайным проходом уже давно никто не пользовался, а скорее всего, о его существовании даже не подозревали. Говоря откровенно, я понимала причину заброшенности этого прохода: подобные коридорчики и лазы всегда ведут в весьма опасные места, уж это-то я неоднократно проверила на практике. Но... Вот опять лезу Тьма знает куда!

Уж не ведаю, чем конкретно руководствовался Арден, пускаясь в это опасное путешествие, но меня вело острое желание взглянуть в глаза сьерре Клариссе, дабы поведать ей о том, что в мире существуют вещи куда более ценные, чем титулы, богатство и магия, вместе взятые. К ним я отношу любовь, дружбу и справедливость. Вот только не знаю, послушает ли меня глава гильдии Чародеев, ослепленная тщеславием и жадой власти. Впрочем, полагаю, у меня еще имеется возможность ее убедить, ведь сегодня именно тот самый день, что она назначила для моего возвращения. И он еще не закончился...

Совершив бесчисленное количество поворотов, лестница уперлась в крохотную, сильно проржавевшую дверь. Арден провозился с ней минут десять, пытаясь отворить намертво засевшую створку, пока я не потеряла терпение и не ударила в нее огненным сгустком. Дверь нехотя приоткрылась, выпустив нас на крохотную площадку, являющуюся частью небольшого балкончика, уставленного легкой мебелью, сплетенной из ивовых прутьев. Затворив дверь, мы обнаружили, что она полностью сливается со стеной, надежно хранящей тайну подземного хода.

– Куда же мы попали? – поинтересовался король, пытливо озираясь по сторонам.

– На личный балкон главы гильдии, примыкающий к ее покоям, – уверенно произнесла я. – По этому пути из башни сбежала Люцита, искусно инсценировав свою смерть. К счастью для нас, старая магичка не посвятила Клариссу в секрет заброшенной винтовой лестницы – он достался нам. Вот там находится вход в покои главы. – Я показала на зеркало, поблескивающее чуть левее. – Зеркала заменяют в башне двери. Нам нужно войти туда... – Я тяжело вздохнула.

– Боишься? – с сочувствием спросил Арден, неверно расшифровав причину моего промедления.

Боюсь? Я тщетно искала внутри себя хотя бы след былой робости – и не находила. Нет, все мои давнишние детские страхи покинули меня окончательно. Когда же это произошло: в пустыне, в горах, на башне Око Небес или в толще мертвой воды? Я не знаю...

Стоило нам с Арденом ступить внутрь так хорошо запомнившегося мне кабинета, как в глаза ударил ослепительный луч света, исходящий от Сола, почти скрывшегося за линией горизонта. Шторы на гигантском полукруглом окне во всю стену оказались раздвинуты,

рамы были распахнуты настежь, и у меня невольно возникло ощущение, будто это само темное ночное небо влилось в комнату, являясь ее неотъемлемой частью. Светильники на потолке не горели, камин также был потушен, но в остальном все оставалось прежним. А за столом, спиной к раскрытому окну, сидела невозмутимая сьерра Кларисса, глава гильдии Чародеев...

Уже с порога я заметила, что магичка выглядит немного озабоченной и вместе с тем протвиеоеетвенно равнодушной. Так мог бы вести себя памятник из непрошибаемого гранита, – конечно, лишь в том случае, если бы он вдруг ожил и снизошел до наших земных проблем. Кларисса куталась в звездную мантию, но когда чародейка слегка приподнялась мне навстречу, я увидела, что под свободным балахоном скрывается полное походное облачение – черная с красными сполохами туника и темные брюки. На поясе поблескивал огромный меч, вложенный в нарочито скромные ножны.

– Ты опоздала, Наследница, не успела к назначенному сроку! – холодно провозгласила чародейка, злорадно указав в ту сторону, где еще совсем недавно виднелся Сол, теперь уже окончательно закатившийся. – Отведенное тебе время истекло!

– Пускай, ибо я не намереваюсь вступать в гильдию, – вежливо поклонилась я. – Я так долго пыталась стать чародейкой, что в итоге поняла: главная цель моей жизни – научиться быть человеком.

– Человеком? – презрительно переспросила Кларисса, и ее брови изумленно взметнулись вверх. – В таком случае входите оба: ты и твой спутник. Присаживайтесь. – Она царственно взмахнула рукой в сторону кресел. – Поведай мне о своих испытаниях, Йона.

Я согласно кивнула и начала повествование. Но вот парадокс: чем дальше я углублялась в рассказ о своих необыкновенных приключениях, тем меньше подробностей и мелочей сообщала сьерре Клариссе. Сейчас я полностью подчинилась чутью охотника, сидевшему внутри меня, и поэтому подолгу расписывала красоты тех мест, где мне пришлось побывать, умалчивая о многих важных деталях. Чародейка в свою очередь даже не думала скрывать владеющего ею изумления. По мере того как мой рассказ подходил к концу, глаза Клариссы стали расширяться, дыхание участилось, а руки судорожно сжали подлокотники кресла. Похоже, я сумела ее поразить! И тут во мне проснулась совесть! Я подумала: а вдруг чародейка не так плоха, как кажется, и я еще смогу ее изменить, обратив на путь света?

Когда я завершила рассказ, Кларисса некоторое время молчала, видимо подбирая наиболее соответствующие ситуации слова.

– Это самая удивительная история из всех, которые я когда-либо слышала, – наконец призналась она. – Похоже, я недооценила тебя, Йона, и ты более чем достойна вступления в мою гильдию. О конечно, это станет возможным лишь в том случае, если ты совершишь некий выбор...

С этими словами чародейка начертила в воздухе знак огня и щелкнула пальцами, после чего прямо на столе перед ней появился окутанный пламенем прозрачный шар, который начал медленно поворачиваться вокруг своей оси.

– Последнее испытание многим кажется самым легким, но это не так. Единожды сделав выбор, ты уже никогда не сможешь его изменить, это невозможно, а поэтому не торопись отвечать, когда я задам тебе решающий вопрос.

Кларисса сцепила пальцы обеих рук на груди и продолжила менторским тоном:

– В нашу первую встречу я говорила тебе о том, что обычному магу подвластна лишь крохотная часть скрытой в природе магии. Но обязанности чародея велики, и часто для осуществления задуманного ему не хватает этой скудной части знаний, доступных гильдии. А сейчас я открою тебе великий секрет: существует возможность увеличения своего потенциала, метод постоянного наращивания силы – то, что невежественные люди ошибочно называют темной стороной магии. Но эта сторона не темная – просто она другая. Она открывает перед чародеем иные пути развития его личности, те, которые навсегда останутся закрытыми для него, пока он верен светлой стороне. Светлая сторона – лишь усеченная

версия темной, поверь мне... Но выбор необходимо сделать сейчас... И знай, что он очень сильно повлияет на весь процесс твоего дальнейшего становления. Итак?

– Что – итак? – оторопело переспросила я, совершенно не готовая к настолько откровенному разговору. Я ожидала нападения, угроз, шантажа, да чего угодно, но только не такой вот доверительной прямолинейности. И поэтому растерялась, ощутив себя обезоруженной.

– Какую сторону силы ты выберешь? – терпеливо пояснила глава гильдии. Созданный ею магический шар налился чернотой, стремясь затянуть меня в объятия Тьмы...

Я озадаченно уставилась на магичку. Та выглядела безупречно спокойной.

«Что это – проверка, подвох, провокация?..» Догадки в бешеном темпе крутились у меня в мозгу, пока я пыталась перебрать все возможные варианты. Она решила сыграть в открытую или вызывает меня на откровенность? А потом я решилась.

– Я не признаю разделения магии на темную и светлую, – почти по слогам произнесла я. – Подобная градация претит моей душе и противоречит моим принципам. Я склонна считать себя серым магом, одинаково ценящим обе стороны силы. Зато я уважаю выбор других, если, конечно, он не мешает людям жить. Я уточню – выбор таких сильных магов, как Сильвана, Люцита, Джайлз... – Хотела добавить: «Таких, как вы», но слова застряли у меня в горле, ибо я увидела перекошенное от гнева лицо Клариссы, исказившееся до неузнаваемости. На какую-то долю мгновения прекрасная маска ее черт сменилась уродливой гримасой досады и злости, но прежнее выражение тут же вернулось обратно. Вполне овладев собой, чародейка растянула губы в фальшивой улыбке.

– Я же просила тебя хорошенько подумать, все взвесить, прежде чем дать ответ. Зачем так торопиться? Зачем думать о принципах и уважении? Ты выше них! Ты владеешь ключом к силе четырех стихий... Да еще твои крылья – неужели ты не хочешь получить настоящее могущество, Йона? И оно станет твоим, обещаю!

Но я почти не слышала ее последних слов – внутри меня словно рушился целый мир. Итак, Люцита была права: Кларисса не захочет отказаться от Тьмы, не поступится властью... Она способна погубить весь Блентайр ради удовлетворения своих амбиций, ради торжества Звездной башни. Так неужели мне придется ее убить? Не замечая моего волнения, Кларисса продолжала уговаривать:

– А Джайлз? Ты хочешь стать похожей на него – такой же пустоголовой идиоткой? Не верю, милая моя. Джайлз никогда не сможет достичь вершины власти... Хотя, даже очутившись на вершине, белый маг ежесекундно рискует сверзиться вниз. Светлые глупы, наивны и доверчивы, их место там, где сейчас и находится Джайлз, – в темнице. Зато мы можем использовать их глупость, заставив служить себе. Смотри, что добыл для меня этот экзальтированный мальчишка... – Она извлекла из ножен меч и положила на стол. – Это Гром, легендарный меч короля Арцисса!

В этот момент на моем лице нарисовалось выражение искреннего опасения за участь несчастного Джайлза. Заметив мой страх, Кларисса неверно его истолковала и продолжила с еще большей настойчивостью:

– Подумай хорошенько, Йона. Мы могли бы править этим городом вместе. Однажды мне потребуется преемница, и почему бы тебе не стать ею? Ты сильна, отважна, красива... Я считаю, ты просто обязана занять это кресло после меня. Решайся – и никогда не пожалеешь об этом!

Однако все усилия сьерры Клариссы снова пропали втуне – ведь мне, однажды отказавшейся от эльфийского королевства, пусть и во сне, ничего не стоило отмахнуться от правления Блентайром.

– Я не изменю свое решение! – Мой тихий голос окончательно взорвал плотину терпения, до поры до времени сдерживавшую ярость чародейки. – И даже наоборот – сама предлагаю вам отказаться от Тьмы, пока не стало слишком поздно...

– А не то... – с угрозой в голосе добавил молчавший до сего мгновения Арден.

– А не то что? – издевательски расхохоталась магичка. – Дети, вы, кажется, смеете мне

угрожать? – Она направила на меня обвинительно вытянутый палец и злобно зашипела, словно змея: – Я всегда знала, что ты так и останешься неисправимой дурой. Всегда, с тех самых пор как разбила мое магическое зеркало, явив ему свою безгрешную душу. Такой ты и умрешь!

– Не умру! – спокойно парировала я. – Вы сильны, но я тоже многому научилась.

– Тупица! – взвизгнула чародейка и ультимативно ударила ладонью по столешнице. – Неужели ты не понимаешь, против кого идешь?

– Против зарвавшейся чародейки, вздумавшей подмять под себя весь мир! – доходчиво разъяснила ей я. – Вы готовы пролить реки крови и загубить сотни невинных жизней, лишь бы удержаться в Звездной башне. Но подобная необоснованная жестокость – признак не силы, а слабости, признак неумения достичь личного счастья. Ведь счастье – вещь тяжелая. Когда оно сваливается на слабого духом человека, то в лучшем случае скатывается с него, а в худшем – его же и раздавливает... – Я демонстративно щелкнула пальцами – и черный вращающийся шар звучно лопнул, обдав главу гильдии шквалом мелких осколков.

– Уж не ты ли обещаешь меня раздавить? – презрительно хихикнула Кларисса, потихоньку пятясь и отступая от стола.

– Если понадобится, то да, – без энтузиазма в голосе призналась я. – Хотя мне очень не хочется это делать, ведь вы еще можете обрести счастье, ибо я привела к вам вашего сы... – Но договорить я не успела.

Не дослушав произнесенную мною фразу, Кларисса внезапно хлопнула в ладоши – и в ее правой руке возник небольшой энергетический сгусток, который женщина что есть силы метнула в меня, не ожидающую подвоха. В тот миг когда огненный шар, казалось, должен был поразить меня, я неожиданно почувствовала, как мою голову придавило что-то тяжелое... Стоящее напротив зеркало отразило удивительную картину: рубиновая корона снова появилась на моих волосах, став видимой. От короны отделилось золотистое сияние, окутавшее меня словно плащ. Огненный шар коснулся этого покрова и рассыпался миллионом искр. Корона тотчас снова стала невидимой.

– Невозможно... – изумленно прошептала Кларисса, проводя рукой по глазам, словно пыталась избавиться от неправдоподобного сна. – Этого не может быть. Согласно легендам, последним магом, владеющим Венцом Силы, считалась Сильвана. А затем Венец исчез – пропал вместе с чародейкой. Так неужели ты каким-то образом сумела заполучить священный артефакт эльфийских магов и даже активировала его своей кровью?

Мы стояли друг против друга: глаза главы гильдии метали молнии ярости, мой же всепрощающий взгляд лучился грустью и надеждой.

– Одумайся, Кларисса! – попросила я, протягивая ей руку. – Счастье достижимо, нужно лишь...

– Нет! – злобно рявкнула чародейка, отшатываясь от меня – как от прокаженной. – Тебе меня не победить... – Она схватила покоящийся на столе меч и победно рассмеялась: – Девочка, ты даже не подозреваешь, с чем столкнешься уже через секунду! Твоя смерть близка... – Кларисса призывно свистнула и легко запрыгнула на подоконник распахнутого окна. А буквально через миг за ее спиной, спустившись с небес, возникла фигура огромного черного чудовища, угрожающе выставившего вперед острые когти и издающего страшный клекот. Чародейка ступила на подставленное ей крыло и ловко перескочила на спину черной мантикоры, готовой до последней капли крови защищать свою хозяйку...

Ранее доступные мне факты, весьма разрозненные и противоречивые, мигом сложились в одно целое, создав реальную картину происходящего... Помнится, год назад меня сильно озадачило большое седло странной формы, каким-то образом попавшее в покои главы гильдии и совершенно не вписывающееся в изысканный интерьер. Увидев его тогда, я сочла этот неподобающий предмет всего лишь нестандартной прихотью эксцентричной магички, возможно увлеченной коллекционированием диковинных предметов. Но позднее, обдумав и сопоставив многое, я пришла к однозначному выводу: Кларисса – весьма опасный

противник, она хитра, как опытный шахматист, и обладает каким-то секретом... Да еще и Люцита рассказала о крови Повелителей мантикор, передавшей ее дочери. И вот теперь все стало на свои места, ибо я заметила это самое седло на спине черной мантикоры, подчиняющейся Клариссе. Из всего вышеперечисленного следовало, что в мире сохранилось не одно яйцо мантикоры, а два. И полагаю, что второе из них, присвоенное главой гильдии, предназначалось отнюдь не для нее. Но для кого же тогда?

В моей голове забрезжила слабая догадка, но, к сожалению, я так и не успела развить ее в полной мере, потому что Кларисса не предоставила мне времени для размышлений: она немного отлетела от окна, развернула своего летуна и шарахнула по нас с Арденом увесистым огненным сгустком... Мы едва успели увернуться, укрывшись за перевернутым набором столом. Дорогая мебель разлетелась вдребезги, усеяв пол кабинета россыпью щепок. Кларисса разочарованно заскрежетала зубами и вынудила свою мантикору заложить крутой вираж вокруг башни, готовясь нанести следующий удар... Таким образом, мне неожиданно досталась пара секунд передышки, которые я не собиралась тратить попусту... Повторяя движение чародейки, я точно так же вскочила на подоконник и закричала:

– Мифрил! Где же ты?

Ответом мне стал шорох белоснежных крыльев. Мифрил вынырнула из-за ближайшего облака и весело щелкнула клювом, довольная тем, что на нее обратили внимание. Наше недавнее недоразумение мгновенно оказалось забыто, и я одним прыжком вскочила на ее спину, вытаскивая Лед из ножен. Седла у меня нет, ну и Тьма с ним – так обойдусь!.. Медлить было нельзя, ибо Кларисса уже неслась прямо на меня, размахивая Громом, лезвие которого багрово светилось в темноте.

Мантикоры столкнулись, шипя и клекоча. Черный гигант царапнул Мифрил по боку, но моя воспитанница не растерялась и ударила его жалом на конце хвоста. Брызнула кровь... Однако мы с Клариссой тоже не тратили время зря и успели обменяться парой ударов: наши клинки соприкоснулись, высекая сноп ярких искр. И после этого мантикоры снова разлетелись, маневрируя широко распахнутыми крыльями. Атака сменяла атаку, а мы с Клариссой, как ни старались, так и не смогли хоть сколько-нибудь навредить друг другу, словно в схватку вмешалась некая третья сила, уравновесившая наши возможности. Я вспомнила мозаику в Немеркнушем Куполе и криво усмехнулась, пораженная тем, насколько точно нынешняя ситуация воспроизводила ее сюжет. Мантикоры, мечи, мои крылья... Да, следует признать, Неназываемые и вправду обладали способностью предвидеть будущее или же сами его и смоделировали.

И все-таки мне требовалось срочно предпринять что-то действенное, дабы сдвинуть с мертвой точки эту затянувшуюся ничью. От нападений Клариссы меня успешно защищало энергетическое поле Венца Силы, а мои чары и удары Льдом отскакивали от магички, словно она стала каменной, что, кстати, весьма озадачивало. И вот, понимая, что наша схватка может затянуться надолго, я решилась на рискованный поступок, больше смахивающий на безрассудство...

Наклонившись к шее Мифрил, я прошептала ей несколько слов и довольно улыбнулась, ибо мантикора коротко кивнула, подтверждая: «Я тебя поняла». На следующем витке полета Мифрил стремительно рванулась к черному гиганту и плотно прикинула к груди противника, обхватив его крыльями. Пару секунд черная мантикора чародейки неподвижно висела в воздухе, борясь с Мифрил, но затем белая мантикора начала проигрывать: она уступала неприятелю и в весе, и в силе. И тут случилось непредвиденное! Арден, безмолвно наблюдавший за небесным поединком, вдруг звучно стукнул себя ладонью по лбу, словно вспомнил нечто важное, но давно позабытое.

– Рагни! Ко мне, Рагни! – требовательно позвал он. На его лице нарисовалось откровенное, ничем не омраченное счастье, ведь в этот самый миг все его прежние сны стали явью: он вспомнил крылатого гиганта, воплощающего в себе вторую половинку его души. Да, Ардену тоже передалась кровь Повелителей мантикор, и он осознал: этот летун по имени Рагни предназначен для него, так же как сам Арден рожден для встречи с этим крылатым

гигантом. Вместе они должны взлететь под облака, любуясь расстилающимся внизу Лаганахаром...

Черный гигант мощно вздрогнул всем телом и попытался сбросить с себя магичку, озадаченный призывом короля, на который ему так хотелось ответить и душой, и телом. Кларисса злобно завывала. Мифрил воспользовалась удобным моментом и ухватила Рагни клювом за горло, мешая дышать. Не справившись с новой атакой моей мантикоры, летун Клариссы вяло трепыхнулся и камнем рухнул вниз, увлекая за собой насевшую на него Мифрил.

Понимая, что сейчас чародейке не до меня, я вскочила на ноги и перепрыгнула на спину черной мантикоры, выбив Клариссу из седла. Обхватив голову гильдии руками, я взмахнула крыльями и, едва не сверзившись на далекую землю, все-таки сумела удержать магичку и даже дотащила ее до распахнутого окна кабинета... Тяжело дыша, мы грузно перевалились через подоконник и покатались по полу. Мечи мы потеряли, выронив их в момент моего стремительного натиска. Моя рубиновая корона последовала за клинками, приземлившись где-то возле основания башни. А сама я даже не имела возможности воспользоваться чарами, поскольку обеими руками удерживала сьерру Клариссу. Глава гильдии быстро осознала доставшееся ей преимущество и не сдержала торжествующего смешка.

— Ну вот ты и попалась, девочка! — почти ласково констатировала она. — Сейчас ты умрешь... — В ее ладони за клубилась сиреневая молния, наливаясь жаром и светом. Еще секунду — и смертоносное заклинание настигнет незащитную меня...

Неожиданно я услышала громкий яростный крик. Совершенно позабытый нами Арден выпрыгнул откуда-то сзади, выхватил стилет, покоящийся в ножнах, укрепленных у меня на поясе, и по самую рукоять вонзил его в грудь сьерры Клариссы! Не встретив никакого препятствия на своем пути, лезвие стилета рывком вошло в плоть чародейки, отбросив женщину на пару шагов. Недоверчиво расширенными глазами магичка уставилась на рукоять клинка, торчащую из ее груди.

— Что ты наделал? — обвиняюще закричала я. Метнувшись к чародейке, мягко взяла ее за руку: — Вам очень больно?

— Как же так? — едва слышно пролепетала чародейка. — Ведь она обещала мне абсолютную неуязвимость... В обмен на мою душу!

— Кто — она? — спросила я, уже предугадывая ответ. — Змеелика?

— Да! — слабо простонала Кларисса. — Похоже, она меня обманула.

— Не волнуйтесь, сейчас мы что-нибудь придумаем, ваш сын приведет целителей...

— Бесполезно! — одними губами улыбнулась Кларисса. — Я чувствую, как жизнь потихоньку вытекает из меня, покидая тело. Подожди... — Ее холодеющие пальцы требовательно сжали мое запястье. — Ты сказала — сын?... Или мне это только послышалось?

— Арден и есть ваш потерянный сын! — Я схватила короля за рукав, подтягивая поближе к умирающей матери. — Я сумела вернуть его в наш мир, найдя в зале Вечности и воскресив...

— О дорогой мой! — По лицу Клариссы заструились слезы радости. — Сбылась моя заветная мечта, я тебя нашла! — Она подарила мне светлую улыбку. — Спасибо тебе, девочка, теперь я умру счастливой.

— Забери меня Тьма, ведь я убил собственную мать! — покаянно рыдал Арден, закрывая ладонями лицо. — Мне нет прощения. Я не хочу жить...

— Ты должен жить! — убеждала мать, заботливо поглаживая его плечи слабеющими руками. — О, каким взрослым и прекрасным ты стал, мой ненаглядный! Ты — моя звезда, которую я искала так много лет...

— И вот нашла! — горько прорыдал король. Он подхватил умирающую магичку в объятия и покрыл поцелуями ее бледные щеки: — Прости меня, матушка!

— Прощаю! — эхом отозвалась она. — Благословляю вас обоих и прошу не держать на меня зла... — Ее глаза закрылись, лицо вытянулось и осунулось, отмеченное легко

узнаваемой печатью близкой смерти.

– Йона, сделай же что-нибудь! – взмолился Арден. – Умоляю тебя, спаси мою мать...

Я печально покачала головой, глотая слезы. Что я могла? Мне уже неоднократно приходилось слышать подобную просьбу, но сейчас ситуация выглядела совершенно безнадежной. Я не умела воскрешать мертвых, а сам Арден стал единственным исключением из страшного правила. Какие чары можно противопоставить волшебному клинку, вобравшему в себя Душу Пустоши? Хотя...

– Нет, не стоит! – Я едва успела остановить Ардена, необдуманно намеревающегося вытащить стилет из груди своей матери. – Рана откроется, и она истечет кровью... Кажется, я знаю, что нам нужно предпринять...

– Что? – Его глаза взирали на меня с детской доверчивостью. – Если от меня потребуется какая-то жертва, то я согласен на все!

– Потребуется! – подтвердила я. – Давай договоримся так, я попробую спасти твою мать... – Я жестом предотвратила фразу, уже готовую сорваться с его губ. – Нет, не благодари меня заранее, я же говорю: попробую! А ты никогда ни о чем не станешь меня спрашивать и всегда будешь в первую очередь думать о благе Лаганахара, а не о своем собственном. Хорошо?

– Хорошо! – нехотя процедил он. – Ты поймала меня на слове. Обещаю. Только спаси мою мать...

Не издав больше ни звука, я сняла с шеи последнюю оставшуюся у меня жемчужину – слезу Эвтелики, и положила на грудь Клариссы.

– «В четвертой – смерть, прощенье, кровь!» – тихонько процитировала я строчку из пророчества Неназываемых. – Даже если она и заслужила настигшую ее кару, умоляю вас, творцы, верните к жизни мать Ардена! И клянусь, больше я никогда у вас ничего не попрошу, даже для себя лично!..

Величайшая ценность, дарованная человеку, – это жизнь. Лишь она придает смысл богатству и власти, ибо мертвому не нужно ничего. Она дает нам возможность любить и ненавидеть, страдать и радоваться, прощать и быть прощенными. И если, для того чтобы сохранить жизнь врага, пытавшегося тебя убить, нужно его простить, то я готова это сделать. Ибо нельзя спасти многих, не попытавшись спасти каждого.

Белоснежная жемчужина, помещенная на грудь Клариссы, внезапно стала прозрачной, превратившись в слезинку, которая быстро впиталась в кожу чародейки. Мы заметили, что рубин на навершии рукояти стилета вновь побледнел, превратившись в алмаз...

– Что происходит? – испуганным шепотом спросил Арден.

Но я лишь возмущенно шикнула на любимого, чтобы не мешал, и осторожно вытянула стилет из раны под ключицей магички. Края глубокого пореза сомкнулись, не выпустив ни капли крови.

– Видишь – стилет опустел! – Я показала королю на алмаз. – Полагаю, Душа Пустоши перешла в тело твоей матери, заполнив пустоту, созданную богиней Банрах. А еще, – я отогнула ворот ее платья, обнаружив под ним цепочку, лишившуюся амулета, – Звезда ее души исчезла. Похоже, Кларисса навечно утратила магические способности и стала обычным человеком...

– Это плохо? – забеспокоился Арден, по-прежнему удерживая на коленях неподвижное тело матери.

– Не знаю! – пожала плечами я. – Это же целое искусство – быть хорошим человеком. Наверное, все зависит от того, какие цели она перед собой поставит. Если найдет, ради чего стоит жить, она вполне еще способна обрести счастье. Если она уяснила, что наша жизнь похожа на непрерывно движущийся маятник: чем ярче радость – тем сильнее горе, за каждую минуту счастья надо отстрадать, никто не ценит то, что дешево досталось... Наверное, самое страшное, что может случиться с человеком, – это поздней осенью, на склоне лет, понять, что все совершенное за долгие годы было проделано зря. Что данный судьбой талант бездарно растрочен, променян на иллюзию сиюминутного благополучия, что

любовь прошла мимо и тебя уже ничто не держит в этом мире. А вот если она сумеет родиться заново...

Мою вдохновенную речь оборвал громкий вздох Клариссы. Бывшая магичка подняла ресницы и взглянула на нас настолько чистыми, безгрешными, омытыми в слезах глазами, полными такой бескорыстной и всеобъемлющей любви, что мы чуть не ослепли, едва не утонув в их обновленной глубине.

– Дети мои, спасибо вам, – признательно улыбнулась Кларисса, соединяя наши пальцы. – Спасибо за вашу заботу и понимание, за терпение и милосердие. Спасибо вам за любовь, за то, что вы и меня научили любить. Любить – это значит жить!

– Матушка, вам следует покинуть мрачную башню и воссоединиться со своей семьей, – робко предложил Арден, поднимая мать с пола. – Мы нуждаемся в вашей заботе и вашем обществе.

– О да! – радостно откликнулась Кларисса. – Не скрою, мне очень хочется помириться со своим супругом, королем Вильямом, испросить у него снисхождения к моим прежним заблуждениям и получить дозволение жить в доме своего сына, дожидаясь, – тут она лукаво покосилась на меня, – рождения внуков и внучек, с которыми я с радостью понянчусь...

Я протестующе нахмурилась, не желая развития щекотливой темы. Но Кларисса заметила мое смущение и замолчала. Похоже, восстав из мертвых и получив Душу Пустоши, она полностью избавилась от прежних корыстных амбиций, превратившись в обычную женщину и мать. А ее новая душа, бескрайняя и величественная, как пустыня, несла в себе огромный запас нерастраченной любви и самопожертвования, которые срочно нуждались в практическом воплощении.

– Смотри! – вдруг произнес Арден, указывая на Звезду моей души. Я проследила за его жестом и увидела: середина хрустального амулета, прежде пустая и тусклая, заполнилась сгустком алого света, пульсирующим, словно сердце. Итак, ожидаемое свершилось: сегодня я нашла свое седьмое испытание, полностью пройдя путь, уготованный мне судьбой. Или все-таки еще не полностью?..

– Приветствую тебя, новая глава гильдии Чародеев! – Кларисса церемонно склонила голову, признавая мои заслуги. – Теперь Звездная башня принадлежит тебе. Каким будет твое первое приказание?

– Я хочу знать, что стало с моими друзьями, – твердо заявила я. – Полагаю, они весьма нуждаются в моей помощи.

– Увы, – виновато вздохнула Кларисса. – Признаюсь, я причинила им немало неприятностей. Ребекка и Беонир прикованы к стене в моей молельне, а Джайлз и Беодар томятся в подземном каземате, дожидаясь смерти. Освободи их, Наследница, пока еще не стало слишком поздно...

– Почему поздно? – испуганно встрепенулась я.

– Джайлз и Беодар уже истощены, – со стыдом призналась Кларисса. – А влюбленную пару лайил и ниуэ охраняет Кирилл со своими товарищами. Они получили приказ немедленно убить этих двоих при возникновении чего-либо подозрительного...

Не дослушав предостережений Клариссы, я подхватила свою сумку, вложила стилет обратно в ножны и покинула кабинет, выйдя через указанное зеркало. Я бежала по очередной лестнице, а вслед мне летели последние указания бывшей чародейки:

– Бойся богини Банрах, потому что, захватив мою душу, она обрела способность являться в Блентайр во плоти. Змеелику нельзя уничтожить. А если даже и можно, то никто из людей или эльфов не знает, как именно это осуществить. Банрах осторожна, она никогда никому не раскрывала свои секреты, не указывала свои слабые места...

«Ну надо же, «не знает, как!» – мысленно хмыкнула я на бегу. – Возможно, вполне возможно! Но вот с тем, что змеелика никогда и никому не раскрывала свои тайны, я точно могу поспорить...»

Они и правда ожидали меня на подступах к молельне: четверо крепких мужчин,

возглавляемые самим Киримом, мятежные охотники из леса Шорохов. Но, ведомая каким-то странным вдохновением и буквально охваченная маниакальным стремлением спасти своих друзей, я сегодня ощущала себя почти всесильной, и это не оставляло охотникам ни единого шанса на спасение. Такими мы становимся в тот миг, когда чувствуем приближение опасности, способной одним движением задуть слабую свечу нашей жизни, сведя на нет все прошлые заслуги и победы. В судьбе каждого наступает час расплаты, когда приходит время рассчитаться за все, что мы завоевали, украли или получили авансом. Именно тогда мы постигаем истинную цену любви, ненависти, дружбы и счастья. А как вы хотели? Платите – или в противном случае не берите от жизни все сразу. Не донесете!..

Тонкое чутье охотника подсказало мне: первый враг находится совсем рядом, вольготно расположившись за поворотом коридора, в каких-то двух шагах от меня. Расслабился, отвлекся, привалился спиной к стене и жует ломтик вяленого мяса. Второй затаился чуть дальше, но его выдает раскатистое дыхание невыспавшегося, утратившего бдительность человека. От третьего нестерпимо разит едким потом, а четвертый и вовсе демонстративно манкирует обязанностями дозорного: извлек из сумки запасную тетиву и озабоченно рассматривает свой лук, кстати почти бесполезный в узких, извилистых коридорах. Сам же Кири, пригорюнившись, сидит на ступеньках, ведущих к двери молельни, и томится навязанной ему бездеятельностью. А я слушаю и отлично слышу его мысли... На душе у него беспокойно. Ему боязно и тошно. Он уже понимает, что ввязался в темное дело, чреватое плачевными последствиями... И подумывает наш Кири втихушку о том, как бы сбежать в лес от греха подальше, пока руки-ноги целы да голова с плеч не полетела. А в таком паршивом настроении ну до драки ли? Короче, плохо организованные охотники уже не бойцы, пусть даже против них и выходит худенькая, невысокая девушка вроде меня... А деморализованный противник – это уже наполовину залог грядущей победы!

Я подобрала небольшой камушек и бросила впереди себя, одновременно с этим воспарив под потолок прохода. Первый охотник осторожно высунулся из-за угла, потревоженный едва различимым шумом, и тут же беззвучно рухнул на живот, получив увесистый удар по темечку, который я нанесла рукоятью стилета. Второй охотник, заметив резкое исчезновение товарища, сделал пару крадущихся шагов и упал рядом с первым, окутанный насланными мною сонными чарами. Правильно, он же так хотел спать – вот пусть и поспит!

– Эй, вонючка! – насмешливым шепотом позвала я, выманивая третьего противника. Охотник, совсем еще молодой безусый паренек, уязвленно вспыхнул и ринулся на меня, вытягивая из ножен кинжал. Очевидно, я здорово задела его самолюбие, наступив на любимую мозоль охотника.

А я и не думала отступать. Совершив прыжок ему навстречу, я оттолкнулась от пола и легко переместилась на стену... В широко распахнутых глазах охотника промелькнуло неподдельное изумление... Взяв приличный разгон, парень так и не сумел затормозить. Я ударила ногой, носком сапога поразив противника, находящегося ниже меня, точно в горло. Парень придушенно захрипел и в глубоком обмороке повалился на пол.

Я тут же перепорхнула на противоположную стену и поймала в ладонь стрелу, выпущенную четвертым охотником. Как я и предполагала, он не сумел причинить мне никакого вреда и замешкался, пытаясь снова натянуть тетиву своего большого лука, не вмещающегося в узкое пространство коридора. Я на лету ударила его стрелой в плечо, и он со стоном осел, зажимая рукой широкую, обильно кровоточащую болезненную рану, не опасную для жизни. А на ступеньках меня уже встречал Кири, угрожающе поводя лезвием короткого тяжелого клинка...

– Даже не рыпайся! – предостерегающе усмехнулась я, поигрывая небольшим огненным шариком, небрежно перебрасывая его из ладони в ладонь. – Мне потребовалось всего лишь две минуты, чтобы вывести из строя четверых твоих друзей. Думаешь, ты продержишься дольше?

На лице Кири нарисовалась гримаса печальных размышлений, а затем он медленно

убрал меч и воззрился на меня с вполне обоснованным опасением.

– Ты убьешь нас, чародейка? – спросил он делано равнодушным голосом.

Я досадливо поморщилась:

– Несколько месяцев назад, попав в храм Песка, я дала себе обещание беречь чужие жизни и никогда не убивать без смысла, просто из жестокости или ради развлечения. Мне не нужна твоя жизнь, Кирим. Я даю тебе шанс прожить ее не зря, не опускаясь до мести и не превращая себя в бездушную игрушку кровавой богини. Уходи с миром, охотник!

На губах Кирима нарисовалась несмелая улыбка. Он низко поклонился, благодаря за проявленное милосердие, и отошел со ступенек, уступая мне дорогу.

– Там... – Он неопределенно взмахнул рукой, словно хотел показать на дверь молельни, но явно боялся проделать это в открытую. – Она...

– Не трудись, – улыбнулась я. – Я знаю, кто именно ждет меня там! – Я одним скачком преодолела пять ступеней лестницы и приникла ухом к двери, прислушиваясь к происходящему за ней. Следует упомянуть, что дверь молельни имела самый обычный вид – окованная железом доска с ручкой, и этому было простое разумное объяснение...

– Где сейчас Наследница? – настойчиво вопрошал злобный, отвратительно шипящий голос, доносящийся из молельни. – Говори, тварь!

– Она тебе нужна, вот ты ее и ищи! – насмешливо выдали в ответ, и я с огромным облегчением опознала неповторимые хамские интонации своей ненаглядной Ребекки. – А мы на тебя спину гнуть не нанимались!

– Убью! – коротко пообещала шипящая.

– Кишка у тебя для этого тонка! – вызывающе рассмеялась воительница. – Кстати, не советую меня злить, хуже будет!

– Чего? – оторопела допрашивающая. – Это ты мне угрожаешь? Да как ты смеешь?.. – Она захлебнулась возмущением.

– Неуважаемая богиня, я тоже не советую вам сердить Ребекку, – в разговор встрял голос Беонира. – Предупреждаю, у нее разгон от милой зайки до жуткой стервы составляет всего полторы секунды!

– Чего?! – истошно завизжала окончательно выведенная из себя змееликая. – Да вы... Да я же вас сейчас...

Я мысленно рассмеялась, позабавленная этой трагикомедией, и, не дожидаясь последующего развития событий, решительно толкнула створку двери, вступая в молельню.

Моему взгляду, уже готовому практически ко всему, предстала невероятная картина. На стене молельни, удерживаемые туго натянутыми веревками, прикрепленными к стальным кольцам, висели мои друзья и с энтузиазмом переругивались с тьмой, клубящейся в углу помещения. Полы комнаты устилали обломки светлого мрамора, в которых я с некоторым усилием смогла опознать остатки статуи, прежде изображавшей красивого, статного мужчину. Нетрудно догадаться, кого именно...

Недолго думая, я метнула огненный шар, пережигая путы, удерживающие Ребекку. Воительница шумно грянулась на пол и уселась, с руганью потирая обожженные запястья.

– Некогда рассиживаться!.. – Я бросила ей свой стилет. – Освободи Беонира.

Лайил радостно оскалилась, ответив мне совсем уж нецензурно. Я улыбнулась. Вот что у нас за жизнь, а? Если крик души, то обязательно матом...

Тем временем тьма в углу молельни налилась чернотой и сконцентрировалась, став почти осязаемой. Она свернулась в плотный кокон и неожиданно рассеялась, выпуская наружу высокую женщину с мощной, но вместе с тем прекрасной фигурой, исполненной силы и грации. Банрах легко сошла с пьедестала, явившись нам во плоти. Вокруг ее безглазого лица извивался клубок разъяренно шипящих змей, а оканчивающиеся огромными когтями руки богини плотоядно шевелились, вождедея добычи.

– Свершилось! – громоподобно провозгласила змееликая, заставив содрогнуться потолок молельни. – Заполучив душу этой дурочки Клариссы, я смогла перешагнуть грань реального мира и явилась в Блентайр, для того чтобы покарать своих врагов...

Не дав богине договорить, Ребекка бросилась на нее, замахнувшись стилетом. Но змееликая небрежно щелкнула пальцем – и воительницу невесомо, словно пушинку, отнесло в сторону, так сильно впечатав в каменную стену, что пошли трещины. Я возмущенно вскрикнула и ударила Банрах огненным шаром, который ее только раздражил. Змееликая презрительно хохотнула и провела ответную атаку, породив молнию такой силы, что она едва не лишила меня жизни, сметя входную дверь.

– Беги, Йона! – закричала Ребекка, с трудом поднимаясь на ноги при помощи Беонира, бережно подхватившего свою невесту. – Ее невозможно победить...

А я и не пыталась! Скрывая хитрую усмешку, я кубарем скатилась по ступеням, покидая разгромленную молельню. Главное сейчас – это еще сильнее разозлить Банрах и поскорее выманить ее за собой! И мой замысел блестяще удался, ибо змееликая наивно купилась на эту уловку... Несясь по коридору, я ощущала, как качается пол под моими ногами, сотрясаемый тяжелой поступью ожившей статуи. Забыв об осторожности и бдительности, Банрах шла следом за мной, опаяя стены коридора гневным дуновением огненного дыхания. Ее вели ярость и предчувствие близкой победы, начисто лишившие богиню способности мыслить логически. Видимо, она позабыла одну немудреную истину: в бою побеждает не самый сильный, а тот, кто в нужный момент не теряет голову и превращает свои недостатки в достоинства.

Банрах привыкла считать себя бессмертной и поплатилась за собственную самонадеянность. Еще тогда, на болоте посреди Серой долины, она неосмотрительно раскрыла мне секрет своей уязвимости, уже полагая меня покойницей. Она призналась, что боится зеркал – нет, не всех, а лишь определенных, магических, находящихся в некой башне... Тогда Банрах ничем не рисковала, ибо собиралась меня убить, а мертвые секретов не выдают. К счастью, богиня просчиталась...

По пятам преследуемая змееликой, я ворвалась в кабинет Клариссы, легко пройдя через заменяющее дверь зеркало. Люди так и не сумели оценить мудрость и щедрость покинувших башню эльфийских магов, ибо это именно они великодушно преподнесли своим нерадивым ученикам прощальный подарок – защиту от богини, не способной проникнуть сквозь магическое зеркало. Побежденные спасали своих победителей – какая жестокая ирония судьбы! А может, в этом и состоит подлинное милосердие? Человеческие маги получили возможность, которой так и не воспользовались: шанс заглянуть в свои души и осознать свою истинную сущность. Недаром эльфы также оставили людям и свой мудрый девиз: «Верить в себя – опасно, не верить – глупо!», подталкивая их к размышлениям над сутью доброты и любви. Ведь зеркало, как и окно, тоже состоит из обычного стекла. Но стоит лишь добавить к этому стеклу немного серебра – и мы уже утрачиваем способность бескорыстно любоваться внешним миром, а видим в этом зеркале лишь самих себя, предаваясь самолюбанию. Зеркало отражает отнюдь не нашу душу, а лишь наши богатство и жадность. Взгляд, направленный наружу, сильно отличается от взгляда, направленного внутрь, зачастую пристрастного и необъективного. Далеко не каждому из нас дана способность успешно пройти через испытание простым стеклом. Банрах его не прошла...

Хочешь узнать своего главного врага – посмотришь в зеркало. Справишься с ним – и все остальные сбегут сами, не устояв перед чистотой твоей души. Кстати, все новое – это хорошо забытое старое. Когда-то давно люди тоже верили в силу магических зеркал и поэтому установили их в городе Ил-Кардинен, охраняя тела и души от блуждающего вокруг зла. Люди, так почему же вы разучились творить добро?... Мудрые эльфийские чародеи знали об этом несчастье и советовали людям почаще заглядывать в глубину своих душ, отыскивая там как отражение внешнего мира, так и внутренний мир. Ибо оба они неразделимы и неспособны существовать по отдельности!..

Банрах достигла первого зеркала и вдруг остановилась, замерев перед его сияющей поверхностью. На ее равнодушной, хищно вытянутой морде неожиданно прорезались глаза – огромные, зеленые, опущенные длинными ресницами. Несколько секунд богиня удивленно рассматривала свою внешность, а затем внезапно издала дикий вопль, наполненный

непередаваемым ужасом и возмущением. Зеркальная плоскость завибрировала, раскачиваемая этим пронзительным звуком, и лопнула с печальным звоном, рассыпавшись сотней осколков... А вместе с зеркалом плоть змееликой также начала покрываться трещинами и рассыпаться, словно мраморная глыба, не устоявшая под напором массивного молота.

Затаив дыхание, я наблюдала за тем, как Банрах пропадает, покидая наш мир. Вскоре она исчезла полностью, оставив после себя лишь горсть черной пыли, небрежно рассыпанной на полу кабинета. Я тщетно ломала голову, пытаюсь понять истинную причину чуда. Возможно, зло не вынесло вида собственной души – темной, отягощенной грехами – и устыдилось, поспешив покинуть наш мир? Или, может быть, Банрах увидела, насколько не вписывается она в наш бранный мир, и поэтому сбежала домой, во Тьму, руководствуясь чувством брезгливости? Боюсь, мне не суждено узнать истинный мотив ее поступка, да и, признаюсь честно, не очень-то он меня интересует. Главное заключается в том, что мы сумели победить зло: изгнали его из Лаганахара, получившего возможность раскрыться навстречу теплу, добру, свету и весне. О да, я понимаю, что спустя некоторое время зло снова наберется сил и предпримет очередную попытку завоевать наши души, но, умудренные полученным опытом, мы будем готовы к его возвращению и дадим Тьме достойный отпор! Возможно, я излишне идеализирую людей, но мне очень хочется верить в их духовное перерождение. А если я ошибаюсь... Ну что ж, лучше целиться в совершенство и промахнуться, чем метить в посредственность – и попасть!

Сопровождаемая Ребеккой и Беониром, я спустилась в подземелье Звездной башни и отперла дверь каземата смертников. На железном полу крохотной камеры мы обнаружили двоих мужчин – едва живых, отощавших до состояния скелетов. Первым из них оказался мой дорогой Джайлз – измученный, но не сломленный, лишенный кисти правой руки и своей хрустальной звезды. Его товарищ по несчастью, бесспорно, принадлежал к расе ниуэ, Белых псов, хотя он сразу же показался кем-то более значительным, чем простой воин: его худое лицо, на котором ярко сияли умные, добрые глаза, светилось врожденным благородством.

– Отец! – Беонир бросился к ниуэ и заключил его в объятия. – Отец, я смог, я успел! Я выполнил волю деда, легендарного Беовульфа, спас Лаганахар и соединил разлученные народы!

– Вот хвастун-то, а! – растерянно проворчала скромненько прижавшаяся к стене Ребекка. Кажется, впервые в жизни она утратила свою хваленую дерзость и вела себя крайне робко. – Это что, мой будущий свекор? М-да, не так я представляла нашу первую встречу...

– Мой любознательный эльф, ты пришла? – Джайлз лишь приоткрыл глаза, и тут же выяснилось: они ничуть не утратили прежнего лукавства. – Я верил в тебя и ждал твоего возвращения. Ты спасла Блентайр, и это главное. Теперь я умру счастливым...

– Ты не умрешь! – твердо пообещала я, спешно мобилизуя все свои целительские способности. – Как и отец Беонира. Я вас излечу.

– Увы, моя дорогая девочка, этого не произойдет, – печально улыбнулся молодой чародей. – Нам нужны не лекарства, а пища...

– Йона, заклинаю тебя, спаси моего отца, знаменитого воина Беодара! – слезно взмолился мой бессменный проводник, бережно баюкая распростертого на полу узника. – Без него наш народ обречен на вымирание, ибо лишится вожака, ведущего всех за собой!

– Рада удовлетворить твою просьбу! – Я извлекла из своей сумки пригоршню белых маслянистых крупинок. – Ешьте, друзья, это вернет вам силы!

– Манна небесная! Чтоб ее мантикора три раза переварила! – ликующе вскричала воительница, мгновенно опознав кушанье, ранее столь усиленно ею игнорируемое. – Ох, теперь я уже никогда не стану относиться к нему пренебрежительно. Как и... – она с обожанием посмотрела на своего жениха, – к мужчинам...

– И что же такого важного ты узнала о мужчинах? – шепотом спросила я у нее, выводя из камеры все еще слабого, изрядно пошатывающегося, но все-таки уже способного

передвигаться Джайлза.

– Ну я не ручаюсь за то, что это прямо так уж важно. Скорее всего, я выдам очередную банальность, но... – Ребекка насмешливо фыркнула, напуская на себя несерьезный вид, хотя ее глаза говорили об обратном. – Однако теперь я могу тебя заверить: мужчины – весьма странные существа. Женщинам с ними тяжело, а без них – трудно. Разница, конечно, невелика, но... – Тут она подмигнула мне настолько многозначительно, что я не удержалась от понимающего смеха. Да, следует признать, Ребекка полностью оправдала мои так давно возлагаемые на нее надежды – она стала по-настоящему мудрой женщиной, добившейся своего нелегкого, но тем не менее такого долгожданного и сладкого счастья!

До утра оставалось уже совсем немного времени, когда мы трое, позевывая, поругиваясь и неуверенно держась друг за друга, все-таки добрались до домика Ребекки. Джайлз и Беодар обосновались в королевском замке, поступив под опеку Пиолины. Как ни храбрились недавние узники, но все же они были очень слабы и крайне нуждались в присмотре целительниц, с радостью принявших на себя заботу о столь импозантных мужчинах. Встретившиеся Вильям и Кларисса сначала расплакались, а потом трепетно расцеловались, моментально позабыв прежние обиды. Воспользовавшись воцарившейся во дворце суетой, я под шумок сбежала, стремясь избавиться от необходимости объясняться с Арденом. Нет, я не струсилa, а просто сочла это неблагоразумным. Ну да, а что я могла ему сказать? Слезно признаться в любви, тем самым отвлекая от проблем Блентайра? Нет, моя гордость категорически восставала против такой идиотской сцены, нашептывая о необходимости блюсти собственное достоинство. Утверждают, что первым на примирение идет не тот, кто виноват в ссоре, а тот, кто больше дорожит отношениями. Я очень люблю Ардена и готова простить ему любую обиду, но... Он только начинает жить, и я не хочу лишать его возможности самостоятельно принимать нужные решения, это будет нечестно. Я не имею ни малейшего права претендовать на нашего молодого короля, так необходимого сейчас своему несчастному, страдавшемуся народу. Доселе разделяющие нас судьба и обстоятельства никуда не исчезли, и теперь поставив меня перед необходимостью выбора. И я сознательно выбрала независимость, так обозначив свой последующий путь и тем самым предоставив Ардену шанс лично управлять собственной жизнью. Мое сердце разрывалось от муки и обливалось кровью, хотя глаза оставались сухими. Внешне я выглядела абсолютно невозмутимой, отменяя любое подозрение в своем стрессовом состоянии. Но на самом деле все обстояло совсем не так, ведь боль, которая не вызывает слезы, заставляет плакать душу...

Итак, я покинула дворец, предпочтя ему невзрачный домик воительницы. Ребекка и Беонир с радостью отправились со мной.

– Грязновато тут у меня, да и жрать нечего, зато кресло стоит на своем обычном месте, – совершенно спокойно заявила лайил, по-хозяйски оглядывая запахивающую плесенью комнату. – И стол есть... Садитесь, что ли. Надо решать, что мы будем делать дальше.

Я очень ждала и одновременно с тем жутко боялась этого неизбежного разговора. Даже предельно напрягая воображение, я никак не могла представить, как буду просить друзей помочь мне в задуманном.

«Чтобы они еще раз прошли через все это ради меня? Нет, я не могу так поступить», – думала я, погружившись в затяжное самобичевание.

– Эй, да что с тобой, малышка? Ты сегодня сама на себя непохожа! – Ребекка вопросительно заглянула мне в глаза. – Что случилось?

– Мне нужно снова попасть в подземелье Блентайра, – уклончиво ответила я, не решаясь озвучить свое самое главное намерение.

– Думаешь, там может обнаружиться еще какое-нибудь испытание? – недоверчиво переспросил Беонир, устало наваливаясь на стол и широко зевая во весь рот. – Я, если честно, в этом очень сомневаюсь.

– Испытание тут ни при чем... – виновато потупилась я, ерзая на табурете.

– Ни при чем?! – изумленно выпалила сладкая парочка, изъясняясь слаженным дуэтом. – Но зачем тогда?

– Мне требуется повторно побывать в Серой долине, – твердо произнесла я и бесстрашно подняла на них глаза. – Я знаю, совершенно нечестно с моей стороны просить вас об этом... Особенно тебя, Беонир, ибо там ты рискуешь снова встретиться с Лютом и Золом, которых, судя по всему, не особо жалуешь... – При упоминании имен свободных ниуэ юноша сконфуженно покраснел, красноречиво подтверждая мое предположение. – Но вы ведь можете не спускаться в подвалы, а проводить меня только до начального коридора, который туда ведет. Одна я заблужусь...

– Но что тебе там понадобилось, – недогадливо прошептала Ребекка, буквально раздавленная моим страшным решением, – в этом омерзительном, гиблом месте?

– Я обещала... – замялась я, не осмеливаясь признаться во всем. Но потом устыдилась собственной уклончивости и сказала начистоту: – Я обещала вернуться и спеть погребальную песнь для Неназываемых. И хоть тресни, но я должна сдержать данное им слово.

– А песня? – поинтересовался ниуэ. – Ты сама ее сочинила?

– Нет. Одну часть мне дал Альсигир, а вторую я нашла под Куполом, когда убегала от Смертной Тени. Боюсь, конечно, двух частей текста окажется недостаточно, но это все, чем я располагаю, и выбирать мне не из чего... – Я не могла больше видеть их растерянные лица, вскочила и отошла к окну. – Простите меня. Не хотелось бы втягивать вас в новые неприятности, но... – Я сердито стукнула кулаком по гнилой раме. – Иного пути я не вижу!

– Ну что ты опять... – тихонько начала Ребекка, но Беонир ласково зажал ей рот ладонью, ибо знал нужные слова.

– Йона, мы шли за тобой через пустыню и горы, – напомнил он. – Так неужели ты сомневаешься в том, что мы пойдем за тобой в подземелье? Возможно, ты стала первой за многие столетия, кто отважился на подобное деяние – заботиться о других, тех, кто попал в беду. И если твоей доброты хватает даже на Неназываемых, то я могу лишь преклонить колено перед твоим мужеством.

– И как это у тебя получается так складно нанизывать фразы одну на другую? А, болтун? – ревниво нахмурилась воительница. – И слова-то вроде все знакомые, но ты умудряешься так симпатично их соединять...

Ниуэ со смехом притянул слабо сопротивлявшуюся девушку к себе и нежно поцеловал в висок.

– Меня вдохновляешь ты! – признался он.

– Обманщик... – смущенно пробормотала Ребекка. Но потом заметила, что их диалог заставил меня радостно улыбаться, и отбросила последние остатки робости: – Но мне это нравится...

Воительница опробовала спрятанный в камине рычаг и печально констатировала – он заржавел окончательно, придя в полную негодность.

– И как же мы попадем в подземелье? – расстроилась я.

– Положитесь на меня! – загадочно подмигнул ниуэ. – Обещаю, вы не разочаруетесь!

– Полагаю, этот наш повторный поход в Серую долину должен стать весьма неординарным мероприятием, – ровным голосом произнесла я, справившись с эмоциями.

– Это еще слабо сказано... – задумчиво пробурчала лайил, чьи воспоминания о кладбище демиургов сводились в основном к тому, что она чуть не вывихнула мне руку тяжестью своего тела и вдобавок осыпала любимого бесчисленным количеством оскорблений. – А перед походом не помешает выспаться. Вот только как я вас тут размещу? Кровать-то у меня только одна... И кресло тоже...

– Мы столько раз спали на земле, что полы твоей комнаты вполне способны посоперничать с любой, даже самой роскошной постелью! – галантно поклонился ниуэ, расстилая на полу поданное ему одеяло. – Я лягу, как пес у твоих ног, красавица! – галантно пропел он, картинно укладываясь на эту импровизированную лежанку. – Только прошу, не

вытираи об меня свои сапоги... – Он проказливо хихикнул.

Ребекка швырнула в Беонира подушку, но снова получила в ответ только негромкий, полный нежности и доброты смех. Когда я, безапелляционно отправленная на кровать, уснула, воительница поднялась из кресла и осторожно перебралась на пол, устроившись рядом с ниуэ, задумчиво рассматривающим потолок:

– Мне так неуютно там, в кресле. И одиноко...

Тут Беонир со счастливой улыбкой укрыл воительницу плащом и коснулся губами волос своей невесты, нашептывая ей сотни ласковых словечек.

– Сегодня я покажу вам нормальный спуск в подземелье! – хвастливо заявил Беонир, когда мы вышли из домика лайил. Время уже давно перевалило за полдень, погода стояла чудесная, на небе всюду светил Сол.

– А заброшенный колодец Пасть Бездны чем тебе плох? – деловито поинтересовалась лайил, захлопывая дверь и снова легкомысленно запирая ее на палочку. – Тьма с ним! – Она топнула ногой по крыльцу и чуть не провалилась, проломив трухлявую доску. – Воровать у меня нечего. Ну и невесту ты себе выбрал! – Воительница шаловливо пихнула жениха в бок. – Ни кола у нее, ни двора.

– Ну сама посуди, а вдруг кто-нибудь увидит, как ты туда залезаешь. Через люк в полу Немеркнувшего Купола! Тогда люди не только удивятся – еще и спасти тебя бросятся... Как тронувшуюся умом.

– И куда поведешь нас ты? – Воительница нахмурилась, словно воочию представила описанную картину, вообразив ее во всех красках, и ей сразу же расхотелось доказывать свою правоту.

– На улицу Терпких Ароматов. Там в одной хитрой цветочной лавке есть специфическая дверь... Она всегда на замке, конечно. Но у меня имеется отмычка... В общем, все это сложно объяснить, проще показать! – хвастливо заявил Беонир и целеустремленно зашагал вперед, увлекая нас за собой.

Я отчетливо помнила, как манила меня к себе улица Терпких Ароматов в тот знаменательный день, когда мне пришлось выбирать между пятью главными проспектами столицы. А сегодня я наконец-то ее посетила и с радостью констатировала: Блентайр возрождается! Видимо, щедрые эльфы привезли в город не только продукты, но даже благовония, раз уж здесь ничего не изменилось с тех самых пор. Ведь стоило нам сделать первый шаг, как мы мгновенно окунулись в водоворот самых приятных запахов на свете. Нежное благоухание роз соперничало с кружащим голову ароматом лилий; корица и миндаль навевали фантазии о свежее испеченной сдобе; а горьковато-сладкий мускус задевал тайные струны души.

Мы медленно брели в облаке ароматов, жадно вдыхая их, упиваясь ими и почти забыв о цели своего визита на эту улицу. Но тут сумевший не потерять голову Беонир указал на маленькую, притаившуюся между двумя широченными домами цветочную лавочку с незатейливой вывеской «Волшебный букет». Ниуэ даже не заглянул внутрь, а сразу подошел к покосившейся деревянной двери рядом с основным входом, на которой совершенно неуместно смотрелся увесистый засов – новенький и отлично смазанный. Поковырявшись в замке пару минут, Беонир бесшумно приотворил дверь и жестом поманил нас с Ребеккой.

– Это потайной ход ниуэ, – важно объяснил он. – Мы скрытны по характеру и любим передвигаться незаметно.

– Дверь так и останется открытой? – невозмутимо поинтересовалась лайил, нарочито ровным тоном маскируя владеющее ею беспокойство. – А если нас кто-нибудь выследит? Мне показалось, будто за нами идет какой-то высокий мужчина, закутанный в черный плащ...

– Да кому мы нужны! – Я успокаивающе погладила по плечу свою излишне подозрительную подругу. – Тебе померещилось.

Но воительница прямо мотнула головой, настаивая на своей версии.

– Не волнуйся, дорогая, там найдется кому закрыть за нами, – ободряюще кивнул ей ниуэ.

Вниз вела старая кирпичная лестница с выщербленными ступенями. По просьбе Беонира я зажгла факел, снятый им со стены, и в ровном пламени разглядела, что стены этого прохода испещрены древними надписями, подозрительно похожими на те, что украшали жилище жриц-хайдари.

– Чьи это письма? – шепотом спросила Ребекка, зябко передергивая плечами.

– Мы не знаем точно, хотя предполагаем... – сообщил Беонир и собрался продолжить, но я перебила его:

– Это наречие самих Неназываемых. Тех, кто построил Купол и храм Песка. Тех, кто создал весь наш мир. Они ушли из этой реальности, и никому не дано знать, вернутся ли они к нам снова...

Завороженные моими словами, друзья даже не заметили, как у подножия лестницы возникла закутанная в плащ фигура, которая отделилась от стены и преградила нам путь. Беонир первым увидел незнакомца, панически отшатнулся, но быстро взял себя в руки:

– Лют!

– Преступников всегда тянет вернуться на место совершенного ими злодеяния, не так ли, раб? – гортанно хохотнул подземный страж. – Ты уже совершил свое предательство? – Голос у ниуэ был низкий и какой-то приглушенный, а под надвинутым на лоб капюшоном я смогла разглядеть только впалый рот и ввалившиеся щеки.

– Я пришел сюда ненадолго, Лют, – спокойно откликнулся юноша, справившись со своим потрясением. – И больше уже не вернусь.

– Опять самообман! – гневно прорычал мужчина. – Рано или поздно тебя обвинят и осудят! Ты никто в Блентайре, приспешник лживой чародейки. Ты никто везде, куда проникают лучи Сола.

– Я готов называться никем, но зато теперь живу полноценной жизнью! – гордо вскинул голову Беонир. – Я сумел выполнить завет Беовульфа и...

– Теперь все ниуэ свободны, – поспешно вмешалась я. – Вы тоже можете выйти на поверхность, покинув свои подземные убежища.

– Неужели? – недоверчиво изогнул бровь Лют. – Зол обещал мне, что однажды пророчество Неназываемых сбудется, но я ему не верил. Так, значит, это блохастое ничтожество сумело искупить свои грехи?

– Не грехи! – недовольно поморщилась я. – Беонир совершил настоящий подвиг.

Лют скептически присвистнул, не склонный верить даже мне.

– Он не никто! – яростно запротестовала Ребекка и подошла к стражу вплотную. – Послушай, ты... Да будет тебе известно, что, согласно законам Блентайра, право гражданства передается вместе с браком. Если один из супругов является жителем города, то это распространяется и на его вторую половину. Так что Беонир – не никто! Он – полноценный житель столицы!

– Супругов? – Лют умолк, но тут же разразился хриплым ироничным смехом. – Какой болезнью поражен твой мозг, девушка, если ты решила стать его женой? Или ты такая же нищая, как он? Или у лайил нынче стало модно выходить замуж за ниуэ?

– Ребекка – внучка Финдельберга Законника! – выкрикнула я. – Да, она – лайил, представительница ночного народа, но не вам судить о ней!

Воцарилось неловкое молчание. Лют тяжело дышал и медленно переводил взгляд с Беонира на воительницу.

– Внучка того самого злодея Финна? А вы меня, случаем, не обманываете? – Он ошарашенно потряс головой. – Ну и ну! Удивительные дела творятся теперь в Блентайре! Так неужели ты все-таки тот, кого мы ждали столько столетий? – вымолвил он наконец, в упор глядя на юношу. – Этого не может быть...

– Ты прав. В том, чтобы стать орудием судьбы, нет ничего приятного, – понимающе кивнул Беонир. – Но если это в моих силах, я исполню предначертанное.

– Хорошо! – Страж посторонился, уступая им дорогу. – Жду приглашения на свадьбу! – Он неприязненно ухмыльнулся и исчез в темноте.

Некоторое время мы шли в молчании, ожидая, когда Беонир соберется с мыслями.

– Не все ниуэ верили в предсказание моего деда, гласящее о том, что наш народ обретет свободу после того, как мы объединимся с лайил. И конечно, никто из нас даже не мог предположить, что объединение произойдет вот так, путем свадьбы внука Беовульфа и внучки Финна. Такое событие больше всего смахивает на страшную сказку! – Беонир довольно ухмыльнулся, радуясь представившейся возможности насолить злодейке-судьбе. – Все-таки ниуэ сильно пострадали по вине Финдельберга, и поэтому подобное заявление Беовульфа не очень-то внушало им доверие...

– Да, дед был горазд на всякие злые шуточки... – Ребекка ободряюще взяла его за руку. – Но ты же не обязан им что-то доказывать...

– Я и не собираюсь этого делать! – Беонир спокойно посмотрел на свою невесту, и она понимающе кивнула в ответ. – Я люблю тебя и женюсь на тебе не ради исполнения какого-то предсказания. Да наплевать мне на эти предсказания! Ведь нельзя сделать счастливыми других, если ты не сумел найти свое собственное счастье.

Я с деланным равнодушием выслушала его заявление, ощущая, как сильно оно затронуло мою душу, наводя на весьма интересные размышления.

На сей раз дорога к Серой долине показалась мне гораздо более длинной. Конечно, нас уже не преследовала стая голодных крысокошек, и поэтому не возникло необходимости бежать со всех ног. Я даже сумела прочувствовать мистическую атмосферу этого места, ощутив, как туннель едва заметно уходит вниз, уводя нас все глубже под землю. И все же я невольно вздрогнула от неожиданности в тот миг, когда снова очутилась на каменной площадке, у подножия которой раскинулась укрытая туманом долина, ставшая последним прибежищем демиургов.

Я окинула тревожным взглядом своих спутников: Беонир и Ребекка заметно нервничали. Они крепко держались за руки, словно не верили, что могут вот так запросто стоять в этом гиблом месте без всякого вреда для себя. Кладбище Неназываемых ничуть не изменилось за истекшие месяцы: над землей клубился все тот же живой туман, скрывая от наших взглядов и разверстые могилы творцов, и покрытые серой травой холмы. Я подошла к самому краю погребальной ямы, расправила крылья и отчетливо произнесла:

– Я вернулась, чтобы исполнить данную вам клятву!

Над долиной пронеслось легкое дуновение, – то ли вздох согласия, то ли стон облегчения, – сумевшее лишь едва заметно поколебать плотный слой тумана. Похоже, здесь меня помнили и ждали.

– У меня есть Флейта Вечного Забвения и два куплета песни, которая способна... – Я сбилась. – Которая, надеюсь, способна вас пробудить. Очень хочется думать, что этого окажется достаточно...

– Подожди! – вдруг перебила меня Ребекка. На ее лице проступило выражение крайнего смущения, даже замешательства. – Куплетов вовсе не два, их три... – Она полезла к себе за пазуху и протянула мне обрывок старого, потемневшего пергамента, идеально подходящий к двум уже имеющимся у меня фрагментам. – Прости, что я так долго скрывала его от тебя!

Я молчала, онемев от растерянности. Впрочем, разве я не ожидала от Ребекки чего-то подобного?

– И ты скрывала его от нас! – потрясенно вскрикнул Беонир. – Почему? Зачем?

– Сама не знаю! – Воительница виновато шмыгнула носом. – Понимаешь, дед передал мне его перед смертью, заклиная беречь как зеницу ока. Я очень боялась, что Банрах пронюхает о его существовании, и поэтому утаила свою часть песни даже от вас. Этот кусок пергамента и стал той последней каплей недоверия, которая нас разделяла. Как же я рада, что теперь преодолела роковой рубеж! – Ребекка свободно вздохнула полной грудью и

горделиво расправила плечи. – Я сберегла эту реликвию для тебя, Йона!

Я благодарно пожала ей руку и протянула Беониру Флейту Вечного Забвения:

– Сможешь мне подыграть? Хотя предупреждаю сразу – певица из меня никакая...

Ниуэ чуть поколебался, но все-таки взял инструмент и приложил к губам. Поглядывая на три куска пергамента, я неуверенно запела, а мгновение спустя меня поддержала робкая нежная мелодия, рожденная флейтой. Пробуждающая песня плыла над кладбищем, разгоняя туман. Вскоре она закончилась, и я замолчала, напряженно вглядываясь в даль... Кого я ожидала там увидеть? Увы, ничего не произошло и на мой призыв никто не откликнулся. Я так и не сумела пробудить Неназываемых.

Глава 12

– Не сработало, – печально констатировала Ребекка. – Может, это вовсе не та песня? Чтоб ее мантикора три раза переварила!

Я уныло повесила голову, придавленная горем и разочарованная. Неужели я в чем-то провинилась, где-то ошиблась, совершила что-то не так? Наверное, я просто недостойна столь высокой миссии, порученной мне по чьему-то недосмотру или по недоразумению. Я не гожусь на роль Наследницы трех кланов! Меня терзал жуткий стыд за постигшую неудачу, последствия которой могли плохо сказаться на Лаганахаре. Теперь он уже точно никогда не станет прежним...

– Эй, а что вы сразу носы повесили? – насмешливо прозвучало из-за наших спин. Раздвигая руками клубы тумана, в долину неспешно вступил Арден. – Попытка не пытка. Или количество попыток ограничено?

– Откуда ты взялся? – опешила я, пытаюсь скрыть рвущуюся наружу радость. Почему-то я верила: если Арден теперь со мной, значит, у меня все получится!

– Шел за вами! – мило улыбнулся он. – Наблюдал. Не ожидал, что вы так быстро сдадитесь.

– Выходит, Ребекке не померещилось, – за нами и правда следили, – уважительно косясь на невесту, проворчал ниуэ.

– Кто сдался? – обиженно вспыхнула Ребекка. – Да мы это, пока еще просто распеваемся!

– Ну вот и отлично, – довольно потер руки король. – Следовательно, пора переходить к главному номеру нашего концерта. Йона, о чем бы ты хотела спеть?

– Даже не знаю... – Я нерешительно сглотнула. И тут в моей голове сами собой начали всплывать обрывки давнего разговора с Лаллэдрином и беседа с Раррахом... Кажется, они пытались донести до меня некую важную мысль о сути нашего мира. Мысль о том, что мир имеет собственные мечты и желания... Так чего же он хочет, о чем просит?

И вдруг осознание пришло само собой. Все оказалось настолько ясно и логично, что я звонко рассмеялась, вызвав широкую улыбку на лице Ардена. И как я это не понимала раньше? Мир похож на здравомыслящего, зрелого человека. Он просит не подвигов и потрясений, не войн и катаклизмов, нет – ему претит вся эта суeta и неразбериха, он изрядно устал от бесчисленных дрызг и скандалов, он по горло сыт нашим обманом и лицемерием. Мир хочет жить спокойно и размеренно. Наш мир просит мира... Вот в чем заключается его величайшая тайна!

И тогда я запела:

Мы все намучились сполна,
Уже уплачена вся вира,
Давно закончилась война,
А мир устало просит мира...

Мы заплатили за грехи

Раскаяньем, вином и житом,
От прежних благ – одни стихи,
Глоток в бокале недопитом.

Мы научились красть и врать,
Из золота сделали кумира,
Слегла на поле наша рать,
А мир устало просит мира...

Мы позабыли слово «честь»
И не храним заветы рода,
Умеем только спать да есть,
А ценим труса и урода.

Мы разучились песни петь,
Умолкла душ святая лира,
Нам не дано опять взлететь,
А мир устало просит мира...

Мы из детей растим зверей,
У нас с любовью стало худо,
Не чтим забытых алтарей
И не надеемся на чудо.

Года вершат лихой забег,
У них на все своя сатира,
Куда идешь ты, человек?
Познал ли ты законы мира?

Ты нынче стал хитер и слаб,
Не ищешь многого в едином,
Согласен ты на кличку Раб,
А раньше звался Господином.

Остановись, подумай сам,
Что жизнь, как линия пунктира,
Возносит душу к небесам
И в мир несет частичку мира...

Мой голос, высокий и чистый, плыл над долиной и, казалось, сопровождался отголосками колокольного звона. Ребечка плакала, уткнувшись в рубашку Беонира, и даже абсолютно сухие глаза Ардена сияли словно вечерние звезды. Мир затих, замороженный погребальной песней, доносящейся со всех сторон и звучащей отнюдь не как траурный напев, а скорее как гимн вечной жизни, зовущий нас на битву за торжество добра и справедливости.

Закончив петь, я еще некоторое время стояла на краю могилы, понимая, что стоит мне пошевелиться – и волшебство исчезнет навсегда. Туман неожиданно взметнулся ввысь, и из него соткались две фигуры – пожилого мужчины в длинном черном плаще, опирающегося на посох, и молодой женщины, облаченной в алую тунику. Я нерешительно подняла веки и увидела над собой, как бы через щель в двойной тьме, их удлинненные, словно лист ивы, глаза, подернутые влагой. С испугом и восторгом я догадалась, что это не сон, а просто демиурги смотрят на меня через прорези в круглых капюшонах, закрывающих головы.

Странные глаза, похожие на зарницы в ночи, мельком оглядели всех нас: взгляд их будто касался кожи, а сквозь нее – обнаженной души.

– Неназываемые благодарят тебя, Повелительница мантикор! – торжественно произнес мужчина, и эхо не имело власти над его голосом. – Мы счастливы убедиться, что ты умеешь держать слово. Теперь мы свободны и можем обрести долгожданный покой, ибо чары Банрах сгинули вместе с нею. Мы не намереваемся долго задерживаться в этом мире. Мы его покинем, но прежде ты услышишь нашу историю... Некогда, много столетий назад, мы являлись хозяевами и создателями этих земель. Мы имеем множество имен: Жизнь и Забвение, Рассвет и Закат, Тепло и Холод, Вода и Песок, – все не перечислишь, а поэтому чаще всего предпочитаем именоваться просто Неназываемыми. Шарро и Банрах появились намного позже... Они стали нашими детьми, нашими питомцами. Века ушли на то, чтобы познать их истинную сущность, но каждый раз какая-то крупница истины ускользала от нашего взора. Спустя определенное время мы поняли, что они тоже мечтают творить, и поэтому позволили им создать новые расы: эльфов и людей, ниуэ и лайил. Мы решили дать обитателям нашего мира все то, чем владели сами: знания и чувства, эмоции и сомнения, силу и ответственность... Но нас постигло разочарование. Эти новые существа оказались плохими учениками: они не желали учиться иначе, кроме как на собственных ошибках. Их развитие напоминало туго скрученную спираль, каждый виток которой лишь ненамного выше предыдущего. Но мы не оставили своих попыток... И были наказаны за свое рвение. Наши дети восстали против нас, возжелав власти и независимости...

– Мы заранее знали, что нам суждено лежать здесь до тех пор, пока мир не начнет меняться. Тогда судьба позволит нам уйти... Мы знали это... И начали строить Купол! – задумчиво продолжила женщина. – Да, в мире не существует худшей ноши, чем осведомленность о собственной судьбе, изменить которую невозможно. И мы решили избавить вас от подобного несчастья, создав пророчество...

– Но ведь тем самым вы запрограммировали и нашу судьбу тоже! – не сдержавшись, вскричал Арден.

Женщина-демиург с улыбкой посмотрела на меня, но я не протестовала, ибо уже знала ответы на все, даже еще не высказанные вопросы.

– Они подарили нам свободу выбора, – ответила я, взглядом испросив у нее разрешения. – Мы могли пойти по пути невежества – и погибнуть, а могли правильно использовать данную нам подсказку – и выжить!

– Ты говоришь верно, ибо любое знание подвержено старению, и лишь мозаики на стенах Купола сумели пережить годы Проклятой эпохи, донеся до тебя наше послание. – Неназываемая нежно, с материнской заботой, коснулась моих волос. – Ты все поняла правильно, девочка. Ты нашла раковину и флейту... Ты прошла через все уготованные тебе испытания и постигла истинные устремления мира, наделив его долгожданным покоем! Ты научилась чувствовать чужую боль и не осталась к ней равнодушна.

И только сейчас до меня дошло: мужчина, изображенный на мозаике, держал в руке вовсе не палку, а именно ее, Флейту Вечного Забвения!

– Одна из этих картин посвящена двум половинам человеческой души, первая из которых жаждет звона металла и запаха крови, а другая – тайного знания и могучих чар. Выбирая знания, люди становятся магами, живут долго, хотя быстро стареют душой, но во всех своих бедах по-прежнему продолжают винить небеса, – подхватил мужчина.

– Если же человек следует зову долга, то он выбирает стезю воина, бескорыстного защитника обездоленных, и уже никогда не стареет душой. Но при этом он вечно вынужден обуздывать себя, дабы не навредить другим, ибо грань между силой и насилием очень тонкая, немногим дано ее почувствовать. Король Джоэл тоже был воином, но не сумел избежать соблазна насилия. Поэтому герб эльфийского государства стал постоянным напоминанием о необходимости здраво соединять силу и знания, соединять воинов и чародеев, дабы они сообща хранили мир во всем Лаганахаре. А когда их симбиоз нарушился, мир погрузился во тьму и оказался на краю гибели...

– Так вот почему на мозаике изображены звезда и меч, разделенные красной линией разлома! – осенило меня. – Разделенные войной! А теперь...

– Теперь ты снова соединила все вместе! – с радостью признала женщина. – Души и тела, воинов и чародеев, разлученные пары и поссорившихся друзей. Вы уже готовы к самостоятельности, ибо с сегодняшнего дня вам предстоит стать полноправными хозяевами своего мира и придется заново строить свою жизнь, используя полученный опыт и отказавшись от нашего наставничества.

– А вы?.. – удивилась я. – Выходит, вы нас бросаете?

– Мы устали от безделья, – почти виновато вздохнула женщина. – А посему хотим попутешествовать и развлечься, создать новые миры и понаблюдать за ними. А Лаганахар мы оставляем на тебя, Наследница. – Она подмигнула мне с сочувствием и лукавством. – Тебе предстоит тяжелая работа по его восстановлению, но мы уверены – отныне он в надежных руках!

– Не разочаровывайте же нас, дети! Иначе мы вернемся и спросим с вас за все! – сурово пригрозил мужчина. – Ведите себя разумно и не повторяйте уже совершенных ошибок. Мы отнюдь не случайно выбрали для вас испытание бедами и смертью, и сейчас констатируем – оно оказалось вполне обоснованным и весьма результативным. Вы были на волосок от гибели и буквально вытащили себя из пропасти тьмы и зла, а значит, в дальнейшем станете еще больше ценить то, что завоевали потом и кровью. Прощайте! – Он высоко поднял посох и с силой вонзил в туман, клубившийся у его ног...

В тот же миг серая пелена взметнулась до небес, превратившись в сплошную, непроницаемую стену, внутри которой чувствовалось какое-то движение. И внезапно все исчезло... Под уступом, на котором мы стояли, отныне расстилалась идеально ровная, покрытая серой травой долина без единого намека на могилы, холмы и туман. Неназываемые ушли навсегда, оставив Лаганахар нам, а мы растерянно молчали, подавленные осознанием глобальной ответственности, которую демиурги возложили на наши плечи, вручив нам судьбы, жизни и мечты, обретшие реальность...

Следующие две недели стали сущим наказанием как в физическом, так и в психологическом смысле, вымотав меня окончательно. Клянусь, такого количества проблем и хлопот не сваливалось на меня еще никогда в жизни, даже за весь прошедший год, предельно богатый на события. Ведь то, что досталось мне теперь...

Мы с Арденом довершили обновление мира, избавив Лаганахар от всех зримых и незримых, даже самых мельчайших следов губительного присутствия Пустоши. Мы вонзили в землю у ворот Блентайра два волшебных меча, разверзнув огромную яму, которая начала жадно поглощать песок, затягивая его в свои глубины. Надеюсь, он вернулся туда, где ему самое место, – в пустыню, восстановив ее нормальное состояние. После того как песок исчез бесследно, мы извлекли обратно мечи Лед и Гром, и впоследствии я вернула клинки их законному наследнику – малышу Арциссу Второму, надеясь, что он вырастет настоящим воином, достойным памяти своего великого деда. Следует пояснить, что, упав к подножию Звездной башни, клинки ничуть не пострадали, а вот Венец Силы, наоборот, разбился вдребезги, чему, если честно, я была только рада. Мне как-то привычнее надеяться на саму себя, а не полагаться на защиту невидимой короны.

Таким образом, факт очищения Лаганахара следовало считать свершившимся: песок ушел, освободив город, терпеливо выдержавший его долгую осаду, и обнажил поля, уже покрывающиеся первой зеленой растительностью. Лаганахару срочно требовалась вода, и я дала ему необходимую влагу, с помощью своей раковины наполнив пустую котловину озера Аррун. Впадающая в него певучая река Алларика стала еще полноводнее, чем раньше, и щедро напоила все королевство. Откуда-то появились насекомые и мелкие животные, сумевшие пережить холод и засуху, и начали размножаться с невиданной скоростью. Лаганахар торопился жить и любить, раскрываясь навстречу теплу и свету. Деревья вырастали сами собой, покрываясь молодыми клейкими листочками, за считанные дни трава

поднялась и окрепла, повсюду цвели цветы и пели птицы. Поля обещали дать к осени особо богатый урожай, еще не виданный в наших краях. Раны зарубцовывались, люди оттаяли сердцами, а все плохое осталось в прошлом. На мир снизошли покой, благоденствие и процветание.

На главной площади столицы я воздвигла странную статую, имеющую вид двух женщин-лайил, пронзающих друг друга остро отточенными клинками. Добро убивает зло, зло убивает добро. Вечная борьба двух противоположностей... Так я почтила память Веершир, выполнив данное ей обещание – мир ее не забудет. Парадоксально, но жители города не только поняли, но и одобрили мой душевный порыв: у постамента статуи постоянно лежали живые цветы, приносимые неизвестно кем...

В Блентайр приехала чародейка Люцита, причем не одна, а в сопровождении Дазнара и его жены Илены, за спинами которых нерешительно переминался Кирим, пожелавший поступить на службу в городе. Его назначили главным королевским егерем, и теперь новоиспеченный вельможа пыжился от гордости, постоянно смущая меня благодарными, откровенно обожающими взглядами. Люди из лесной деревни пригнали табуны лошадей и коров, предназначенные в дар столице. Кларисса долго просила у матери прощения, а получив его, облегченно расплакалась от счастья и умиротворения. В королевском дворце воцарились взаимопонимание и благополучие.

Кстати, оба эльфийских клана тоже прибыли в Блентайр, подгоняемые Железным Драконом, несущим на себе целый ворох всевозможных подарков и припасов. Люцита наконец-то познакомилась со своим отцом – королем Адсхорном, а взволнованный Горм – с сыном Дазнаром, коим он безмерно восхищался и хвастался без передыха, доводя до истерики каждого, кого сумел заполучить в собеседники. Турран достал из тайника свою певучую наковальню и снова открыл кузницу, где изготовлялось не оружие, а всевозможные украшения, щедро усыпанные драгоценными камнями из личных припасов Железного Дракона. Галалиэль, добрая супруга кузнеца, заново начистила свои знаменитые медные котлы и готовила в них угощение, коего требовалось очень много...

Ах да, насчет угощения! А куда же без него, если в Блентайре разразился настоящий свадебный бум! Столица с нетерпением ожидала грядущего бракосочетания принцессы Лорейны и Ульвина Песенника, поскольку король Адсхорн не отказался от данного мне обещания и благословил молодых. Венчать эту прекрасную пару предстояло брату Флавиану, точнее, настоятелю Флавиану, который тоже пережил сей страшный голодный год и, к моей величайшей радости, получил предложение возглавить новую обитель, названную именем пресветлого бога Шарро. Следующими ожидающимися своей очереди женихом и невестой были конечно же Ребекка и Беонир, по сто раз на дню то целующиеся, то ругающиеся. Возможно, многим их союз казался странным и противоестественным, но только не вышедшим из подвалов ниуэ и не клану лайил, принесших присягу новому королю Блентайра. Что же касается самой воительницы, то она просто лучилась от счастья, став еще прекраснее и хулиганистее.

Готовилась к замужеству и наша храбрая Элали, сумевшая очаровать благородного князя, который при личном знакомстве оказался чрезвычайно умным и приятным в общении мужчиной средних лет. Очаровательная куртизанка гарцевала по городу на славной белой кобылке, преподнесенной ей Люцитой, вызывая восхищение всего Блентайра. А титул названной сестры короля, дарованный ей Арденом, чуть не поверг Элали в экстаз, ведь благодаря этому она становилась ровней своему будущему мужу, отныне обязанному всегда и во всем считаться с мнением умопомрачительно красивой и сановитой невесты.

Я испытывала бесконечную благодарность к Железному Дракону, ведь он не только привел в город Полуночных эльфов, но также принес и чрезвычайно приятное известие. Бывшие хайдари успешно обосновались в степи, влившись в племя достопамятного Самира аль-Фаруха, а Сатари даже вышла за него замуж и сейчас ожидала ребенка. Она прислала мне привет и пожелание удачи. У великого змея Нага появилось многочисленное потомство, выполняющее при людях роль сторожей и охотников, умело загоняющих дичь. А еще все

дети Нага немного побаиваются верблюдов, что делает их крайне смирными и покладистыми существами. Но самым лучшим подарком Железного стала некая особа, за которой по моей специальной просьбе дракон снова слетал в степь и вскоре вернулся, неся на себе женскую, закутанную в белую вуаль фигурку...

— Ах! — только и сумел выдохнуть совершенно выздоровевший Джайлз, когда гостя сняла покрывало и перед нами предстала Атта — подруга его детства, робко зардевшаяся, словно маков цвет. — Это ты, любовь моя!.. — Он схватил девушку в объятия и осыпал сотнями поцелуев.

После того как вызванное встречей возбуждение поутихло, друг доверительно отвел меня в сторонку и спросил:

— Йона, чем я могу тебя отблагодарить?

— Пожалуйста, сними с меня груз забот о гильдии Чародеев! — честно призналась я.

— Но как?.. — непонимающе вскричал Джайлз.

Я торжественно произнесла тщательно подготовленное мною заклинание, которое долго искала в библиотеке магов, и отрубленная кисть юноши мгновенно отросла, засветившись волшебным голубоватым сиянием. А затем я сняла с себя Звезду моей души и повесила на шею Джайлза, который от изумления не мог произнести ни слова.

— У нас имеется Звездная башня и несколько молодых магов, готовых образовать обновленную гильдию Чародеев, — спокойно пояснила я. — Умоляю, избавь меня от этой обузы и стань их главой. Я не чувствую в себе ни малейшей склонности к этой обременительной должности.

— А как же ты? — Чародей любовно погладил хрустальный амулет, ответивший ему радужными переливами. — Ты одарила всех, осуществила наши заветные мечты. Ты обо всем подумала и все устроила. Так что же получишь ты сама?

— Это! — весело рассмеялась я, обводя руками Блентайр, оживленный и многолюдный. — Просто мир!

— А Ардена ты кому отдашь? — тихонько добавил маг, краснея от допущенной им бестактности. — Неужели откажешься и от него?

— Откажусь! — строптиво закричала я, чувствуя, как просится наружу давняя боль, тупой иглой засевшая в моем сердце. Мне срочно требовалось поделиться своими переживаниями, излить то, что накопилось в душе, а поэтому я пошла на поводу у эмоций и поведала Джайлзу все. Рассказала правду о своей роковой любви, о клятве, данной королеве Эвнике, об Эвридике, о воскрешении Ардена... Мое мнимое спокойствие слетело с меня будто маска, обильно излившись слезами. — Я не стану вешаться ему на шею! — рыдала я. — Я выбираю свободу!

Джайлз непонимающе покачал головой, но не посмел возразить и не отказался от возложенной на него миссии. Таким образом, мы, сами на то не напрашиваясь, обрели случайный дар судьбы: у нас имелась своя гильдия Чародеев, разместившаяся в Звездной башне, взятой под защиту народом ниуэ, которые стали ее официальными охранниками. Лаллэдрин, призванный в Блентайр в качестве почетного гостя и учителя, быстро подружился с Джайлзом и давал ему уроки магического мастерства, искренне нахваливая таланты и достоинства своего молодого коллеги. Мы отменили закон, запрещающий чародеям жениться, и уже предвкушали, как замечательно погуляем на свадьбе Атты и Джайлза, которая должна была состояться в самом ближайшем будущем.

— А знаешь, я ведь все-таки нашел дом из своего детства, который до настоящего времени искал долго и безуспешно, но часто видел во сне! — признался друг, прогуливаясь со мной по улицам Блентайра.

— За стеной королевской резиденции? — проказливо уточнила я, угощая его ломтем хлеба с медом, купленным у ушедшей базарной торговли.

— Ну вот, ничем-то тебя не удивишь, Наследница! — слегка обиделся друг, с наслаждением чавкая и облизываясь.

— Прости, что твой сюрприз не удался, но моя прозорливость объясняется не чарами, а

обычной логикой, – поспешно извинилась я. – Если ты до сих пор не смог найти этот дом в городе, значит, он находится там, куда ты ранее не имел возможности попасть. То есть на территории королевского комплекса!

– И то верно! – рассмеялся друг. – Все гениальное просто. Я обследовал дом и опознал все его комнаты, даже ту, – маг печально вздохнул, – где стояли гробы с телами моих умерших родителей. А затем я посетил королевский архив и откопал там чрезвычайно занимательный документ... – Он замолчал, испытывая мое терпение.

– Не томи! – усмехнулась я.

– В общем, я выяснил, что мой отец доводился родственником королю Вильяму, носил титул герцога и скончался отнюдь не от эпидемии оспы, как это считалось ранее. Он изменил моей матери, полюбив прекрасную Эйбро, жрицу-лайил из храма змееликой...

– Матушку Ребекки! – ахнула я и выронила недоеденную булочку. – Так, значит...

– Ага! – интригуяюще ухмыльнулся Джайлз, наслаждаясь моей бурной реакцией. – Эйбро забеременела и родила дочь – внебрачную наследницу великого герцога. Богиня Банрах провела об этой незаконной любви и послала своих воинов, приказав им убить всех – моего отца, мать и свою легкомысленную жрицу. Выжили только я да еще Ребекка, укрытая своим дедом.

– Помню, она как-то говорила о том, что не помнит своих родителей, умерших от болезни, – задумчиво промолвила я. – Так вот в чем тут дело!

– Меня приютила Кларисса, пожалев мальчугана-сироту, происходящего из королевского дома. Я недавно с ней побеседовал, и она рассказала мне обо всем.

– Получается, ты не только глава гильдии, но и ближайший родственник нашего короля. – Я церемонно поклонилась Джайлзу. – Примите мои поздравления, сьерр герцог!

– Троюродный брат короля, полноправный член правящей династии! – немного растерянно уточнил чародей. – Обалдеть, да? Кстати, как и наша неповторимая Ребекка!

Что касается Ардена, то он и не думал отказываться от свежееиспеченных родственников, наоборот, наделил их титулами и именами. Так, наша бедная воительница стала графиней и обладательницей огромного дома в центре столицы, обслуживаемого толпой слуг. Лайил долго отказывалась поверить в произошедшую с ней метаморфозу и все порывалась вернуться в свою любимую хибарку, поскольку прочно свыклась с положением «ни кола ни двора». Клан лайил быстро сплотился вокруг своей новой предводительницы, очарованный щедростью и добротой короля. Ниуэ же навечно помирились с лайил, намереваясь совместно повеселиться на свадьбе своих героев. Пьянка намечалась просто грандиозная!

Новая жизнь Блентайра складывалась так, что отныне мы уже не делились на ниуэ, лайил, людей и эльфов, никого не убивали, не бросали детей и стариков на произвол судьбы, а взаимно заботились друг о друге. Церемонию выбора учеников упразднили за ненужностью, заменив экзаменами. Теперь каждый ребенок получал возможность вступить в выбранную им гильдию, пройдя проверку своих знаний и склонностей. Клану Полночных и Полуденных эльфов не выразили желания вернуться в Блентайр навсегда, но обещали часто навещать город, установив с нами прочные торговые и дипломатические связи. И эти связи срочно требовалось закрепить!

Как я уже упоминала, в Блентайр также прибыл и мой батюшка, сопровождаемый выводком дочерей – одна другой краше. Полночный клан намеревался всерьез и навечно помириться с людьми, а для упрочения принесенных клятв Ардену предлагалось жениться на одной из эльфийских принцесс, выбрав ту, которая ему приглянется. Вельможные эльфы предпочли остановиться вне городских стен, установив на берегу озера Аррун огромные шелковые шатры, крикливо поблескивающие под яркими лучами Сола. Эскорт короля Кантора щеголял самыми невообразимыми нарядами, эпатируя отставших от моды горожан. Каждый день здесь устраивались торжественные приемы, а по вечерам мои сестрицы закатывали шумные балы, беззаботно отплясывая с придворными Ардена и стремясь завоевать сердце молодого короля. Каждая из этих прелестниц оказалась не прочь занять

трон Блентайра, а поэтому между ними установилось нешуточное соперничество.

Старый портной Иоганн, посетивший это прибежище веселья и роскоши, издал несколько нечленораздельных возгласов, как следует рассмотрев наряды эльфийских принцесс, и торопливо отбыл обратно в город, унося с собой свертки драгоценных тканей, коробки с перьями и целый ворох кружев. В его мастерской закипела срочная работа, не прекращающаяся ни днем, ни ночью. От старого мастера потребовали сшить кучу свадебных нарядов, за изготовление которых он и взялся, проявив завидный энтузиазм, выдумку и вкус. Блентайр замер в ожидании, предвкушая грядущие свадебные торжества. И куда бы я теперь не заходила: на рынок, в порт, в дома знакомых, – всюду обсуждался один и тот же животрепещущий вопрос: какую из принцесс выберет король Арден, дабы назвать ее своей женой?

В тот день я поднялась спозаранку и спешно покинула отведенный мне флигель, готовясь нанести несколько прощальных визитов. На завтра была назначена свадьба Ребекки и Беонира, а затем я намеревалась тайно оставить Блентайра, чтобы никогда уже в него не возвращаться.

Несмотря на ранний час, в главном шатре моего отца царили суматоха и беспорядок. Сидевший за столиком Кантор растерянно перебирал три прекрасные короны, видимо тщетно пытаясь решить, которую из них ему следует надеть на завтрашнее торжество. Я удивленно фыркнула, озадаченная подобными хлопотами. На мой взгляд, великому королю Полночного клана не подобало проявлять столько внимания к свадьбе каких-то ниуэ и лайил, поскольку вопрос замужества его собственных дочерей оставался нерешенным и по сей день.

На пороге королевского шатра я столкнулась с Арденом, хмурым, словно грозовая туча. Похоже, сегодня повелитель Блентайра поднялся еще раньше, чем я, ведомый каким-то личным интересом. Арден одарил меня косым, сердитым взглядом и быстро выбежал вон, что-то бурча на ходу. Кажется, я расслышала пару весьма неприличных ругательств...

– Что это с ним? – осведомилась я у отца, не отводящего взора от сияющих алмазами и рубинами корон.

– Характер! – исчерпывающе пояснил Кантор, не глядя на меня. – Весь в Джоэла Гордого пошел... Кому-то он в мужья достанется?... – Вопрос прозвучал риторически, и я на него не прореагировала.

– Которая? – спросил отец, по-прежнему не отвлекаясь от корон.

– Любая, – лаконично ответила я. – Они все хороши!

– Я говорю о своих дочерях! – хмыкнул король.

– Любая! – не повелась на провокацию я. – Они все хороши!

– А что, тебя этот вопрос совершенно не волнует? – Отец всем корпусом развернулся в кресле и выжидающе уставился на меня.

– Ничуть! – спокойно сообщила я.

Черные брови короля потрясенно поползли вверх.

– Не верю! – скептически фыркнул он. – Ты притворяешься, дочь моя!

Я равнодушно пожала плечами, даже не пытаясь с ним спорить. Да и не было у меня желания что-либо объяснять ему или доказывать. Тоже не поверит. Он ведь сам рассказывал о том, что эльфы – однолюбы и выбирают себе пару единожды в жизни... Но любовь любовью, а интересы государства я ставлю намного выше личных притязаний. Надеюсь, Арден мыслит точно так же. А что же касается чувств... Любимого человека нельзя забыть, можно научиться жить без него. И мой батюшка отлично об этом знает...

Несколько дней назад, не увлекаясь деталями, я скупо поведала отцу о гибели Эвридики. Король немного взгрустнул, но скоро взял себя в руки. Кстати, ничего удивительного: о гадкой натуре своей старшей дочери он был осведомлен ничуть не хуже меня.

– Когда бог Шарро раздавал эльфам мозги и совесть, Эвридика стояла в очереди за

грудью, – довольно цинично пошутил он. – Но груди быстро закончились, поэтому ей достались лишь стервозность и заносчивость, не пользующиеся у нас особым спросом. Как бы там ни было, но мертвых уже не вернешь, подумаем о живых!

– Я зашла попрощаться, – откровенно объявила я. – После свадьбы Ребекки и Беонира я покину Блентайр и поселюсь на перевале Косолапого Медведя, в бывшем доме сестер-отшельниц.

– Одна? – ахнул батюшка.

– Полагаю, я уже достаточно взрослая и независимая, для того чтобы самостоятельно вершить свою судьбу! – едко хмыкнула я. – Собираешься меня отговаривать?

– Тебя? – Король выглядел испуганным. – Да... Нет... Не знаю...

– Вот и отлично! – Я благодарно поклонилась и зашагала к выходу из шатра.

– Постой, послушай меня, ведь Арден хочет... – надрывно закричал отец мне в спину, но я только небрежно взмахнула рукой:

– Не хочу ничего знать о том, чего там замыслил Арден!

На пороге я чуть не налетела на заходящую внутрь Эврибиду, глядящуюся в ручное зеркальце и любующуюся собственным отражением.

– Ах, и кому такая неземная красота в жены достанется? – самовлюбленно ворковала сестрица, обращаясь к самой себе.

– Дай ему бог терпения и здоровья! – иронично добавила я и зашагала к городу, услышав позади восхищенный смех отца и гневное шипение сестры...

В столице вовсю кипела обычная утренняя жизнь. Грохотали телеги на камнях мостовой; зычно перекликались спешащие на рынок кумушки, делясь свежими сплетнями; народ взад-вперед сновал по узким улочкам, пихаясь, пересмеиваясь и здороваясь. Я миновала квартал порхающих, мысленно иронизируя над своими прежними страхами перед этой гильдией. Прощаясь с прошлым, я даже не отказала себе в удовольствии повнимательнее рассмотреть «обитель красоты и разврата», столь пугавшую меня в детстве.

Дома, стоящие по обе стороны улицы Сладких Поцелуев, были выполнены в одинаковом, очень изящном стиле – края крыш загибались кверху, а по углам к ним подвешивали красивые бумажные фонари, в большинстве своем ярко-красного цвета. Большие окна на втором этаже имели внушительные размеры, ровно в два раза превосходя рост взрослого человека. Именно там красавицы-куртизанки пили вечерние напитки, тем самым зазывая клиентов, демонстрируя им свои наряды и изящные манеры. Сейчас, по причине раннего времени, все окна были занавешены тяжелыми парчовыми шторами пестрой расцветки, а обитательницы вычурных домиков спали сладким сном. Стены зданий украшали гипсовые цветочные гирлянды и птицы. Одним словом, все выглядело очень заманчиво, как и положено. Я прошла мимо высокого белокаменного особняка, беззвучно пожелав счастья обитающей в нем Элали. Надеюсь, уж она-то меня понимает. Кому как не куртизанке лучше других знать о том, что в жизни нет ничего проще, чем усложнять себе жизнь!

Наверное, я никогда не устану восторгаться Блентайром, его живостью и суетой, его идеальной гармоничностью и вопиющим диссонансом, красками, криками и удивительной выносливостью. Теперь он не умрет даже без меня, я в этом уверена. Достигнув рынка, я обнаружила, что лавки уже открыты, а сапожники, оружейники, кабатчики, портные и бакалейщики выставили у своих дверей зазывал, которые, надрывая глотки, заманивают покупателей. Те же, кто был слишком беден, чтобы открыть собственную лавку: согнувшиеся под грузом тряпья старьевщики, разливающие жир продавцы свечей, разносчики воды или торговцы вафельными трубочками, – размещали свои прилавки прямо посреди толпы и орали еще громче. Крестьяне толкались рядом с разодетыми в пух и прах горожанами, разевая рты и пяля глаза на прекрасных дам, придирчиво выбирающих цветы и благовония. При этом все они с видом знатоков судачили о назначенной на завтра свадьбе и тратили деньги в трактирах, где бочки опустошались с невиданной скоростью.

Изголодавшиеся, истрадавшие люди жаждали хлеба и зрелищ, постепенно отходя от бед и потрясений. Но больше всего меня радовал один очевидный факт: все мы верили в то, что в Блентайр вернулись старые добрые времена, вернулась атмосфера праздника и доброжелательности, как это было еще до войны. Наш мир обрел мир!

В роскошном особняке Ребекки дым стоял коромыслом. Конечно, не в буквальном смысле, но, очутившись в охватившем дом бардаке, я насмешливо покачала головой и поднялась в личные апартаменты подруги, надеясь хоть немного ее поддержать и успокоить. Уж если не магией, то хотя бы настойкой из корня валерианы.

В прихожей я повстречала предельно расстроенного Иоганна, на все лады клянущего строптивую графиню, бесцеремонно выставившую его вон. Портной рассказал мне о том, что воительница ни в какую не желает надевать сшитое им платье и намерена сочетаться браком с любимым в любимом кожаном жилете. Ужас, кошмар, скандал! Единственное, на что он смог ее уломать, – это новые сапоги. Белые, с бантиками!.. В этот момент из спальни воительницы выскочила заплаканная горничная и опрометью бросилась вниз по лестнице. Я успела схватить девушку за рукав и испытующе всмотрелась в ее панически расширенные глаза:

– Что здесь происходит?

– Ее светлость велели их не беспокоить! – испуганно всхлипнула девушка. – И не нервировать, а то ей и так уже трупы прятать некуда!..

Я громко расхохоталась и решительно распахнула дверь спальни...

Ребекка сидела за столом – сердитая, неумытая и непричесанная. В кисейной ночной рубашке, из-под которой вызывающе высывались ее новые лаковые белые сапоги, украшенные кокетливыми атласными бантиками. Воинский обруч лайил небрежно валялся поверх кучи скомканных и разорванных бумаг, а сама Ребекка сердито грызла порядком обтрепанное гусиное перо и сдавленно рычала сквозь зубы. Письменный стол и пальцы ее светлости были щедро заляпаны чернилами пронзительно-голубого цвета.

– Мемуары пишешь? – кивнула я на лежащий перед подругой лист бумаги, спихнула со стула прелестную свадебную вуаль, расшитую крупными жемчужинами, и под села к столу.

– Хуже! – трагическим тоном сообщила подруга, с ненавистью косясь на свой подвенечный головной убор. – Клятву, которую должна буду завтра произнести перед алтарем. Чтоб ее мантикора три раза переварила!

– Все так плохо? – смешливо фыркнула я, любуясь мрачным лицом воительницы.

– Да, на мой взгляд, нет. – Ребекка выплюнула изо рта обрывки пера и уставилась в свои записи. – Ну я клянусь, что никогда не убью Беонира, даже если мы поссоримся, и не стану называть его лохматым и блохастым. Йона, скажи, разве это не самое главное в семейной жизни?

– Пожалуй, ты права! – многозначительно хмыкнула я. – А ты с кем-нибудь еще советовалась насчет того, в чем обычно клянутся перед алтарем?

– Советовалась! – нехотя призналась подруга, озабоченно морща лоб. – Заходил тут один молодой маг, посланный Джайлзом. Назвался опытным летописцем и графологом...

– И что? – заинтересовалась я.

– Да ничего! – Лицо лайил перекопилось от гнева. – Он попросил на изучение образец моего почерка, обещав на основании его выявить основные черты моего характера!

– И? – Я заинтригованно подалась вперед, ожидая услышать нечто сногшибательное.

– Сказал, что я злая и агрессивная! – обиженно сообщила подруга, воинственно тыкая в бумажный листок острым кончиком пера. – У-у-у, бестолочь чародейская!

– А что ты с ним после этого сотворила? – Я затаила дыхание от предвкушения.

– Вестимо чего, – исчерпывающе рявкнула Ребекка. – По шее ему наkostenяляла! За вранье!..

В соседней комнате мучился Беонир, озабоченный той же самой проблемой – написанием супружеской клятвы.

– Здравствуй, Йона! – обрадовался ниуэ, увидев меня. – Ты-то мне и нужна. Подскажи, пожалуйста, как следует писать правильно: «какаешь» или «какаишь»?

– Тьма! – негодуяще вскричала я, выхватывая из рук юноши черновик клятвы и недоуменно в него вглядываясь. – Ты в чем таком собираешься клясться своей невесте?

«Какаяшь ты красивая!» Именно так начиналась будущая речь жениха...

Я вприпрыжку выбежала из дома Ребекки, пребывая в отличном расположении духа и посмеиваясь. Теперь у меня не оставалось ни малейших сомнений в том, что союз двух самых дорогих для меня друзей станет необычайно счастливым и прочным, ибо их любовь возникла с первого взгляда и обязательно продлится до последнего вздоха!

Однако в моем прощальном маршруте имелся еще один памятный уголок, который я непременно намеревалась посетить. Это был переулок Кинжалов – грязная узенькая улочка, окруженная старыми приземистыми домами. Настоящий злачный закоулок, неприглядный и опасный, но зато именно там я встретила бога Шарро, открывшего мне глаза на многие происходящие в Блентайре события. И теперь я очень не хотела покидать город, не повидавшись еще раз со своим небесным заступником и спасителем. К повторной встрече меня подталкивало чувство вежливости, а еще острое желание то ли похвастаться успехами, то ли поплакаться о неудачах...

Кривоватая скамеечка стояла на прежнем месте. Я опустила на шероховатые доски и задумалась, мысленно иронизируя над своей дремучей наивностью. Ишь о чем размышлялась, простушка деревенская, – чтобы бог сошел с небес и поблагодарил тебя за все подвиги, совершенные во имя добра и света! Да разве боги имеют привычку по-простецки болтать со своими нерадивыми чадами, да к тому же...

Неожиданно я громко охнула, не смея поверить собственным глазам. Вторая половина скамейки, еще миг назад пустая, внезапно оказалась занята высокой худощавой фигурой, облаченной в черный плащ. Непонятно откуда появившийся гость откинул капюшон, являя мне свое красивое лицо, несомненно принадлежащее мужчине благородного происхождения в самом расцвете лет. Я ошеломленно разглядывала его высокий чистый лоб, огромные глаза миндалевидной формы, изящно-впалые щеки и высокие скулы, окаймленные черными кудрями. Он чем-то напомнил мне и Ардена, и Кантора, и Джайлза, и Лаллэдрину, и даже брата Флавиана...

– Да, все закономерно, ведь во мне живет часть души каждого из вас! – с улыбкой подсказал бог, отвечая на мой невысказанный вопрос. – Здравствуй, дитя мое!

– Пресветлый Шарро! – Я вскочила со скамьи и учтиво поклонилась, но бог ласково погладил меня по голове и попросил сесть обратно.

– Благодаря тебе я снова обрел свой истинный облик, – подтвердил мою догадку Шарро. – Я пришел сказать спасибо. Отныне добро снова ценится и уважается, оно открыто живет в Блентайре, свершаясь в каждом его доме, на каждой улице! В каждом сердце!

– Пожалуйста! – смущенно пробормотала я, радостно краснея и опуская глаза.

– Видишь, вот ты и добилась всего, чего хотела, – лаконично напомнил мне бог. – Встретилась с Арденом, нашла Колокол Судьбы, раскрыла все тайны Блентайра и спасла Лаганахар. Какой награды ты желаешь за свои подвиги, девочка?

– Я? О... – Я ненадолго задумалась, а потом откровенно призналась: – Да я даже и не думала о какой-то награде. Я всегда считала, что добрые дела нужно творить бескорыстно, ради восстановления мира и справедливости.

– Похвально! – степенно кивнул Шарро. – Я тоже так считаю. У тебя есть планы на будущее?

– Есть! – с готовностью отозвалась я. – Я намереваюсь поприсутствовать на свадьбе Ребекки и Беонира, а затем покину Блентайр и найду себе постоянный дом, мой собственный дом...

– Ах, как же я мог забыть – эти враги женятся! – совсем по-мальчишески хихикнул Шарро. – Вот уж точно сладкая парочка. Она – огонь-девка, а он – бревно бревном.

Идеальный материал для создания прочного домашнего очага!

– Ну зачем вы так прямолинейно их высмеиваете! – для виду запротестовала я, мысленно с ним соглашаясь. – Я уверена, у них все получится. Ребекка обещала окружить Беонира заботой и лаской.

– И как ниуэ намеревается выходить из этого окружения? – проказливо усмехнулся Шарро. – А впрочем, я искренне рад за них обоих. Свадьба друзей – отличный финал для завершения третьего этапа твоей жизни, Йохана...

– О каких этапах вы говорите? – недоуменно переспросила я.

– Ученица гильдии Чародеев, чародейка, Наследница, – дотошно перечислил бог, загибая пальцы для наглядности. – Ты сама определила эти этапы, тремя словами отвечая на вопросы, которые задавал тебе дух короля Арцисса в Немеркнущем Куполе. Эти ответы стали важнейшими вехами твоего жизненного пути. Ты успешно преодолела все этапы – теперь тебе пора отдохнуть!

– Так неужели в моей жизни больше не произойдет ничего хорошего? – разочарованно воскликнула я. – Я так и не обрету счастье?

– А что оно такое, это счастье? – провокационно усмехнулся бог. – Ты уже постигла его суть и смысл? И знаешь, как заставить его двигаться быстрее?

Я невольно вздрогнула всем телом, ибо с умыслом или случайно, но сейчас Шарро повторил вопрос, заданный Арденом еще тогда, во сне, увиденном мною в пещере Неназываемых.

– Кажется, сегодня я готова ответить. – Я тщательно взвешивала каждое слово, будто сдавала последний, самый ответственный экзамен. – Нужно не завидовать счастью других и не заикливаться на собственном эгоизме. И тогда твое личное счастье когда-нибудь тоже к тебе придет, если ты сумеешь его приручить и убедишь в своей искренности...

– Хорошо сказано, чародейка! – Шарро несколько раз одобрительно хлопнул в ладоши. – Никогда не забывай, что сказал тебе Лаллэдрин: «Нет ничего невозможного». Помни также и мою давнюю подсказку: «Если жизнь тебя бьет значит, она тебя любит». Твое будущее в твоих руках, Йона. И если ты очень постарайся, то сумеешь изменить свою судьбу, отмеренную тобой же, и вступишь в четвертый этап жизни – станешь Неугасимой Звездой Блентайра. Звездой его судьбы! Ведь каждый из нас обязательно получает то, чего заслуживает...

– А я получила одиночество! Неужели я как-то нарушила клятву, принесенную мною Неназываемым? – невесело усмехнулась я, увлеченная собственными мыслями. – И как же мне от него избавиться? – Я повернулась к Шарро, ожидая услышать его мудрый совет, но мой собеседник исчез так же бесшумно, как и появился. Вторая половина скамьи опустела. Я снова осталась ни с чем!..

Я сидела и размышляла, совершенно сбита с толку последними фразами бога. Я прекрасно понимала, что свое личное счастье нельзя подманить или купить, невозможно заполучить путем насилия или обмана. Лишь учитывая интересы и принципы других людей, мы обретаем счастье. Нежные чувства нельзя выпросить, выторговать или украсть – ведь счастливой становится только взаимная любовь. Дружба тоже бывает только непритворной, как и неподдельная ненависть врагов. Уважение приходит к нам добровольно, справедливость не признаёт подлога, а милосердие не прощает корысти и лицемерия. Вот и выходит, что ежедневная забота о счастье дорогих тебе людей и есть суть личного счастья. Это и есть моя судьба! И как же я раньше этого не понимала?

Я подняла глаза к небу и облегченно улыбнулась, благодаря жизнь за открывшуюся мне истину. Я чувствовала себя свободной и прозревшей! Теперь я знала точно: в каждом из нас спит неразбуженная звезда. А моя задача, мое предназначение и предначертание – идти по жизни, превращая каждого встреченного мною человека в счастливого носителя новорожденной звезды, пробуждая его душу, открывая его навстречу любви, добру и справедливости. Да, иногда мне будет очень тяжело и одиноко. Да, я рискую остаться непонятой и отвергнутой. Да, мой будущий путь труден и долог, но я никогда от него не

откажусь. Я навсегда останусь собой! Я уже никогда не сложу распахнутые за спиной крылья, не потушу звезду своей судьбы и не выберу себе иной доли. Ибо все это и есть счастье!

А раковина тихонько пела голосом Лорейны, утверждая мою веру в себя:

Корить себя совсем негоже,
Ты можешь запросто сгореть.
И отдых телу нужен тоже,
Пусть с запалом рвенье схоже,
Но невозможно все успеть.

Не искупить грехи чужие,
Иные мысли не понять,
Ведь люди нынче не такие,
Сплетают замыслы лихие,
Мечтая жизнь направить вспять.

Душа чего-то слезно просит,
Так почему я к ней глуха?
Меня по морю жизни носит,
Вот-вот на скалы горя бросит,
Не даст ни счастья, ни стиха.

Я губ мужчины не познала,
Я в чем-то вечно сирота,
К раздаче силы опоздала,
Не вижу смысла и финала,
К богам на небо не взята.

Удел мой, видимо, – дорога.
Чего ищу я на земле?
Бреду печальна, босонога,
Душой израненной убога,
Копаюсь в пепле и золе.

А нам нужна всего лишь малость —
Поверить в чудо и добро,
Тогда спадет с сердец усталость,
Мы вспомним, что такое жалость,
И крыльев вспыхнет серебро...

Мы этот дар купили кровью!
Кому отдать его – реши.
Ты одари весь мир любовью,
И не склоняясь к пустословью,
Зажги звезду своей души...

Эпилог

В Блентайре полновластно хозяйничала весна. Я сидела на берегу Алларики и

любовалась восходом Сола. Дневное светило медленно выползло из пуховой перины облаков, круглое и румяное, словно свежее испеченный блин. Помнится, когда-то я мечтала, что однажды приду в это место вместе с Арден, покажу ему ленивую мистерию рассвета и поведаю все свои мечты. Но не сложилось... А может, это и к лучшему?

Я рассеянно погладила лохматого щенка, лежащего рядом со мной. Пожалуй, я заберу его с собой, в тот новый дом, который намереваюсь устроить для себя в опустевшем «Приюте странников». И наконец придумаю щенку имя... Надеюсь, я не заскучаю в столь приятном обществе: верный пес и пара мантикор. Хотя нет, скоро их станет намного больше... Я запрокинула голову, наблюдая за Мифрил и Рагни, непринужденно кружащими в небе.

«М-да, а моя воспитанница начинает терять свою всегдашнюю грацию!» – обрадованно отметила я, наблюдая за заметно отяжелевшей Мифрил, чья фигура раздалась и округлилась. Вон как у них с Рагни все удачно сложилось: мир, полное взаимопонимание и любовь. В недалеком будущем у них появится потомство. И я уверена, что сумею найти среди молодых Полночных эльфов немало тех, в ком течет кровь Повелителей мантикор. И тогда мы обязательно возродим третий эльфийский клан. Не верю я, что родовая память о мантикорах проснулась только в Ардене. Безусловно, найдутся и другие, похожие на него... Тьма, и что же я все время об Ардене думаю?!..

Внезапно за моей спиной раздалось негромкое, деликатное покашливание. Щенок встревоженно зарычал, но тут же успокоился, приветливо замахав хвостом: признал своего. Я порывисто обернулась... В двух шагах от меня стоял Арден, смущенный и заложивший руку за спину так угловато, будто прятал какой-то сюрприз. Я ободряюще улыбнулась и поманила юношу к себе. Вот и славно, что он пришел, хоть попрощаемся по-человечески, без лишних церемоний и свидетелей.

Арден обрадованно кивнул, подошел и немного скованно присел рядом. Его лицо показалось мне опечаленным, и вместе с тем в глазах короля горело экзальтированное пламя некой таинственной, совершенно непонятной решимости.

– Красиво! – сказал Арден, намекая на Сол, величаво плывущий над линией горизонта. – Хочу тебе признаться, в детстве он ассоциировался в моем воображении с горячим ароматным блином. Так и хотелось его съесть!

Я весело фыркнула, удивленная его словами. Надо же, оказывается, наши мысли схожи! Чуть склонив голову на плечо, я исподтишка рассматривала своего собеседника. Мне казалось, что каждый день я открываю его заново... Глубину этих темных глаз, которые могли сверкать ярче звезд или же излучали острую душевную боль... Очертания тонких, сжатых в узкую полоску губ, на которых я все еще надеялась однажды увидеть открытую улыбку... Мягкость слегка растрепанных, доходящих до плеч волос красивого каштанового цвета. Следовало признаться самой себе, Арден так и остался для меня загадкой... И подозреваю, что возможность ее разгадать доставила бы мне величайшее удовольствие. Но не сложилось...

Прошло еще некоторое время, прежде чем я заметила: Арден уперся подбородком в подтянутое к груди колено и тоже наблюдает за мной. С неменьшим интересом. Кажется, острые кончики моих ушей немедленно порозовели, но я сумела преодолеть некстати нахлынувшее смущение и послала Ардену робкую улыбку. Юноша моргнул.

– Я рад, что ты больше на меня не сердишься, – тихонько произнес он.

– Сержусь? Но я... – Я запнулась на мгновение, а потом ответила со всей доступной мне откровенностью: – Прости, я наговорила столько ужасного в тот день, когда мы вдвоем отправились в Немеркнувший Купол. Сейчас я очень об этом сожалею, ибо не хочу уходить из Блентайра с обидой в душе и грузом несвободной совести, обремененной недоговоренностью...

– Уходить? – испуганно вздрогнул Арден. – Значит, слухи о твоём скором отбытии вовсе не сплетни, а правда... Ты нас бросаешь?

– Не бросаю! – спокойно парировала я. – Возможно, когда-нибудь мы встретимся

снова. — Я взглядом проследила за беззаботно резвящимися в небе Мифрил и Рагни, улыбнувшись собственным мыслям. «Когда-нибудь» означает отнюдь не конец жизни, а ее начало.

— Ты не жалеешь? — Арден все так же не отводил глаз от моего лица.

— О чем?

— О том, что отдала Джайлзу свою звезду и теперь уже никогда не станешь настоящей чародейкой?

— Я всего лишь перестала ею быть! — равнодушно пожала плечами я. — Когда-то магия являлась самой большой моей мечтой. Но я от нее отказалась... Думаю, это не слишком высокая цена за право остаться самой собой.

— А что, такая самостоятельность обязательно подразумевает одиночество и отшельничество? — с надрывом выкрикнул он, словно бросая вызов то ли мне, то ли своей судьбе.

— Просто я иду своим путем, а тебе предстоит пойти своим. — Я решила не реагировать на его бурный эмоциональный выплеск, хотя мое сердце вдруг учащенно забилося, надеясь на что-то несбыточное. — Какую жизненную дорогу ты выбрал?

— Я женюсь! — Арден с вызовом посмотрел мне в глаза. — На одной из дочерей короля Кантора.

— На Эвлое? — предположила я.

— Нет! — Он отрицательно покачал головой. — Я ее не люблю!

— На Эврате? — снова попыталась угадать я.

— Нет! — Его глаза смеялись. — Я ее не люблю!

— Но тогда на ком же? — всерьез запуталась я. — Они обе красавицы...

— Помнишь, не так давно, когда ты примеряла Венец Силы, я сказал: тебе нужна другая корона? — напомнил Арден. — Сегодня я принес тебе именно ту, обещанную... — Он извлек из-за спины ранее скрываемый предмет и протянул мне. Это оказалась изящная золотая диадема, украшенная звездой из бериллов, в точности повторяющих цвет моих глаз.

— Работа Туррана! — сразу же догадалась я.

— Да, — подтвердил король. — А камнями его снабдил твой Железный Дракон.

— Какое чудо... — Я повертела в руках диадему и внезапно обратила внимание на украшающий ее орнамент. Цепочка из повторяющихся изображений меча и звезды... Так это же... Это корона королевы Блентайра! — ахнула я. — И ты даришь ее мне?

— Дарю! — счастливо улыбнулся Арден. — Джайлз поведал мне всю правду: рассказал об Эвридике, о моем воскрешении, о твоей нерушимой клятве, данной умирающей королеве Эвнике. Йона, я восхищен твоим благородством и самопожертвованием! — Неожиданно он вскочил на ноги и опустился на одно колено. — Дорогая, я всегда любил, люблю и буду любить только одну тебя. Скажи, ты согласна стать моей женой? Согласна стать королевой Блентайра, его вечным талисманом, нашей Неугасимой Звездой?

Я молчала, изумленная и ошеломленная. Это что, всерьез?

— А как же твои грубые слова насчет моей глупости? — наконец нашлась я, хотя сказала все-таки не то, что хотела. — Когда ты притворялся — тогда или сейчас?

— Я никогда не считал тебя глупой, Йона. Честно. — Арден покраснел от стыда. — Я боялся за тебя и поэтому нес всякий вздор.

— Даже в приюте? — растерянно выпалила я. — Но...

— Тогда ты была другой. — Арден не выдержал и отвел взгляд. — Такой хрупкой, такой доброй... Иногда ты казалась мне пришельцем из другого мира. Я пытался понять тебя... но ничего не получалось. Я ужасно бесился из-за этого.

— А теперь? — робко спросила я.

— Я все так же далек от понимания, кто ты такая. Чудо, дар небес, наша судьба, спасение или наша совесть, — с подкупающей искренностью рассмеялся король. — Но перестал злиться... Я принял тебя такой, какая ты есть. Моя душа лежит на твоей ладони, она всегда там лежала! — Он смущенно улыбнулся. — Никудышное вышло извинение, да?

– Вовсе нет! – Я поколебалась мгновение, а потом взяла юношу за руку и почувствовала, как его пальцы медленно переплелись с моими. – Я очень тебя люблю, Арден! Знаешь, теперь я уже готова дать тебе ответ.

– Какой ответ? – Любимый непонимающе воззрился на меня. – На какой вопрос?

– На твой главный вопрос, – лукаво улыбнулась я. – Хотя ты, наверное, и не помнишь, как задавал его. Это произошло во сне.

– Во сне? – Он потрясенно вскрикнул. – Ты видела меня во сне?

По взбудораженному тону Ардена я поняла, как обрадовала его эта новость.

– Вообще-то там присутствовало много народу: Сильвана, Пиолина, Лаэгра... И все они испытывали меня на стойкость и искренность, но только на твой вопрос я не смогла дать ответа. Ты спрашивал, как можно ускорить приближение своего счастья.

– И... – Последние слова сильно взволновали Ардена – он до боли сжал мою кисть обеими руками, не смея встретиться со мной взглядом.

– Теперь я знаю, чтобы стать счастливым самому, нужно сначала сделать счастливыми других. И чем больше будет этих других, тем быстрее ты найдешь свое счастье.

– И значит... – настойчиво напомнил он.

– Я останусь с тобой, – чуть слышно шепнула я. – Навсегда! Попытаюсь сделать тебя счастливым...

И в этот момент исполнилась моя заветная мечта – лицо Ардена озарила самая неподдельная, широкая, радостная улыбка. Во всем мире не существовало более красивого человека, столь же бесконечно дорогого и важного для меня. Мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись, а король, все еще не выпуская мою руку, торжественно произнес:

– Клянусь, ты никогда не пожалеешь о своем выборе, звезда моя. Обещаю!

А затем мы просто сидели и чувствовали, как счастье наполняет наши лица удивительным светом, идущим из глубин чистых, любящих сердец. Мы понимали, философия жизни проста и справедлива. Нужно кого-то любить, чего-то ждать и что-то делать. Мир притих, не осмеливаясь нарушать гармонию момента. И лишь золотые лучи Сола безудержно пронизывали все вокруг, а соперничать с их сиянием могли только серебристые крылья, широко распахнутые за моей спиной.

Когда же горячие губы Ардена жадно приникли к моим устам, я ничуть не испугалась тех непередаваемых ощущений, которые наполнили все мое естество. Я просто раскрылась им навстречу и осознала, что рождена именно для них, что отныне должна мыслить и дышать только ими...

Ведь недаром даже магическое имя, избранное мною для себя, полностью определило новый, четвертый этап моей жизни...

И это имя было Любовь!

В книге использованы стихи автора.